g 88/213
2 3.

J 28
213

ЖИВОЕ СЛОВО

КНИГА ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ III

ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ III КЛАССА СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Составилъ
А. Я. Острогорскій.
Директоръ Тенишевскаго Училища въ С.-П. Б.

Съ оригинальными рисунками А. Аргамаковой, И. Билибина, А. Вестфаленъ, В. Замирайло, Д. Кардовскаго, Б. Кустодіева, Г. Нарбута, П. Филатова, М. Чемберсъ Билибиной и В. Чемберса и снимками съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ.

И. Билибинъ

9 88/213

ЖИВОЕ СЛОВО

КНИГА ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ III

ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ III КЛАССА СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Составилъ

А. Я. Острогорскій

Директоръ Тенишевскаго Училища въ С. П. Б.

Съ оригинальными рисунками

А. Аргамаковой, И. Билибина, А. Вестфаленъ, В. Замирайло, Д. Кардовскаго, Б. Кустодіева, Г. Нарбута, Р. О'Коннель, П. Филатова, М. Чемберсъ-Билибиной, В. Чемберса и С. Чехонина

и снимками съ картинъ

А. Берггольца, І. Бѧлыницкаго-Бирулѧ, А. Васнецова, В. Васнецова, К. Вроблевскаго, Н. Дубовского, С. Жуковскаго, Н. Загорскаго, И. Кабанова, В. Казанцева, Ѧ. Калиниченко, А. Киселева, М. Клодта, П. Ковалевскаго, И. Коровина, А. Куинджи, В. Максимова, В. Перова, В. Полѣнова, И. Прѧнишникова, И. Рѣпина, И. Шишкина и А. Едельфельда.

Первое изданіе.

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ БИБЛІОТЕКА

С.-Петербургъ.
Типографіѧ Тренке и Фюсно, Максимиліановскій, 13.
1909.

35

2015147605

Александръ Яковлевичъ Острогорскій умеръ 1 октября 1908 г. Не сознавая безнадежности своего положенія, онъ до послѣднихъ дней жизни отдавалъ свои силы третьей части „Живого Слова“. Приготовить книгу къ печати онъ однако не успѣлъ. Эту работу исполнилъ преподаватель Тенишевскаго Училища В. Р. Зоммеръ.

ЖИВОЕ СЛОВО.

Бабушкинъ садъ. *В. Д. Поленова.*

1. * * *

Стихотвореніе *А. Фета.*

Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою,—
полдневный зной сюда не проникалъ,
и тысячи висящихъ надо мною
качаются душистыхъ опахалъ,—

а тамъ, вдали, сверкаетъ воздухъ жгучій,
колеблясь, какъ будто дремлетъ онъ,—
такъ рѣзко-сухъ снотворный и трескучій
кузнечиковъ неугомонный звонъ.

За мглой вѣтвей синѣютъ неба своды,
какъ дымкою подернуты слегка,
и какъ мечты почіющей природы
волнистыя проходятъ облака.

*

2. * * *

Изъ романа *И. С. Тургенева* „Наканунѣ“.

... Подъ липой было прохладно и спокойно; залетавшія въ кругъ ея тѣни мухи и пчелы, казалось, жужжали тише; чистая мелкая трава изумруднаго цвѣта, безъ золотыхъ отливовъ, не колыхалась; высокіе стебельки стояли неподвижно, какъ очарованные; какъ мертвые, висѣли маленькіе гроздья желтыхъ цвѣтовъ на нижнихъ вѣткахъ липы. Сладкій запахъ съ каждымъ дыханіемъ втѣснялся въ самую глубь груди, но грудь имъ охотно дышала. Вдали, за рѣкой, до небосклона все сверкало, все горѣло; изрѣдка пробѣгалъ тамъ вѣтерокъ и дробилъ и усиливалъ сверканіе; лучистый паръ колебался надъ землей. Птицъ не было слышно: онѣ не поютъ въ часы зноя; но кузнечики трещали повсемѣстно, и пріятно было слушать этотъ горячій звукъ жизни, сидя въ прохладѣ, на покоѣ: онъ клонилъ ко сну и будилъ мечтанія.

Гроздь, гроздъ.—Вотъ мой ручей, мои посѣвы, изъ гроздей брызжетъ тутъ вино (Дельвигъ, „Моя хижина“). Втулки телѣжныхъ колесъ, цѣпляясь за верхушки придорожныхъ былинокъ, сбивали съ нихъ цѣлые гроздья тончайшихъ водяныхъ брызгъ (Тургеневъ, „Новь“).

*

3. Поѣздка на долгихъ.

Изъ повѣсти „Дѣтство и отрочество“ гр. *Л. Н. Толстого.*

Два экипажа поданы къ крыльцу: одинъ—карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и приказчикъ Яковъ на козлахъ; другой—бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей и недавно взятый лакей Василій.

Папа, который черезъ нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки стоитъ на крыльцѣ и креститъ окно кареты и бричку.

— Ну, Христосъ съ вами! Трогай!

Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шапки и крестятся. Но, но съ Богомъ! Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ, и березы большой аллеи одна за другою бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня.

Рѣдко провелъ я нѣсколько дней такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія: безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадныя чувства довольства настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано-рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бываютъ люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать, и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ,—по рѣшительному лицу Василія видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло, вскакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвшись какъ ракъ, раздуваетъ Митька-форейторъ; на дворѣ сыро и туманно, какъ будто паръ подымается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба и соломенныя крыши просторныхъ навѣсовъ, окружающихъ дворъ, глянцовитыя отъ росы, покрывающей ихъ. Подъ ними виднѣются наши лошади, привязанныя около кормягъ, и слышно ихъ мѣрное жеванье. Какая-нибудь лохматая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкою рысцою отправляется въ

другую сторону двора. Хлопотунья хозяйка отворяетъ скрипящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычанье и блеяніе стада, и перекидывается словечкомъ съ сонною сосѣдкой. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду, выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже полощутся проснувшіяся утки; и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное, съ окладистою бородой, лицо Филиппа и на толстыя жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ, мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движенье. Маша съ различными предметами чаще и чаще перебѣгаетъ мимо насъ; наконецъ, отворяется дверь, и насъ зовутъ пить чай.

Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выноситъ то то, то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрашиваетъ Марью Ивановну выѣзжать ранѣе. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садимся по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору вмѣсто сидѣнья, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено наканунѣ и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ орѣховый чайный ящикъ съ треугольной крышкой, который отдаютъ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обомнется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкою, дикою лентой вьется впереди, между полями засохшаго жнивья и блестящею росою зелени: кое-гдѣ, при дорогѣ, попадается угрюмая ракита или молодая березка съ мелкими, клейкими листьями, бросая длинную, неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колеи и мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсенъ жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ съѣденнаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать — признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постояломъ дворѣ; но, такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, забываю исполнить этотъ обрядъ, со мною случается какое-нибудь несчастье, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваюсь въ уголъ брички, читаю молитвы и крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду въ разсѣянности повторяю одни и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками; за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ, тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ одна за другою, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? Долго ли продолжится ихъ путешествіе, и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти?.. Вотъ коляска, четверкой, на почтовыхъ, быстро несется навстрѣчу. Двѣ секунды,—и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо-любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули, и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго и что ихъ никогда, можетъ быть, и не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя, косматыя лошади въ хомутахъ съ захлестнутыми за шлеи постромками, и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которой на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка чуть слышно побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой парень ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лицо и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что мнѣ кажется верхомъ счастья быть ямщикомъ, ѣздить обратнымъ и пѣть грустныя пѣсни.

Вотъ далеко за оврагомъ виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленой крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? Есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? Отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами?

Вотъ длинный обозъ огромныхъ возовъ, запряженныхъ тройками сытыхъ, толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать

стороною. „Что везете?“ — спрашиваетъ Василій у перваго извозчика, который, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально-безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ только тогда, когда его невозможно слышать. „Съ какимъ товаромъ?“ — обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго, подъ новою рогожей, лежитъ другой извозчикъ. Русая голова съ краснымъ лицомъ и рыжеватою бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно-презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается, — и мнѣ приходятъ мысли, что, вѣрно, эти извозчики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ?

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на кривыя цифры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно безпокоить меня, и я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовые столбы и на цифры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія насчетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію: „двѣнадцать верстъ составляетъ треть тридцати шести, а до Липецъ сорокъ одна, слѣдовательно — мы проѣхали одну треть и сколько?“ и т. д.

— „Василій“, говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ удить рыбу на козлахъ, „пусти меня на козлы, голубчикъ“. Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами: онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина — наши четыре лошади: Неручинская, Дьячокъ, лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ изученныя мною до малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ свойствъ каждой.

— Отчего это нынче Дьячокъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филиппъ? — нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячокъ?

— А Неручинская ничего не везетъ, — говорю я.

— Дьячка нельзя налѣво впрягать, — говоритъ Филиппъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе: — не такая лошадь, чтобы его на лѣвую пристяжку запрягать. Налѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобы, одно слово, была лошадь; а это не такая лошадь.

И Филиппъ съ этими словами нагибается на правую сторону

и, подергивая вожжой, изо всѣхъ силъ принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ, какимъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и, несмотря на то, что Дьячокъ старается изо всѣхъ силъ и воротитъ всю бричку, Филиппъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть неизвѣстно для чего свою шляпу на одинъ бокъ, хотя она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мнѣ поправить. Филиппъ даетъ мнѣ сначала одну вожжу, потомъ другую; наконецъ всѣ шесть вожжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него, хорошо ли? Но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною недоволенъ: говоритъ, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей груди и отнимаетъ у меня вожжи.

Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуваться, какъ мыльные пузыри, выше и выше, сходиться и принимаютъ темно-сѣрыя тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ: Василій, съ удивительною ловкостью, на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ ватрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы всѣ выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до мѣста, между тѣмъ какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ колеса, съ обѣихъ сторонъ руками поддерживаютъ карету,— какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отправляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣй. Иногда во время жара, проѣзжая черезъ рощу, мы отстаемъ отъ кареты, нарываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устраиваемъ въ бричкѣ бесѣдку.

Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ карету, и Любочка пищитъ при этомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ, что̀ она никогда не забываетъ дѣлать, при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать.

Вотъ уже запахло деревней — дымомъ, дегтемъ, баранками, послышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубенчики уже звенятъ не такъ, какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы, съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыя кое-гдѣ

просовывается лицо любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ однѣхъ рубашонкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро семеня въ пыли босыми ножонками, несмотря на угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами и жестами одинъ передъ другимъ стараются заманить проѣзжающихъ. Тпрру! Ворота скрипятъ, вальки цѣпляются за ворота, и мы въѣзжаемъ на дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

На долгихъ ѣздить — путешествовать на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, а не на перемѣнныхъ. Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй, въ каретахъ тяжко нагруженныхъ, на долгихъ иль на почтовыхъ тяните изъ заставъ градскихъ (Пушкинъ, „Евгеній Онѣгинъ“).

Бричка (польск.)—легкая полуоткрытая повозка. Въ ворота гостинницы въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка (Гоголь, „Мертвыя души“).

Форейторъ (нѣм.)—верховой на передней выносной лошади при запряжкѣ гусемъ или цугомъ.

Кормяга — выдолбленное корытомъ бревно; долбушка-ясли для корма скота; колода.

Бадья — ушатъ для подъема изъ колодцевъ и рудниковъ воды, земли, руды; лохань безъ ножекъ для стирки.

Дикій — сѣроватый. Домъ дикаго цвѣта.

Берёстовый, отъ сущ. **берёста** — верхній слой березовой коры.

На почтовыхъ ѣздить — на перемѣнныхъ, перекладныхъ лошадяхъ, везущихъ почту. *Не по почтѣ, поспѣешь.* **Почта** (нѣм.)—учрежденіе срочнаго сообщенія, а также для пересылки писемъ, вещей.

Обратный — обратный ямщикъ, ѣдущій домой порожнёмъ. По дорогѣ столбовой ѣдетъ парень молодой, ямщичокъ обратный; не спѣшитъ, труситъ слегка (Некрасовъ. Генералъ Топтыгинъ).

Онуча — подвертка на ногу. Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ, кряхтя, пожимаясь, идутъ мужики (Никитинъ. Обозъ).

Поярковый, отъ сущ. **поярокъ** — овечья шерсть первой стрижки.

Грядка — въ телѣгѣ двѣ продольныя жерди, грядки, образующія боковыя края кузова. Поликей въ дремотѣ сталъ стукаться головой о грядку (Л. Толстой. Поликушка).

Дворникъ — 1) содержатель постоялаго двора; 2) (старинн.) завѣдующій торговымъ подворьемъ, гостиннымъ дворомъ; 3) служитель при домѣ.

Валекъ — прикрѣпленный къ вагѣ брусокъ для привязыванія постромокъ къ запряжкѣ. **Вага** — прикрѣпленный къ переднему ходу каретъ и повозокъ поперечный брусъ.

❊

4. Дѣтство.

Стихотвореніе *Г. Мокринскаго.*

Мнѣ дѣтство вспомнилось, не знаю почему-то...

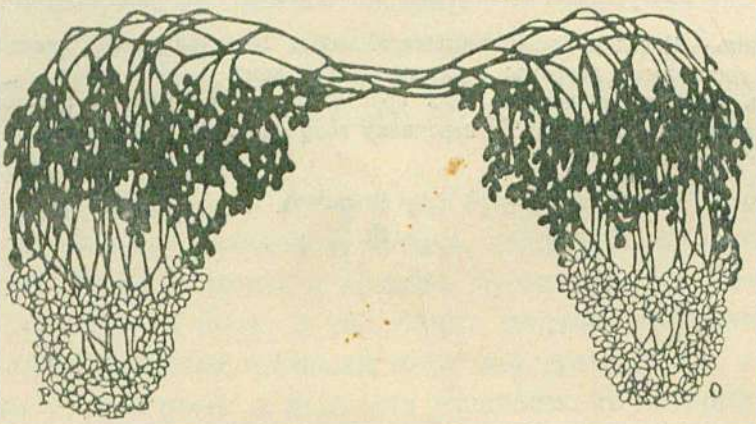
Густой и темный садъ. За нимъ старинный домъ съ террасой и крыльцомъ; и лѣстница такъ круто спускается къ пруду. Раскинулись кругомъ курчавые дубы, высокія березы и шепчутъ въ тишинѣ, маня въ густую тѣнь... А дальше цвѣтники; вездѣ пестрѣютъ розы, повисла на кустахъ душистая сирень...

Ушелъ я въ садъ. Кругомъ такъ тихо и беззвучно, ничто не шелохнётъ задумчивой листвой, лишь дятелъ поднялъ стукъ свой мѣрно однозвучный, да изрѣдка грачи кричатъ надъ головой. Лежу я на травѣ—и небо голубое глядитъ такъ ласково и ясно на меня. Вонъ облачко прошло, а вслѣдъ за нимъ другое— и потянулась вдаль ихъ цѣлая семья.

А солнце такъ печетъ. И, зноемъ утомленный, не двигаясь лежу въ какомъ-то полуснѣ и музыкѣ ручья волшебно отдаленной съ отрадой тайною внимаю въ тишинѣ...

Терраса — земляная насыпь съ площадкой; просторный открытый балконъ, каменный и деревянный.

Шелохнуть — шевелить, колыхать, колебать, волновать, трогать. Не шелохнется, стоитъ недвижно. Не шелохнетъ лѣсъ и боръ (Державинъ). Рыба шелохнулась, тронулась. Птица шелохнулась, всполошилась.



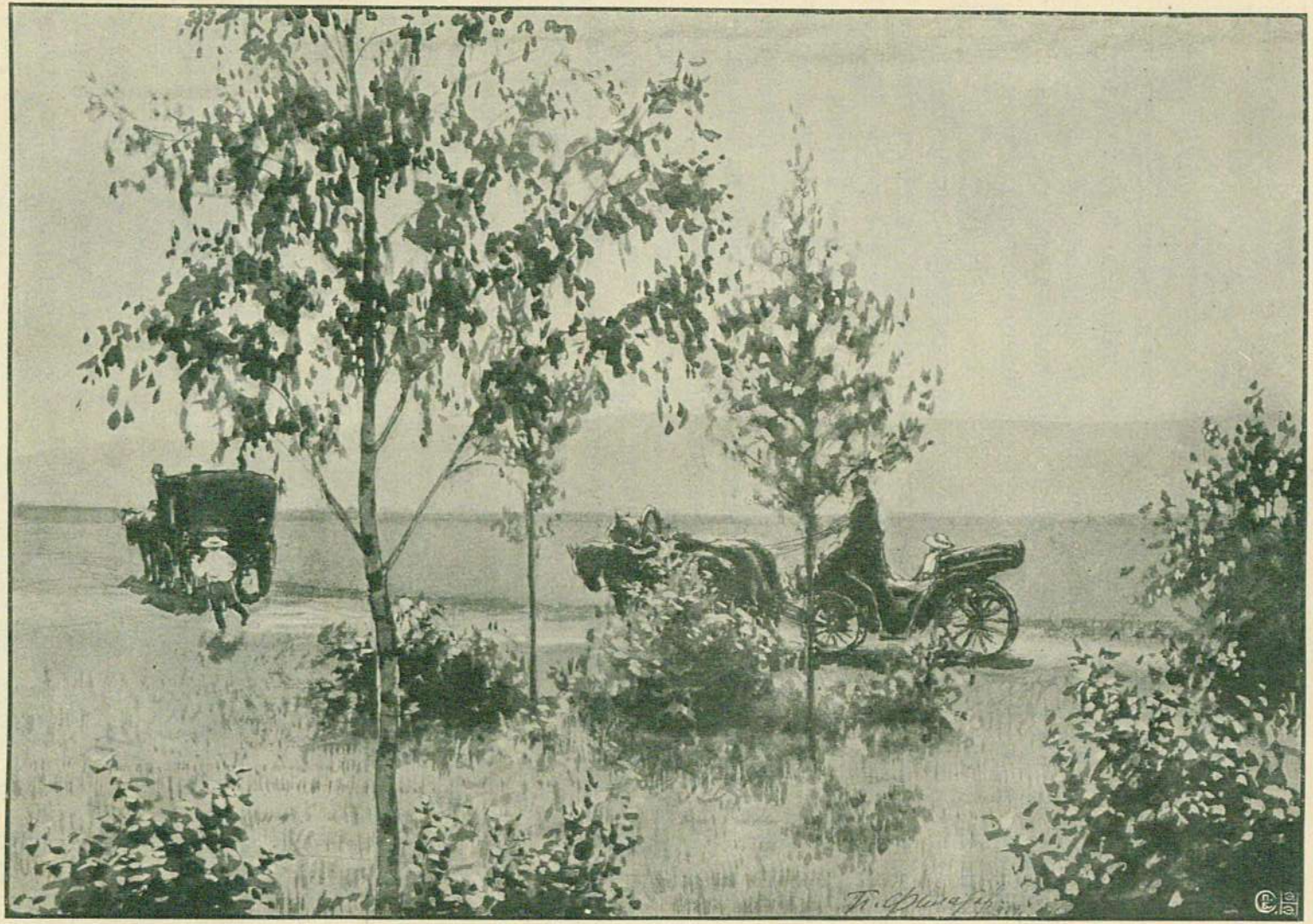
5. Гроза.

Изъ повѣсти „Дѣтство и отрочество“ гр. *Л. Н. Толстого.*

Солнце склонялось къ западу и косыми, жаркими лучами невыносимо жгло мнѣ шею и щеки; невозможно было дотронуться до раскаленныхъ краевъ брички; густая пыль поднималась на дорогѣ и наполняла воздухъ. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, который бы относилъ ее.

Впереди насъ на одинаковомъ разстояніи мѣрно покачивался высокій, запыленный кузовъ кареты, изъ-за котораго виднѣлся изрѣдка кнутъ, которымъ помахивалъ кучеръ, его шляпа и фуражка Якова. Я не зналъ, куда дѣваться: ни черное отъ пыли лицо Володи, дремавшаго возлѣ меня, ни движеніе спины Филиппа, ни длинная тѣнь нашей брички, подъ косымъ угломъ бѣжавшая за нами, не доставляли мнѣ развлеченія. Все мое вниманіе было обращено на верстовые столбы, которые я замѣчалъ издалека, и на облака, прежде разсыпанныя по небосклону, которыя, принявъ зловѣщія, черныя тѣни, теперь собирались въ одну большую мрачную тучу. Изрѣдка погромыхивалъ дальній громъ. Это послѣднее обстоятельство болѣе всего усиливало мое нетерпѣніе скорѣе пріѣхать на постоялый дворъ. Гроза наводила на меня невыразимо тяжелое чувство тоски и страха.

До ближайшей деревни оставалось еще верстъ десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся Богъ-знаетъ откуда, безъ малѣйшаго вѣтра, но быстро подвигалась къ намъ. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освѣщаетъ ея мрачную фигуру и сѣрыя полосы, которыя отъ нея идутъ до самаго горизонта. Изрѣдка вдалекѣ вспыхиваетъ молнія и слышится слабый гулъ, постепенно усиливающійся, приближающійся и переходящій въ прерывистые раскаты, обнимающіе весь небосклонъ. Василій приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички; кучера надѣваютъ армяки и при каждомъ ударѣ грома снимаютъ шапки и крестятся; лошади настораживаютъ уши, раздуваютъ ноздри, какъ будто принюхиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ. Мнѣ становится жутко, и я чувствую, какъ кровь быстрѣе обращается въ моихъ жилахъ. Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце, вотъ оно выглянуло въ послѣдній разъ, освѣтило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрест-



ность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ. Вотъ задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бѣло-мутнаго цвѣта, ярко выдающагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ березъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу. Стрижи и бѣлогрудыя ласточки, какъ будто съ намѣреніемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самой грудью лошадей; галки съ растрепанными крыльями какъ-то бокомъ летаютъ по вѣтру; края кожанаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропускать къ намъ порывы влажнаго вѣтра и, размахиваясь, биться о кузовъ брички.

Молнія вспыхиваетъ какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣніе и на одно мгновеніе освѣщаетъ сѣрое сукно, басонъ и прижавшуюся въ углу фигуру Володи. Въ ту же секунду надъ самой головой раздается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линіи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе.

Гнѣвъ Божій! Какъ много поэзіи въ этой простонародной мысли!

Колеса вертятся скорѣе и скорѣе; по спинамъ Василія и Филиппа, который нетерпѣливо помахиваетъ вожжами, я замѣчаю, что и они боятся. Бричка шибко катится подъ гору и стучитъ по дощатому мосту; я боюсь пошевелиться и съ минуты на минуту ожидаю нашей общей погибели.

Тпру! оторвался валекъ, и на мосту, несмотря на безпрерывные, оглушительные удары, мы принуждены остановиться. Прислонивъ голову къ краю брички, я съ захватывающимъ дыханіе замираніемъ сердца безнадежно слѣжу за движеніемъ толстыхъ, черныхъ пальцевъ Филиппа, который медленно захлестываетъ петлю и выравниваетъ постромки, толкая пристяжную и ладонью и кнутовищемъ.

Но только что мы трогаемся, ослѣпительная молнія, мгновенно наполняя огненнымъ свѣтомъ всю лощину, заставляетъ лошадей остановиться и сопровождается такимъ оглушительнымъ трескомъ грома, что, кажется, весь сводъ небесъ рушится надъ нами. Вѣтеръ еще усиливается: гривы и хвосты лошадей, шинель Василія и края фартука принимаютъ одно направленіе и отчаянно развѣваются отъ порывовъ неистоваго вѣтра. На кожаный верхъ брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдругъ какъ будто кто забарабанилъ надъ нами, и вся окрестность огласилась равномѣрнымъ шумомъ падающаго дождя. По движенію локтей Василія я за-

мѣчаю, что онъ развязываетъ кошелекъ; нищій, продолжая креститься и кланяться, бѣжитъ подлѣ самыхъ колесъ, такъ что того и гляди раздавятъ его. „Подай Христа ради“. Наконецъ, мѣдный грошъ летитъ мимо насъ, и жалкое созданіе, въ обтянувшемъ его худые члены, промокшемъ до нитки рубищѣ, качаясь отъ вѣтра, въ недоумѣніи останавливается посреди дороги и исчезаетъ изъ моихъ глазъ.

Косой дождь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, лилъ какъ изъ ведра; съ фризовой спины Василія текли потоки въ лужу мутной воды, образовавшейся на фартукѣ. Сначала сбитая катышками пыль превратилась въ жидкую грязь, которую мѣсили колеса, толчки стали меньше, и по глинистымъ колеямъ потекли мутные ручьи. Молнія свѣтила шире и блѣднѣе, и раскаты грома уже были не такъ поразительны за равномѣрнымъ шумомъ дождя.

Но вотъ дождь становится мельче; туча начинаетъ раздѣляться на волнистыя облака, свѣтлѣетъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должно быть солнце, и сквозь сѣровато-бѣлые края тучи чуть виднѣется клочокъ ясной лазури. Черезъ минуту робкій лучъ солнца уже блеститъ въ лужахъ дороги, на полосахъ падающаго, какъ сквозь сито, мелкаго прямого дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы.

Черная туча такъ же грозно застигаетъ противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ее. Я испытываю невыразимо отрадное чувство надежды жизни, быстро замѣняющее во мнѣ тяжелое чувство страха.

Душа моя улыбается такъ же, какъ и освѣженная повеселѣвшая природа. Василій откидываетъ воротникъ шинели, снимаетъ фуражку и отряхиваетъ ее; Володя откидываетъ фартукъ; я высовываюсь изъ брички и жадно впиваю въ себя освѣженный, душистый воздухъ. Блестящій, обмытый кузовъ кареты съ важами и чемоданами покачивается передъ нами; спины лошадей, шлеи, вожжи, шины колесъ — все мокро и блеститъ на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Съ одной стороны дороги — необозримое озимое поле, кое-гдѣ перерѣзанное неглубокими овражками, блеститъ мокрой землей и зеленью и разстилается тѣнистымъ ковромъ до самаго горизонта; съ другой стороны — осиновая роща, поросшая орѣховымъ и черемушнымъ подсѣдомъ, какъ бы въ избыткѣ счастья стоитъ, не шелохнется и медленно роняетъ съ своихъ обмытыхъ вѣтвей свѣтлыя капли дождя на сухіе прошлогодніе листья. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселой пѣснью и быстро падаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопот-

ливое движеніе маленькихъ птичекъ, и изъ середины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки.

Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса послѣ весенней грозы, запахъ березы, фіалки, прѣлаго листа, сморчковъ, черемухи, что я не могу усидѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ подножки, бѣгу къ кустамъ и, несмотря на то, что меня осыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрыя вѣтви распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ. Не обращая даже вниманія на то, что къ сапогамъ моимъ липнутъ огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бѣгу къ окну кареты.

— Любочка! Катенька! — кричу я, подавая туда нѣсколько вѣтокъ черемухи. — Посмотри, какъ хорошо.

Дѣвочки пищатъ, ахаютъ; Мими кричитъ, чтобы я ушелъ, а то меня непремѣнно раздавятъ.

— Да ты понюхай, какъ пахнетъ! — кричу я.

Рѣять, ринуть — плавно летѣть, быстро нестись, парить. Надъ Божьимъ храмомъ рѣютъ птицы (Некрасовъ, „Несчастные“).

Замираніе — постепенное ослабленіе, временная потеря чувствъ и сознанія. Я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца (Л. Толстой, „Дѣтство и отрочество“). Съ какимъ сердечнымъ замираніемъ она его ожидала (Тургеневъ, „Наканунѣ“). Мерцаніе звѣздъ, соловья замираніе, шумящіе листья въ окно (Апухтинъ, „Изъ весеннихъ пѣсенъ“).

Захватывать — 1) духъ, дыханіе вслѣдствіе душевнаго волненія или внѣшнихъ причинъ. Бѣшенство захватило ему дыханіе (Тургеневъ, „Записки охотника“); 2) душевно возбуждать. Чтеніе уже не захватывало его глубоко и утомляло (Чеховъ, „Палата № 6“). Илью снова захватилъ этотъ вопросъ (Горькій, „Трое“).

Захлестывать — 1) перекидывать, обвивать, запутывать. Захлестнуть петлю, набросить петлю. Ты захлестнуть захлестнулъ узелъ, да не затянулъ (Даль, „Повѣсти“); 2) окачивать водой. Захлестнутъ былъ я невскою водою (Некрасовъ, „Мать“).

Фризовый, отъ сущ. **фризъ** — толстая, ворсистая байка.

Лазурь — густой, ярко голубой, небесный цвѣтъ; небо. Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя испещрены лазурью васильковъ (А. Толстой). Утромъ въ путь она умчалась рано, по лазури весело играя (Лермонтовъ, „Утесъ“).

Важъ, ва̀жа — плоскій кожаный или деревянный сундукъ на крышѣ дорожной кареты. Мѣрно покачивался высокій запыленный кузовъ кареты съ важами (Л. Толстой, „Дѣтство и отрочество“).

Озимый — хлѣбъ, сѣемый по осени на зиму (рожь, озимая пшеница).

Подсѣдъ — 1) поросль, молодой лѣсъ, молоднякъ; 2) всходы озими подъ снѣгомъ.

Обаятельный — очаровательный, волшебный; гл. **баять**, говорить, заговаривать, ворожить; **обаять, обаивать**, обольщать краснобайствомъ. Обаятельный голосъ.

6. * * *

Стихотвореніе *А. Н. Апухтина.*

О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта,
какая тишина!
Всю ночь я просидѣть готовъ бы до разсвѣта
у этого окна.
Какой-то темный ликъ мелькаетъ по аллеѣ,
и воздухъ недвижимъ,
и кажется, что тамъ еще, еще темнѣе
за садомъ молодымъ.
Ужъ поздно... Все сильнѣй цвѣтовъ благоуханье,
сейчасъ взойдетъ луна...
На небесахъ покой, а на землѣ молчанье
и всюду тишина.

*

7. Ночь.

Изъ повѣсти *И. С. Тургенева* „Три встрѣчи".

Однажды я какъ-то долго замѣшкался въ полѣ; дичи попалось порядочно, да и день вышелъ такой для охоты хорошій — съ самаго утра тихій, сѣрый, словно весь проникнутый вечеромъ. Я забрелъ далеко, и уже не только совершенно стемнѣло, но луна взошла, а ночь, какъ говорится, стала на небѣ, когда я достигъ знакомой усадьбы. Мнѣ пришлось идти вдоль сада... Кругомъ была такая тишина...

Я перешелъ черезъ широкую дорогу, осторожно пробрался сквозь запыленую крапиву и прислонился къ низкому плетню. Неподвижно лежалъ передо мною небольшой садъ, весь озаренный и какъ бы успокоенный серебристыми лучами луны,— весь благовонный и влажный; разбитый по старинному, онъ состоялъ изъ одной продолговатой поляны. Прямыя дорожки сходились на самой ея серединѣ въ круглую клумбу, густо заросшую астрами; высокія липы окружали ее ровной каймой. Въ одномъ только мѣстѣ прерывалась эта кайма сажени на двѣ, и сквозь отверстіе виднѣлась часть низенькаго дома съ двумя, къ удивленію моему, освѣщенными окнами. Молодыя яблони кое-гдѣ возвышались надъ поляной; сквозь ихъ жидкія вѣтви кротко синѣло ночное небо, лился дремотный свѣтъ луны; передъ каждой яблоней лежала на бѣлѣющей травѣ ея слабая пестрая тѣнь. Съ одной сто-

роны сада липы смутно зеленѣли, облитыя неподвижнымъ блѣдно-яркимъ свѣтомъ; съ другой — онѣ стояли всѣ черныя и непрозрачныя; странный, сдержанный шорохъ возникалъ по временамъ въ ихъ сплошной листвѣ; онѣ какъ будто звали на пропадавшія подъ ними дорожки, какъ будто манили подъ свою густую сѣнь. Все небо было испещрено звѣздами, таинственно струилось съ вышины ихъ голубое, мягкое мерцанье; онѣ, казалось, съ тихимъ вниманіемъ глядѣли на далекую землю. Малыя, тонкія облака, изрѣдка налетая на луну, превращали на мгновеніе ея спокойное сіяніе въ неясный, но свѣтлый туманъ... Все дремало. Воздухъ, весь теплый, весь пахучій, даже не колыхался; онъ только изрѣдка дрожалъ, какъ дрожитъ вода, возмущенная паденіемъ вѣтки... Какая-то жажда чувствовалась въ немъ, какое-то млѣніе... Я нагнулся черезъ плетень: передо мной красный полевой макъ поднималъ изъ заглохшей травы свой прямой стебелекъ; большая круглая капля ночной росы блестѣла темнымъ блескомъ на днѣ раскрытаго цвѣтка. Все дремало, все нѣжилось вокругъ, все какъ будто глядѣло вверхъ, вытянувшись, не шевелясь и выжидая... Чего ждала эта теплая, эта незаснувшая ночь?

Звука ждала она; живого голоса ждала эта чуткая тишина — но все молчало. Соловьи давно перестали пѣть... а внезапное гудѣніе мимолетнаго жука, легкое чмоканье мелкой рыбы въ сажалкѣ за липами на концѣ сада, сонливый свистъ встрепенувшейся птички, далекій крикъ въ полѣ,—до того далекій, что ухо не могло различить, человѣкъ ли то прокричалъ, или звѣрь, или птица, — короткій, быстрый топотъ по дорогѣ: всѣ эти слабые звуки, эти шелесты только усугубляли тишину... Сердце во мнѣ томилось неизъяснимымъ чувствомъ, похожимъ не то на ожиданіе, не то на воспоминаніе счастья, я не смѣлъ шевельнуться, я стоялъ неподвижно передъ этимъ неподвижнымъ садомъ, облитымъ и луннымъ свѣтомъ, и росой, и, не знаю самъ почему, неотступно глядѣлъ на тѣ два окна, тускло краснѣвшія въ мягкой полутѣни, какъ вдругъ раздался въ домѣ аккордъ, — раздался и прокатился волною... Раздражительно-звонкій воздухъ отгрянулъ эхомъ... Я невольно вздрогнулъ.

Сажалка — запруда, рыбный садокъ.

Аккордъ (итал.) — Садился онъ за клавикорды и бралъ на нихъ одни аккорды (Пушкинъ, „Евг. Онѣгинъ“).

Усугублять что — удвоять, увеличивать, усиливать вдвое. Усугублять вниманіе.

Млѣть — мечтательно забываться, изнемогать въ нѣгѣ, замирать. Сердце изомлѣло тоской. Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ, хотятъ въ росѣ понѣжиться поля (Фетъ).

8. Ночь.

Стихотвореніе *А. Н. Плещеева.*

Ночь пролетала надъ міромъ,
сны на людей навѣвая;
съ темно-лазуревой ризы
сыпались звѣзды, сверкая.

Радостно волны журчали,
образъ ея отражая;
рожь наклонялась, сильнѣе
пахла трава луговая.

Старые мощные дубы,
вѣчно зеленыя ели,
грустныя ивы листвою
ночи навстрѣчу шумѣли.

Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
и соловьиныя трели,
въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
въ воздухѣ тихомъ звенѣли,

и улыбалася кротко
ночь, надъ землей пролетая...
Съ темно-лазуревой ризы
сыпались звѣзды, сверкая.

Навѣвать — навѣять, наносить вѣтромъ; со стороны наносить. Мятель навѣяла снѣгу. Вѣтеръ навѣваетъ, вѣетъ, подуваетъ слегка.

Риза — верхняя одежда, облаченіе священника; также окладъ на иконахъ. Икону въ ризѣ дорогой, въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой, повѣсилъ въ каждомъ онъ углу (Лермонтовъ).

*

9. Усадьба.

Изъ повѣсти *Тургенева* „Бригадиръ".

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская Украйна?

Теперь онѣ попадаются рѣдко, а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, исчезнутъ безслѣдно. Проточный прудъ, заросшій лознякомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ утокъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный „чирокъ"; за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ черноземныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами „испанской" земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, уже непремѣнно мелькнетъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки, и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохенькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца; дальше — кудрявыя яблони надъ высокой, снизу зеленой, кверху сѣдой травою, жидкія вишни, груши,

Усадьба. *К. К. Вроблевскаго.*

на которыхъ никогда не бываетъ плода; потомъ клумбы съ цвѣтами — макомъ, піонами, анютиными глазками, крыжантами, „дѣвицей въ зелени“, кусты татарской жимолости, дикаго жасмину, сирени и акаціи, съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаньемъ въ густыхъ, пахучихъ, гибкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ, одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамахъ, съ покатой, нѣкогда крашеной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшинообразныя перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивой, полынью и лопухами по угламъ, службы, съ захватанными дверями, съ голубями и галками на пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ, погребокъ съ заржавѣлымъ флюгеромъ, двѣ-три березы съ грачиными гнѣздами на голыхъ верхнихъ сучьяхъ, — а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ, и поле, и длинные плетни конопляниковъ, и сѣренькія избушки деревни, и крики гусей съ отдаленныхъ, заливныхъ луговъ...

Знакомо ли тебѣ все это, читатель? Въ самомъ домѣ все немножко на бокъ, немножко расшаталось—а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи, что твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей по крашенымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ; въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни; въ гостинной портреты хозяевъ, написанные масляными красками, съ выраженіемъ суроваго испуга на кирпичнаго цвѣта лицахъ, а иногда и старая покоробленная картина, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнетъ кваскомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ, бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы... Ничего! жить можно — и даже очень недурно можно жить.

Прикорнуть — прилечь на короткое время; прилечь свернувшись, скорчась.

Чирокъ — дикая утка.

Службы — хозяйственныя постройки: кухня, людскія, конюшни, сараи и т. п.

Мезонинъ — надстрой, вышка, полуэтажъ. Дача съ мезониномъ (Чеховъ).

Миѳологическій, отъ сущ. **миѳъ** — древнее народное сказаніе о происхожденіи вселенной, о богахъ, сказочныхъ герояхъ.

Сюжетъ — содержаніе литературнаго, вообще художественнаго произведенія.

Олифа—льняное или конопляное вареное масло для краски. Кровельное желѣзо олифится, чтобы не ржавѣло.

Заливной — 1) заливной лугъ, поемный лугъ, при половодьяхъ затопляемый водой, заливное сѣно съ поемныхъ луговъ; 2) заливной дождь, проливной дождь, заливная труба, пожарная труба; 3) Ребята удалые, гусляры молодые, голоса заливные (Лермонтовъ); 4) заливное (кушанье), студень.

10. Антонъ-горемыка.

Изъ повѣсти *Д. В. Григоровича* „Антонъ-Горемыка“

Въ самой глухой, отдаленной чащѣ „троскинскаго“ осинника работалъ мужикъ: онъ держалъ обѣими руками топоръ и рубилъ съ плеча высокіе кусты хвороста, глушившіе въ этомъ мѣстѣ лѣсъ непроходимою засѣкой. Наступала пора зимняя, холодная; мужикъ припасалъ топливо. Шагахъ въ пяти отъ него стояла высокая телѣга, припряженная къ сытенькой пѣгой клячонкѣ; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья деревъ, виднѣлся полунагой мальчишка, карабкавшійся на вершину старой осины, увѣнчанную галочьими гнѣздами. Судя по опавшему лицу мужика, сгорбившейся спинѣ и потухшимъ сѣрымъ глазамъ, смѣло можно было дать ему 50 или даже 55 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ ростомъ, бѣденъ грудью, сухощавъ, съ рѣдкою блѣдно-желтою бородою, въ которой нерѣдко проглядывала сѣдина, и такими же волосами. Одежда на немъ соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе его наружности: все было до крайности дрябло и ветхо, отъ низенькой мѣховой шапки до коротенькаго овчиннаго полушубка, подпоясаннаго лыковой тесьмою. Стужа была сильная; несмотря на то, потъ обильными ручьями катился по лицу мужика; работа, казалось, приходилась ему по сердцу.

Кругомъ въ лѣсу царствовала тишина мертвая; на всемъ лежала печать глубокой, суровой осени: листья съ деревъ попадали и влажными грудами устилали застывавшую землю; всюду чернѣлись голые стволы деревъ, мѣстами выглядывали изъ-за нихъ красноватые кусты вербы и жимолости. Въ сторонѣ—яма съ стоячею водою покрывалась изумрудною плѣсенью: по ней уже не скользилъ водяной паукъ, не отдавалось кваканья зеленой лягушки; торчали одни лишь мшистые сучья, облѣпленные слизистою тиной, и гнилой, недавно свалившійся стволъ березы, перепутанный поблекшимъ лопушникомъ и длинными косматыми травами. Вдалекѣ—ни птичьяго голоска, ни пѣсни возвращающагося съ пашни батрака, ни блеянія пасущагося на пару стада; кромѣ однообразнаго стука топора нашего мужичка ничто не возмущало спокойствія печальнаго лѣса.

... Время отъ времени за лѣсомъ подымался пронзительный вой вѣтра; онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, гудѣлъ въ глубокихъ колеяхъ проселка, подымалъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ попадавшимися навстрѣчу галками и, взметнувшись, наконецъ, яростнымъ, шипящимъ вихремъ, ударялъ въ тощую грудь осинника... И мужикъ прерывалъ тогда работу. Онъ опускалъ топоръ и обращался къ мальчику, сидѣвшему на осинѣ:

— Эй, Ванюшка! ишь куда забрался! того и гляди вѣтромъ снесетъ, ступай на-земь!..

— Незамай, дядя Антонъ,— откликался парнишка,— небось, не снесетъ!

Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу. Такъ повторялось неоднократно, пока, наконецъ, возъ не наполнился доверху хворостомъ. Вниманіе мужика исключительно обратилось тогда къ племяннику; его упорное неповиновеніе какъ бы впервые пришло ему въ голову, и онъ не на шутку разсердился.

— Ахъ ты, баловень!— закричалъ онъ, стукая обухомъ топора въ осину,— долго ли говорить тебѣ? Слѣзай! Вотъ я-те, озорника, поартачишься у меня, погоди!..

— А вотъ же не слѣзу, коли такъ,— отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь все выше и выше.

— Не слѣзешь?.. Ладно же, оставайся одинъ въ лѣсу, пусть тебя ѣдятъ волки!..

Угроза, казалось, подѣйствовала на ребенка; онъ обхватилъ ручонками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься на-земь при первой попыткѣ дяди исполнить обѣщаніе.

— А бить станешь?— вымолвилъ онъ, наклонивъ изъ-за вѣтки кудрявую свою головку и глядя пристально на дядю.

— Ну, ну, слѣзай, знай слѣзай...

— Взаправду, не станешь?..

— Говорятъ, не стану, ступай скорѣй!

Ванюшка спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ.

— И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?

— Ладно, ладно, ступай только.

— Не обманешь?

— Экой пострѣлъ, прости Господи! говорю, посажу,— чего еще?

В. Замирайло

Послѣднее обстоятельство окончательно успокоило парнишку; съ быстротою и ловкостью бѣлки проскользнулъ онъ между верхними сучьями и въ одно мгновеніе ока очутился на землѣ подлѣ дяди.

Вскорѣ возъ, навьюченный красноватымъ и сизымъ хворостомъ, медленно выѣзжалъ изъ лѣсу, скрипя и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ бы изловчаясь сбросить съ себя при первомъ косогорѣ лишнюю тяжесть. Ванюшка сидѣлъ верхомъ на пѣгашкѣ; онъ былъ вполнѣ счастливъ. Русыя его кудряшки, развѣваясь по вѣтру, открывали поминутно круглое свѣжее личико, сіяющее восторгомъ. Антонъ шелъ подлѣ, запустивъ одну руку за пазуху, другой упираясь въ оглоблю. Проколесивши добрый часъ по глинистымъ кочковатымъ полямъ, стлавшимся за лѣсомъ, путники наши выѣхали наконецъ на проселокъ и немного погодя услышали отдаленный шумъ мельницы. Возъ приближался къ „троскинской“ лощинѣ. Незамѣтная издалека и терявшаяся въ волнистыхъ линіяхъ мѣстности, лощина эта принимала вблизи довольно широкіе размѣры: на днѣ ея, поросшемъ конятникомъ и ветельникомъ, заваленномъ плитнякомъ и громадными угловатыми каменьями, шумѣла и пѣнилась рѣка; вмѣсто моста, черезъ нее перекидывалась узкая плотина, упиравшаяся однимъ концомъ въ старую водяную мельницу. Съ той стороны, откуда приближалась телѣга, мельница освобождалась совершенно отъ ветлъ, ограждавшихъ ее съ другихъ трехъ частей, такъ что амбары, клѣти, дворъ, толчея, навѣсы виднѣлись какъ на ладони. Шлюзы были опущены; всѣ три постава работали безъ устали; главное зданіе, обдаваемое съ одного бока бѣлою шипящею пѣной, тряслось словно въ лихорадкѣ; мука, покрывавшая его кровлю, сыпалась въ воду и крутилась въ воздухѣ. Гулъ былъ страшный. Прежде, чѣмъ спуститься съ уступистой кручи на берегъ, Антонъ остановилъ лошадь и указалъ племяннику на мельницу.

— Поглядь-кась, Ваня, не видать ли гдѣ мельника?

— Нѣтъ, дядя Антонъ, нѣту... а кто-то стоитъ... вонъ въ бѣлой-то рубахѣ... вонъ, вонъ руками-то размахиваетъ!..

— Ладно, не будь только онъ; того и смотри, съ ярманки вернется, встрѣнется да денегъ станетъ просить, бѣда! охъ-хо, хо! Ну, Ванюха, трогай, да смотри, не больно круто спущай!..

Миновавъ благополучно шаткую плотину, пѣгашка взнесла возъ на противоположный берегъ, поднялась на косогоръ и пріостановилась; она вздохнула свободнѣе и замотала хвостомъ, что дѣлала обыкновенно, когда была довольна. Дорога опять пошла ровная и гладкая. Когда соломенная кровля мельницы съ осѣнявшими ее скворешницею

и ветлами скрылась за горою, передъ глазами нашихъ мужичковъ снова открылась необозримая гладь полей, мѣстами окутанная длинными полосами тумана, мѣстами сливающаяся съ осеннимъ облачнымъ небомъ, и снова ни былинки, ни живого голоса, одна мертвая дорога потянулась передъ ними. Наконецъ, вправо началъ показываться господскій домъ, ближе—и вотъ онъ весь выглянулъ словно изъ земли. Все въ немъ обозначало не только отсутствіе хозяина, но даже давнее запустѣніе: ставни заколочены наглухо; нѣкоторые изъ нихъ, сорванные вѣтромъ, качались на одной петлѣ или валялись подлѣ треснувшаго и обвалившагося основанія; краска на кровлѣ, смытая кое-гдѣ дождемъ, обнаруживала гниль и червоточину; стекла въ покосившейся вышкѣ почти всѣ были выбиты; обветшалая наружность этого зданія или, лучше сказать, этой развалины, облѣплялась повсюду неровными рядами ласточьихъ гнѣздъ; они виднѣлись въ темныхъ углахъ, вдоль жолоба, подъ карнизами. Казалось, однѣ ласточки не покидали стараго барскаго дома и оживляли его своимъ временнымъ присутствіемъ, когда темныя купы акацій и липъ, окружавшія домъ, покрывались густою зеленью; въ палисадникѣ передъ балкономъ алѣли макъ, піонъ, и сквозь глушившую ихъ траву высовывала длинную верхушку свою стройная мальва. Богъ вѣсть какимъ-то страннымъ случаемъ сохранившаяся посреди всеобщаго запустѣнія; но теперь даже и ласточекъ не было; домъ глядѣлъ печально и уныло изъ-за черныхъ безлиственныхъ деревъ, поблекшихъ кустарниковъ и травы, прибитой послѣдними ливнями къ сырой землѣ дорожекъ.

Проходя мимо, Антонъ не замедлилъ, однако, снять шапку; такъ прошелъ онъ вдоль стараго сада, флигелей, пчельника, пока, наконецъ, не поравнялся съ помѣщичьими ригою и овиномъ. Тутъ онъ не только надѣлъ шапку, но даже остановился: за плотнымъ заборомъ возносилось такое несмѣтное множество скирдъ убраннаго хлѣба, что невольно разбѣгались глаза и вчужѣ забирала зависть. Чѣмъ далѣе глядѣлъ нашъ мужикъ на скирды, тѣмъ болѣе потуплялъ голову, и, наконецъ, Господь знаетъ отчего, совсѣмъ загрустилъ. Раздумье одолѣло его такъ сильно, что онъ сталъ даже пропускать безъ вниманія груды хвороста, валившіяся у него съ воза, тогда какъ прежде тщательно собиралъ сторонніе вѣточки, попадавшіяся на окрайнѣ дороги.

Между тѣмъ деревня все еще не показывалась. Темныя тучи, сгустившіяся надъ нею, окутывали ее сизой непроницаемой тѣнью; струйки бѣлаго дыма, косвенно поднимавшіяся въ сизомъ горизонтѣ, давали, однако, знать о близости избушекъ. Прежде всего попалась

на пути маленькая кузница съ дюжимъ кузнецомъ Вавилою на порогѣ, который, привѣтливо кивнувъ Антону головою, вымолвилъ: „отколѣ?“ и на отвѣтъ: „а изъ осинника“, зѣвнулъ, перекрестивъ ротъ; тамъ глянули крестьянскіе густые огороды, а тамъ потянулось и самое село Троскино, расположенное по скату лощины. Толпа чумазыхъ ребятишекъ, игравшихъ въ бабки, стояла на улицѣ подлѣ колодца. Они, казалось, нимало не замѣчали стужи и еще менѣе заботились о томъ, что барахтались, словно утки, въ грязи по колѣни; между ними находилось нѣсколько дѣвчонокъ съ грудными младенцами на рукахъ. Семи или восьмилѣтнія нянюшки дули въ кулаки, перескакивали съ одной ножки на другую, когда уже черезчуръ забиралъ ихъ холодъ, но все-таки не покидали веселаго сборища; нѣкоторыя изъ нихъ, свернувшись комочкомъ подъ отцовскимъ кожухомъ, молча и неподвижно глядѣли на игравшихъ.

Проѣзжая мимо, Ванюшка, начинавшій было корчиться отъ стужи на своей клячѣ, вдругъ вытянулся, пріосанился и крикнулъ, во сколько хватило силенки: „Эй! пошли прочь!.. раздавлю!.. ишь лошадь ѣдетъ...“ Толпа дала дорогу, окидывая сѣдока завистливыми взглядами. Одна дѣвчонка, рыженькая, курносая, взъерошенная и вдобавокъ еще хромая, пустилась догонять возъ, прыгая и вертясь на одной ножкѣ.

— Дядя Антонъ, дядя Антонъ, посади на возъ!—кричала она.— Посади, голубчикъ, на возъ... золотой, посади, право-ну посади!..

— Пошла прочь,—вымолвилъ Антонъ, грозя хворостиной.

Изба Антона стояла у самой околицы и завершала собой правую линію села, выдавшуюся въ этомъ мѣстѣ нѣсколько впередъ. Она бросалась въ глаза своею ветхостью: одинъ бокъ ея, примыкавшій къ околицѣ, почти сгнилъ до тла, отчего остальная часть зданія покачнулась и сѣла на ту сторону. Кровля, отъ тяжести давившей ее когда-то соломы, приняла совершенно другое направленіе; она сползла напередъ и грозила ежеминутнымъ паденіемъ. Трубы не было; ее замѣнялъ глиняный горшокъ съ выбитымъ дномъ для дыму. Деревянный пѣтушокъ, красовавшійся вѣроятно въ лучшія времена на макушкѣ крыши, принялъ также свое направленіе во время всеобщаго обвала и уныло свѣсился влѣво. Единственное оконце, заткнутое лохмотьями и обмазанное кругомъ глиною, глядѣло невыразимо кисло. Изба со всѣхъ сторонъ подпиралась сучковатыми плахами, уподоблявшими ее согбенному старику-нищему, наступившему на костыли свои; словомъ, все на ней, какъ говорится, было и валко, и шатко, и на сторону. Невыразимо тяжело и грустно становилось на сердцѣ, глядя на это

жилище; даже Степанъ Бичуга, сосѣдъ вообще равнодушный ко всему житейскому, за исключеніемъ одной развѣ косушки, и тотъ не проходилъ мимо безъ того, чтобы не оглянуть Антонову избенку со всѣхъ сторонъ и не покачать заботливо лысою головою.

Несмотря на то, хозяева лачужки замѣтно ускоряли шагъ, и лица ихъ, по мѣрѣ приближенія къ ней, просвѣтлялись привѣтливой улыбкой. Ванюшка никакъ даже не могъ удержаться, чтобы не крикнуть въ порывѣ восторга нѣсколько разъ сряду: „Дядя Антонъ, домой пріѣхали! Ишь, дядя Антонъ, ишь, домъ-то, вонъ онъ!.. вонъ онъ какой!..“ При въѣздѣ на дворъ навстрѣчу имъ выбѣжала дѣвочка лѣтъ шести; она хлопала въ ладоши, хохотала, бѣгала вокругъ телѣги и, не зная какъ бы лучше выразить свою радость, ухватилась ручонками за полы Антонова полушубка и повисла на немъ; мужикъ взялъ ее на руки, указалъ ей пальцемъ на возъ, лукаво вытащилъ изъ средины его красный прутикъ вербы, подалъ его ребенку и, погладивъ его еще разъ по головѣ, снова пустилъ на свободу. Дѣвочка была въ неописанномъ восторгѣ отъ роскошнаго подарка.

— Ну, Ваня, будетъ! Слѣзай-ка съ лошади, да ступай скорѣе съ сестренкой въ избу, на печку,—сказалъ дядя.—Небось оба поѣстьхотите?

— Дядя Антонъ, голубчикъ, золотой ты мой! дай распречь лошадку, я послѣ поѣмъ!—кричалъ мальчишка.

— И то замерзъ совсѣмъ, куды-те справиться!

— Ничего, дядя, голубчикъ, ничего, право-слово ничего... Ты, Аксюшка, ступай въ избу, ишь озябла ты... а я приду.

Не все же понукать да драться: дядя покорился; вскорѣ всѣ трое взошли на крылечко, а оттуда и въ избу.

Горемыка — мыкающій горе. **Мыкать**, щипать по ниточкѣ. Горемыка ли несчастный погубилъ свой грѣшный духъ (Пушкинъ, „Утопленникъ“).

Засѣка — 1) мѣсто, гдѣ вырубленъ лѣсъ и остались одни молодые побѣги; 2) лѣсъ, гдѣ рубка заповѣдывается, запрещается; казенный лѣсъ; 3) препятствіе изъ деревьевъ, положенныхъ вѣтвями наружу. Лишась жилищъ и хлѣба, люди эти пристали къ шайкамъ станичниковъ, укрѣпились въ засѣкахъ (А. Толстой, „Князь Серебряный“).

Опадать — 1) умаляться, осѣдать. Опухоль опала. Опасть лицомъ, похудѣть, осунуться; 2) отпадать. Пришла осень, листва опадаетъ. Садъ опадаетъ, лишается листвы.

Дряблый — вялый, потерявшій сокъ, свѣжесть, крѣпость. Поклонился наотмашь и засмѣялся дряблымъ смѣхомъ (Тургеневъ, „Бригадиръ“). Дряблое тѣло. Дряблый человѣкъ.

Батракъ — наемный работникъ, особенно для полевыхъ работъ. Идти въ батраки, на заработки. И онъ же (крестьянинъ) батрака ругаетъ (Крыловъ, „Крестьянинъ и работникъ“). Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ (Пушкинъ, „Исторія села Горохина“).

Проселокъ — путь между селеньями въ сторонѣ отъ городовъ и большихъ дорогъ. *Ѣхать проселкомъ, дома не ночевать.*

Пострѣлъ—1) непосѣда, баловникъ, сорванецъ, повѣса. *Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ;* 2) рана отъ пули; 3) болѣзнь, ударъ. Его пострѣломъ разбило, рука и нога накрестъ отнялись.

Шлюзъ—ворота въ плотинѣ для остановки и спуска воды.

Поставъ (мельничный) каждая пара жернововъ.

Ярманка, ярмарка — большой торговый съѣздъ въ опредѣленный срокъ, годовой торгъ; большой сельскій базаръ. *Мечется словно цыганъ на ярмаркѣ. На Макарія Нижегородская ярмарка именинница.*

Кожухъ—шуба, тулупъ. *До святого Духа не снимай кожуха.*

Околица — 1) мѣстность у самой деревни, до полей; выгонъ, пастбище при селѣ; 2) улица, окольная (окружная) дорога въ сторонѣ отъ жилья. Говорить околицей. *Для друга семь верстъ не околица. Суда Божія околицей не объѣдешь;* 3) изгородь, плетень заборъ.

✲

11. Лѣсъ.

Стихотвореніе *А. Кольцова.*

Что, дремучій лѣсъ,
призадумался?
Грустью темною
затуманился?
Что Бова-силачъ,
заколдованный,
съ непокрытою
головой въ бою,
ты стоишь-поникъ
и не ратуешь
съ мимолетною
тучей-бурею?
Густолиственный
твой зеленый шлемъ
буйный вихрь сорвалъ—
и развѣялъ въ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
и разсыпался...
Ты стоишь-поникъ
и не ратуешь.
Гдѣ жъ дѣвалася
рѣчь высокая,
сила гордая,
доблесть царская?
У тебя ль, было,
въ ночь безмолвную
заливная пѣснь
соловьиная...
У тебя ль, было,
дни—роскошество,
другъ и недругъ твой
прохлаждаются...
У тебя ль, было,
поздно вечеромъ
грозно съ бурею
разговоръ пойдетъ:
распахнетъ она
тучу черную,
обоймѣтъ тебя
вѣтромъ-холодомъ;
а ты молвишь ей
шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ,
держи около!..“

Закружитъ она,
разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
зашатается—
встрепенувшися,
разбушуешься:
только свистъ кругомъ,
голоса и гулъ...
Буря всплачется
лѣшимъ, вѣдьмою,
и несетъ свои
тучи за море...
Гдѣ жъ теперь твоя
мочь зеленая?

Почернѣлъ ты весь,
затуманился,
одичалъ, замолкъ...
Только въ непогодь
воешь жалобу
на безвременье...
Такъ-то темный лѣсъ,
богатырь-Бова,
всю ты жизнь свою
маялъ битвами.
Не осилили
тебя сильные—
такъ дорѣзала
осень черная.

Поникнуть — наклоняться, падать, увядать, гибнуть. Поникнуть головой, повѣсить голову. Надежды поникли, пали. Отъ засухи цвѣты поникли, вянутъ, сохнутъ. Она зари не замѣчаетъ, сидитъ съ поникшей головой (Пушкинъ, „Евгеній Онѣгинъ“).

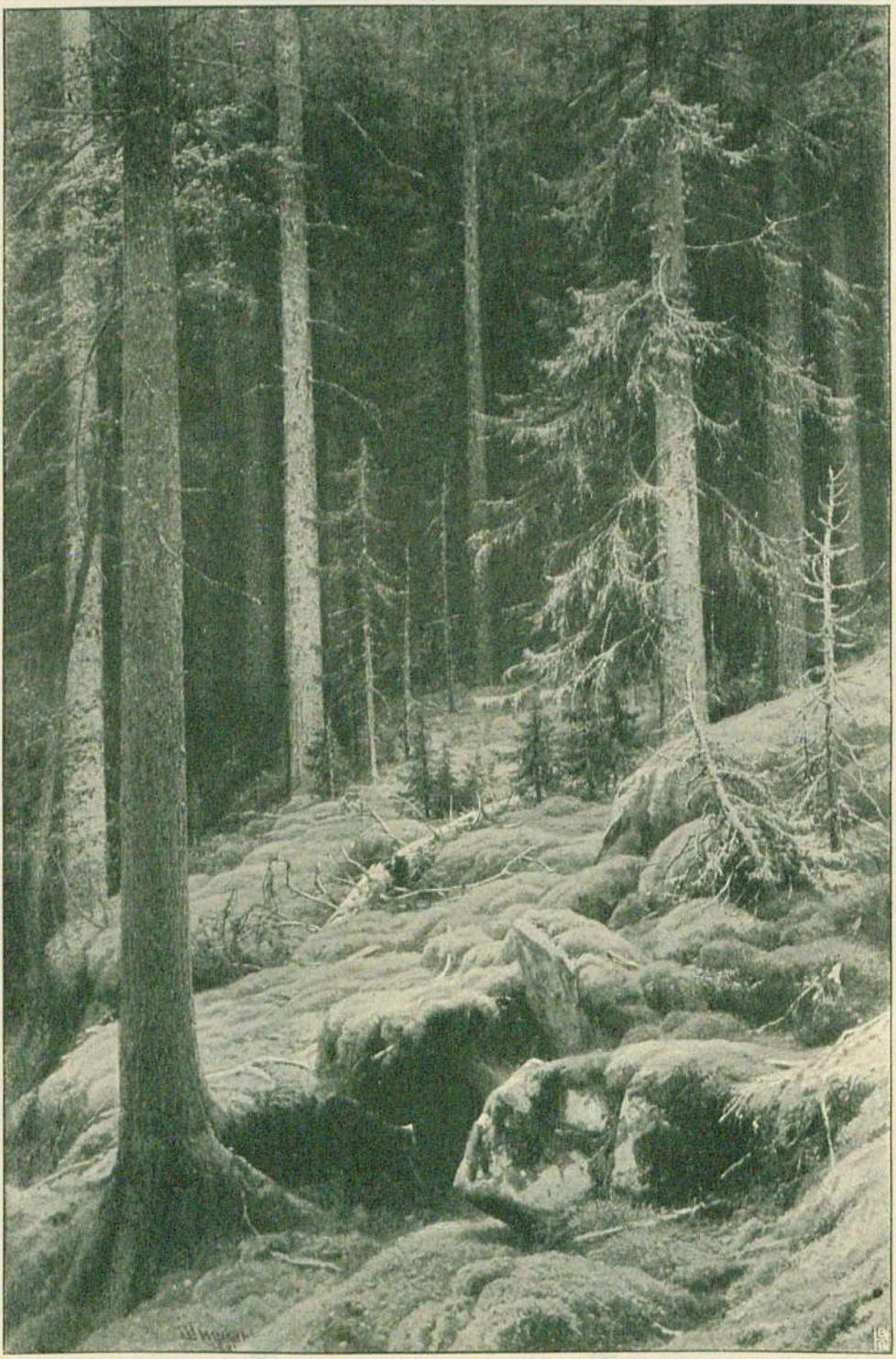
Ратовать — бороться, препираться, воевать.

Заливной — см. стр. 24.

Лѣшій — 1) лѣсной духъ. *Домовой тѣшится, лѣшій заводитъ, а водяной топитъ Былъ бы лѣсъ, будетъ и лѣшій. Съ лѣшаго выросъ, а ума-то не вынесъ*; 2) дикій, озорной, буйный человѣкъ.

Безвременье — ненастье, непогода; неблагопріятныя обстоятельства, невзгоды. *Время краситъ, безвременье старитъ.*

Маять — морить, мучить, томить; **маяться**, усиленно работать, изнуряться. *Съ немилымъ жить, только маяться. Безъ правды не живутъ люди, а только маются.* Замаять лошадь. Размаяться на жарѣ. Маятный день, жаркій, трудный день.



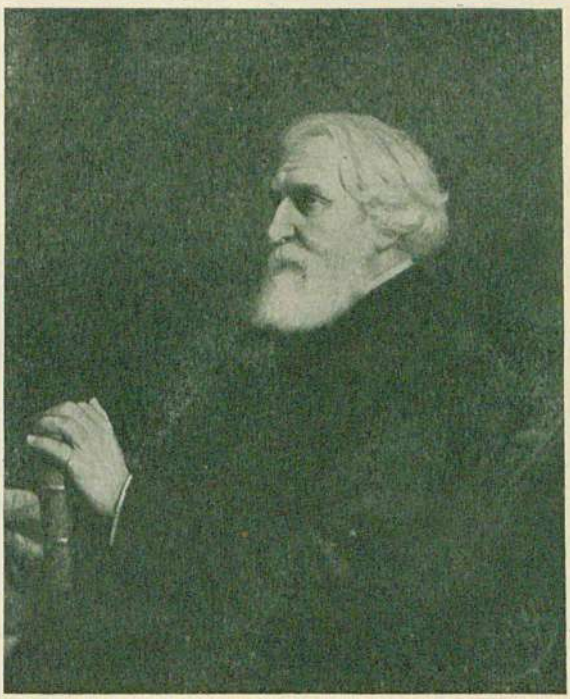
И. И. Шишкина.

12. Лѣсъ и степь.

Изъ „Записокъ охотника“ *И. С. Тургенева.*

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ; но, положимъ, вы не родились охотникомъ: вы все-таки любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату... Слушайте.

Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На темно-сѣромъ небѣ кое-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга... Вы ѣдете — ѣдете мимо церкви; съ горы направо, черезъ плотину... Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но вотъ вы отъѣхали версты четыре... край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки, воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между



И. С. Тургеневъ.
(1818 — 1883).

тѣмъ заря разгорается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ, предразсвѣтный вѣтеръ подулъ, — и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая съ бѣлой церковью, вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете... Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ!.. Версты три осталось не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто... Погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору... Какой видъ! Рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль... не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышитъ грудь, какъ быстро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны!..

А лѣтнее, іюльское утро! Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ? Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ, — васъ такъ и обдастъ накопившимся, теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и „кашки“; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жары. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца... Кое-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь; узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь... Вы поздоровались съ нимъ, отошли — звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой... Небо темнѣетъ по краямъ; колючимъ зноемъ пышетъ неподвижный воздухъ. — „Гдѣ бы, братъ, тутъ напиться?“ — спрашиваете вы у косаря. — „А вонъ въ оврагѣ колодезь“. Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые сучья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ, бархатнымъ мхомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни; вы дышите пахучей сыростью; вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно

желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ: ужъ не громъ ли? Вы выходите изъ оврага... что за свинцовая полоса на небосклонѣ? Зной ли густѣетъ? туча ли надвигается?.. Но вотъ слабо сверкнула молнія... Э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце: охотиться еще можно. Но туча растетъ: передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потемнѣло... Скорѣй! вонъ, кажется, виднѣется сѣнной сарай... скорѣе!.. Вы добѣжали, вошли... Каковъ дождикъ? каковы молніи? Кое-гдѣ сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сѣно... Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами!..

Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полъ-неба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный: вдали ложится мягкій паръ, теплый на видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни... Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката... Вотъ оно блѣднѣетъ; синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ, воздухъ наливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро ѣдете вы, несмотря на усталость... А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно; собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ... Что это? — пожаръ?.. Нѣтъ, это восходитъ луна. А вонъ внизу, направо, уже мелькаютъ огоньки деревни... Вотъ наконецъ и ваша изба... Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ...

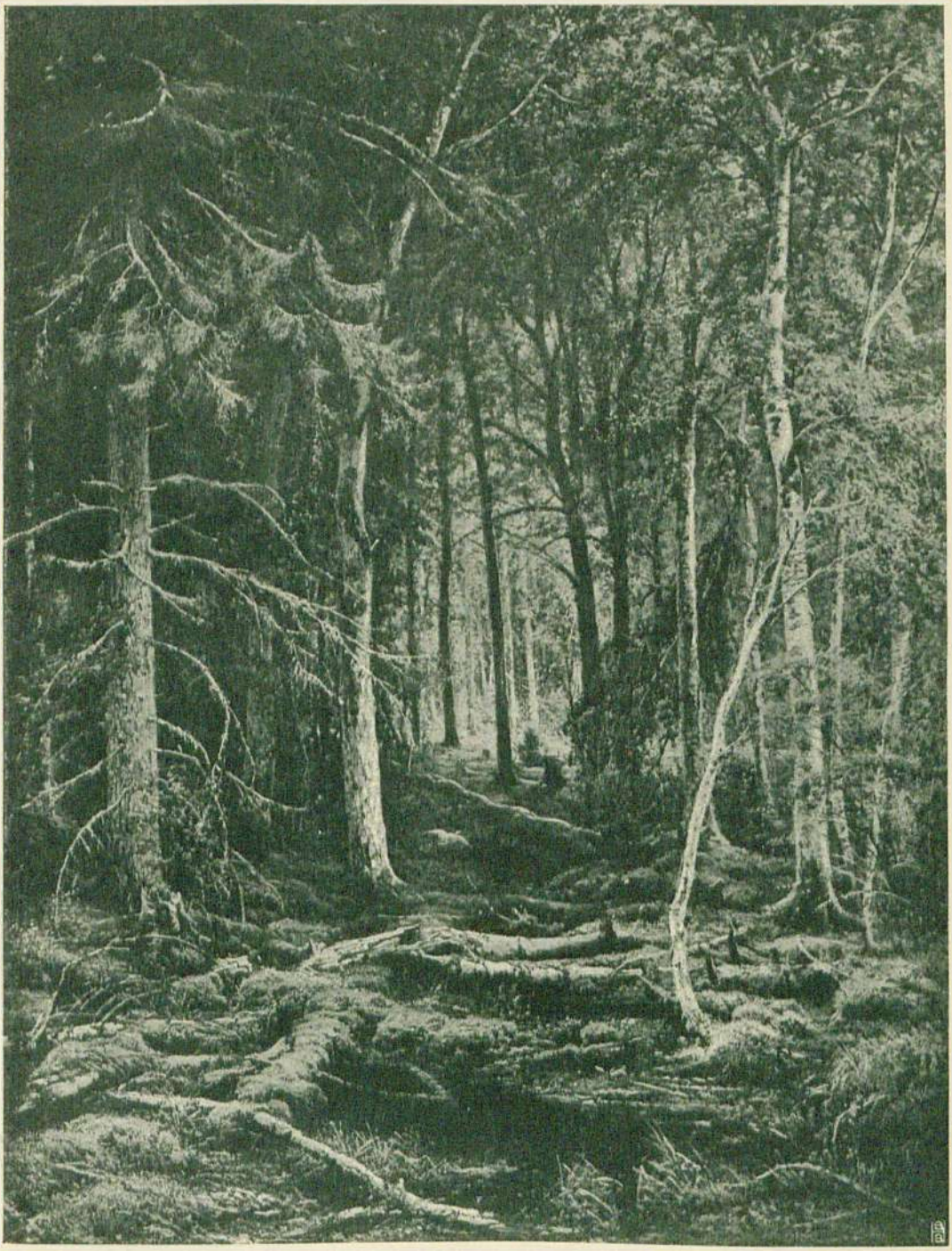
А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя, висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно

поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью: онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ... Лѣсъ глохнетъ... Неизъяснимая тишина западаетъ въ душу, да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кое-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ, собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ...

И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина: тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кое-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышитъ грудь, а на душу находитъ странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память, давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображенье рѣетъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ: всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всею своею душою владѣетъ человѣкъ. И ничего кругомъ ему не мѣшаетъ — ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму...

А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце уже не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья, — когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, мѣрно вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ; вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней...

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять; птица, выпорхнувъ у васъ



Лѣсная глушь. *И. И. Шишкина.*

изъ-подъ ногъ, тотчасъ же исчезаетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется: оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите — лѣсъ превращается въ высокую грядку полыни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ — всюду туманъ... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется — клочокъ блѣдно-голубого неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ, золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу, — и вотъ опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ наконецъ восторжествуетъ и послѣднія волны согрѣтаго тумана то скатываются и разстилаются скатертями, то извиваются и исчезаютъ въ глубокой, нѣжно-сіяющей вышинѣ...

Но вотъ вы собрались въ отъѣзжее поле, въ степь. Верстъ десять пробирались вы по проселочнымъ дорогамъ — вотъ, наконецъ, большая. Мимо безконечныхъ обозовъ, мимо постоялыхъ дворіковъ съ шипящимъ самоваромъ подъ навѣсомъ, раскрытыми настежъ воротами и колодеземъ, отъ одного села до другого, черезъ необозримыя поля, вдоль зеленыхъ конопляниковъ, долго, долго ѣдете вы. Сороки перелетаютъ съ ракиты на ракиту; бабы, съ длинными граблями въ рукахъ, бредутъ въ поле; прохожій человѣкъ въ поношенномъ нанковомъ кафтанѣ, съ котомкой за плечами, плетется усталымъ шагомъ; грузная помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ и разбитыхъ лошадей, плыветъ вамъ навстрѣчу. Изъ окна торчитъ уголъ подушки, а на запяткахъ, на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ лакей въ шинели, забрызганный до самыхъ бровей. Вотъ уѣздный городокъ съ деревянными, кривыми домишками, безконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строеніями, стариннымъ мостомъ надъ глубокимъ оврагомъ... Далѣе, далѣе!.. Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы — какой видъ! Круглые, низкіе холмы, распаханные и засѣянные доверху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозниками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ перехваченная плотинами; далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ драхвы; старенькій господскій домъ со своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду. Но

далѣе, далѣе ѣдете вы. Холмы все мельче и мельче, дерева почти не видать. Вотъ она, наконецъ — безграничная, необозримая степь!..

А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ, острымъ воздухомъ, невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣтомъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ!.. А первые весенніе дни, когда кругомъ все блеститъ и обрушается, сквозь тяжелый паръ талаго снѣга уже пахнетъ согрѣтой землей, на прогалинкахъ, подъ косымъ лучомъ солнца, довѣрчиво поютъ жаворонки, и, съ веселымъ шумомъ и ревомъ, изъ оврага въ оврагъ клубятся потоки...

Однако, пора кончить. Кстати — заговорилъ я о веснѣ: весной легко разставаться, весной и счастливыхъ тянетъ вдаль... Прощайте, читатель; желаю вамъ постояннаго благополучія.

Скирда, скирдъ — большая кладь сѣна или хлѣба, стогъ. *Въ хорошіе люди попасть не скидерку скласть.*

Лязгъ, отъ гл. **лязгать** — визжать, щелкать. Лязгъ, верезгъ косы. Верезжать — съ визгомъ кричать.

Глохнуть — 1) приходить въ запустѣніе. Дорога по полугоду глохнетъ въ совершенномъ запустѣніи (Гончаровъ). Бѣдный прудъ годъ отъ году все глохъ (Крыл.).

Бѣлякъ — заяцъ бѣлый зимой (въ отличіе отъ постоянно-сѣраго русака).

Упругій — отсюда пружина.

Изморозь — иней, снѣжныя блестки.

Отъѣзжее поле (охотн. выр.) — псовая охота въ дальности отъ жилья, въ пустошахъ, гдѣ ночуютъ таборомъ.

Прогалина, отъ гл. **прогалить** — прочистить. Прогалить, прочистить заросли, дорогу.

*

13. Море.

Стихотвореніе *Ѳ. Тютчева.*

Какъ хорошо ты, о море ночное,
здѣсь — лучезарно, тамъ — сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи словно живое,
ходитъ, и дышитъ, и блещетъ оно.
На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...

14. * * *

Стихотвореніе *С. Я. Надсона.*

Снова лунная ночь, только лунная ночь на чужбинѣ.
Весь облитъ серебромъ потонувшій въ туманѣ заливъ;
синихъ горъ полукругъ наклонился къ цвѣтущей долинѣ,
и чуть дышитъ листва кипарисовъ, и пальмъ, и оливъ.
Я ушелъ бы бродить,—и бродить и дышать ароматомъ,
я бъ на взморье ушелъ, гдѣ волна за волною шумитъ,
гдѣ спускается берегъ кремнистымъ, сверкающимъ скатомъ
и жемчужная пѣна каменья его серебритъ;
да не тянетъ меня красота этой чудной природы,
не зоветъ эта даль, не пьянитъ этотъ воздухъ морской,
и какъ узникъ въ тюрьмѣ жаждетъ свѣта и жаждетъ свободы,
такъ я жажду отчизны, отчизны моей дорогой!..

Взморье — морское прибрежье. Островъ малый на взморьѣ виденъ (Пушкинъ. Мѣдный всадникъ).

Кремнистый — твердый, стойкій, несокрушимый. Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ (Лермонтовъ). **Кремень**, очень твердый камень, служащій для добыванія огня.

*

15. М о р е.

Изъ разсказа „Мальва" *М. Горькаго.*

Море смѣялось.

Подъ легкимъ дуновеніемъ знойнаго вѣтра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослѣпительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряныхъ улыбокъ. Въ глубокомъ пространствѣ между моремъ и небомъ носился веселый и шумный плескъ волнъ, взбѣгавшихъ одна за другою на пологій берегъ песчаной косы. Этотъ звукъ и блескъ солнца, тысячекратно отраженнаго рябью моря, гармонично сливались въ непрерывное движеніе, полное живой радости. Солнце было счастливо тѣмъ, что свѣтило; море тѣмъ, что отражало его ликующій свѣтъ.

Вѣтеръ ласково гладилъ мощную атласную грудь моря, солнце грѣло ее своими горячими лучами, и море, дремотно вздыхая подъ

нѣжной силой этихъ ласкъ, насыщало жаркій воздухъ соленымъ ароматомъ своихъ испареній. Зеленоватыя волны, взбѣгая на желтый песокъ, сбрасывали на него бѣлую пѣну своихъ пышныхъ гривъ, она съ тихимъ звукомъ таяла на горячемъ пескѣ, увлажняя его.

Волны звучали, солнце сіяло, море смѣялось...

Рябь — пестрина, шероховатость, движеніе воды на поверхности. Озеро подернулось рябью. Отсюда **рябить**, пестрить, дѣлать шероховатымъ, шершавымъ. Въ глазахъ рябитъ. Рябой. Рябчикъ. Рябая кукушка. Оспа рябитъ.

✲

16. Чайка.

Стихотвореніе *К. Д. Бальмонта.*

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
надъ холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
такъ полны безграничной тоской?
Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
безпріютная чайка изъ дальней страны.

✲

17. Ни души.

Изъ разсказа *И. Бунина.*

За крайней избой нашей степной деревушки пропадала во ржи наша прежняя дорога къ городу. У дороги, въ хлѣбахъ, при началѣ уходившаго къ горизонту моря колосьевъ, стояла бѣлоствольная и расвѣсистая, плакучая береза. Глубокія колеи дороги зарастали травой съ желтыми и бѣлыми цвѣтами, береза была искривлена степнымъ вѣтромъ, а подъ ея легкой сквозной сѣнью уже давнымъ-давно возвышался ветхій сѣрый голубецъ — крестъ съ треугольной тесовой кровелькой, подъ которой хранилась отъ непогодъ суздальская икона Божьей Матери — покровительницы полей.

Шелковисто-зеленое, бѣлоствольное дерево въ золотыхъ хлѣбахъ, — какъ это нравилось намъ въ дѣтствѣ! Впрочемъ тогда все казалось хорошо. Тогда и хлѣба были гуще, и лѣто жарче, и небо синѣе, и зимы морознѣе, и деревня веселѣе и богаче... Въ дѣтствѣ мы чувствовали страхъ къ сѣрому кресту, никогда не рѣшались заглянуть подъ его кровельку,—однѣ ласточки смѣли залетать туда и даже вить тамъ гнѣзда.

Осень приходила къ намъ свѣтлая и тихая, — она воцарялась въ степи такъ мирно и спокойно, что, казалось, конца не будетъ яснымъ днямъ. Она дѣлала дали нѣжно-голубыми и глубокими, небо чистымъ и кроткимъ, солнечные дни — веселыми. Тогда можно было различить самый отдаленный курганъ въ степи, на открытой и просторной равнинѣ яркожелтаго жнивья. Осень убирала и березу въ золотой уборъ. А береза радовалась и не замѣчала, какъ недолговѣченъ этотъ уборъ, какъ листокъ за листкомъ осыпается онъ, пока, наконецъ, не оставалась вся раздѣтая на его золотистомъ легкомъ коврѣ. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна и вся сіяла, озаренная изъподъ низу желтымъ отсвѣтомъ сухихъ листьевъ. А радужныя паутинки тихо летали возлѣ нея въ блескѣ солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народъ называлъ ихъ красиво и нѣжно — „пряжей Богородицы“.

Зато жутки были темные дни и ночи, когда осень сбрасывала съ себя кроткую личину. Безпощадно трепалъ тогда вѣтеръ обнаженныя вѣтви березы! Избы стояли нахохлившись, какъ куры въ непогоду, туманъ въ сумерки низко бѣжалъ по голымъ равнинамъ, волчьи глаза свѣтились ночью на задворкахъ. Нечистая сила часто скидывается ими, и было бы страшно въ такія ночи, если бы за околицей деревни не было стараго голубца. А съ начала ноября и почти до апрѣля бури неустанно заносили снѣгами и поля, и деревню, и березу, и самый голубецъ почти до иконы. Бывало, выглянешь изъ сѣней въ поле, а жесткая вьюга свиститъ подъ голубцомъ, дымится подъ острымъ сугробомъ и со стономъ проносится по равнинѣ, заметая на бѣгу слѣды по ухабистой дорогѣ.

Поле долго было мертвымъ, но вотъ, наконецъ, крестъ начиналъ вырастать изъ осѣдающихъ сѣрыхъ снѣговъ. Обтаивала и горбатая унавоженная дорога, наступали теплые и густые мартовскіе туманы. Отъ тумановъ и дождей чернѣли и дымились въ сумрачные дни крыши избъ, а собаки по сугробамъ залѣзали на нихъ, такъ какъ улица превращалась въ сплошную лужу. Потомъ туманы сразу смѣнялись

солнечными днями. И все снѣжное поле насыщалось водою, растоплялось и, растопленное, ярко блестѣло подъ солнцемъ, дрожа безчисленными ручьями. Въ одинъ, два дня степь принимала новый видъ: по-весеннему просторно становилось въ темныхъ равнинахъ, окаймленныхъ блѣдно-синеватой далью.

Выпускали шершавый скотъ изъ хлѣвовъ; обезсилѣвшія за зиму лошади и коровы бродили и лежали на выгонѣ, а галки садились на ихъ худыя спины и дергали клювами шерсть для своихъ гнѣздъ. Но дружная весна къ хорошимъ кормамъ, — скотъ оттуляется по теплымъ росамъ! Уже пѣли жаворонки въ ясные полдни, уже мальчишки-пастухи загорали отъ вѣтровъ и солнца, которые просушивали землю. Когда же обмывалъ ее весенній дождь и пробуждалъ первый громъ, Господь благословлялъ въ тихія звѣздныя ночи расти хлѣбамъ и травамъ, и, успокоенная за свои нивы, кротко глядѣла изъ голубца старая икона. Тонко пахло въ чистомъ ночномъ воздухѣ зеленями, мирно было въ степи, тихо въ темной деревнѣ, гдѣ уже не вздували огня съ Благовѣщенья, и замирали по вечерней зарѣ пѣсни дѣвушекъ, прощавшихся со своими обрученными подругами.

А потомъ все росло не по днямъ, а по часамъ. Зеленѣлъ выгонъ, зеленѣли ветлы передъ избами, зеленѣла береза... Шли дожди, и протекали жаркіе іюньскіе дни, зацвѣтали цвѣты, и наступали веселые сѣнокосы...

Что иное можно сказать о степной деревушкѣ? Люди родились, вырастали, женились, уходили въ солдаты, работали, пировали въ праздники... Главное же мѣсто въ ихъ жизни все-таки занимала степь — ея смерть и возрожденіе.

Пустѣла и покрывалась снѣгами степь, — и деревня болѣе полугода жила, какъ въ забытьи; тогда немало умирало народа отъ холода, голода и черныхъ избъ, немало замерзало въ метели. Наступала весна, наступала и жизнь, — работа, скрашенная веселыми днями... Или они только снились намъ въ дѣтствѣ?.. Нѣтъ, я хорошо помню, какъ мягко и беззаботно шумѣлъ лѣтній вѣтеръ въ шелковистой листвѣ березы, путая эту листву и склоняя до самыхъ колосьевъ тонкія, гибкія вѣтви; помню солнечное утро на Троицу, когда даже бородатые мужики, какъ истые потомки славянъ, улыбались изъ-подъ огромныхъ березовыхъ вѣнковъ; помню грубыя, но могучія пѣсни на Духовъ День, когда мы съ закатомъ уходили въ ближній дубовый лѣсокъ и тамъ варили кашу, разставляли ее въ черепкахъ по холмикамъ и „молили кукушку“ быть милостивой вѣщуньей; помню „игры

солнца“ подъ Петровъ день, помню величальныя пѣсни и веселыя свадьбы, помню трогательные молебны въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, подъ старымъ крестомъ у березы!

Однако жизнь не стоитъ на мѣстѣ,— старое уходитъ, и мы провожаемъ его часто съ великою грустью, но тѣмъ и хороша жизнь,

Печаль. *А. Эдельфельда.*

что она пребываетъ въ неустанномъ обновленіи. Наше дѣтство прошло, и все вокругъ насъ стало быстро измѣняться и старѣть. Насъ потянуло заглянуть дальше того, что мы видѣли за околицей деревни, тѣмъ болѣе, что и деревня становилась все скучнѣй, и береза уже не такъ густо зеленѣла весной, и крестъ у дороги ветшалъ, и люди истощили поле, которое охранялъ онъ. Само небо, казалось, стало гнѣваться на людей. Знойные сухіе вѣтры разгоняли тучи, подымая вихри по дорогѣ, солнце нещадно палило хлѣба и травы. Подсыхали до срока тощіе ржи и овсы, и было больно смотрѣть на нихъ, потому что нѣтъ ничего печальнѣе и смиреннѣе тощей ржи. Какъ безпомощно склоняется она отъ горячаго вѣтра легкими, пустыми колосьями, какъ сиротливо шелеститъ въ знойный полдень! Сухая пашня сквозитъ между ея стеблями, издалека видны среди нихъ и сухіе васильки и фіолетовый куколь... И дикая серебристая лебеда, предвѣстница запустѣнія и голода, заступаетъ мѣсто тучныхъ хлѣбовъ у старой проселочной дороги.

Нищіе и слѣпые все чаще стали съ жалобными припѣвами обходить деревню. А деревня и сама давно запечалилась и безмолвно стояла на припекѣ, равнодушная уже почти ко всему окружающему...

Проходили годы — люди томились въ степи, потомъ стали уходить по дорогѣ къ городу. Прошелъ слухъ, что „всѣхъ погонятъ на новыя мѣста“. Оставшіеся въ деревнѣ съ радостью ухватились за эту вѣсть. Они прожили зиму въ ожиданіяхъ, а весной собрали свой скудный скарбъ, забили досками окна избъ, запрягли лошадей и навсегда ушли изъ деревни въ поиски новаго счастья... И деревня опустѣла.

Ни души! — сказалъ вѣтеръ, облетѣвъ всю деревню и закрутивъ въ безцѣльномъ удальствѣ пыль на дорогѣ.

Но береза не отвѣтила ему, какъ прежде. Она слабо зашевелила вѣтвями и опять задремала. Она уже знала, что выгонъ въ деревнѣ заросъ высокой сорной травой, что глухая крапива поднялась у пороговъ, что полынь растетъ на полураскрытыхъ крышахъ. Степь вокругъ была пуста, а десятокъ уцѣлѣвшихъ избъ можно было издалека принять за кибитки кочевниковъ, покинутыя въ мертвомъ полѣ послѣ битвы или чумы.

И голубецъ уже покосился подъ березой, на верхушкѣ которой торчали сухіе, бѣлые сучья. Теперь въ сумерки, когда за темными полями слабо алѣлъ закатъ, ночевали на ней грачи да вороны, кото-

Лѣтній вечеръ. *бар. М. П. Клодта.*

рые не мало видѣли перемѣнъ на этомъ свѣтѣ. Изрѣдка только ночевали съ ними подъ березой бродячіе цыгане.

Скидываться — перекидываться, оборачиваться во что. А сама, я, молода̀, скинуся вербо̀ю, скинуся вербо̀ю надъ быстро̀й рѣко̀ю (народн. пѣсня).

Зе́лени, зеленя, мн. ч. — молодые всходы хлѣбовъ, особенно озимь. Зеленя всѣ вымерзли, и много прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ погубила эта безжалостная зима (Тургеневъ, „Смерть"). Надъ зеленями въ голубомъ, прохладномъ воздухѣ. звенѣли жаворонки (Е. Марковъ, „Черноземныя поля"). Мы скотинку-то, почитай, съ самаго посѣва на зеленяхъ держимъ (Эртель, „Записки Степняка").

Выгонъ — 1) участокъ земли для пастьбы скота; 2) выпускъ скота на пастбище, толоку (отъ гл. **толочить**, топтать траву на паровомъ полѣ).

Истый — истинный, подлинный, настоящій.

Черная изба, — курная, безъ трубы, гдѣ дымъ выходитъ въ волоковое (задвигаемое доской) окно.

Лебеда — чернобыльникъ, сорное растеніе. *Плохіе года, коли во ржи лебеда. Съяли рожь, а косимъ лебеду.*

Глухой — 1) съ трудомъ проходимый. Въ сѣдомъ глухомъ бору живетъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ (Жуковскій, „Ив. Царевичъ"); 2) неясный, темный, незвонкій. Глухая рѣчь. Глухой колоколъ. Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой (Лермонтовъ, „Измаилъ-бей"); 3) равнодушный, невоспріимчивый. Глупецъ, земли безчувственный жилецъ, съ глухой и вялою душой (Жуковскій); 4) не имѣющій отверстія, выхода. Глухое окно. Глухая дверь. Глухой переулокъ. Забивать наглухо; 5) лишенный чувства слуха. *Для глухого двухъ обѣденъ не поютъ.* Глухой глухого звалъ къ суду судьи глухого (Пушкинъ); 6) мало посѣщаемый, удаленный, въ сторонѣ лежащій. Глухая улица. Глухая деревня. Глухая степь — дорога далека (Полонскій, „Дорога").

⁂

18. Горныя вершины.

Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова.*

Горныя вершины
спятъ во тьмѣ ночной;
тихія долины
полны свѣжей мглой.

Не пылитъ дорога,
не дрожатъ листы...
Подожди немного,
отдохнешь и ты.

⁂

19. Степь.

Изъ разсказа *А. П. Чехова*, „Степь".

Изъ N, уѣзднаго города Z-ой губерніи, раннимъ сельскимъ утромъ выѣхала и съ громомъ покатила по почтовому тракту безрессорная ошарпанная бричка, одна изъ тѣхъ допотопныхъ бричекъ, на которыхъ ѣздятъ теперь на Руси только купеческіе приказчики,

А. П. Чеховъ.
(1860 — 1904).

гуртовщики и небогатые священники. Она взвизгивала при малѣйшемъ движеніи; ей угрюмо вторило ведро, привязанное къ ея задку, — и по однимъ этимъ звукамъ да по жалкимъ кожанымъ тряпочкамъ, болтавшимся на ея облѣзломъ тѣлѣ, можно было судить о ея ветхости и готовности идти въ сломъ.

Въ бричкѣ сидѣло двое N-скихъ обывателей: N-скій купецъ Иванъ Ивановичъ Кузьмичевъ, бритый, въ очкахъ и въ соломенной шляпѣ, больше похожій на чиновника, чѣмъ на купца, и другой — отецъ Христофоръ Сирійскій, настоятель N-ской Николаевской церкви, маленькій, длинноволосый старичокъ, въ сѣромъ парусиновомъ кафтанѣ, въ широкополомъ цилиндрѣ и въ шитомъ, цвѣтномъ поясѣ.

Кромѣ только что описанныхъ двухъ и кучера Дениски, неутомимо стегавшаго по парѣ шустрыхъ гнѣдыхъ лошадокъ, въ бричкѣ находился еще одинъ пассажиръ — мальчикъ лѣтъ девяти, съ темнымъ отъ загара и мокрымъ отъ слезъ лицомъ. Это былъ Егорушка, племянникъ Кузьмичева. Съ разрѣшенія дяди и съ благословенія о. Христофора онъ ѣхалъ куда-то поступать въ гимназію. Его мамаша, Ольга Ивановна, вдова коллежскаго секретаря и родная сестра Кузьмичева, любившая образованныхъ людей и благородное общество, умолила своего брата, ѣхавшаго продавать шерсть, взять съ собою Егорушку и отдать его въ гимназію, и теперь мальчикъ, не понимая, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, сидѣлъ на облучкѣ рядомъ съ Дениской, держался за его локоть, чтобъ не свалиться, и подпрыгивалъ, какъ чайникъ на конфоркѣ. Отъ быстрой ѣзды его красная рубаха пузыремъ вздувалась на спинѣ, и новая ямщицкая шляпа съ павлиньимъ перомъ то и дѣло сползала на затылокъ. Онъ чувствовалъ себя въ высшей степени несчастнымъ человѣкомъ и хотѣлъ плакать.

Между тѣмъ передъ глазами ѣхавшихъ разстилалась уже широкая, безконечная равнина, перехваченная цѣпью холмовъ. Тѣснясь и выглядывая другъ изъ-за друга, эти холмы сливаются въ возвышенность, которая тянется вправо отъ дороги до самаго горизонта и исчезаетъ въ лиловой дали; ѣдешь-ѣдешь и никакъ не разберешь, гдѣ она начинается и гдѣ кончается... Солнце уже выглянуло сзади изъ-за города и тихо, безъ хлопотъ принялось за свою работу. Сначала далеко впереди, гдѣ небо сходится съ землею, около курганчиковъ и вѣтряной мельницы, которая издали похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками, поползла по землѣ широкая ярко-желтая полоса; черезъ минуту такая же полоса засвѣтилась нѣсколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса свѣта, подкравшись сзади, шмыгнула черезъ бричку и лошадей, понеслась навстрѣчу другимъ полосамъ, и вдругъ вся степь сбросила съ себя утреннюю полутѣнь, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьянъ, молочай, дикая конопля — все, побурѣвшее отъ зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росою и обласканное солнцемъ, оживало, чтобъ вновь зацвѣсти. Надъ дорогой съ веселымъ крикомъ носились старички, въ травѣ перекликались суслики, гдѣ-то далеко влѣво плакали чибисы. Стадо куропатокъ, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своимъ мягкимъ „ттрр“ полетѣло къ холмамъ. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медвѣдки затянули въ травѣ свою скрипучую, монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздухъ застылъ, и обманутая степь приняла свой унылый іюльскій видъ. Трава поникла, жизнь замерла.

Загорѣлые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, какъ тѣнь, тонами, равнина съ туманной далью и опрокинутое надъ ними небо, которое въ степи, гдѣ нѣтъ лѣсовъ и высокихъ горъ, кажется страшно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безконечными, оцѣпенѣвшими отъ тоски...

Какъ душно и уныло! Бричка бѣжитъ, а Егорушка видитъ все одно и то же — небо, равнину, холмы... Музыка въ травѣ пріутихла. Старички улетѣли, куропатокъ не видно. Надъ поблекшей травой, отъ нечего дѣлать, носятся грачи; всѣ они похожи другъ на друга и дѣлаютъ степь еще болѣе однообразной.

Летитъ коршунъ надъ самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдругъ останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлой несется надъ степью,

и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что ему нужно. А вдали машетъ крыльями мельница...

Для разнообразія мелькнётъ въ бурьянѣ бѣлый черепъ или булыжникъ; вырастетъ на мгновеніе сѣрая каменная баба или высохшая ветла съ синей ракшей на верхней вѣткѣ, перебѣжитъ дорогу суслякъ— и опять бѣгутъ мимо глазъ бурьянъ, холмы, грачи...

Но вотъ, слава Богу, навстрѣчу ѣдетъ возъ со снопами. На самомъ верху лежитъ дѣвка. Сонная, изможенная зноемъ, поднимаетъ она голову и глядитъ на встрѣчныхъ. Дениска зазѣвался на нее, гнѣдыя протягиваютъ морды къ снопамъ, бричка, взвизгнувъ, цѣлуется съ возомъ, и колючіе колосья, какъ вѣникомъ, проѣзжаютъ по цилиндру о. Христофора.

А вотъ на холмѣ показывается одинокій тополь; кто его посадилъ и зачѣмъ онъ здѣсь—Богъ его знаетъ. Отъ его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастливъ ли этотъ красавецъ? Лѣтомъ зной, зимой стужа и мятели, осенью страшныя ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кромѣ безпутнаго, сердито воющаго вѣтра, а главное—всю жизнь одинъ, одинъ...

За тополемъ ярко-желтымъ ковромъ, отъ верхушки холма до самой дороги, тянутся полосы пшеницы.

На холмѣ хлѣбъ уже скошенъ и убранъ въ копны, а внизу еще только косятъ... Шесть косарей стоятъ рядомъ и взмахиваютъ косами, а косы весело сверкаютъ и въ тактъ, всѣ вмѣстѣ, издаютъ звукъ: „вжжи, вжжи!“ По движеніямъ бабъ, вяжущихъ снопы, по лицамъ косарей, по блеску косъ видно, что зной жжетъ и душитъ. Черная собака съ высунутымъ языкомъ бѣжитъ отъ косарей навстрѣчу къ бричкѣ, вѣроятно съ намѣреніемъ залаять, но останавливается на полдорогѣ и равнодушно глядитъ на Дениску, грозящаго ей кнутомъ: жарко лаять! Одна баба поднимается и, взявшись обѣими руками за измученную спину, провожаетъ глазами кумачовую рубаху Егорушки. Красный ли цвѣтъ ей понравился, или вспомнила она про своихъ дѣтей, только долго стоитъ она неподвижно и смотритъ вслѣдъ...

Но вотъ промелькнула и пшеница. Опять тянется выжженная равнина, загорѣлые холмы, знойное небо, опять носится надъ землею коршунъ. Вдали попрежнему машетъ крыльями мельница, и все еще она похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками. Надоѣло глядѣть на нее, и кажется, что до нея никогда не доѣдешь, что она бѣжитъ отъ брички.

Около полудня бричка свернула съ дороги вправо, проѣхала немного шагомъ и остановилась. Егорушка услышалъ тихое, очень ласковое журчанье и почувствовалъ, что къ его лицу прохладнымъ бархатомъ прикоснулся какой-то другой воздухъ. Изъ холма, склееннаго природой изъ громадныхъ уродливыхъ камней, сквозь грубочку изъ болиголова, вставленную какимъ-то невѣдомымъ благодѣтелемъ, тонкой струйкой бѣжала вода. Она падала на землю и, прозрачная, веселая, сверкающая на солнцѣ и тихо ворча, точно воображая себя сильнымъ и бурнымъ потокомъ, быстро бѣжала куда-то влѣво. Недалеко отъ холма маленькая рѣчка расползалась въ лужицу; горячіе лучи и раскаленная почва, жадно выпивая ее, отнимали у нея силу; но немножко далѣе она, вѣроятно, сливалась съ другой такою же рѣчонкой, потому что шагахъ въ ста отъ холма по ея теченію зеленѣла густая, пышная осока, изъ которой, когда подъѣзжала бричка, съ крикомъ вылетѣло три бекаса.

Путники расположились у ручья отдыхать и кормить лошадей. Кузьмичевъ, о. Христофоръ и Егорушка сѣли въ жидкой тѣни, бросаемой бричкой и распряженными лошадьми, на разостланномъ войлокѣ и стали закусывать.

Закусивши, Кузьмичевъ досталъ изъ брички мѣшокъ съ чѣмъ-то и сказалъ Егорушкѣ:

— Я буду спать, а ты поглядывай, чтобы у меня изъ-подъ головы этого мѣшка не вытащили.

Разоблачившись, о. Христофоръ и Кузьмичевъ легли въ тѣнь подъ бричкой, лицомъ другъ къ другу, и закрыли глаза. Дениска, кончивъ жевать, растянулся на припекѣ животомъ вверхъ и тоже закрылъ глаза.

— Поглядывай, чтобъ кто коней не увелъ! — сказалъ онъ Егорушкѣ и тотчасъ же заснулъ.

Наступила тишина. Слышно было только, какъ фыркали и жевали лошади да похрапывали спящіе; гдѣ-то не близко плакалъ одинъ чибисъ и изрѣдка раздавался писк трехъ бекасовъ, прилетавшихъ поглядѣть, не уѣхали ли непрошенные гости; мягко картавя, журчалъ ручеекъ, но всѣ эти звуки не нарушали тишины, не будили застывшаго воздуха, а, напротивъ, вгоняли природу въ дремоту.

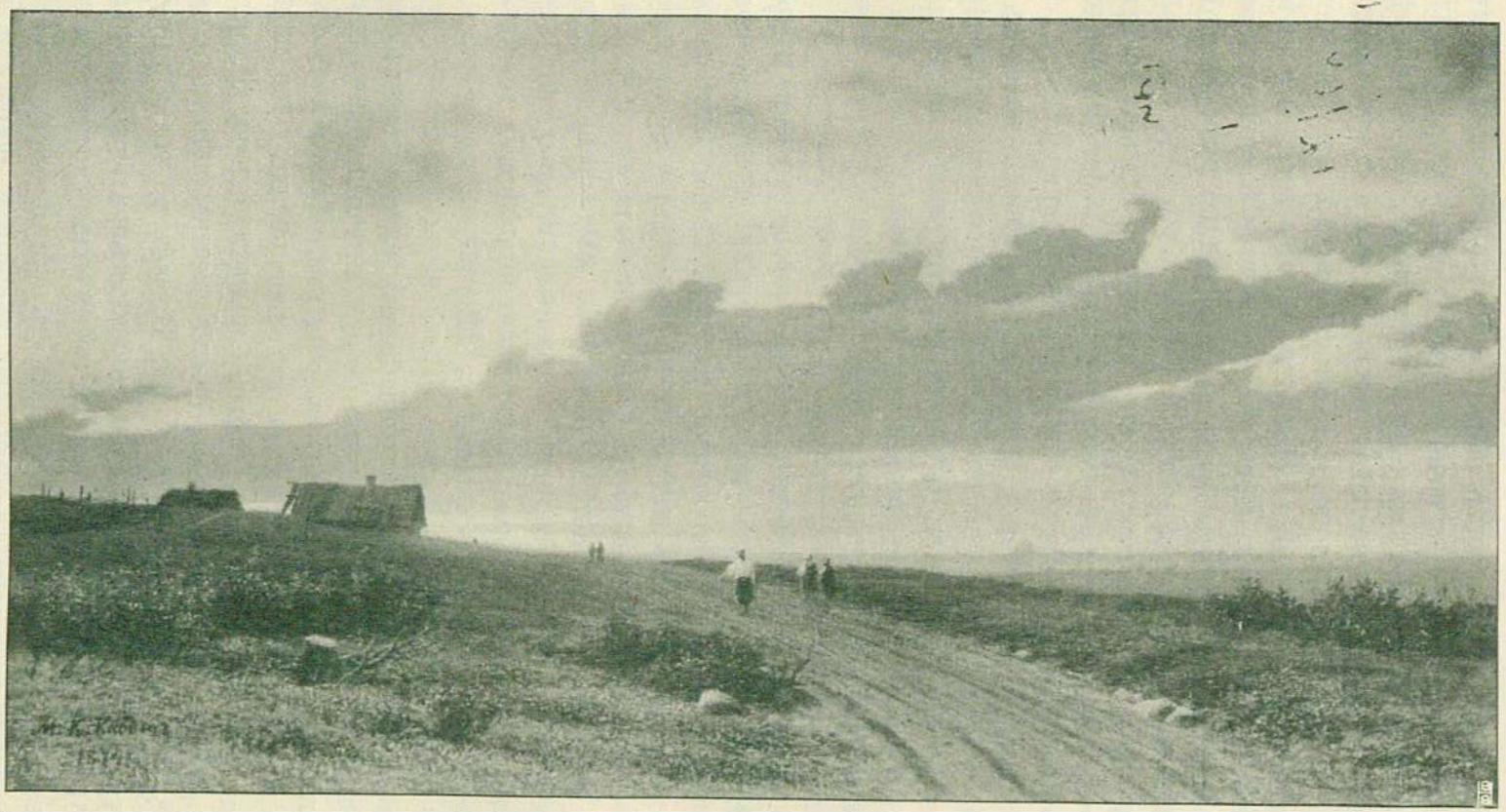
Егорушка, задыхаясь отъ зноя, который особенно чувствовался теперь послѣ ѣды, побѣжалъ къ осокѣ и отсюда оглядѣлъ мѣстность. Увидѣлъ онъ то же самое, что видѣлъ и до полудня: равнину, холмы, небо, лиловую даль; только холмы стояли поближе, да не было мельницы, которая осталась далеко назади. Изъ-за скалистаго холма, гдѣ

текъ ручей, возвышался другой поглаже и пошире; на немъ лѣпился небольшой поселокъ изъ пяти-шести дворовъ. Около избъ не было видно ни людей, ни деревьевъ, ни тѣней, точно поселокъ задохнулся въ горячемъ воздухѣ и высохъ.

Отъ нечего дѣлать Егорушка поймалъ въ травѣ скрипача, поднесъ его въ кулакѣ къ уху и долго слушалъ, пока тотъ игралъ на своей скрипкѣ. Когда надоѣла музыка, онъ погнался за толпою желтыхъ бабочекъ, прилетавшихъ къ осокѣ на водопой, и самъ не замѣтилъ, какъ очутился опять возлѣ брички. Дядя и о. Христоforъ крѣпко спали; сонъ ихъ долженъ былъ продолжаться часа два-три, пока не отдохнутъ лошади... Какъ же убить это длинное время и куда дѣваться отъ зноя? Задача мудреная... Машинально Егорушка подставилъ ротъ подъ струйку, бѣжавшую изъ трубочки; во рту его стало холодно и запахло болиголовомъ; пилъ онъ сначала съ охотой, потомъ черезъ силу и до тѣхъ поръ, пока острый холодъ изо рта не побѣжалъ по всему тѣлу и пока вода не полилась по сорочкѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ бричкѣ и сталъ глядѣть на спящихъ.

Неожиданно послышалось тихое пѣніе. Гдѣ-то не близко пѣла женщина, а гдѣ именно и въ какой сторонѣ, трудно было понять. Пѣсня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачъ и едва уловимая слухомъ, слышалась то справа, то слѣва, то сверху, то изъ-подъ земли, точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ. Егорушка оглядывался и не понималъ, откуда эта странная пѣсня; потомъ же, когда онъ прислушался, ему стало казаться, что это пѣла трава; въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенья и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя...

Егорушка послушалъ немного, и ему стало казаться, что отъ заунывной, тягучей пѣсни воздухъ сдѣлался душнѣе, жарче и неподвижнѣе... Чтобы заглушить пѣсню, онъ, напѣвая и стараясь стучать ногами, побѣжалъ къ осокѣ. Отсюда онъ поглядѣлъ во всѣ стороны и нашелъ того, кто пѣлъ. Около крайней избы поселка стояла баба и что-то просѣивала; изъ-подъ ея рѣшета внизъ по бугру лѣниво шла бѣлая пыль. Теперь было очевидно, что пѣла она. На сажень отъ нея неподвижно стоялъ маленькій мальчикъ въ одной сорочкѣ и



Деревня. *Бар. М. П. Клодтъ.*

безъ шапки. Точно очарованный пѣснею, онъ не шевелился и глядѣлъ куда-то внизъ, вѣроятно на кумачовую рубаху Егорушки.

Горячіе лучи жгли ему затылокъ, шею и спину. Заунывная пѣсня то замирала, то опять проносилась въ стоячемъ, душномъ воздухѣ, ручей монотонно журчалъ, лошади жевали, а время тянулось безконечно, точно и оно застыло и остановилось. Казалось, что съ утра прошло уже сто лѣтъ... Не хотѣлъ ли Богъ, чтобы Егорушка, бричка и лошади замерли въ этомъ воздухѣ и, какъ холмы, окаменѣли бы и остались навѣки на одномъ мѣстѣ?

Егорушка поднялъ голову и посоловѣвшими глазами поглядѣлъ впередъ себя; лиловая даль, бывшая до сихъ поръ неподвижною, закачалась и вмѣстѣ съ небомъ понеслась куда-то еще дальше... Она потянула за собою бурую траву, осоку, и Егорушка понесся съ необычайною быстротою за убѣгавшею далью. Какая-то сила безшумно влекла его куда-то, а за нимъ вдогонку неслись зной и томительная пѣсня. Егорушка склонилъ голову и закрылъ глаза...

Изъ-подъ брички послышался глубокій вздохъ. Это проснулся Кузьмичевъ.

— О. Христофоръ, вставайте, пора!—заговорилъ онъ встревоженно.—Будетъ спать, и такъ ужъ дѣло проспали! Дениска, запрягай!

Черезъ минуту бричка тронулась въ путь. Точно она ѣхала назадъ, а не дальше, путники видѣли то же самое, что и до полудня. Холмы все еще тонули въ лиловой дали, и не было видно ихъ конца; мелькалъ бурьянъ, булыжникъ, проносились сжатыя полосы, и все тѣ же грачи да коршунъ, солидно взмахивающій крыльями, летали надъ степью. Воздухъ все больше застывалъ отъ зноя и тишины, покорная природа цѣпенѣла въ молчаніи... Ни вѣтра, ни бодраго свѣжаго звука, ни облачка.

Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, степь, холмы и воздухъ не выдержали гнета и, истощивши терпѣніе, измучившись, попытались сбросить съ себя иго. Изъ-за холмовъ неожиданно показалось пепельно-сѣдое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью — я, молъ, готово — и нахмурилось. Вдругъ въ стоячемъ воздухѣ что-то порвалось, сильно рванулъ вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ закружился по степи. Тотчасъ же трава и прошлогодній бурьянъ подняли ропотъ, на дорогѣ спирально закружилась пыль, побѣжала по степи и, увлекая за собой солому, стрекозъ и перья, черными вертящимся столбомъ поднялась къ небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперекъ, спотыкаясь и прыгая, побѣжали пере-

кати-поле, а одно изъ нихъ попало въ вихрь, завертѣлось, какъ птица, полетѣло къ небу и, обратившись тамъ въ черную точку, исчезло изъ виду. За нимъ понеслось другое, потомъ третье, и Егорушка видѣлъ, какъ два перекати-поле столкнулись въ голубой вышинѣ и вцѣпились другъ въ друга какъ на поединкѣ.

У самой дороги вспорхнулъ стрепетъ. Мелькая крыльями и хвостомъ, онъ, залитый солнцемъ, походилъ на рыболовную блесну или на прудового мотылька, у котораго, когда онъ мелькаетъ надъ водой, крылья сливаются съ усиками, и кажется, что усики растутъ у него и спереди, и сзади, и съ боковъ... Дрожа въ воздухѣ, какъ насѣкомое, играя своей пестротой, стрепетъ поднялся высоко вверхъ по прямой линіи, потомъ, вѣроятно испуганный облакомъ пыли, понесся въ сторону, и долго еще было видно его мельканіе...

А вотъ, встревоженный вихремъ и не понимая, въ чемъ дѣло, изъ травы вылетѣлъ коростель. Онъ летѣлъ за вѣтромъ, а не противъ, какъ всѣ птицы; отъ этого его перья взъерошились, весь онъ раздулся до величины курицы и имѣлъ очень сердитый, внушительный видъ. Одни только грачи, состарившіеся въ степи и привыкшіе къ степнымъ переполохамъ, покойно носились надъ травой или же равнодушно, ни на что не обращая вниманія, долбили своими толстыми клювами черствую землю.

За холмами глухо прогремѣлъ громъ; подуло свѣжестью. Дениска весело свистнулъ и стегнулъ по лошадямъ. О. Христофоръ и Кузьмичевъ, придерживая свои шляпы, устремили глаза на холмы... Хорошо, если бы брызнулъ дождь!

Еще бы, кажется, небольшое усиліе, одна потуга, и степь взяла бы верхъ. Но невидимая гнетущая сила мало-по-малу сковала вѣтеръ и воздухъ, уложила пыль и опять, какъ будто ничего не было, наступила тишина. Облако спряталось, загорѣлые холмы нахмурились, воздухъ покорно застылъ, и одни только встревоженные чибисы гдѣ-то плакали и жаловались на судьбу...

Ошарпанный — отъ гл. **ошарпать, обшарпать**, — ободрать, расцарапать.

Гуртовщикъ—торгующій гуртомъ. **Гуртъ**, стадо, пригоняемое на продажу. Гурты воловъ. Мужикъ... не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный (Крыловъ, „Гуси“). Отсюда: **гуртомъ**, оптомъ, все вдругъ, за одинъ разъ. Гуртомъ дешевле. Паробки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки не было еще никогда (Гоголь, „Ночь передъ Рождествомъ“).

Шмыгать—1) незамѣтно проскользнуть. Шмыгнуть изъ комнаты. Шмыгъ подъ ворота; 2) суетливо ходить, метаться. Шмыгать по дому, по улицамъ, по городу; 3) тереть, дергать, шаркать. Постромка шмыгаетъ по лошади, отшмыгнешь ей ногу.

Чибисъ, чибезъ—болотная птица. *Чибеза съ вечера кричатъ—къ ясной погодѣ.*

Скрипачъ—сверчокъ.

Медвѣдка—роющее насѣкомое изъ прямокрылыхъ съ передними ножками лопатой.

Баба—каменный истуканъ, встрѣчаемый въ южной Россіи на курганахъ и вообще въ степяхъ.

Ветла—верба, ива, ракита.

Ракша—сизоворонка.

Копна—хлѣбъ, связанный въ снопы, складывается въ копны. Нагребу копенъ, намету стоговъ (Кольцовъ). Въ копны частыя снопы сложены (Кольцовъ, „Урожай“).

Болиголовъ—ядовитая трава, дегтярка.

Поблекнуть—блекнуть, лишаться цвѣта жизни; блѣднѣть, вянуть. Красота, молодость поблекла. Листья поблекнувъ вдругъ свернулися (Пушкинъ, „Русалка“).

Старички—мелкіе кулички, зуйки.

Посоловѣть—потускнѣть, поблѣднѣть. **Соловый**, изжелта-бѣлый. Посоловѣли глаза и подъ лобъ закатились.

Перекати-поле—степное растеніе, которое, срываясь съ корня, катится по вѣтру.

Стрепетъ—степная птица.

Блесна—оловянная рыбка, нацѣпляемая на удочку. Идетъ рыба на блёсну. Отсюда: **блеснѝть**, ослѣплять. Вешній снѣгъ блеснитъ, слѣпитъ. Блеснить рыбу, приманивать блесной. Рыба не блеснится, не ловится.

Переполохъ—тревога; внезапный испугъ, смятеніе, суматоха. **Переполошиться**, засуетиться отъ неожиданной внѣшней причины, **всполошиться**. **Всполохъ**, набатъ. **Всполохи, сполохи**, сѣверное сіяніе, движущіеся столбы свѣта.

Конфорка—масляная или спиртовая лампочка съ таганчикомъ; металлическій кружокъ, надѣваемый на трубу самовара для поставки чайника.

*

20. * * *

Изъ драмы „Псковитянка“ *Л. А. Мея.*

...Давно ужъ это было, а какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ: уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ, по молодымъ кустамъ перебѣгаетъ; мохъ — что коверъ шелкòвый подъ ногами; а впереди деревья гуще, чаще, темнѣй, темнѣе—такъ къ себѣ и манятъ.

Иду—кругомъ грибовъ и ягодъ вдоволь: тутъ боровикъ, волнянка, подорѣшникъ; тутъ земляника. Тишь въ лѣсу такая, что ни одинъ листокъ не шелохнётся. Вотъ слышится мнѣ, будто бы кукушка кукуетъ гдѣ-то, только далекò. Дай, думаю, послушаю поближе, на долго ли Господь грѣхамъ потерпитъ? Аукнула и побѣжала дальше. За мной: „ау! ау!“, а я ныряю промежъ кустовъ, не хуже куропатки.

Вотъ и иду. Кустарникъ чаще, чаще—все жимолость, да цѣпкая такая: то тамъ, то здѣсь лѣтнѝкъ сучкомъ прихватитъ. На ту бѣду моя кукушка смолкла; куда идти—не знаю, да и полно!

Остановилась, духъ перевела, подумала: заблудишься, пожалуй! пошла назадъ тихонько, а сама по сторонамъ гляжу, ищу дороги. Кажися, здѣсь? Прошла шаговъ съ десятокъ — нѣтъ, здѣсь не шла; свернула полѣвѣе — опять не то; взяла направо — топь: по щиколтку ушла нога въ болото.

Я крикнула — никто не отвѣчаетъ; еще, еще — опять отвѣта нѣтъ; я не сробѣла, крикнула погромче, прислушалась, чу! кто-то отозвался, я на голосъ бѣжать, бѣжать, бѣжать, все цѣликомъ по хворосту, по кочкамъ; изорвала лѣтникъ, каптуръ сронила, валежникомъ всѣ ноги исколола, всѣ руки исцарапала — задаромъ; не изъ лѣсу бѣгу, а прямо въ лѣсъ.

Трущоба, глушь, а сучья, словно руки, такъ вотъ тебя за полы и хватаютъ. Страхъ обуялъ! Я побѣжала шибче, куда глаза глядѣли, безъ пути, безъ памяти — бѣжала и кричала, пока языкъ и ноги не отнялись; споткнулася о что-то и упала — тутъ изъ очей и выкатился свѣтъ.

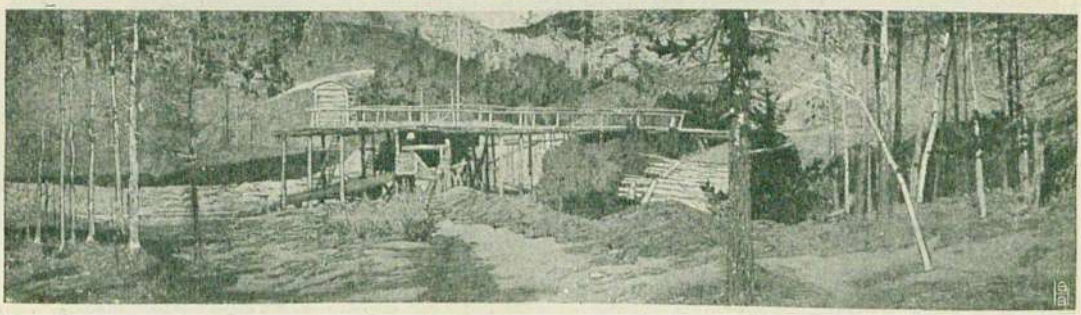
Уютъ — пріютъ, укромное мѣсто; тепло. **Уютный, уютно.** И прочность и уютъ, все было въ домѣ томъ (Крыловъ).

Лѣтникъ — женская легкая одежда.

Цѣликъ — бездорожное пространство. Ступай полемъ, цѣликомъ направо, выйдешь на дорогу. Мы все лѣсомъ, цѣликомъ ломились.

Каптуръ — головной уборъ, платокъ; наколка.

Валежникъ — упавшіе, или поваленные вѣтромъ, сучья и деревья.



Сосновый боръ. *И. Шишкина.*

21. Смерть.

Изъ „Записокъ охотника“ *И. С. Тургенева.*

Лѣсъ Ардаліона Михайлыча съ дѣтства былъ мнѣ знакомъ. Вмѣстѣ съ моимъ французскимъ гувернеромъ, m-r Désiré Fleury, добрѣйшимъ человѣкомъ, часто хаживалъ я въ Чаплыгино. Весь этотъ лѣсъ состоялъ изъ какихъ-нибудь двухъ или трехъ-сотъ огромныхъ дубовъ и ясеней. Ихъ статные, могучіе стволы великолѣпно чернѣли на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ и рябинъ; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и тамъ уже раскидывали шатромъ свои широкіе, узловатые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистомъ носились подъ неподвижными верхушками, пестрые дятлы крѣпко стучали по толстой корѣ; звучный напѣвъ чернаго дрозда внезапно раздавался въ густой листвѣ за переливчатымъ крикомъ иволги; внизу, въ кустахъ, чирикали и пѣли малиновки, чижи и пѣночки; зяблики проворно бѣгали по дорожкамъ; бѣлякъ прокрадывался вдоль опушки, осторожно „костыляя“; красно-бурая бѣлка рѣзво прыгала отъ дерева къ дереву и вдругъ садилась, поднявши хвостъ надъ головой. Въ травѣ, около высокихъ муравейниковъ, подъ легкой тѣнью вырѣзныхъ, красивыхъ листьевъ папоротника, цвѣли фіалки и ландыши, росли сыроѣжки, волнянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайкахъ, между широкими кустами, алѣла земляника... А что въ лѣсу за тѣнь была! Въ самый жаръ, въ полдень — ночь настоящая; тишина, запахъ, свѣжесть... Весело проводилъ я время въ Чаплыгинѣ, и оттого, признаюсь, не безъ грустнаго чувства въѣхалъ я теперь въ слишкомъ знакомый мнѣ лѣсъ. Губительная, безснѣжная зима 40-го года не пощадила старыхъ моихъ друзей — дубовъ и ясеней; засохшіе, обнаженные, кое-гдѣ покрытые чахоточной зеленью, печально высились они надъ молодой рощей, которая „смѣнила ихъ, не замѣнивъ“. Иные, еще обросшіе листьями внизу, словно съ упрекомъ и отчаяніемъ поднимали кверху свои безжизненныя, обломанныя вѣтви; у другихъ изъ листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной попрежнему, торчали толстые, сухіе, мертвые сучья; съ иныхъ уже кора долой спадала; иные, наконецъ, вовсе повалились и гнили, словно трупы, на землѣ. Кто бы могъ это предвидѣть — тѣни, въ Чаплыгинѣ, тѣни нигдѣ нельзя было найти! Что, думалъ я, глядя на умирающія деревья: чай, стыдно и горько вамъ?.. Вспомнился мнѣ Кольцовъ:

Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,

Сила гордая,
Доблесть царская?
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?..

— Какъ же это, Ардаліонъ Михайлычъ, — началъ я: — отчего жъ эти деревья на другой же годъ не срубили? Вѣдь, за нихъ теперь противъ прежняго десятой доли не дадутъ.

Онъ только плечами пожалъ.

Мы пробирались на мѣсто рубки, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ навстрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? куда ты бѣжишь? — спросилъ его Ардаліонъ Михайлычъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?.. Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ, да прямо на него. Мы кричимъ ему: бѣги, бѣги, бѣги... Ему бы въ сторону броситься, а онъ возьми, да прямо и побѣги... заробѣлъ знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился, — Господь его знаетъ... Развѣ сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

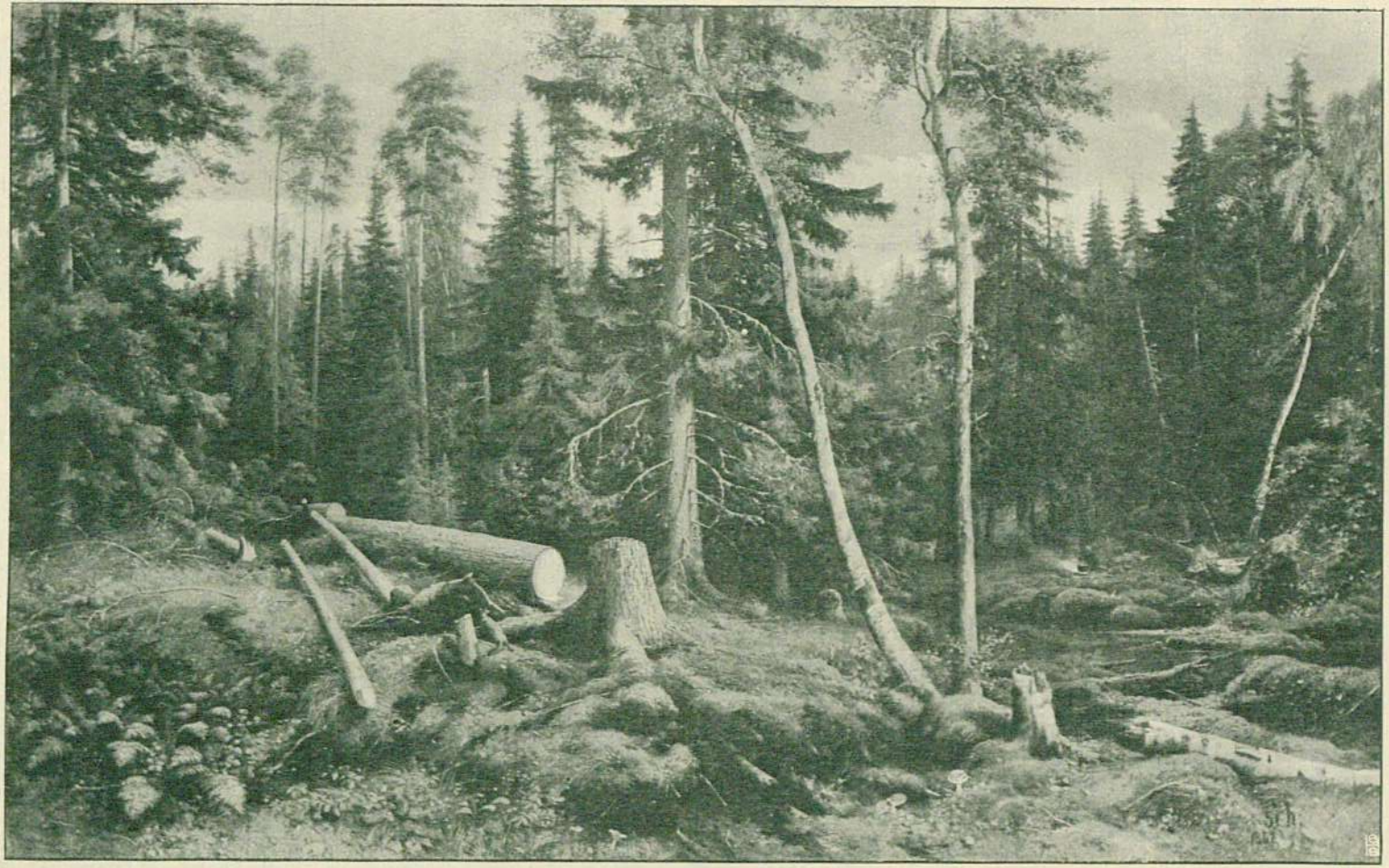
— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ, — да что: ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лекаремъ.

Ардаліонъ Михайлычъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ, на ссѣчки... Я за нимъ.

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась



Рубка лѣса. *И. Шишкина.*

неровно: онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайлыча.

— Батюшка, — заговорилъ онъ едва внятно: — за попомъ... послать... прикажите... Господь... меня наказалъ... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребятъ-то не распустилъ.

Онъ молчалъ. Дыханье ему спирало.

— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что̀ долженъ...

— Мы за лекаремъ послали, Максимъ, — заговорилъ мой сосѣдъ: — можетъ быть, ты еще и не умрешь.

Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ, подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, — глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли: — прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— Нельзя же ему однако тутъ умирать, — воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ: — ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу.

Человѣка два бросились къ телѣгѣ.

— Я у Ефима... Сычовскаго... — залепеталъ умирающій: — лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть на рогожу... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился...

— Умеръ, — пробормотали мужики.

Мы молча сѣли на лошадей и отъѣхали.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состоянье его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью; онъ умираетъ словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у другого моего сосѣда въ деревнѣ мужикъ въ овинѣ обгорѣлъ. Онъ такъ бы и остался въ овинѣ, да заѣзжій мѣщанинъ его полуживого вытащилъ: окунулся въ кадку съ водой, да съ разбѣга и вышибъ дверь подъ пылавшимъ навѣсомъ. Я зашелъ къ нему въ избу. Темно въ избѣ, душно, дымно. Спрашиваю, гдѣ больной? — „А вонъ, батюшка, на лежанкѣ“, — отвѣчаетъ мнѣ

нараспѣвъ подгорюнившаяся баба. Подхожу — лежитъ мужикъ, тулупомъ покрылся, дышитъ тяжко. „Что, какъ ты себя чувствуешь?“ Завозился больной на печи, подняться хочетъ, а весь въ ранахъ, при смерти. — „Лежи, лежи, лежи... Ну, что? какъ?“ — „Вѣстимо, плохо“, — говоритъ. — „Больно тебѣ?“ — Молчитъ. — „Не нужно ли чего?“ — Молчитъ. — „Не прислать ли тебѣ чаю, что ли?“ — „Не надо“. — Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса,—гробовое молчаніе въ избѣ. Въ углу, за столомъ подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ. Мать изрѣдка грозится на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучатъ, разговариваютъ: братнина жена капусту рубитъ. — „А, Аксинья!“ — проговорилъ, наконецъ, больной. — „Чего?“ — „Квасу дай“. — Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шопотомъ: причастили его? — „Причастили“. — Ну, стало быть, и все въ порядкѣ: ждетъ смерти, да и только. Я не вытерпѣлъ и вышелъ.

А то, помнится, завернулъ я однажды въ больницу села Красногорья, къ знакомому мнѣ фельдшеру Капитону, страстному охотнику.

Больница эта состояла изъ бывшаго господскаго флигеля; устроила ее сама помѣщица, то-есть велѣла прибить надъ дверью голубую доску съ надписью бѣлыми буквами: „Красногорская больница“, и сама вручила Капитону красивый альбомъ для записыванія именъ больныхъ.

Фельдшеръ купилъ на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лечить народъ Божій. Кромѣ его, при больницѣ состояло два человѣка: подверженный сумасшествію рѣзчикъ Павелъ и сухорукая баба Меликитриса, занимавшая должность кухарки. Они оба приготовляли лекарства, сушили и настаивали травы; они же укрощали горячечныхъ больныхъ. Сумасшедшій рѣзчикъ былъ на видъ угрюмъ и скупъ на слова; по ночамъ пѣлъ пѣсню „о прекрасной Венерѣ“ и къ каждому проѣзжему подходилъ съ просьбой позволить ему жениться на какой-то дѣвкѣ Маланьѣ, давно уже умершей. Сухорукая баба била его и заставляла стеречь индюшекъ. Вотъ, сижу я однажды у фельдшера Капитона. Начали мы было разговаривать о послѣдней нашей охотѣ, какъ вдругъ на дворъ въѣхала телѣга, запряженная необыкновенно толстой сивой лошадью, какія только бываютъ у мельниковъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный мужикъ въ новомъ армякѣ, съ разноцвѣтной бородой. — „А, Василій Дмитричъ“! — закричалъ изъ окна Капитонъ: „милости просимъ... Любовшинскій мельникъ“, — шепнулъ онъ мнѣ. Мужикъ, покряхтывая, слѣзъ съ телѣги,

вошелъ въ фельдшерову комнату, поискалъ глазами образа и перекрестился. — „Ну, что, Василій Дмитричъ, что новенькаго?.. Да вы, должно быть, нездоровы: лицо у васъ нехорошо". — „Да, Капитонъ Тимоѳеичъ, не ладно что-то". — „Что съ вами?" — „Да вотъ что, Капитонъ Тимоѳеичъ. Недавно купилъ я въ городѣ жернова; ну, привезъ ихъ домой, да какъ сталъ ихъ съ телѣги-то выкладывать, понатужился знать, что ли, въ черевѣ-то у меня такъ йокнуло, словно оборвалось что... да вотъ съ тѣхъ поръ все и не здоровится. Сегодня даже больно неладно". — „Гмъ", — промолвилъ Капитонъ и понюхалъ табаку: „значитъ, грыжа. А давно съ вами это приключилось?" — „Да десятый денекъ пошелъ". — „Десятый?" (Фельдшеръ потянулъ въ себя сквозь зубы воздухъ и головой покачалъ). „Позволь-ка себя пощупать". — „Ну, Василій Дмитричъ", — проговорилъ онъ, наконецъ: — „жаль мнѣ тебя сердечнаго, а вѣдь дѣло-то твое неладно; ты боленъ не на шутку; оставайся-ка здѣсь у меня; я съ своей стороны все стараніе приложу, а, впрочемъ, ни за что не ручаюсь". — „Будто такъ худо?" — пробормоталъ изумленный мельникъ. — „Да, Василій Дмитричъ, худо; пришли бы вы ко мнѣ деньками двумя пораньше, — и ничего бы, какъ рукой бы снялъ, а теперь у васъ воспаленіе, вонъ что; того и гляди, антоновъ-огонь сдѣлается". — „Да быть не можетъ, Капитонъ Тимоѳеичъ". — „Ужъ я вамъ говорю". — „Да какъ же это!" (Фельдшеръ плечами пожалъ). — „И умирать мнѣ изъ-за этакой дряни?" — „Этого я не говорю... а только оставайтесь здѣсь". Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ, потомъ на насъ взглянулъ, почесалъ въ затылкѣ, да за шапку. — „Куда же вы, Василій Дмитричъ?" — „Куда? вѣстимо куда, — домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ". — „Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ, помилуйте; я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали? останьтесь". — „Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимоѳеичъ, ужъ умирать, такъ дома умирать, а то что жъ я здѣсь умру, — у меня дома и Господь знаетъ что приключится". — „Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло-то пойдетъ... Конечно, опасно, очень опасно, спору нѣтъ... да отъ того-то и слѣдуетъ вамъ остаться" (Мужикъ головой покачалъ). — „Нѣтъ, Капитонъ Тимоѳеичъ, не останусь... а лекарствецо развѣ пропишите". — „Лекарство одно не поможетъ". — „Не останусь, говорятъ". — „Ну, какъ хочешь... чуръ потомъ не пенять!".

Фельдшеръ вырвалъ страничку изъ альбома и, прописавъ рецептъ, посовѣтовалъ, что еще дѣлать. Мужикъ взялъ бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ на телѣгу. — „Ну, прощайте,

Капитонъ Тимоѳеичъ, не поминайте лихомъ да сиротокъ не забывайте, коли что"... — „Эй, останься, Василій!" — Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ вожжой по лошади и съѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему вслѣдъ. Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со встрѣчными раскланивался... На четвертый день онъ умеръ.

Вообще, удивительно умираютъ русскіе люди.

Много другихъ еще примѣровъ въ голову приходятъ, — да всего не перескажешь. Ограничусь однимъ.

Старушка-помѣщица при мнѣ умирала. Священникъ сталъ читать надъ ней отходную да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходитъ, и поскорѣе подалъ ей крестъ. Помѣщица съ неудовольствіемъ отодвинулась. „Куда спѣшишь, батюшка", — проговорила она коснѣющимъ языкомъ: „успѣешь"... Она приложилась, засунула было руку подъ подушку и испустила послѣдній вздохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый: она хотѣла заплатить священнику за свою собственную отходную...

Да, удивительно умираютъ русскіе люди!

Статный — стройный, красивыхъ статей. **Стать**, тѣлосложеніе, соразмѣрность тѣла и его членовъ. Конскія стати. Стати ломовыя, рысистыя, скаковыя. Разбирать лошадь по статямъ.

Кобчикъ — маленькій ястребъ.

Пустельга — ястребокъ, который ловитъ только полевыхъ мышей и насѣкомыхъ.

Дроздъ — *Простъ, какъ дроздъ. Хватилъ дроздовъ*, прозябъ, назябся.

Бѣлякъ — см. стр. 41.

Подрядчикъ, отъ сущ. **подрядъ** — обоюдный уговоръ на доставку, работу, срочную продажу. Снять, сдать подрядъ.

Ссѣчка — расчистка лѣса для пашни; рубка, валка лѣса.

Овинъ — строеніе для молотьбы и сушки хлѣба; рига, клуня.

Жерновъ — мельничный камень. Запѣлъ, замололъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно (Аксаковъ. Семейная хроника). Молоть пустое, жернова сотрешь (Островскій. Воевода).

Антоновъ-огонь (простонар.) — зараженіе крови.

Пенять — упрекать, укорять, выговаривать, винить. *На зеркало нечего пенять, коли рожа крива. Пеняла ступа на пестъ, а пестъ на ступу.* **Ступа**, сосудъ, въ которомъ толкутъ **пестомъ**, толкачомъ. *Попалъ въ люди, какъ пестъ въ ложки. Его толочь заставь, такъ онъ и въ ступкѣ дно прошибетъ. Ее и въ ступкѣ не утолчешь*, упряма. *Въ него и въ ступкѣ пестомъ не угодишь*, увертливъ.

Отходная — молитва, читаемая умирающему на отходъ души.

Коснѣть — упорно оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, состояніи. Коснѣть въ невѣжествѣ. Закоснѣлый злодѣй. Косноязычный, заика.

Учительница. *И. Кабанова.*

22. Анчаръ.

Стихотвореніе *А. С. Пушкина.*

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
на почвѣ, зноемъ раскаленной,
анчаръ, какъ грозный часовой,
стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
его въ день гнѣва породила —
и зелень мертвую вѣтвей
и корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
къ полудню растопясь отъ зною,
и застываетъ ввечеру
густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
и тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
на древо смерти налетитъ
и мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
блуждая, листъ его дремучій,
съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ:
и тотъ послушно въ путь потекъ
и къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
да вѣтвь съ увядшими листами, —
и потъ по блѣдному челу
струился хладными ручьями;

принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
подъ сводомъ шалаша на лыки,
и умеръ бѣдный рабъ у ногъ
непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
свои послушливыя стрѣлы
и съ ними гибель разослалъ
къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Анчаръ — ядовитое дерево, о которомъ много баснословныхъ разсказовъ; его родина остр. Ява.

Тлетворный — вредный, пагубный, губительный. **Тля**, гниль, ржа; моль. **Тлѣнный, нетлѣнный.**

Лыко — кора, подкорье, лубъ; мочалка. Не лыкомъ шиты, за себя постоимъ. Лыка не вяжетъ, пьянъ безъ языка. Въ лыко ставить, строго къ чему относиться. Не всякое лыко въ строку, нельзя безъ снисхожденія. *Лучше лычный миръ, чѣмъ ременный судъ. Борода велика, а ума ни на лыко.*

Владыка — повелитель, властелинъ. *Своя рука владыка.* Не чту владыкой никого (Лермонтовъ).

⁂

23. Приступъ.

Изъ повѣсти *А. С. Пушкина* „Капитанская дочка".

А. С. Пушкинъ.
(1799 — 1837).

Мы пошли на валъ — возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростью необыкновенной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхами. Они, казалося, были казаки, но между ними находились и башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: „Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку-государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!" Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою

толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, не хотѣвшая отстать отъ нея.

— Ну, что? сказала комендантша:—каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?

— Непріятель недалече, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ:—Богъ дастъ все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

— Нѣтъ, папенька, отвѣчала Марья Ивановна:—дома одной страшнѣе.

Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другого на копьѣ воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколъ. Голова бѣднаго калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали:

— Не стрѣляйте; выходите вонъ къ государю. Государь здѣсь!

— Вотъ я васъ! закричалъ Иванъ Кузьмичъ:—ребята, стрѣляй!

Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ уздцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники видимо

приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ.

— Василиса Егоровна! сказалъ комендантъ:—здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва.

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ обратилась къ мужу и сказала ему:

— Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу!

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

— Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе.

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся жъ и мы, сказала, заплакавъ, комендантша:—прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ тебѣ я досадила!

— Прощай, прощай, матушка, сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху:—ну, довольно! ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ во слѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ оборотился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей.

— Теперь стойте крѣпко, сказалъ комендантъ:—будетъ приступъ...

Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились.

— Ну, ребята, сказалъ комендантъ:—теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся.

— Что жъ вы, дѣтушки, стоите? закричалъ Иванъ Кузьмичъ:— умирать, такъ умирать, дѣло служивое!

Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: „вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!“ Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красный казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина.

— Который комендантъ? — спросилъ самозванецъ.

Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему:

— Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю.

Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Ты мнѣ не государь; ты — воръ и самозванецъ, слышь ты!

Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича.

Судъ Пугачева. *В. Г. Перова.*

— Присягай, сказалъ ему Пугачевъ,—государю Петру Ѳеодоровичу!

— Ты намъ не государь, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана:—ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!

Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

— Вѣшать его! сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня.

Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу.

— Небось, небось, повторяли мнѣ губители, можетъ-быть и вправду желая меня ободрить.

Вдругъ услышалъ я крики: „Постойте, окаянные! погодите!..“ Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева.

— Отецъ родной! говорилъ бѣдный дядька,—что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ, а для примѣра и страха ради вели повѣсить хоть меня, старика!

Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили.

— Батюшка нашъ тебя милуетъ, говорили мнѣ.

Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однакожъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку.

— Цѣлуй руку, цѣлуй руку! говорили около меня.

Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію.

— Батюшка, Петръ Андреичъ! шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня:—не упрямься! что тебѣ стоитъ? плюнь, да поцѣлуй у злод... (тьфу!) поцѣлуй у него ручку.

Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою:

— Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!

Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ, Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую донага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь.

— Батюшки мои! кричала бѣдная старушка:—отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу!

Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа.

— Злодѣи! закричала она въ изступленіи:—что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!

— Унять старую вѣдьму! сказалъ Пугачевъ.

Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣніями.

Гарнизонъ (франц.) — 1) войско, находящееся въ крѣпости для защиты ея; 2) войско, расположенное въ городѣ для караульныхъ обязанностей. Эта дрянная гарниза надѣ нетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ (Гоголь. Ревизоръ).

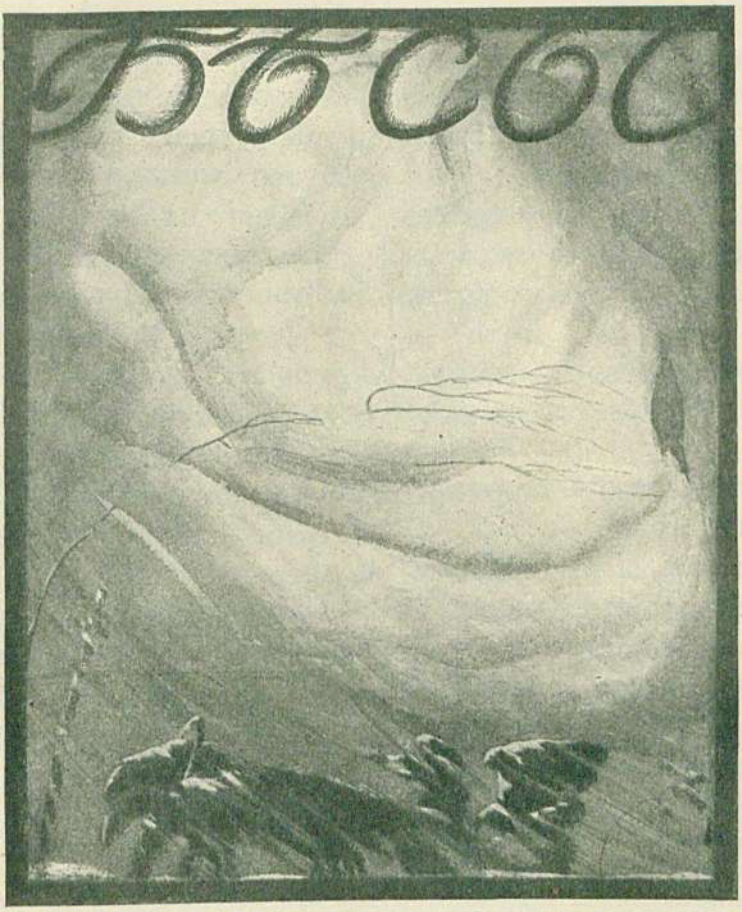
Комендантъ (франц.) — начальникъ крѣпости, городского гарнизона. ...Когда бы службу продолжалъ, конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ (Грибоѣдовъ. Горе отъ ума.)

Сайдакъ, саадакъ (татарск.) — лукъ съ налучникомъ и колчанъ со стрѣлами; чехолъ на лукъ, налучникъ.

Картечь (итал.) — разрывной зарядъ для большихъ орудій.

Урядникъ — нижній военный (въ казачьихъ войскахъ) и полицейскій чинъ. **Урядъ** — порядокъ, обиходъ, правила. Со своимъ урядомъ въ люди не ходятъ.

*



24. Бѣсы.

Стихотвореніе *А. С. Пушкина*

Мчатся тучи, вьются тучи;
невидимкою луна
освѣщаетъ снѣгъ летучій;
мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ,
колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ! —
„Нѣтъ мочи:
конямъ, баринъ, тяжело;
вьюга мнѣ слипаетъ очи;
всѣ дороги занесло;
хоть убей, слѣда не видно;
сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
да кружитъ по сторонамъ".

„Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
дуетъ, плюетъ на меня;
вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
одичалаго коня;
тамъ верстою небывалой
онъ торчалъ передо мной;
тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
и пропалъ во тьмѣ пустой".

Мчатся тучи, вьются тучи;
невидимкою луна
освѣщаетъ снѣгъ летучій;
мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ,
колокольчикъ вдругъ умолкъ;
кони встали... — Что тамъ въ полѣ? —
„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?“

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
кони чуткіе храпятъ;
вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу — духи собралися
средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
въ мутной мѣсяца игрѣ
закружились бѣсы разны,
будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
невидимкою луна
освѣщаетъ снѣгъ летучій;
мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
въ безпредѣльной вышинѣ,
визгомъ жалобнымъ и воемъ
надрывая сердце мнѣ...

Домовой—духъ, живущій въ домахъ, въ качествѣ какъ охранителя, такъ и обидчика. Тебя молю, мой добрый домовой (Пушкинъ. Домовому). Боишься домовыхъ, боишься и людей живыхъ (Грибоѣдовъ. Горе отъ ума).

*

25. Тоска.

Разсказъ *А. П. Чехова.*

Кому повѣмъ печаль мою?...

Вечернія сумерки. Крупный, мокрый снѣгъ лѣниво кружится около только что зажженыхъ фонарей и тонкимъ, мягкимъ пластомъ ложится на крыши, лошадиныя спины, плечи, шапки. Извозчикъ Іона Потаповъ весь бѣлъ, какъ привидѣніе. Онъ согнулся, насколько только возможно согнуться живому тѣлу, сидитъ на козлахъ и не шевельнется. Упади на него цѣлый сугробъ, то и тогда бы, кажется, онъ не нашелъ нужнымъ стряхивать съ себя снѣгъ... Его лошаденка тоже бѣла и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью формъ и палкообразной прямизною ногъ она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку. Она, по всей вѣроятности, погружена въ мысль.

Кого оторвали отъ плуга, отъ привычныхъ сѣрыхъ картинъ и бросили сюда въ этотъ омутъ, полный чудовищныхъ огней, неугомоннаго треска и бѣгущихъ людей, тому нельзя не думать...

Іона и его лошаденка не двигаются съ мѣста уже давно. Выѣхали они со двора еще до обѣда, а почина все нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ на городъ спускается вечерняя мгла. Блѣдность фонарныхъ огней уступаетъ свое мѣсто живой краскѣ, и уличная суматоха становится шумнѣе.

— Извозчикъ, на Выборгскую!—слышитъ Іона.—Извозчикъ!

Іона вздрагиваетъ и сквозь рѣсницы, облѣпленныя снѣгомъ, видитъ военнаго въ шинели съ капюшономъ.

— На Выборгскую!—повторяетъ военный.—Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

Въ знакъ согласія Іона дергаетъ вожжи, отчего со спины лошади и съ его плечъ сыплются пласты снѣга... Военный садится въ сани. Извозчикъ чмокаетъ губами, вытягиваетъ по лебединому шею, приподнимается и больше по привычкѣ, чѣмъ по нуждѣ, машетъ кнутомъ. Лошаденка тоже вытягиваетъ шею, кривитъ свои палкообразныя ноги и нерѣшительно двигается съ мѣста...

— Куда прешь, лѣшій!—на первыхъ же порахъ слышитъ Іона возгласы изъ темной, движущейся взадъ и впередъ массы.—Куда черти несутъ? Правa держи!

— Ты ѣздить не умѣешь! Права держи!—сердится военный.

Бранится кучеръ съ кареты, злобно глядитъ и стряхиваетъ съ рукава снѣгъ прохожій, перебѣгавшій дорогу и налетѣвшій плечомъ на морду лошаденки. Іона ерзаетъ на козлахъ, какъ на иголкахъ, тыкаетъ въ стороны локтями и водитъ глазами, какъ угорѣлый, словно не понимаетъ, гдѣ онъ и зачѣмъ онъ здѣсь.

— Какіе всѣ подлецы!—остритъ военный.—Такъ и норовятъ столкнуться съ тобой или подъ лошадь попасть. Это они сговорились.

Іона оглядывается на сѣдока и шевелитъ губами... Хочетъ онъ, повидимому, что-то сказать, но изъ горла не выходитъ ничего, кромѣ сопѣнья.

— Что?—спрашиваетъ военный.

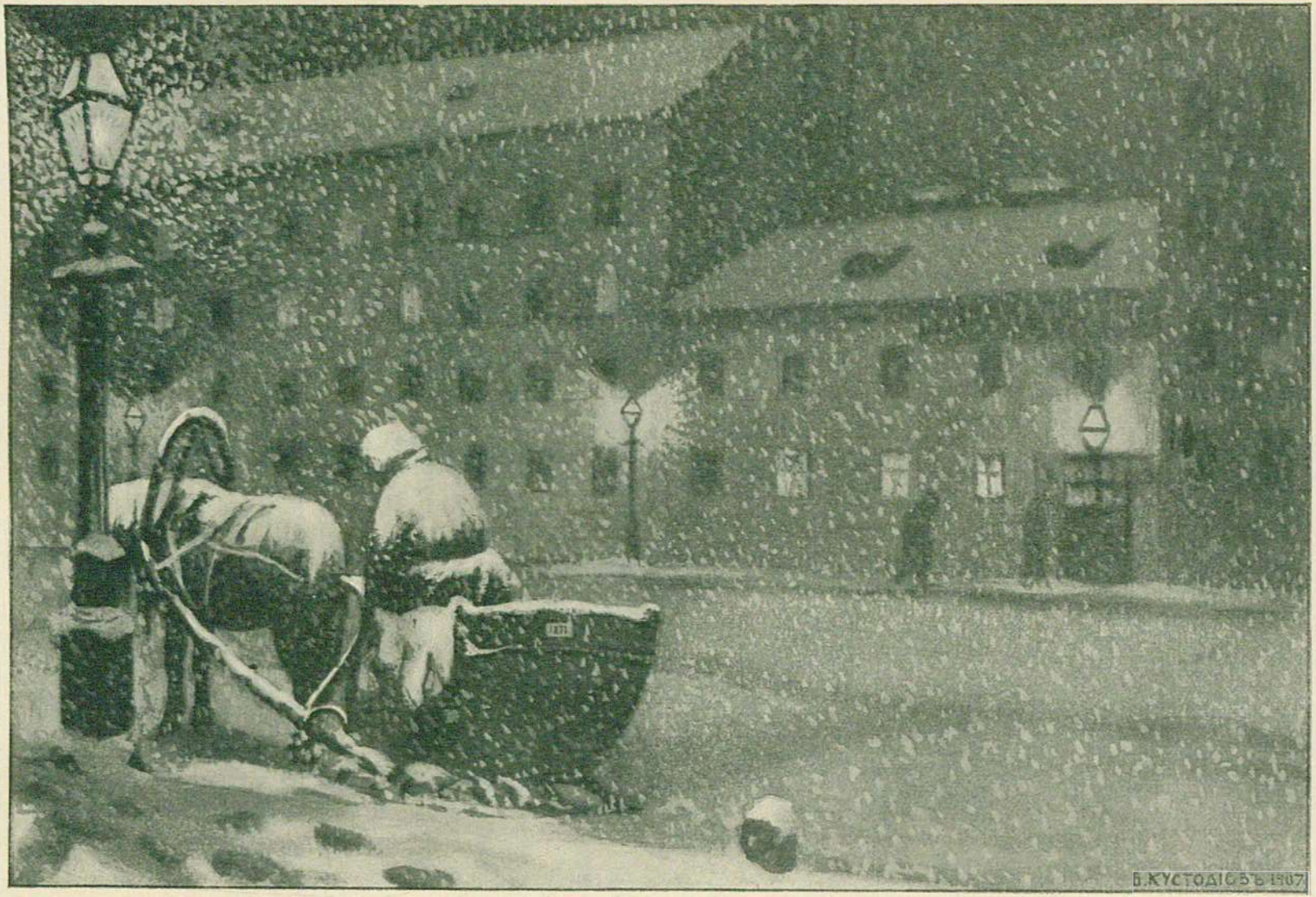
Іона кривитъ улыбкой ротъ, напрягаетъ свое горло и сипитъ:

— А у меня, баринъ, тово... сынъ на этой недѣлѣ померъ.

— Гм!.. Отчего же онъ умеръ?

Іона оборачивается всѣмъ туловищемъ къ сѣдоку и говоритъ:

— А кто жъ его знаетъ! Должно, отъ горячки... Три дня полежалъ въ больницѣ и померъ... Божья воля.


Б.КУСТОДІЄВЪ 1907

— Сворачивай, дьяволъ!—раздается въ потемкахъ.—Гляди глазами!

— Поѣзжай, поѣзжай...—говоритъ сѣдокъ.—Этакъ мы и до завтра не доѣдемъ. Подгони-ка!

Извозчикъ опять вытягиваетъ шею, приподнимается и съ тяжелой граціей взмахиваетъ кнутомъ. Нѣсколько разъ потомъ оглядывается онъ на сѣдока, но тотъ закрылъ глаза и, повидимому, не расположенъ слушать. Высадивъ его на Выборгской, онъ останавливается у трактира, сгибается на козлахъ и опять не шевельнется... Мокрый снѣгъ опять краситъ набѣло его и лошаденку. Проходитъ часъ, другой...

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходятъ трое молодыхъ людей: двое изъ нихъ высоки и тонки, третій малъ и горбатъ.

— Извозчикъ, къ Полицейскому мосту!—кричитъ дребезжащимъ голосомъ горбачъ.—Троихъ... двугривенный!

Іона дергаетъ вожжами и чмокаетъ. Двугривенный цѣна не сходная, но ему не до цѣны... Что рубль, что пятакъ—для него теперь все равно, были бы только сѣдоки...

— Ну, погоняй!—дребезжитъ горбачъ, устанавливаясь и дыша въ затылокъ Іоны.—Луни! Да и шапка же у тебя, братецъ! Хуже во всемъ Петербургѣ не найти...

— Гы-ы... гы-ы...—хохочетъ Іона.—Какая есть.

— Извозчикъ, ты женатъ?—спрашиваетъ длинный.

— Я-то? Гы-ы... ве-еселые господа! Таперя у меня одна жена—сырая земля... Хи-хо-хо... Могила, то-есть!.. Сынъ-то вотъ померъ, а я живъ... Чудное дѣло, смерть дверью обозналась... Замѣсто того, чтобъ ко мнѣ идтить, она къ сыну...

И Іона оборачивается, чтобы разсказать, какъ умеръ его сынъ, но тутъ горбачъ легко вздыхаетъ и заявляетъ, что, слава Богу, они, наконецъ, пріѣхали. Получивъ двугривенный, Іона долго глядитъ вслѣдъ гулякамъ, исчезающимъ въ темномъ подъѣздѣ. Опять онъ одинокъ и опять наступаетъ для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распираетъ грудь еще съ большей силой. Глаза Іоны тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, снующимъ по обѣ стороны улицы: не найдется ли изъ этихъ тысячъ людей хоть одинъ, который выслушалъ бы его? Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границъ. Лопни грудь Іоны, и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется, весь свѣтъ залила, но тѣмъ не менѣе ея не видно. Она сумѣла помѣститься въ такую ничтожную скорлупу, что ея не увидишь днемъ съ огнемъ...

Іона видитъ дворника съ кулькомъ и рѣшаетъ заговорить съ нимъ.

— Милый, который теперь часъ будетъ?—спрашиваетъ онъ.

— Десятый... Чего же сталъ здѣсь? Проѣзжай!

Іона отъѣзжаетъ на нѣсколько шаговъ, изгибается и отдается тоскѣ... Обращаться къ людямъ онъ считаетъ уже безполезнымъ. Но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ выпрямляется, встряхиваетъ головой, словно почувствовалъ острую боль, и дергаетъ вожжи... Ему невмоготу.

„Ко двору,—думаетъ онъ.—Ко двору!“

И лошаденка, точно понявъ его мысль, начинаетъ бѣжать рысцой. Спустя часа полтора, Іона сидитъ уже около большой, грязной печи. На печи, на полу, на скамьяхъ храпитъ народъ. Въ воздухѣ „спираль“ и духота... Іона глядитъ на спящихъ, почесывается и жалѣетъ, что такъ рано вернулся домой...

„И на овесъ не выѣздилъ,—думаетъ онъ.—Оттого-то вотъ и и тоска. Человѣкъ, который знающій свое дѣло... который и самъ сытъ, и лошадь сыта, завсегда покоенъ...“

Въ одномъ изъ угловъ поднимается молодой извозчикъ, сонно крякаетъ и тянется къ ведру съ водой.

— Пить захотѣлъ?—спрашиваетъ Іона.

— Стало быть, пить!

— Такъ... На здоровье... А у меня, братъ, сынъ померъ... Слыхалъ? На этой недѣлѣ въ больницѣ... Исторія!

Іона смотритъ, какой эффектъ произвели его слова, но не видитъ ничего. Молодой укрылся съ головой и уже спитъ. Старикъ вздыхаетъ и чешется... Какъ молодому хотѣлось пить, такъ ему хочется говорить. Скоро будетъ недѣля, какъ умеръ сынъ, а онъ еще путемъ не говорилъ ни съ кѣмъ... Нужно поговорить съ толкомъ, съ разстановкой... Надо разсказать, какъ заболѣлъ сынъ, какъ онъ мучился, что говорилъ передъ смертью, какъ умеръ... Нужно описать похороны и поѣздку въ больницу за одеждой покойника. Въ деревнѣ осталась дочка Анисья... И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чемъ онъ можетъ теперь поговорить? Слушатель долженъ охать, вздыхать, причитывать... А съ бабами говорить еще лучше. Тѣ хоть и дуры, но ревутъ отъ двухъ словъ.

„Пойти лошадь поглядѣть,— думаетъ Іона.— Спать всегда успѣешь... Небось, выспишься...“

Онъ одѣвается и идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь. Думаетъ онъ объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ... Про сына, когда одинъ, ду-

мать онъ не можетъ... Поговорить съ кѣмъ-нибудь о немъ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко...

— Жуешь?—спрашиваетъ Іона свою лошадь, видя ея блестящіе глаза.—Ну, жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ... Да... Старъ ужъ сталъ я ѣздить... Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ... Жить бы только...

Іона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

— Такъ-то, братъ кобылочка... Нѣту Кузьмы Іоныча... Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперя, скажемъ, у тебя жеребеночекъ и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь жалко?

Лошаденка жуетъ, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина...

Іона увлекается и разсказываетъ ей все...

Повѣмъ — повѣдаю. *Чей хлѣбъ ѣмъ, того и пѣмъ.* **Вѣсть**, вѣдаетъ; извѣстно. Что впереди, Богъ вѣсть, а что мое—мое (Крыловъ). Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ.. Богъ вѣсть, какому счастью вѣритъ (Пушкинъ. „Полтава“). **Невѣсть, невѣсть что** неизвѣстно, невѣдомо.

Починъ, начало. *Починъ дороже рубля. Горячъ на починъ, да скоро остылъ. Лиха бѣда починъ: есть дыра, будетъ и прорѣха.*

Могота, могута — сила, возможность. *Сверхъ могуты и конь не скачетъ. И лошадка въ хомутѣ везетъ по могутѣ.* **Невмоготу**, не подъ силу.

Приказалъ долго жить — умеръ. Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить (Гоголь).

*

26. М а ш а.

Стихотвореніе въ прозѣ *И. С. Тургенева.*

Проживая—много лѣтъ тому назадъ—въ Петербургѣ, я, всякій разъ, какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишками и плохой клячонкой — въ надеждѣ и самимъ прокормиться, и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ, однажды нанялъ я такого извозчика... Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ-молодцомъ; глаза голубые, щеки румяныя; русые волосы вьются колечками изъ-подъ надвинутой на самыя брови заплатанной шапоньки. И какъ только налѣзъ этотъ рваный армячишка на эти богатырскія плечи!

Однако, красивое, безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Ноябрьскій вечеръ. *Н. Н. Дубовскаго.*

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

— Что, братъ? — спросилъ я его. — Отчего ты не веселъ? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.

— Есть, баринъ, есть, — промолвилъ онъ наконецъ. — Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любилъ... Жену-то свою?

Парень не обернулся ко мнѣ; только голову наклонилъ немного.

— Любилъ, баринъ. Восьмой мѣсяцъ пошелъ... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце... да и ну! И съ чего ей было помирать-то? Молодая, здоровая!.. Въ единъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ! — тяжело вздохнулъ бѣднякъ. — И какъ же дружно мы жили съ ней! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее, значитъ, уже похоронили, — сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Пріѣхалъ, а ужъ за-полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился по серединѣ и говорю такъ-то тихохонько: „Маша! а Маша!“ Только сверчокъ трещитъ. — Заплакалъ я тутотка, сѣлъ на избяной полъ — да ладонью по землѣ какъ хлопну! — Ненасытная, говорю, утроба!.. Сожрала ты ее... сожри-жъ и меня! — Ахъ, Маша!

— Маша! — прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. И не выпуская изъ рукъ веревочныхъ вожжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ ее, сбросилъ въ сторону, повелъ плечами — и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣзая съ саней, я далъ ему лишній пятиалтынный. — Онъ поклонился мнѣ низехонько, взявшись обѣими руками за шапку — и поплелся шажкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январскаго мороза.

Вохра — охра, желтая краска. Везли на погостъ чей-то вохрой окрашенный гробъ (Некрасовъ. „О погодѣ“).

Оброкъ — поземельная подать временъ крѣпостного права: денежная повинность, уплачивавшаяся помѣщику крестьяниномъ, посаженнымъ на пашню. Оброчный крестьянинъ, въ отличіе отъ крестьянина барщиннаго, отбывавшаго повинность личнымъ трудомъ на помѣщичьей, барской землѣ. **Барщина**, совокупность крѣпостныхъ работъ въ пользу помѣщика.

Глодать — 1) огрызать, объѣдать. Собака гложетъ кость. Онъ (червякъ) обѣщалъ вести себя тамъ честно, не трогая плодовъ, листочки лишь глодать (Крыловъ. „Мальчикъ и червякъ“); 2) съѣдать, пожирать, бранить. Тоска гложетъ. Совѣсть гложетъ.

Порѣшить — окончательно рѣшить, кончить, покончить.

Утроба — *Волкъ по утробѣ воръ, а человѣкъ по зависти.*

⁂

27. Смерть Мармеладова.

Изъ романа *Ѳ. М. Достоевскаго* „Преступленіе и наказаніе“.

Посреди улицы стояла коляска, щегольская и барская, запряженная парой горячихъ сѣрыхъ лошадей; сѣдоковъ не было, и самъ кучеръ, слѣзши съ козелъ, стоялъ подлѣ; лошадей держали подъ уздцы. Кругомъ тѣснилось множество народу, впереди всѣхъ полицейскіе. У одного изъ нихъ былъ въ рукахъ зажженный фонарикъ, которымъ онъ, нагибаясь, освѣщалъ что-то на мостовой у самыхъ колесъ. Всѣ говорили, кричали, охали; кучеръ казался въ недоумѣніи и изрѣдка повторялъ:

— Экой грѣхъ! Господи, грѣхъ-то какой!

Проходившій мимо студентъ Раскольниковъ протѣснился, по возможности, и увидалъ, наконецъ, предметъ всей этой суеты и любопытства. На землѣ лежалъ только что раздавленный лошадьми человѣкъ, безъ чувствъ, повидимому очень худо одѣтый, но въ „благородномъ“ платьѣ, весь въ крови. Съ лица, съ головы текла кровь; лицо было все избито, ободрано, исковеркано. Видно было, что раздавили не на шутку.

— Батюшки! причиталъ кучеръ:—какъ тутъ усмотрѣть! Коли бъ я гналъ, али бъ не кричалъ ему, а то ѣхалъ не поспѣшно, равномѣрно. Вижу его, улицу переходитъ, шатается, чуть не валится, — крикнулъ одноважды, да въ другой, да въ третій, да и придержалъ лошадей; а онъ прямёхонько имъ подъ ноги такъ и палъ! Ужъ нарочно что ль онъ, аль ужъ очень былъ нетверезъ... Лошади-то молодыя, пужливыя — дернули, а онъ вскричалъ — онѣ пуще... вотъ и бѣда.

— Это такъ, какъ есть! раздался чей-то свидѣтельскій отзывъ въ толпѣ.

— Кричалъ-то онъ, это правда, три раза ему прокричалъ! отозвался другой голосъ.

— Въ аккуратъ три раза, всѣ слышали! крикнулъ третій.

Впрочемъ кучеръ былъ не очень унылъ и испуганъ. Видно было, что экипажъ принадлежалъ богатому и значительному владѣльцу, ожидавшему гдѣ-нибудь его прибытія; полицейскіе, ужъ конечно, не мало заботились, какъ уладить это послѣднее обстоятельство. Раздавленнаго предстояло прибрать въ часть и въ больницу. Никто не зналъ его имени.

Между тѣмъ Раскольниковъ протѣснился и нагнулся еще ближе. Вдругъ фонарикъ ярко освѣтилъ лицо несчастнаго: онъ узналъ его.

— Я его знаю, знаю! закричалъ онъ, протискиваясь совсѣмъ впередъ:—это чиновникъ, отставной титулярный совѣтникъ Мармеладовъ! Онъ здѣсь живетъ, подлѣ, въ домѣ Козеля... Доктора поскорѣе! Я заплачу, вотъ!

Онъ вытащилъ изъ кармана деньги и показывалъ полицейскому. Онъ былъ въ удивительномъ волненіи.

Полицейскіе были довольны, что узнали, кто раздавленный. Раскольниковъ назвалъ и себя, далъ свой адресъ и всѣми силами, какъ будто дѣло шло о родномъ отцѣ, уговаривалъ перенести поскорѣе безчувственнаго Мармеладова въ его квартиру.

— Вотъ тутъ черезъ три дома, хлопоталъ онъ, — домъ Козеля, нѣмца, богатаго... Онъ теперь, вѣрно, пьяный, домой пробирался. Я его знаю... Онъ пьяница... Тамъ у него семейство, жена, дѣти, дочь одна есть. Пока еще въ больницу тащить, а тутъ вѣрно въ домѣ же докторъ есть! Я заплачу, заплачу!.. Все-таки уходъ будетъ свой, помогутъ сейчасъ, а то онъ умретъ до больницы-то...

Раздавленнаго подняли и понесли; нашлись помощники. Домъ Козеля былъ шагахъ въ тридцати. Раскольниковъ шелъ сзади, осторожно поддерживалъ голову и показывалъ дорогу.

— Сюда, сюда! На лѣстницу надо вверхъ головой вносить; оборачивайтесь... вотъ такъ! Я заплачу, я поблагодарю, бормоталъ онъ.

Жена Мармеладова, Катерина Ивановна, чуть только выпадала свободная минута, всегда принималась ходить взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ, отъ окна до печки и обратно, плотно скрестивъ руки на груди, говоря сама съ собой и кашляя. Въ послѣднее время она стала все чаще и больше разговаривать съ своею старшею дѣвочкой, десятилѣтнею Поленькой, которая хотя и многаго еще не понимала, но зато очень хорошо поняла, что нужна матери, и потому всегда слѣдила за нею своими большими умными глазами и всѣми силами хитрила, чтобы представиться все понимающей. Въ этотъ разъ Поленька раздѣвала маленькаго брата, которому весь день не здоровилось, чтобъ уложить его спать. Въ ожиданіи, пока ему перемѣнятъ рубашку, которую предстояло ночью же вымыть, мальчикъ сидѣлъ на стулѣ молча, съ серьезною миной, прямо и недвижимо, съ протянутыми впередъ ножками, плотно вмѣстѣ сжатыми пяточками, а носками врозь. Онъ слушалъ, что говорила мамаша съ сестрицей,

надувъ губки, выпучивъ глазки и не шевелясь, точь въ точь, какъ обыкновенно должны сидѣть всѣ умные мальчики, когда ихъ раздѣваютъ, чтобъ идти спать. Еще меньше его дѣвочка, въ совершенныхъ лохмотьяхъ, стояла у ширмъ и ждала своей очереди. Дверь на лѣстницу была отворена, чтобы хоть сколько-нибудь защититься отъ волнъ табачнаго дыма, врывавшихся изъ другихъ комнатъ и поминутно заставлявшихъ долго и мучительно кашлять бѣдную чахоточную Катерину Ивановну. Она какъ будто еще больше похудѣла въ эту недѣлю, и красныя пятна на щекахъ ея горѣли еще ярче, чѣмъ прежде.

— Ты не повѣришь, ты и вообразить себѣ не можешь, Поленька, говорила она, ходя по комнатѣ, — до какой степени мы весело и пышно жили въ домѣ у папеньки. Папаша былъ статскій полковникъ и уже почти губернаторъ; ему только оставался всего одинъ какой-нибудь шагъ, такъ что всѣ къ нему ѣздили и говорили: „Мы васъ ужъ такъ и считаемъ, Иванъ Михайловичъ, за нашего губернатора“. Когда я... кхе! когда я... кхе-кхе-кхе... о, проклятая жизнь! вскрикнула она, отхаркивая мокроту и схватившись за грудь: — когда я... ахъ, когда на послѣднемъ балѣ... у предводителя... меня увидала княгиня Безземельная, — которая меня потомъ благословляла, когда я выходила за твоего папашу, Поля, — то тотчасъ спросила: „Не та ли это милая дѣвица, которая съ шалью танцовала при выпускѣ?..“ (Прорѣху-то эту зашить надо, вотъ взяла бы иглу да сейчасъ бы и заштопала, какъ я тебя учила, а то завтра... кхе! завтра... кхе-кхе-кхе! пуще разо-рветъ! крикнула она надрываясь)... Тогда еще изъ Петербурга только что пріѣхалъ камеръ-юнкеръ князь Щегольской... протанцовалъ со мной мазурку и на другой же день хотѣлъ пріѣхать съ предложеніемъ; но я сама отблагодарила въ лестныхъ выраженіяхъ и сказала, что сердце мое принадлежитъ давно другому. Этотъ другой былъ твой отецъ, Поля; папенька ужасно сердился... А вода готова? Ну, давай рубашечку, а чулочки?.. Лида, обратилась она къ маленькой дочери, — ты ужъ такъ, безъ рубашки эту ночь поспи; какъ-нибудь... да чулочки выложи подлѣ... заодно вымыть... Что этотъ лохмотникъ не идетъ, пьяница! Рубашку заносилъ, какъ обтирку какую-нибудь, изорвалъ всю... Все бы ужъ заодно, чтобы сряду двухъ ночей не мучиться! Господи! Кхе-кхе-кхе-кхе! Опять! Что это? вскрикнула она, взглянувъ на толпу въ сѣняхъ и на людей, протѣснявшихся съ какою-то ношею въ ея комнату. — Что это? Что это несутъ? Господи!

— Куда жъ тутъ положить? спрашивалъ полицейскій, осматриваясь кругомъ, когда уже втащили въ комнату окровавленнаго и безчувственнаго Мармеладова.

— На диванъ! кладите прямо на диванъ, вотъ сюда головой, показывалъ Раскольниковъ.

— Раздавили на улицѣ! Пьянаго! крикнулъ кто-то изъ сѣней.

Катерина Ивановна стояла вся блѣдная и трудно дышала. Дѣти перепугались. Маленькая Лидочка вскрикнула, бросилась къ Поленькѣ, обхватила ее и вся затряслась.

Уложивъ Мармеладова, Раскольниковъ бросился къ Катеринѣ Ивановнѣ.

— Ради Бога, успокойтесь, не пугайтесь! говорилъ онъ скороговоркой: — онъ переходилъ улицу, его раздавила коляска, не безпокойтесь, онъ очнется, я велѣлъ сюда нести... я у васъ былъ, помните?.. Онъ очнется, я заплачу!

— Добился! отчаянно вскрикнула Катерина Ивановна и бросилась къ мужу.

Раскольниковъ скоро замѣтилъ, что эта женщина не изъ тѣхъ, которыя тотчасъ же падаютъ въ обмороки. Мигомъ подъ головою несчастнаго очутилась подушка, о которой никто еще не подумалъ; Катерина Ивановна стала раздѣвать его, осматривать, суетилась и не терялась, забывъ о себѣ самой, закусивъ свои дрожавшія губы и подавляя крики, готовые вырваться изъ груди.

Раскольниковъ уговорилъ межъ тѣмъ кого-то сбѣгать за докторомъ. Докторъ, какъ оказалось, жилъ черезъ домъ.

— Я послалъ за докторомъ, твердилъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ:— не безпокойтесь, я заплачу. Нѣтъ ли воды?.. и дайте салфетку, полотенце, что-нибудь поскорѣе; неизвѣстно еще, какъ онъ раненъ... Онъ раненъ, а не убитъ, будьте увѣрены... Что скажетъ докторъ!

Катерина Ивановна бросилась къ окну; тамъ, на продавленномъ стулѣ, въ углу, установленъ былъ большой глиняный тазъ съ водою, приготовленный для ночного мытья дѣтскаго и мужнинаго бѣлья. Это ночное мытье производилось самой Катериной Ивановной, собственноручно, по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, а иногда и чаще, ибо дошли до того, что перемѣннаго бѣлья уже совсѣмъ почти не было, а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночамъ и не по силамъ, когда всѣ спятъ, чтобы успѣть къ утру просушить мокрое бѣлье на протянутой веревкѣ и подать чистое, чѣмъ видѣть грязь въ домѣ. Она схватилась было

за тазъ, чтобы нести его по требованію Раскольникова, но чуть не упала съ ношей. Но тотъ уже успѣлъ найти полотенце, намочилъ его водою и сталъ обмывать залитое кровью лицо Мармеладова. Катерина Ивановна стояла тутъ же, съ болью переводя духъ и держась руками за грудь. Ей самой нужна была помощь. Раскольниковъ началъ понимать, что онъ можетъ-быть плохо сдѣлалъ, уговоривъ перенести сюда раздавленнаго. Городовой тоже стоялъ въ недоумѣніи.

— Поля! крикнула Катерина Ивановна,—бѣги къ Сонѣ скорѣе. Если не застанешь дома, все равно, скажи, что отца лошади раздавили и чтобы она тотчасъ же шла сюда... какъ воротится. Скорѣй, Поля! На, закройся платкомъ.

— Сто есь духу бѣги! крикнулъ вдругъ мальчикъ со стула и, сказавъ это, погрузился опять въ прежнее безмолвное прямое сидѣнье на стулѣ, выпуча глазки, пятками впередъ и носками врозь.

Межъ тѣмъ комната наполнилась такъ, что яблоку упасть было негдѣ. Полицейскіе ушли, кромѣ одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся съ лѣстницы, опять обратно на лѣстницу. Зато изъ внутреннихъ комнатъ высыпали чуть не всѣ квартирные жильцы и сначала было тѣснились только въ дверяхъ, но потомъ гурьбой хлынули съ самую комнату. Катерина Ивановна пришла въ изступленіе.

— Хоть бы умереть-то дали спокойно! закричала она на всю толпу:—что за спектакль нашли!

Кашель задушилъ ее, но острастка пригодилась. Катерины Ивановны, очевидно, даже побаивались; жильцы, одинъ за другимъ, протѣснились обратно къ двери.

Въ эту минуту умирающій очнулся и простоналъ, и она побѣжала къ нему. Больной открылъ глаза и, еще не узнавая и не понимая, сталъ вглядываться въ стоявшаго надъ нимъ Раскольникова. Онъ дышалъ тяжело, глубоко и рѣдко; на краяхъ губъ выдавилась кровь. Потъ выступилъ на лбу. Не узнавъ Раскольникова, онъ безпокойно началъ обводить глазами. Катерина Ивановна смотрѣла на него грустнымъ, но строгимъ взглядомъ, а изъ глазъ ея текли слезы.

— Боже мой! У него вся грудь раздавлена! Крови-то, крови! проговорила она въ отчаяніи. — Надо снять съ него все верхнее платье! Повернись немного, Семенъ Захаровичъ, если можешь! крикнула она ему.

Мармеладовъ узналъ ее.

— Священника! проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

Все въ прошломъ. *В. Максимова.*

Катерина Ивановна отошла къ окну, прислонилась лбомъ къ оконной рамѣ и съ отчаяніемъ воскликнула:

— О, треклятая жизнь!

— Священника! проговорилъ умирающій послѣ минутнаго молчанія.

— Пошли-и-и! крикнула на него Катерина Ивановна; онъ послушался окрика и замолчалъ. Робкимъ, тоскливымъ взглядомъ отыскивалъ онъ ее глазами; она опять воротилась къ нему и стала у изголовья.

Онъ нѣсколько успокоился, но ненадолго. Скоро глаза его остановились на маленькой Лидочкѣ (его любимицѣ), дрожавшей въ углу, какъ въ припадкѣ, и смотрѣвшей на него своими удивленными, дѣтски пристальными глазами.

— А... а... указывалъ онъ на нее съ безпокойствомъ. Ему что-то хотѣлось сказать.

— Чего еще? крикнула Катерина Ивановна.

— Босенькая! Босенькая! бормоталъ онъ, полоумнымъ взглядомъ указывая на босыя ножки дѣвочки.

— Молчи-и-и! раздражительно крикнула Катерина Ивановна:— самъ знаешь, почему босенькая!

— Слава Богу, докторъ! крикнулъ обрадованный Раскольниковъ.

Вошелъ докторъ, аккуратный старичокъ; подошелъ къ больному, взялъ пульсъ, внимательно ощупалъ голову и съ помощью Катерины Ивановны отстегнулъ всю смоченную кровью рубашку и обнажилъ грудь больного. Вся грудь была исковеркана, измята и истерзана; нѣсколько реберъ съ правой стороны изломано. Съ лѣвой стороны на самомъ сердцѣ было зловѣщее, большое желтовато-черное пятно, жестокій ударъ копытомъ. Докторъ нахмурился. Полицейскій разсказывалъ ему, что раздавленнаго захватило въ колесо и тащило, вертя, шаговъ тридцать по мостовой.

— Удивительно, какъ онъ еще очнулся, шепнулъ потихоньку докторъ Раскольникову.

— Что вы скажете? спросилъ тотъ.

— Сейчасъ умретъ.

— Неужели никакой надежды?

— Ни малѣйшей! При послѣднемъ издыханіи... Къ тому же голова очень опасно ранена... Гм... Пожалуй, можно кровь отворить... но... это будетъ безполезно. Черезъ пять или десять минутъ умретъ непремѣнно.

— Такъ ужъ отворите лучше кровь!

— Пожалуй... Впрочемъ, я васъ предупреждаю, это будетъ совершенно безполезно.

Въ это время послышались шаги, толпа въ сѣняхъ раздвинулась, и на порогѣ появился священникъ съ запасными дарами, сѣдой старичокъ. За нимъ ходилъ полицейскій еще съ улицы. Докторъ тотчасъ же уступилъ ему мѣсто и обмѣнялся съ нимъ значительнымъ взглядомъ. Раскольниковъ упросилъ доктора подождать хоть немножко. Тотъ пожалъ плечами и остался.

Всѣ отступили. Исповѣдь длилась очень недолго. Умирающій врядъ ли хорошо понималъ что-нибудь, произносить же могъ только неясные звуки. Катерина Ивановна взяла Лидочку, сняла со стула мальчика и, отойдя въ уголъ къ печкѣ, стала на колѣни, а дѣтей поставила на колѣни передъ собой. Дѣвочка только дрожала; мальчикъ же, стоя на голыхъ колѣночкахъ, размѣренно подымалъ ручонку и кланялся въ землю, стукаясь лбомъ, что, повидимому, доставляло ему особенное удовольствіе. Катерина Ивановна закусывала губы и сдерживала слезы; она тоже молилась, изрѣдка оправляя рубашечку на ребенкѣ и успѣвъ набросить на слишкомъ обнаженныя плечи дѣвочки косынку, которую достала съ комода, не вставая съ колѣнъ и молясь. Между тѣмъ двери изъ внутреннихъ комнатъ стали отворяться любопытными. Въ сѣняхъ же все плотнѣе и плотнѣе стѣснялись зрители— жильцы со всей лѣстницы, не переступая, впрочемъ, за порогъ комнаты. Одинъ только огарокъ освѣщалъ всю сцену.

Въ эту минуту изъ сѣней, сквозь толпу, быстро протѣснилась Поленька, бѣгавшая за сестрой. Она вошла, едва переводя духъ отъ скораго бѣга, сняла съ себя платокъ, отыскала глазами мать, подошла къ ней и сказала: „идетъ! на улицѣ встрѣтила!“ Мать пригнула ее на колѣни и поставила подлѣ себя. Изъ толпы неслышно и робко протѣснилась дѣвушка.

Исповѣдь и причащеніе кончились. Катерина Ивановна снова подошла къ постели мужа. Священникъ отступилъ и, уходя, обратился было сказать два слова въ напутствіе и утѣшеніе Катеринѣ Ивановнѣ.

— А куда я этихъ-то дѣну? рѣзко и раздражительно перебила она, указывая на малютокъ.

— Богъ милостивъ; надѣйтесь на помощь Всевышняго, началъ было священникъ.

— Э-эхъ! Милостивъ, да не до насъ!

— Это грѣхъ, грѣхъ, сударыня, замѣтилъ священникъ, качая головой.

— А это не грѣхъ? крикнула Катерина Ивановна, показывая на умирающаго.

— Быть-можетъ тѣ, которые были невольною причиною, согласятся вознаградить васъ—хоть бы въ потерѣ доходовъ...

— Не понимаете вы меня! раздражительно крикнула Катерина Ивановна, махнувъ рукой.—Да и за что вознаграждать-то? Вѣдь онъ самъ, пьяный, подъ лошадей полѣзъ! Какихъ доходовъ? Отъ него не доходы, а только мука была.

— Простить бы надо въ предсмертный часъ, а это грѣхъ, сударыня, таковыя чувства большой грѣхъ.

Катерина Ивановна суетилась около больного, она подавала ему пить, обтирала ему потъ и кровь съ головы, оправляла подушки и разговаривала съ священникомъ, изрѣдка успѣвая оборотиться къ нему, между дѣломъ. Теперь же она вдругъ набросилась на него почти въ изступленіи.

— Эхъ, батюшка! Слова, да слова одни! Простить! Вотъ онъ пришелъ бы сегодня пьяный, кабы не раздавили-то, рубашка-то на немъ одна, вся заношенная, да въ лохмотьяхъ, такъ онъ бы завалился спать, а я бы до разсвѣта въ водѣ полоскалась, обноски бы его да дѣтскіе мыла, да потомъ высушила бы за окномъ, да тутъ же, какъ разсвѣтетъ, и штопать бы сѣла,—вотъ моя и ночь!.. Такъ чего ужъ тутъ про прощеніе говорить! И то простила!

Глубокій, страшный кашель прервалъ ея слова. Священникъ поникъ головой и не сказалъ ничего.

Мармеладовъ былъ въ послѣдней агоніи; онъ не отводилъ своихъ глазъ отъ лица Катерины Ивановны, склонившейся снова надъ нимъ. Ему все хотѣлось что-то ей сказать, онъ было и началъ, съ усиліемъ шевеля языкомъ и неясно выговаривая слова, но Катерина Ивановна, понявшая, что онъ хочетъ у ней просить прощенія, тотчасъ же повелительно крикнула на него:

— Молчи-и-и! Не надо!.. Знаю, что хочешь сказать!..

И больной умолкъ, но въ ту же минуту блуждающій взглядъ его упалъ на дверь, и онъ увидалъ Соню... До сихъ поръ онъ не замѣчалъ ее: она стояла въ углу и въ тѣни.

— Кто это? Кто это? проговорилъ онъ вдругъ хриплымъ, задыхающимся голосомъ, весь въ тревогѣ, съ ужасомъ указывая глазами на дверь, гдѣ стояла дочь, и усиливаясь приподняться.

— Лежи! Лежи-и-и! крикнула было Катерина Ивановна.

Но онъ съ неестественнымъ усиліемъ успѣлъ опереться на рукѣ; дико и неподвижно смотрѣлъ онъ нѣкоторое время на дочь, какъ бы не узнавая ее. Безконечное страданіе изобразилось на лицѣ его.

— Соня! Дочь! Прости! крикнулъ онъ и хотѣлъ было протянуть къ ней руку, но, потерявъ опору, сорвался и грохнулся съ дивана; бросились поднимать его, положили, но онъ уже отходилъ. Соня слабо вскрикнула, подбѣжала, обняла его и такъ и замерла въ этомъ объятіи. Онъ умеръ у нея на рукахъ.

— Добился своего! крикнула Катерина Ивановна, увидавъ трупъ мужа:—ну что теперь дѣлать! Чѣмъ я похороню его! А ихъ-то, ихъ-то завтра чѣмъ накормлю?

Раскольниковъ подошелъ къ ней.

— Катерина Ивановна, началъ онъ ей,—на прошлой недѣлѣ, случайно сошедшись со мной въ гостиницѣ и разговорившись, вашъ покойный мужъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и всѣ обстоятельства... Будьте увѣрены, что онъ говорилъ объ васъ съ восторженнымъ уваженіемъ. Съ этого вечера, когда я узналъ, какъ онъ всѣмъ вамъ былъ преданъ и какъ особенно васъ, Катерина Ивановна, уважалъ и любилъ, несмотря на свою несчастную слабость, съ этого вечера мы и стали друзьями... Позвольте же мнѣ теперь... способствовать... отданію долга моему покойному другу. Вотъ тутъ... двадцать рублей, кажется,—и если это можетъ послужить вамъ въ помощь, то... я... однимъ словомъ, я зайду,—я непремѣнно зайду... я, можетъ быть, еще завтра зайду... Прощайте!

Онъ сходилъ тихо, не торопясь, весь въ лихорадкѣ и, не сознавая того, полный одного новаго, необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни. На половинѣ лѣстницы нагналъ его возвращавшійся домой священникъ; Раскольниковъ молча пропустилъ его впередъ, размѣнявшись съ нимъ безмолвнымъ поклономъ. Но уже сходя послѣднія ступени, онъ услышалъ вдругъ поспѣшные шаги за собою. Кто-то догонялъ его. Это была Поленька: она бѣжала за нимъ и звала его: „Послушайте! Послушайте!“

Онъ обернулся къ ней. Та сбѣжала послѣднюю лѣстницу и остановилась ступенькой выше его. Тусклый свѣтъ проходилъ со двора. Раскольниковъ разглядѣлъ худенькое, но милое личико дѣвочки, улыбавшееся ему и весело, по-дѣтски на него смотрѣвшее. Она прибѣжала съ порученіемъ, которое видимо ей самой очень нравилось.

— Послушайте, какъ васъ зовутъ?.. а еще: гдѣ вы живете? спросила она торопясь, задыхающимся голоскомъ.

Онъ положилъ ей обѣ руки на плечи и съ какимъ-то счастіемъ глядѣлъ на нее. Ему такъ пріятно было на нее смотрѣть,—онъ самъ не зналъ почему.

— А кто васъ прислалъ?

— А меня прислала сестрица Соня, отвѣчала дѣвочка еще веселѣе улыбаясь.

— Я такъ и зналъ, что васъ прислала сестрица Соня.

— Меня и мамаша тоже прислала. Когда сестрица Соня стала посылать, мамаша тоже подошла и сказала: „Поскорѣе бѣги, Поленька!“

— Любите вы сестрицу Соню?

— Я ее больше всѣхъ люблю! съ какою-то особенною твердостью проговорила Поленька, и улыбка ея стала вдругъ серьезнѣе.

— А меня любить будете?

Вмѣсто отвѣта, онъ увидѣлъ приближающееся къ нему личико дѣвочки и пухленькія губки, наивно протянувшіяся поцѣловать его. Вдругъ тоненькія, какъ спички, руки ея обхватили его крѣпко-крѣпко, голова склонилась къ его плечу, и дѣвочка тихо заплакала, прижимаясь лицомъ къ нему все крѣпче и крѣпче.

— Папочку жалко! проговорила она черезъ минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы:—все такія теперь несчастія пошли, прибавила она неожиданно, съ тѣмъ особенно солиднымъ видомъ, который усиленно принимаютъ дѣти, когда захотятъ вдругъ говорить, какъ „большіе“.

— А папаша васъ любилъ?

— Онъ Лидочку больше всѣхъ насъ любилъ, продолжала она очень серьезно и не улыбаясь, уже совершенно какъ говорятъ большіе,—потому любилъ, что она маленькая, и отъ того еще, что больная, и ей всегда гостинцу носилъ, а насъ онъ читать училъ, а меня грамматикѣ и Закону Божію, прибавила она съ достоинствомъ,—а мамочка ничего не говорила, а только мы знали, что она это любитъ, и папочка зналъ, а мамочка меня хочетъ по-французски учить, потому что мнѣ уже пора получить образованіе.

— А молиться вы умѣете?

— А какъ же, умѣемъ! Давно уже; я, какъ ужъ большая, то молюсь сама про себя, а Коля съ Лидочкой вмѣстѣ съ мамашей вслухъ, сперва „Богородицу“ прочитаютъ, а потомъ еще одну молитву: „Господи, прости и благослови нашего другого папашу“, потому что нашъ старшій папаша уже умеръ, а этотъ вѣдь намъ другой, а мы и объ томъ тоже молимся.

— Полечка, меня зовутъ Родіонъ; помолитесь когда-нибудь и обо мнѣ: „и раба Родіона“ — больше ничего.

— Всю мою будущую жизнь буду объ васъ молиться! горячо проговорила дѣвочка и вдругъ опять засмѣялась, бросилась къ нему и крѣпко опять обняла его.

Причитать — приговаривать съ напѣвомъ, припѣвать говоркомъ, припѣвать съ плачемъ, напр., по покойникѣ, по дѣвушкѣ, выходящей замужъ, по сынѣ, котораго отдаютъ въ солдаты. Посреди протяжныхъ причитаній, выходилъ иногда вопль, который, какъ ножемъ, надрѣзывалъ сердце (Григоровичъ. „Пахарь Описимычъ“).
Мыши причитаютъ, кота погребаютъ.

Пуще — *Умному слово пуще дубины.*

Прорѣха — *Смолоду прорѣшка, подъ старость дыра.*

Пульсъ (лат.) — живчикъ, ударъ кровяной волны объ стѣнку артеріи, слабый пульсъ, т. е. меньшее число ударовъ въ минуту, указываетъ на ослабленіе дѣятельности сердца.

Дрыхнуть — крѣпко спать безъ просыпу. А пусть дрыхнетъ; набѣгался, такъ и спитъ (Тургеневъ. „Записки охотника“). Отсюда: **дрыхня.** Заплыли глазища отъ дрыхни (Глѣбъ Успенскій).

Агонія — состояніе больного человѣка и животнаго, свидѣтельствующее о близкой смерти; послѣдовательное замираніе одного отправленія тѣла за другимъ; борьба жизни со смертью. Оказалось, что Матвѣй, среди своей агоніи, позаботился опять-таки обо мнѣ (Гончаровъ. „Слуги“).

Отходить — умирать, испускать духъ, кончаться. Отсюда: **отходная** (молитва), читаемая умирающему на отходъ души.

Замереть, замирать — 1) остолбенѣть, остаться неподвижнымъ, затаивъ дыханіе. И замираетъ, главу преклоня къ шеѣ покрытаго пѣной коня (Некрасовъ. „Псовая охота“). Онъ вытянулся въ струнку и замеръ на мѣстѣ (Тургеневъ. „Бурмистръ“); 2) (о сердцѣ) сжиматься. Мучительно замирало сердце (Тургеневъ. „Дворянское Гнѣздо“). Сердце ея замирало отъ счастья (Тургеневъ. „Наканунѣ“). Она замирала отъ волненія, радости и страха (Толстой. „Анна Каренина“); 3) (о вѣтрѣ) слабѣть, затихать. Вѣтеръ замеръ (Толстой. „Семейное счастье“); 4) (о свѣтѣ) гаснуть, меркнуть. То замирая, то вспыхивая, вздрагивало голубоватое пламя (Тургеневъ. „Отцы и дѣти“); 5) (о звукѣ) дѣлаться неслышнымъ, оставаться не высказаннымъ. А вы, въ груди взлелѣянные звуки, замрите всѣ на трепетныхъ устахъ (А. Толстой. „Іоаннъ Дамаскинъ“). Но замеръ голосъ мой и — я проснулся (Лермонтовъ. „Ночь“).

Добиться — съ большимъ усиліемъ достигнуть цѣли. Онъ-таки добился того и завладѣлъ ея вниманіемъ (Достоевскій. „Бѣсы“). Добиться толку, отвѣта, свѣдѣній. Не добиться слова, отвѣта. Не сталъ бы очень добиваться, кто этотъ вамъ любезный человѣкъ (Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“).

Тусклый — мутный, померклый, безжизненный. Свѣча тускло горитъ. Тусклое стекло. Тусклые глаза. Тускло свѣтитъ лучъ лампады умирающимъ огнемъ (Лермонтовъ. „Узникъ“).

Наболѣвшее сердце. *Н. Загорскаго.*

28. Слезы.

Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.*

Слезы людскія, о, слезы людскія,
льетесь вы ранней и поздней порой—
льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
неистощимыя, неисчислимыя—
льетесь, какъ льются струи дождевыя
въ осень глухую, порою ночной.

Глухая осень — глубокая осень. **Глухая пора**, ночное время. **Глухая ночь**, безмолвная ночь. **Глухая дорога**, малоѣзжая дорога. **Глухое мѣсто**, безлюдное мѣсто. **Глухая стѣна**, сплошная стѣна. **Глухой звукъ**, неясный звукъ. **Глухой** садъ, заросшій садъ. **Глухой** лѣсъ, дремучій лѣсъ.

*

29. Шинель.

Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя.*

Въ одномъ департаментѣ служилъ одинъ чиновникъ,— чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ. Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Имя его было Акакій Акакіевичъ.

Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: „Перепишите“, или: „Вотъ интересное, хорошенькое

дѣльце", или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острили надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же передъ нимъ разныя составленныя про него исторіи; про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой". И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось,

можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ—не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрипѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ себѣ добровольно, больше даже, чѣмъ нужно, неугомонный человѣкъ, когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу; кто — и это случается чаще всего — идетъ, просто, къ своему брату

въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и кое-какими модными претензіями, лампой или иной вещицей, стоившей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній, — словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копеечными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, разсказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ; — словомъ, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра? Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 р. въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинаетъ онъ давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болитъ отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ въ глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять-шесть улицъ и потомъ натопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, не заключается ли

какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно, на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точная сернянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое-то странное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подтачиванье другихъ частей ея. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какого-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору, по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая,—надобно отдать справедливость,—была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣстъ глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ,—взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму въ кухнѣ, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный самою хозяйкою, и вступилъ, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашеномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ игличное ухо, не попадалъ и потому очень

сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: „Не лѣзетъ, варварка! Уѣла ты меня, шельма этакая!“ Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ-куражемъ. Въ такомъ состояніи Петровичъ, обыкновенно, очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало прибавишь—и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ: „Здравствуй, Петровичъ!“—„Здравствовать желаю, сударь!“ сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

„А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того...“ Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся бо̀льшею частью предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: „Это, право, совершенно того...“ а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

„Что̀ жъ такое?“ сказалъ Петровичъ и обсмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалдъ и петлей, что̀ все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это первое, что̀ онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

„А я вотъ того, Петровичъ... шинель-то, сукно... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое... оно немножко запылилось и, кажется какъ будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того... на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немного попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко... видишь? вотъ и все. И работы немного“...

Петровичъ взялъ капотъ, разложилъ его сначала на столъ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то генерала,—какого именно,

неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ заклеено четвероугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табаку, Петровичъ растопырилъ капотъ на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта, и опять покачалъ головою; потомъ обратилъ его подкладкой вверхъ и вновь покачалъ; вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклееннымъ бумажкой, и, натащивши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ: „Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!“

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ ёкнуло сердце.

„Отчего же нельзя, Петровичъ?“ сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка: „вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки...“

„Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся“, сказалъ Петровичъ: „да нашить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой— а вотъ ужъ оно и ползетъ“.

„Пусть ползетъ, а ты тотчасъ заплаточку“.

„Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться ей не за что: подержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуй вѣтеръ, такъ разлетится“.

„Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!...“

„Нѣтъ“, сказалъ Петровичъ рѣшительно: „ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать“.

При словѣ „новую“ у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что̀ ни было въ комнатѣ, такъ и пошло передъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклееннымъ бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровичевой табакерки. „Какъ же новую?“ сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ: „вѣдь у меня и денегъ на это нѣтъ“.

„Да, новую“, сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

„Ну, а если бы пришлось новую, какъ бы она того...?“

„То-есть, что̀ будетъ стоить?“

„Да“.

„Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить“, сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно

и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

„Полтораста рублей за шинель!“ вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ,—вскрикнулъ, можетъ-быть, въ первый разъ отъ роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

„Да-съ“, сказалъ Петровичъ: „да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куницу да пустить капюшонъ на шелковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ“.

„Петровичъ, пожалуйста“, говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ: „какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила“.

„Да нѣтъ, это выйдетъ—и работу убивать, и деньги попусту тратить“, сказалъ Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакій Акакіевичъ былъ какъ во снѣ. „Этаково-то дѣло этакое“, говорилъ онъ самъ себѣ: „я, право, и не думалъ, чтобы оно вышло того...“ а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: „такъ вотъ какъ! наконецъ, вотъ что̀ вышло! а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ“. За симъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: „Такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого бы никакъ... этакое-то обстоятельство!“ Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою аллебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ: „Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?“ Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ

самомъ сердечномъ и близкомъ. „Ну, нѣтъ“, сказалъ Акакій Акакіевичъ: „теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того... жена, видно, какъ-нибудь поколотила его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ канунешной субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того въ руку—онъ и будетъ сговорчивѣе, и шинель тогда и того...“ Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободрилъ себя и дождался перваго воскресенья, и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходила изъ дому, онъ—прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ. „Нельзя“, сказалъ: „извольте заказать новую“. Акакій Акакіевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ. „Благодарствую, сударь, подкрѣплюсь маленечко за ваше здоровье“, сказалъ Петровичъ: „а ужъ объ шинели не извольте безпокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ постоимъ“.

Акакій Акакіевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослышалъ и сказалъ: „Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике“.

Тутъ-то увидѣлъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены и распредѣлены впередъ. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтися, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ, чортъ знаетъ, какую непомѣрную цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: „Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой!

Въ другой разъ ни за что возьметъ работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стоитъ". Хотя, конечно, зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать; однако, все же, откуда взять эти восемьдесятъ рублей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; можетъ быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по грошу въ небольшой ящичекъ, запертой на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, оказалось накопившейся суммы болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей. Итакъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину? гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самимъ временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыклось и пошло на ладъ, — даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, сло-

вомъ — всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: „ухъ!“ и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели: гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну,—и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придетъ же время, когда все это купится и когда шинель будетъ сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовалъ ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшого голоданья — и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго—и не мудрено, потому что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ; зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку и даже на видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто ея выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ, — кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей — меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытисняя ими разныя фигуры. Это было... трудно сказать, въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было идти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась

такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плечи Акакію Акакіевичу, потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой книзу; потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько на-распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать въ рукава; Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава — вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то-есть, прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же

Б. Кустодіевъ.
1909.

минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакій Акакіевичъ потерялся совершенно, не зналъ, какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь закраснѣвшись, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знается даже съ низшими себя, сказалъ: „Такъ и быть, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ“. Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели. Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣнѣ, налюбовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненья, прежній капотъ свой, совершенно расползшійся. Онъ взглянулъ на него и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плечи шинель и вышелъ на улицу. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынныя улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одѣтыя; на мужчинахъ попадались бобровые воротники; рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными козлами.

Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Наконецъ, достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и испуская клубами паръ. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый, со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его, и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей, — все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ, подсѣлъ онъ къ игравшимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и черезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно, — тѣмъ болѣе, что давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непремѣнно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожъ никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ

потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плечи и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмѣнные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожъ, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что онѣ не лишены еще общества и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопребыванія. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынныя улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онѣ сдѣлались еще глуше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже — масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигдѣ ни души; сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видными на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею.

Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ — точно море вокругъ него. „Нѣтъ, лучше и не глядѣть“, подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами, — какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди. „А вѣдь шинель-то моя!“ сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: „караулъ“, какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ: „А вотъ только крикни!“ Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно и шинели нѣтъ, сталъ кричать; но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до

концовъ площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человѣка. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человѣка, да думалъ, что то были его пріятели; а что пусть онъ вмѣсто того, чтобы понапрасну браниться, сходитъ завтра къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель. Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ, и грудь, и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, но, отворивъ, отступила назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же разсказадъ онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить; а лучше всего идти прямо къ частному. Выслушавъ такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ печальный побрелъ въ свою комнату, и какъ онъ провелъ тамъ ночь — предоставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь представить себѣ положеніе другого. Поутру рано отправился онъ къ частному; но сказали, что спитъ; онъ пришелъ въ десять — сказали опять: „спитъ“; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ—сказали: „да нѣтъ частнаго дома“; онъ въ обѣденное время — но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ и какая надобность привела, и что такое случилось; такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, а что вотъ, какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвра-

щался? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе. Повѣствованіе о грабежѣ шинели, — несмотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, — однакоже многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошелъ не къ квартальному, потому что, хоть и можетъ случиться, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ-нибудь образомъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному значительному лицу; что значительное лицо, спишась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе идти дѣло. Несего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился идти къ значительному лицу. Какая именно и въ чемъ состояла должность значительнаго лица, это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сдѣлался значительнымъ лицомъ, а до того времени онъ былъ незначительнымъ лицомъ. Впрочемъ, онъ старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернскій секретарь — титулярному или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость. „Строгость, строгость и — строгость“, говаривалъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали,

оставлялъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: „Какъ вы смѣете? знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?“ Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ; но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ ровными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ, — человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже неглупый человѣкъ; но, какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ, просто, хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамильярно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе-то односложные звуки, и пріобрѣлъ такимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то значительному лицу явился нашъ Акакій Акакіевичъ, и явился во время самое неблагопріятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительнаго лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговорился очень-очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ старинымъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто: „Кто такой?“ ему отвѣчали: „Какой-то чиновникъ“. — „А! можетъ подождать, теперь не время“, сказалъ значительный человѣкъ. Здѣсь надобно сказать, что значительный человѣкъ совершенно прилгнулъ: ему было время; они давно уже съ пріятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая другъ друга по ляжкѣ и приговаривая: „такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!“ — „этакъ-то, Степанъ Варламовичъ!“, но при всемъ томъ, однакоже, велѣлъ онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человѣку, давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники дожи-

даются у него въ передней. Наконецъ, наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада: „Да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти“. Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: „что вамъ угодно?“ голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ „того“, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того, списался бы съ г. оберъ-полицеймейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамильярнымъ. „Что вы, милостивый государь“, продолжалъ онъ отрывисто: „не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде всего подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ...“

„Но, ваше превосходительство“, сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ: „я, ваше превосходительство, осмѣлился утруднить потому, что секретари того... ненадежный народъ...“

„Что, что, что?“ сказалъ значительное лицо: „откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!“ Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ, стало-быть, если бы онъ и могъ назваться молодымъ человѣкомъ, то развѣ только относительно, то-есть въ отношеніи къ тому, кому уже было за семьдесятъ лѣтъ. „Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? я васъ спрашиваю“. Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой

сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія. А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотритъ, и не безъ удовольствія увидѣлъ, что пріятель его находился въ самомъ неопредѣленномъ состояніи и начиналъ даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу,— ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ: въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и когда явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелся сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а, впрочемъ, тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капутъ, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ: „А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ“. Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для него слова, а если и слышалъ, произвели ли они на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли онъ о горемычной своей жизни,— ничего этого неизвѣстно, потому что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другого страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хозяйку вытащить у него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то спрашивая, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капотъ его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ

передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговариваетъ: „Виноватъ, ваше превосходительство!“ Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу, такъ что ничего нельзя было понять; можно было только видѣть, что безпорядочныя слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немного наслѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капотъ. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ, — существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!.. Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ, съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше прійти, и на запросъ: „почему?“ выразился словами: „Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоронили“. Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Пронизать — протыкать насквозь. Пронзительный вѣтеръ. Пронзительный крикъ. Паду ли я, стрѣлой пронзенный (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“).

Проникать — проходить внутрь, внѣдряться. Проникновенная рѣчь, задушевная рѣчь. Проницательный человѣкъ, тонкій, глубоко вникающій человѣкъ.

Хлебать — похлебка. Хлебало, ротъ; хлебалка, ложка.

Прихоть — желаніе излишняго, ненужнаго; блажь, причуда; баловство, капризъ. Печальная береза у моего окна, и прихотью мороза разубрана она (Фетъ. „Береза“). *Съ жиру собака бѣсится, съ прихоти человѣкъ дуритъ.*

Чубукъ — длинный тонкій стволъ трубки. Въ отцовскомъ сюртукѣ ровно чубукъ въ чехлѣ болтается.

Жребій, жеребій, жеребей — 1) доля, судьба, счастье. *Отъ жеребья не уйдешь.* Твой жеребей, стало быть, свѣтелъ (А. Толстой. „Садко"); 2) доля, часть, пай, особ. земельный участокъ, полагаемый по дѣлежу; 3) условный знакъ, опредѣляющій, кому что достанется при раздѣлѣ. Бросать, кидать, метать жребій. *Жеребей метать, послѣ не хлопотать.*

Подтачивать — подшивать заплаты, латать. *Косо скроено, да крѣпко стачано.*

Отпускная — свидѣтельство объ отпускѣ крѣпостного на волю.

Умастить — застилать сплошь жиромъ, саломъ, масломъ; умасливать, льстиво ухаживать.

Ветошь — ветхое платье, старье, лохмотья. Сейчасъ отдать я рада всю эту ветошь маскарада (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ").

Подъ куражемъ — навеселѣ.

Онуча — обвертка на ногу подъ сапогъ или лапоть. *Разметало тучки, что онучки.* Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ, кряхтя поднимаясь, идутъ мужики (Никитинъ. „Обозъ").

Будочникъ — городской сторожъ, проживающій въ караульной будкѣ полицейскій нижній чинъ. *Мнѣ все ни по чемъ, былъ бы будочникъ знакомъ!* **Буда** (стар.), строеніе, постройка. **Будка**, всякая маленькая постройка для пріюта человѣка, собаки; караулка, сторожка, конура. **Будовать**, строить, возводить, класть (особенно о каменномъ строеніи).

Аллебарда — копье съ поперечнымъ топоромъ, бердышъ (широкій топоръ въ видѣ полумѣсяца). Шпага, сабля, аллебарда не тягчатъ моей руки (Пушкинъ).

Аплике — накладное серебро.

Поникать — наклоняться, опускаться, падать, увядать. Могучій Олегъ головою поникъ и думаетъ: что же гаданье? (Пушкинъ. „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ"). Имъ не забыть своихъ дѣтей, погибшихъ на кровавой нивѣ, какъ не поднять плакучей ивѣ своихъ поникнувшихъ вѣтвей (Некрасовъ. „Внимая ужасамъ войны"). Съ непокрытой головой въ бою ты стоишь-поникъ и не ратуешь (Кольцовъ. „Лѣсъ").

Ревизовать — провѣрять. **Ревизія**: 1) пересмотръ, провѣрка; 2) перепись. Ревизская душа, мужская податная душа.

Запускать пыль — хвастать, морочить; надувать, напуская на себя. Пускать пыль въ глаза. Вѣрно я вчера имъ подпустилъ пыли (Гоголь. „Ревизоръ").

Вспрыскивать — задавать пирушку по какому-нибудь радостному случаю. Вспрыскивать обновку.

Ванька — легковой извозчикъ съ плохой лошадью и упряжью. Изрѣдка тянулся ванька, на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока (Пушкинъ. „Пиковая дама").

Затуманить — (безличн.) потемнѣть, стемнѣть, затуманиться. Становится видно ясно и далеко, а потомъ опять затуманитъ (Лѣсковъ. „На краю свѣта"). Что затуманилась, зоренька ясная, пала на землю росой (Вельтманъ. „Пѣснь разбойниковъ").

Караулъ — (турецк.) стража, сторожевой постъ. Быть въ караулѣ, въ числѣ чередной стражи. Стоять на караулѣ. Кричать караулъ. *Часовой лѣтомъ зной, а зимой стужу караулитъ. Пошелъ песокъ караулить,* умеръ. *Воръ караульщика стережетъ.*

Сноситься — сообщаться, переговариваться, переписываться. По службѣ старшій чиномъ предписываетъ, младшій старшему доноситъ, равные между собой сносятся

Упоенный отъ гл. **упаивать**—поить допьяна. Отсюда: **упоеніе**—восхищеніе, восторгъ, нравственное и духовное охмеленіе. Упоенный восторгомъ. И міръ цвѣтущій, міръ природы, избыткомъ жизни упоенъ. Но и въ избыткѣ упоенія нѣтъ упоенія сильнѣй — одной улыбки умиленія измученной души твоей (Тютчевъ). Люблю... всѣмъ упоеніемъ, всей властью безсмертной мысли и мечты (Лермонтовъ „Демонъ").

Распекать — сильно выговаривать, бранить, разносить, задавать головомойку.

Роковой — Того, чьей волей роковой надъ моремъ городъ основался (Пушкинъ. „Мѣдный всадникъ"). Несносенъ отдыхъ Святославу, онъ жаждетъ битвы роковой (Языковъ. „Баянъ"). Въ роковомъ его просторѣ много бѣдъ погребено (Языковъ. „Пловецъ"). Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой — ужъ часъ наступилъ разлученья (Козловъ).

30. Добрая лисица.

Басня *И. А. Крылова.*

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое:
но нѣтъ, за ней еще должны погибнуть трое:
онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
малютки терпятъ голодъ
и холодъ,
и пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
„Какъ можно не страдать,
малютокъ этихъ видя;
и сердце чье объ нихъ не заболитъ?“
Лисица птицамъ говоритъ,
на камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
„не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей!
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
не лучше ль дать себя немножко ощипать,
и перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать?
Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.
Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ
тебѣ кувыркаться, кружиться,
ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли,
промыслить кормъ они и сами бы могли;
такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла
да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла,
а дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
берегъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ,
полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты бы, милый соловей —

ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ —
межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ,
ты бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
есть добрыя сердца, и что...“ При сихъ словахъ,
малютки бѣдныя всѣ трое,
не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,
попадали къ лисѣ на низъ.
Что жъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла —
и поученья не допѣла.

Читатель, не дивись!
Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
въ молчаньи тотъ добро творитъ;
а кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
тотъ часто только добръ на счетъ другого,
затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ —
сродни моей лисѣ.

Линять — 1) терять перья, волосъ, шерсть. *Волкъ и каждый годъ линяетъ, да обычая не мѣняетъ*; 2) терять, мѣнять цвѣтъ. *И красно и цвѣтно, да линюче.* Ситецъ легко линяетъ.

Промышлять — добывать; торговать; зарабатывать. *На свой пай* (долю) *промышляй, а у друга хлѣба не отбивай.* Промышлять извозомъ. Промышлять о комъ, заботиться о комъ. *И волкъ о своемъ гнѣздѣ* (семьѣ) *промышляетъ.*

Безродный — сирый, не имѣющій родни. Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій (Крыловъ. „Пустынникъ и медвѣдь“). Счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ (Пушкинъ. „Полтава“). Человѣкъ безъ роду, безъ племени

Убытокъ — ущербъ, изъянъ, потеря, накладъ. *Убытокъ наверстаемъ, а дни впереди. Съ міромъ и бѣда не убытокъ. Не бойся убытка, такъ придутъ и барыши.*

31. Морозъ.

Разсказъ *А. П. Чехова.*

На Крещенье въ губернскомъ городѣ было устроено съ благотворительной цѣлью „народное“ гулянье. Выбрали широкую часть рѣки между рынкомъ и архіерейскимъ дворомъ, огородили ее канатомъ, елками и флагами и соорудили все, что нужно для катанья на конькахъ, на саняхъ и съ горъ. Но все это едва не рушилось, благодаря сильному морозу. Съ самаго кануна Крещенья стоялъ морозъ градусовъ въ 28 съ вѣтромъ.

Отъ мороза побѣлѣли деревья, лошади, бороды; казалось даже, самъ воздухъ трещалъ, не вынося холода, но, несмотря на это, тотчасъ же послѣ водосвятія озябшая полиція была уже на каткѣ, и ровно въ часъ дня началъ играть военный оркестръ.

Въ самый разгаръ гулянья въ губернаторскомъ павильонѣ, построенномъ на берегу рѣки, собралось грѣться мѣстное отборное общество. Тутъ были старикъ-губернаторъ съ женой, архіерей, предсѣдатель суда, директоръ гимназіи. Дамы сидѣли въ креслахъ, а мужчины толпились около широкой стеклянной двери и глядѣли на катокъ.

— Ба, живъ курилка! — засмѣялся губернаторъ. — Господа, поглядите, наша городская голова идетъ... Сюда идетъ. Ну, бѣда: заговоритъ онъ насъ теперь!

Съ другого берега, сторонясь отъ конькобѣжцевъ, шелъ къ павильону маленькій, худенькій старикъ въ лисьей шубѣ нараспашку и въ большомъ картузѣ. Это былъ городской голова, купецъ Еремѣевъ, милліонеръ, мѣстный старожилъ. Растопыривъ руки и пожимаясь отъ холода, онъ подпрыгивалъ, стучалъ калошей о калошу и видимо спѣшилъ убраться отъ вѣтра. Подходя къ павильону, голова засеменилъ мелкой рысцой, замахалъ руками и, разбѣжавшись, подползъ по льду на своихъ громадныхъ калошахъ къ самой двери.

— Здравія желаю, ваше превосходительство! Ваше преосвященство, владыко святый! Всѣмъ прочимъ господамъ — многая лѣта! Вотъ такъ морозъ! Ну да и морозъ же, Богъ съ нимъ! Смерть!

Мигая красными, озябшими глазами, Егоръ Ивановичъ застучалъ по полу калошами и захлопалъ руками, какъ озябшій извозчикъ.

— Такой проклятущій морозъ, что хуже собаки всякой! — продолжалъ онъ говорить, улыбаясь во все лицо. — Сущая казнь!

— Это здорово, — сказалъ губернаторъ. — Морозъ укрѣпляетъ человѣка, бодритъ.

— Хоть и здорово, но лучше бъ его вовсе не было, — сказалъ голова, утирая краснымъ платкомъ свою клиновидную бородку. — Богъ съ нимъ! Я такъ понимаю, ваше превосходительство, Господь въ наказаніе намъ его посылаетъ, морозъ-то. Лѣтомъ грѣшимъ, а зимою казнимся... да!

— Нѣтъ, Егоръ Ивановичъ, — убѣждалъ его губернаторъ: — не грѣшите, русскій морозъ имѣетъ свои прелести.

— Можетъ и справедливо, ваше превосходительство, но лучше бы его вовсе не было. Оно, конечно, морозъ и французовъ выгналъ, и всякія купанья заморозить можно, и дѣточки на конькахъ катаются... все это вѣрно! Сытому и одѣтому морозъ — одно удовольствіе, а для человѣка рабочаго, нищаго, странника, блаженнаго — онъ первѣйшее зло и напасть. Горе, горе, владыко святый! При такомъ морозѣ и бѣдности вдвое, и воръ хитрѣе, и злодѣй лютѣе. Мнѣ теперь седьмой десятокъ пошелъ, у меня теперь вотъ шуба есть, а дома печка, всякіе ромы и пуншн. Теперь мнѣ морозъ ни по чемъ, я безъ всякаго вниманія, знать его не хочу. Но прежде-то что было, Мать Пречистая! Вспомнить страшно! Память у меня съ лѣтами отшибло, и я все позабылъ: и враговъ, и грѣхи свои, и напасти всякія — все позабылъ, но морозъ — ухъ какъ помню! Остался я послѣ маменьки вотъ этакимъ махонькимъ бѣсенкомъ, безпріютнымъ сиротою... Ни родныхъ, ни ближнихъ, одежонка рваная, кушать хочется, ночевать негдѣ, однимъ словомъ, не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Довелось мнѣ тогда за пятачокъ въ день водить по городу одну старушку слѣпую... Морозы были жестокіе, злющіе. Выйдешь, бывало, со старушкой и начинаешь мучиться. Создатель мой! Спервоначалу задаешь дрожака, какъ въ лихорадкѣ, жмешься и прыгаешь, потомъ начинаютъ у тебя уши, пальцы и ноги болѣть. Болятъ, словно кто ихъ клещами жметъ. Но это все бы ничего, пустое дѣло, не суть важное. Бѣда, когда все тѣло стынетъ. Часика три походишь по морозу, владыко святый, и потеряешь всякое подобіе. Ноги сводитъ, грудь давитъ, животъ втягиваетъ, главное, такая боль, что хуже и быть не можетъ. Болитъ сердце, нѣтъ мочи терпѣть, а во всемъ тѣлѣ тоска, словно ты ведешь за руку не старуху, а саму смерть. Весь онѣмѣешь, одеревянѣешь, какъ статуй, идешь и кажется тебѣ, что не ты это идешь, а кто-то другой замѣсто тебя ногами двигаетъ. Какъ застыла душа, то ужъ себя не помнишь: норовишь или старуху безъ водителя оставить, или горячій калачъ съ лотка стащить, или подраться съ кѣмъ. А придешь съ мороза на ночлегъ въ тепло, тоже мало радости!

Зимній пейзажъ.

Почитай до полночи не спишь и плачешь, а отчего плачешь, и самъ не знаешь...

Губернаторша, которой скучно стало слушать, вышла пройтись по катку, и за нею повалила изъ павильона вся публика. Остались только губернаторъ, архіерей и голова.

— Царица Небесная! А что было, когда меня въ сидѣльцы въ рыбную лавку отдали! — продолжалъ Егоръ Ивановичъ. — Бывало выходишь въ лавку чуть свѣтъ... къ девятому часу я ужъ совсѣмъ озябши, рожа посинѣла, пальцы растопырены, такъ что пуговицы не застегнешь и денегъ не сосчитаешь. Стоишь на холодѣ, костенѣешь и думаешь: „Господи! вѣдь до самаго вечера такъ стоять придется!“ Къ обѣду ужъ у меня животъ втянуло и сердце болитъ... да-съ! Когда потомъ самъ хозяиномъ былъ, не легче жилось. Морозы до чрезвычайности, а лавка, словно мышеловка, со всѣхъ сторонъ ее продуваетъ; шубенка на мнѣ, извините, паршивая, на рыбьемъ мѣху, сквозная... Застынешь весь, обалдѣешь и самъ станешь жесточѣе мороза: одного за ухо дернешь, такъ что чуть ухо не оторвешь, другого по затылку хватишь, на покупателя злодѣемъ этакимъ глядишь, звѣремъ, и норовишь съ него кожу содрать, а домой ввечеру придешь, надо бы спать ложиться, но ты не въ духахъ и начинаешь свое семейство кускомъ хлѣба попрекать, шумѣть и такъ разойдешься, что пяти городовыхъ мало. Отъ морозу и золъ становишься и водку пьешь не въ мѣру.

Егоръ Ивановичъ всплеснулъ руками и продолжалъ:

— А что было, когда мы зимой въ Москву рыбу возили! Мать Пречистая!

И онъ, захлебываясь, сталъ описывать ужасы, которые переживалъ со своими приказчиками, когда возилъ въ Москву рыбу...

— Н-да, — вздохнулъ губернаторъ: — удивительно выносливъ человѣкъ! Вы, Егоръ Иванычъ, въ Москву рыбу возили, а я въ свое время на войну ходилъ. Припоминается мнѣ одинъ необыкновенный случай...

И губернаторъ разсказалъ, какъ во время послѣдней русско-турецкой войны, въ одну морозную ночь, отрядъ, въ которомъ онъ находился, стоялъ неподвижно тринадцать часовъ въ снѣгу подъ пронзительнымъ вѣтромъ; изъ страха быть замѣченнымъ отрядъ не разводилъ огня, молчалъ, не двигался; запрещено было курить...

Начались воспоминанія. Губернаторъ и голова оживились, повеселѣли и, перебивая другъ друга, стали припоминать пережитое.

И архіерей разсказалъ, какъ онъ, служа въ Сибири, ѣздилъ на собакахъ, какъ онъ однажды сонный во время сильнаго мороза вывалился изъ возка и едва не замерзъ; когда тунгузы вернулись и нашли его, онъ былъ едва живъ. Потомъ, словно сговорившись, старики вдругъ умолкли, сѣли рядышкомъ и задумались.

— Эхъ!—прошепталъ голова.—Кажется, пора бы забыть, но какъ взглянешь на водовозовъ, на школьниковъ, на арестантиковъ въ халатишкахъ, все припомнишь! Да взять хоть этихъ музыкантовъ, что играютъ сейчасъ. Небось ужъ и сердце болитъ у нихъ, и животы втянуло, и трубы къ губамъ примерзли... Играютъ и думаютъ: „Мать Пречистая, а вѣдь намъ еще три часа тутъ на холодѣ сидѣть!“

Старики задумались. Думали они о томъ, что̀ въ человѣкѣ выше его происхожденія, выше сана, богатства и знаній, что̀ послѣдняго нищаго приближаетъ къ Богу: о немощи человѣка, о его боли, его терпѣніи...

Голова — 1) муж. р. начальникъ, старшина, предсѣдатель, руководитель. Онъ всему голова. Солоха высыпала уголь въ кадку, и дюжій голова влѣзъ съ усами, съ головой въ мѣшокъ (Гоголь. „Ночь передъ Рождествомъ“); 2) жен. р. часть тѣла; самъ человѣкъ или само животное. *Сколько головъ, столько умовъ.* Горячихъ дюжина головъ (Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“); 3) умъ, воображеніе, память. Онъ малый съ головой (Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“). Надъ ней онъ голову ломалъ (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“). Нѣтъ, не пошла Москва моя къ нему съ повинной головою (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“); 4) верхъ, передняя часть чего-нибудь. Голова кометы. Голова колонны. Онъ (прудъ) никогда не зацвѣталъ, благодаря обильнымъ ключамъ, бившимъ въ его „головѣ“ (Тургеневъ. „Затишье“).

Старожилъ — коренной житель.

Блаженный — 1) наслаждающійся полнымъ счастьемъ. Блаженъ кто вѣруетъ: тепло тому̀ на свѣтѣ (Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“); 2) юродивый.

Доводиться — 1) случаться, приходиться, удаваться. Такого табаку ни отцу, ни дѣду его не доводилось нюхать (Гоголь. „Заколдованное мѣсто“). Какъ знать, кому въ комъ нужда доведется (Крыловъ. „Левъ и мышь“). Ни разу мнѣ не довелось съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья (Тютчевъ); 2) быть въ извѣстной степени родства, причитаться. Какъ вамъ доводится Настасья Николавна? (Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“).

Задавать дрожака — испытывать ознобъ отъ стужи, страха. Морозъ по кожѣ деретъ. Хватить дроздовъ, прозябнуть.

Ночлегъ — *Дорожный ночлега съ собой не носитъ.*

Почитай — 1) безъ малаго, едва не, немногаго недостаетъ; 2) вѣроятно, чай, надо думать.

Обалдѣть — обезпамятѣть, стать въ тупикъ. Обалдуй, тугоумъ; невѣжа.

Норовить — 1) цѣлить, мѣтить; 2) угождать, давать потачку. *Всякъ своему норовитъ. Норовя себѣ, норови и людямъ.*

Ввечеру — нарѣчіе времени. А вчера у окна ввечеру долго-долго сидѣла она и слѣдила по тучамъ игру, что скользя затѣвала луна (Фетъ. „На зарѣ ты ее не буди“).

Попрекать — выговаривать, съ укоромъ поминать, упрекать за старое, прошлое. *Накажи, да не попрекай. Своимъ хлѣбомъ-солью попрекать грѣшно.*

32. Сосны.

Изъ разсказа *И. Бунина.*

Утро. Выглядываю въ кусочекъ окна, не зарисованный морозомъ, и не узнаю лѣса. Какое великолѣпіе и спокойствіе!

Надъ глубокими, свѣжими и пушистыми снѣгами, завалившими чащи елей, синее, огромное и удивительно нѣжное небо. Такія яркія радостныя краски бываютъ у насъ только по утрамъ въ аѳанасьевскіе морозы. И особенно хороши онѣ сегодня, въ контрастѣ съ свѣжимъ снѣгомъ и зеленымъ боромъ. Солнце еще за лѣсомъ налѣво, но уже по всему видно, какой будетъ свѣтлый и морозный день. Просѣка въ голубой тѣни. Въ колеяхъ свѣжаго саннаго слѣда, смѣлымъ и четкимъ полукругомъ прорѣзаннаго отъ дороги къ дому, тѣнь совершенно синяя. А на вершинахъ сосенъ, на ихъ пышныхъ зеленыхъ вѣнцахъ уже играетъ золотистый солнечный свѣтъ. И сосны, какъ хоругви, замерли подъ глубокимъ небомъ.

Вотъ такъ тишина! Двѣ галки звонко и радостно сказали что-то другъ другу относительно тишины и красоты утра. Одна изъ нихъ съ разлету опустилась на самую верхнюю вѣточку густо-зеленой, стройной, какъ кипарисъ, ели,—закачалась, едва не потерявъ равновѣсія, и съ пышныхъ лапъ ели густо посыпалась и стала медленно опускаться радужная снѣжная пыль. Галка засмѣялась отъ удовольствія, но тотчасъ же смолкла... И по мѣрѣ того, какъ поднимается солнце, все тише становится въ просѣкѣ...

*

33. Зимній путь.

Стихотвореніе *Я. П. Полонскаго.*

Ночь холодная мутно глядитъ
подъ рогожу кибитки моей;
подъ полозьями поле скрипитъ,
подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
а ямщикъ погоняетъ коней.

За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
свѣтитъ пасмурный призракъ луны;
вой протяжный голодныхъ волковъ

раздается въ туманѣ дремучихъ лѣсовъ...
Мнѣ мерещатся странные сны.

Мнѣ все чудится, будто скамейка стоитъ,
на скамейкѣ старуха сидитъ—
до полуночи пряжу прядетъ,
мнѣ любимыя сказки мои говоритъ,
колыбельныя пѣсни поетъ.

И я вижу во снѣ, какъ на волкѣ верхомъ
ѣду я по тропинкѣ лѣсной
воевать съ чародѣемъ-царемъ
въ ту страну, гдѣ царевна сидитъ подъ замкомъ,
изнывая за крѣпкой стѣной.

Тамъ стеклянный дворецъ окружаютъ сады;
тамъ жаръ-птицы поютъ по ночамъ
и клюютъ золотые плоды,
тамъ журчитъ ключъ живой и ключъ мертвой воды...
И не вѣришь и вѣришь очамъ!

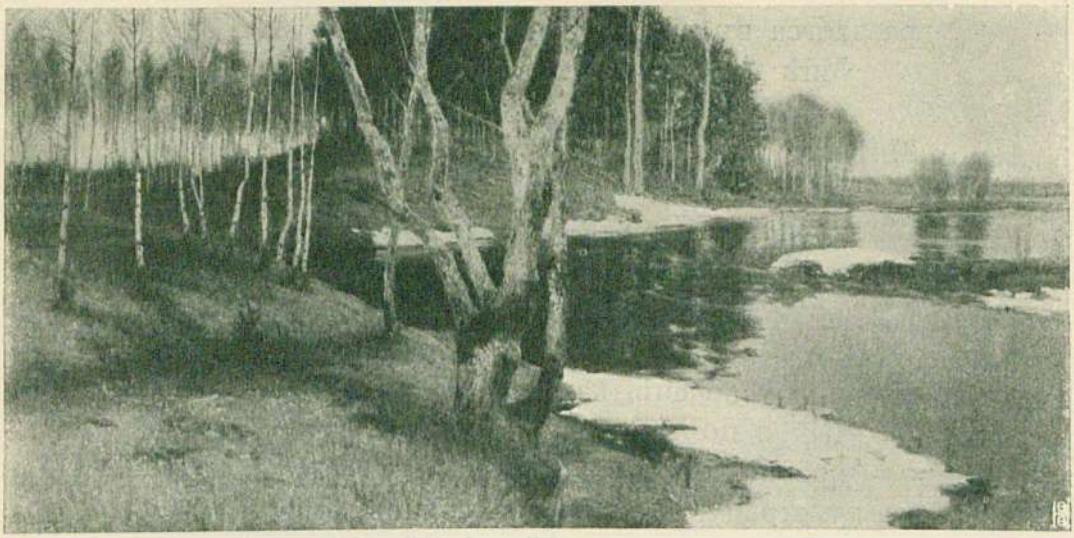
А холодная ночь такъ же мутно глядитъ
подъ рогожу кибитки моей;
подъ полозьями поле скрипитъ,
подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
и ямщикъ погоняетъ коней.

Мерещиться — казаться, привидѣться, неясно представляться на яву или во снѣ. *Голодному хлѣбъ мерещится.*

Чудиться — казаться, привидѣться. Это тебѣ почудилось. *Коли чудится, такъ перекрестись.* Кротокъ и тихъ былъ вечеръ; но сдержанный страстный вздохъ чудился въ этой тишинѣ (Тургеневъ. „Рудинъ“). Тревожное волненіе мнѣ чудилось повсюду — и тревога росла во мнѣ самомъ (Тургеневъ. „Ася“).

Жаръ-птица. — Вотъ сюда-то до зарницы прилетаютъ жары-птицы... И, поднявъ перо жаръ-птицы, завернулъ его въ тряпицы (Ершовъ. „Конекъ-Горбунокъ“).

Ключъ — 1) источникъ, родникъ. *Потъ ключомъ бьетъ, а женецъ свое беретъ.* По камнямъ прыгали, шумѣли ключи студеною волной (Лермонтовъ. „Демонъ“); 2) принадлежность замка. Какъ ключъ ко дну. *Ключъ сильнѣй замка*; 3) объясненіе, ключъ азбуки, ключъ къ загадкѣ; 4) музыкальный ключъ, басовый и дискантовый.



34. Весна.

Изъ романа гр. *Л. Н. Толстого* „Анна Каренина".

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли поста стояла ясная, морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; настъ былъ такой, что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу.

Потомъ вдругъ, на второй день Святой, понесло теплымъ вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ, и надвинулся густой, сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершавшихся въ природѣ перемѣнъ. Въ туманѣ полились воды, затрещали и сдвинулись льдины; быстрѣе двинулись мутные, вспѣнившіеся потоки, и на самую Красную Горку, съ вечера, разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснѣло, и открылась настоящая весна.

На утро поднявшееся яркое солнце съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній ожившей земли. Зазеленѣла старая и вылѣзающая иглами молодая травка, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленѣй и обледенѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ наливщимися бурою, неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ скотина, заиграли кривоногіе ягнята вокругъ блеющихъ матерей, побѣжали

Весенній вечеръ. *С. Жуковскаго.*

быстроногіе ребята по просыхающимъ тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали по дворамъ топоры мужиковъ, налаживающихъ сохи и бороны...

Пришла настоящая весна.

Настъ — 1) осѣвшій послѣ оттепели и отвердѣвшій послѣ мороза снѣгъ; 2) помостъ, мостки.

Подернуть — Небо подернуто облачками. Взоръ подернутъ печалью, слезой. Вѣтерокъ подернулъ озеро рябью. Что за уха! да какъ жирна: какъ будто янтаремъ подернулась она (Крыловъ). Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ (Лермонтовъ).

Жнивье — 1) поле, съ котораго недавно снятъ хлѣбъ. Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивье (Тургеневъ. „Записки охотника"). Послѣдній снопъ свезенъ съ нагихъ полей, по стоптаннымъ гуляетъ жнивьямъ стадо (Фетъ. „Псовая охота"); 2) время жатвы. Въ покосъ она сѣно трясла, сгребала, лошадь въ стадо водила, въ жнивье снопы таскала (Семеновъ. „Крестьянскіе разсказы").

Низъ, низина — 1) низменность. *На низу не стройся, вода пойметъ.* По низамъ туманы стоятъ, до солнышка косить не даютъ. Раздолъ отсюда все низомъ пошелъ до самаго озера; 2) мѣстность ближе къ устью рѣки; низовье. *На низъ вода снесетъ, а вверхъ кабала* (бурлаки). *Ступай на низъ пшеничное ѣсть* (въ бурлаки). На низъ ушелъ, на низовья Волги; 3) низкія ноты, басъ. Бери низомъ, а я верхомъ.

Наладить, налаживать — приводить въ порядокъ, приготавливать; подучать, направлять. Наладить борону, соху, уставить сошникъ. Знай, одно наладилъ, надоѣдливо требуетъ, настаиваетъ, повторяетъ одно и то же.

*

35. Зеленый Шумъ.

Изъ стихотворенія *Н. А. Некрасова.*

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній Шумъ!

Играючи расходится
вдругъ вѣтеръ верховой:
качнетъ кусты ольховые,
подниметъ пыль цвѣточную,
какъ облако: все зелено,
и воздухъ и вода!

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній Шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
стоятъ сады вишневые,
тихохонько шумятъ;
пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
шумятъ повеселѣлые
сосновые лѣса;
а рядомъ, новой зеленью
лепечутъ пѣсню новую
и липа блѣднолистая
и бѣлая березонька
съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они по-новому,
по-новому, весеннему...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній Шумъ!

Зеленый шумъ — такъ народъ называетъ пробужденіе природы весной.

Гудѣть — издавать гулъ, протяжный звукъ. Вы, гудки, не гудите (русская пѣсня). Крикъ черкесовъ по зарѣ гудитъ, теряясь въ долинѣ (Лермонтовъ. „Измаилъ-бей"). Вѣтеръ вѣчно шумѣлъ и угрюмо гудѣлъ въ ихъ высокой, тощей зелени (Тургеневъ. „Рудинъ").

Верховой вѣтеръ — дующій съ верховья рѣки. Верховая погода. Верховые города.

Лепетать — невнятно говорить. *Языкъ лепечетъ, а голова не вѣдаетъ. Ѣшь калачи, да меньше лепечи.* Молодые листья лепетали — да зяблики кое-гдѣ пѣли, да двѣ горлянки ворковали все на одномъ и томъ же деревѣ. (Тургеневъ. „Новь").

*

36. Весна! здравствуй, весна!

Изъ повѣсти *И. С. Тургенева* „Довольно".

Это было въ концѣ марта, передъ Благовѣщеніемъ. Мнѣ пришлось переѣзжать одну изъ главныхъ рѣкъ Россіи. Ледъ еще не тронулся и на ней — но какъ будто вспухъ и потемнѣлъ; четвертый день стояла оттепель. Снѣгъ таялъ кругомъ — дружно, но тихо; вездѣ сочилась вода; въ рыхломъ воздухѣ бродилъ беззвучный вѣтеръ. Одинъ и тотъ же ровный молочный свѣтъ обливалъ землю и небо, тумана не было — но не было и свѣта; ни одинъ предметъ не выдѣлялся на общей бѣлизнѣ; все казалось и близкимъ и нѣжнымъ.

Оставивъ свою кибитку далеко назади, я быстро шелъ по льду рѣчному — и, кромѣ глухого стука собственныхъ шаговъ, не слыхалъ ничего; я шелъ, со всѣхъ сторонъ охваченный первымъ млѣніемъ и вѣяніемъ ранней весны... и понемногу, прибавляясь съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ движеніемъ впередъ, поднималась и росла во мнѣ какая-то радостная, непонятная тревога... Она увлекала, она торопила меня — и такъ сильны были ея порывы, что я остановился, наконецъ, въ изумленіи и вопросительно посмотрѣлъ вокругъ, какъ бы

Берегъ рѣки. *И. Шишкина.*

желая отыскать внѣшнюю причину моего восторженнаго состоянія... Все было тихо, бѣло, сонно; но я поднялъ глаза: высоко на небѣ неслись станицей прилетныя птицы... „Весна! здравствуй, весна!“ — закричалъ я громкимъ голосомъ.

Рыхлый — неплотный, разсыпчатый (рыхлая земля), хорошо поднявшійся (о тѣстѣ), слабый, хилый (рыхлый человѣкъ). Отсюда: **рыхлѣть**, ледъ сильно рыхлѣетъ; **рухлядь**, домашній скарбъ.

Кибитка — крытая повозка, сани съ верхомъ; жилье кочевника; нѣсколько кибитокъ образуютъ кочевое селеніе, аулъ.

Станица — 1) стая, вереница; однородныя птицы въ сборѣ. Летитъ станица журавлей. Утки ... гуси плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда (Тургеневъ. „Затишье“). Жена, что лебедь-птица, вывела дѣтей станицу. Волки зимой станицами бродятъ; 2) станъ, таборъ, казачье поселеніе, казачій отрядъ. Станичная изба. Станичный атаманъ. Простите, вольныя станицы, и домъ отцовъ, и тихій Донъ, война и красныя дѣвицы! (Пушкинъ). Отсюда: **станичникъ**, казакъ, разбойникъ.

*

37. Пѣвцы.

Изъ „Записокъ охотника“ *И. С. Тургенева.*

Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее нѣкогда помѣщицѣ, за лихой и бойкій нравъ прозванной въ околоткѣ Стрыганихой (настоящее имя ея осталось неизвѣстнымъ), а нынѣ состоящее за какимъ-то петербургскимъ нѣмцемъ, лежитъ на скатѣ голаго холма, сверху до низу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зіяя, какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы, и пуще рѣки — черезъ рѣку можно по крайней мѣрѣ навести мостъ — раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки. Нѣсколько тощихъ ракитъ боязливо спускаются по песчанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдь, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня. Не веселый видъ, нечего сказать,—а между тѣмъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ хорошо извѣстна дорога въ Колотовку: они ѣздятъ туда охотно и часто.

У самой головы оврага, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той точки, гдѣ онъ начинается узкой трещиной, стоитъ небольшая четвероугольная избушка,—стоитъ одна, отдѣльно отъ другихъ. Она крыта соломой, съ трубой; одно окно, словно зоркій глазъ, обращено къ оврагу и въ зимніе вечера, освѣщенное изнутри, далеко виднѣется въ тускломъ туманѣ мороза и не одному проѣзжему мужичку мерцаетъ путеводною звѣздою. Надъ дверью избушки прибита голубая дощечка: эта

избушка— кабакъ, прозванный „Притыннымъ“. Въ этомъ кабакѣ вино продается, вѣроятно, не дешевле положенной цѣны, но посѣщается онъ гораздо прилежнѣе, чѣмъ всѣ окрестныя заведенія такого же рода. Причиной этому цѣловальникъ Николай Иванычъ.

Николай Иванычъ — нѣкогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже посѣдѣвшій мужчина съ заплывшимъ лицомъ, хитро-добродушными глазками и жирнымъ лбомъ, перетянутымъ морщинами, словно нитками,—уже болѣе двадцати лѣтъ проживаетъ въ Колотовкѣ. Николай Иванычъ человѣкъ расторопный и смѣтливый, какъ большая часть цѣловальниковъ. Не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, онъ обладаетъ даромъ привлекать и удерживать у себя гостей, которымъ какъ-то весело сидѣть передъ его стойкой, подъ спокойнымъ и привѣтливымъ, хотя зоркимъ взглядомъ флегматическаго хозяина. У него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичій бытъ, и крестьянскій, и мѣщанскій; въ трудныхъ случаяхъ онъ могъ бы подать неглупый совѣтъ, но, какъ человѣкъ осторожный и эгоистъ, предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ, и развѣ только отдаленными, словно безъ всякаго намѣренія произнесенными намеками наводитъ своихъ посѣтителей — и то любимыхъ имъ посѣтителей—на путь истины. Онъ знаетъ толкъ во всемъ, что важно или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ, въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, въ посудѣ, въ красномъ товарѣ и въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и въ пляскахъ. Когда у него нѣтъ посѣщенія, онъ обыкновенно сидитъ, какъ мѣшокъ, на землѣ передъ дверью своей избы, подвернувъ подъ себя свои тонкія ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всѣми прохожими. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, пережилъ не одинъ десятокъ мелкихъ дворянъ, заѣзжавшихъ къ нему за „очищеннымъ“, знаетъ все, что дѣлается на сто верстъ кругомъ, и никогда не пробалтывается, не показываетъ даже виду, что ему и то извѣстно, чего не подозрѣваетъ самый проницательный становой. Знай себѣ помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ. Его сосѣди уважаютъ: штатскій генералъ Щерепетенко, первый по чину владѣлецъ въ уѣздѣ, всякій разъ снисходительно ему кланяется, когда проѣзжаетъ мимо его домика. Николай Иванычъ человѣкъ со вліяніемъ: онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, образумилъ мужиковъ сосѣдней деревни, не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго, и т. д. Впрочемъ, не должно думать, чтобы онъ это дѣлалъ изъ любви къ справедливости,

изъ усердія къ ближнимъ—нѣтъ! онъ просто старается предупредить все то, что можетъ какъ-нибудь нарушить его спокойствіе. Николай Иванычъ женатъ, и дѣти у него есть. Жена его, бойкая, востроносая и быстроглазая мѣщанка, въ послѣднее время тоже нѣсколько отяжелѣла тѣломъ, подобно своему мужу. Онъ во всемъ на нее полагается, и деньги у ней подъ ключомъ. Пьяницы-крикуны ее боятся; она ихъ не любитъ: выгоды отъ нихъ мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорѣе по сердцу. Дѣти Николая Иваныча еще малы; первыя всѣ перемерли, но оставшіяся пошли въ родителей: весело глядѣть на умныя личики этихъ здоровыхъ ребятъ.

Былъ невыносимо жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой поднимался вдоль Колотовскаго оврага въ направленіи Притыннаго кабачка. Солнце разгоралось на небѣ, какъ бы свирѣпѣя; парило и пекло неотступно; воздухъ былъ весь пропитанъ душной пылью. Покрытые лоскомъ грачи и вороны, разинувъ носы, жалобно глядѣли на проходившихъ, словно прося ихъ участья; одни воробьи не горевали и, распушa перушки, еще яростнѣе прежняго чирикали и дрались по заборамъ, дружно взлетали съ пыльной дороги, сѣрыми тучами носились надъ зелеными конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: въ Колотовкѣ, какъ и во многихъ другихъ степныхъ деревняхъ, мужики за неимѣньемъ ключей и колодцевъ, пьютъ какую-то жидкую грязцу изъ пруда... Но кто же назоветъ это отвратительное пойло водою? Я хотѣлъ спросить у Николая Иваныча стаканъ пива или квасу.

Признаться сказать, ни въ какое время года Колотовка не представляетъ отраднаго зрѣлища; но особенно грустное чувство возбуждаетъ она, когда іюльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляетъ и бурыя, полуразметанныя крыши домовъ, и этотъ глубокій оврагъ, и выжженный запыленный выгонъ, по которому безнадежно скитаются худыя, длинноногія курицы, и сѣрый осиновый срубъ съ дырами вмѣсто оконъ, остатокъ прежняго барскаго дома, кругомъ заросшій крапивой, бурьяномъ и полынью, и покрытый гусинымъ пухомъ, черный, словно раскаленный прудъ, съ каймой изъ полувысохшей грязи и сбитой на бокъ плотиной, возлѣ которой, на мелко истоптанной, пепеловидной землѣ, овцы, едва дыша и чихая отъ жара, печально тѣснятся другъ къ дружкѣ и съ унылымъ терпѣніемъ наклоняютъ головы какъ можно ниже, какъ будто выжидая, когда же пройдетъ, наконецъ, этотъ невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я къ жилищу Николая Иваныча, возбуждая, какъ

Сосны.

водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безсмысленнаго созерцанія, въ собакахъ негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались,—какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя, очевидно, размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди же!—залепеталъ онъ, съ усиліемъ поднимая густыя брови: — иди, Моргачъ, иди! экой ты, братецъ, ползешь, право слово! Это не хорошо, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь... Иди.

— Ну, иду, иду, — раздался дребезжащій голосъ, и изъ-за избы направо показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная суконная чуйка, вдѣтая на одинъ рукавъ; высокая, остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе, желтые глазки такъ и бѣгали, съ тонкихъ губъ не сходила сдержанная напряженная улыбка, а носъ, острый и длинный, нахально выдвигался впередъ, какъ руль. — Иду, любезный, — продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенья: — зачѣмъ ты меня зовешь?.. Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову? — сказалъ съ укоризной человѣкъ во фризовой шинели. — Экой ты, Моргачъ, чудной, братецъ: тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые: Турокъ-Яшка, да Дикій Баринъ, да рядчикъ съ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ объ закладъ побились: осьмуху пива поставили — кто кого одолѣетъ, лучше споетъ, то-есть... понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ? — съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачомъ. — И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, — съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй: — а ты брешешь. Стало быть, будетъ пѣть, коли объ закладъ побился, божья коровка ты этакая, плутъ ты этакой, Моргачъ!

— Ну пойдемъ, простота,— возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцѣлуй же меня, по крайней мѣрѣ, душа ты моя,— залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятія.

— Вишь, Езопъ изнѣженный,—презрительно отвѣтилъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Уже не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ-Туркѣ, какъ о лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состязаніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

Вѣроятно немногіе изъ моихъ читателей имѣли случай заглядывать въ деревенскіе кабаки; но нашъ братъ, охотникъ, куда не заходитъ! Устройство ихъ чрезвычайно просто. Они состоятъ обыкновенно изъ темныхъ сѣней и бѣлой избы, раздѣленной на-двое перегородкой, за которую никто изъ посѣтителей не имѣетъ права заходить. Въ этой перегородкѣ, надъ широкимъ дубовымъ столомъ, продѣлано большое, продольное отверстіе. На этомъ столѣ или стойкѣ продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядкомъ стоятъ на полкахъ, прямо противъ отверстія. Въ передней части избы, предоставленной посѣтителямъ, находятся лавки, двѣ, три пустыя бочки, угловой столъ. Деревенскіе кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на ихъ бревенчатыхъ стѣнахъ какихъ-нибудь ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ, безъ которыхъ рѣдкая изба обходится.

Когда я вошелъ въ Притынный-Кабачокъ, въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, какъ водится, почти во всю ширину отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и, съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ, наливалъ своей полной и бѣлой рукой два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ, Моргачу и Обалдую, а за нимъ въ углу, возлѣ окна, виднѣлась его востроглазая жена. По серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафтанъ голубого цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими, подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы—все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненіи: мигалъ глазами, неровно дышалъ, руки его дрожали какъ въ лихорадкѣ,—да у него и точно была лихорадка, та тревож-

ная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, широкоскулый, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четвероугольнымъ подбородкомъ и черными блестящими волосами, жесткими, какъ щетина. Выраженіе его смуглаго съ свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ, можно было бы назвать почти свирѣпымъ, если бъ оно не было такъ спокойно-задумчиво. Онъ почти не шевелился и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ-подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сюртукъ съ мѣдными, гладкими пуговицами; старый черный шелковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ Бариномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки — рядчикъ изъ Жиздры: это былъ невысокаго роста, плотный мужчина лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ вздернутымъ носомъ, живыми карими глазками и жидкой бородкой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руки, безпечно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла. Въ противоположномъ углу, направо отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичокъ въ узкой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Солнечный свѣтъ струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ небольшихъ окошекъ и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты: всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. Зато въ ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня съ плечъ, какъ только я переступилъ порогъ.

Мой приходъ — я это могъ замѣтить — сначала нѣсколько смутилъ гостей Николая Иваныча; но, увидѣвъ, что онъ поклонился мнѣ, какъ знакомому человѣку, они успокоились и уже болѣе не обращали на меня вниманія. Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужичка въ изорванной свиткѣ.

— Ну, что жъ! — возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, повидимому, не произносилъ ни одного слова.—Чего еще ждать? Начинать, такъ начинать. А? Яша?..

— Начинать, начинать,—одобрительно подхватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй,—хладнокровно и съ самоувѣренной улыбкой промолвилъ рядчикъ: — я готовъ.

— И я готовъ,—съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте,— пропищалъ Моргачъ.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не начиналъ; рядчикъ даже не приподнялся съ лавки,— всѣ словно ждали чего-то.

— Начинай!— угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать?— спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно по серединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія ручи въ карманы шароваръ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ,—залепеталъ Обалдуй,—тебѣ, братецъ.

Дикій Баринъ посмотрѣлъ на него исподлобья. Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть,—съ разстановкой произнесъ Дикій Баринъ:— да осьмуху на стойку.

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, кряхтя, съ полу осьмуху и поставилъ ее на столъ.

Дикій Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: „ну!“

Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ. Рядчикъ вынулъ изъ-подъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ. Обалдуй подставилъ свой затасканный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ; Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ — свой.

— Тебѣ выбирать,—проговорилъ Дикій Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ: всѣ лица выражали напряженное ожиданіе; самъ Дикій Баринъ прищурился; мой сосѣдъ, мужичокъ въ изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ: всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь я же говорилъ, что тебѣ, — воскликнулъ Обалдуй: — я вѣдь говорилъ!

— Ну, ну, не „цыркай!“ — презрительно замѣтилъ Дикій Баринъ. — Начинай, — продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую же мнѣ пѣсню пѣть? — спросилъ рядчикъ, приходя въ волненье.

— Какую хочешь, — отвѣчалъ Моргачъ. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, — прибавилъ Николай Иванычъ, медленно складывая руки на груди. — Въ этомъ тебѣ указу нѣту. Пой, какую хочешь; да только пой хорошо, а мы ужъ потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, — подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, — заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! — рѣшилъ Дикій Баринъ и потупился.

Рядчикъ подумалъ немного, встряхнулъ головой и выступилъ впередъ. Яковъ впился въ него глазами...

Но, прежде чѣмъ я приступлю къ описанію самаго состязанія, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа.

Начнемъ съ Обалдуя. Настоящее имя этого человѣка было Евграфъ Ивановъ; но никто во всемъ околоткѣ не звалъ его иначе, какъ Обалдуемъ, и онъ самъ величалъ себя тѣмъ же прозвищемъ: такъ хорошо оно къ нему пристало. И, дѣйствительно, оно какъ нельзя лучше шло къ его незначительнымъ, вѣчно встревоженнымъ чертамъ. Это былъ загулявшій холостой дворовый человѣкъ, отъ котораго собственные господа давнымъ-давно отступились и который, не имѣя никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находилъ однако средство каждый день покутить на чужой счетъ. У него было множество знакомыхъ, которые поили его виномъ и чаемъ, сами не зная зачѣмъ, потому что онъ не только не былъ въ обществѣ забавенъ, но даже, напротивъ, надоѣдалъ всѣмъ своей безсмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными тѣлодвиженіями и безпрестаннымъ неестественнымъ хохотомъ. Онъ не умѣлъ ни пѣть, ни плясать; отроду не сказалъ не только умнаго, даже путнаго слова: все „лотошилъ“ да вралъ, что ни попало — прямой Обалдуй! И между

тѣмъ ни одной попойки на сорокъ верстъ кругомъ не обходилось безъ того, чтобы его долговязая фигура не вертѣлась тутъ же между гостями, — такъ ужъ къ нему привыкли и переносили его присутствіе, какъ неизбѣжное зло. Правда, обходились съ нимъ презрительно, но укрощать его нелѣпые порывы умѣлъ одинъ Дикій Баринъ.

Моргачъ нисколько не походилъ на Обалдуя. Къ нему тоже шло названье Моргача, хотя онъ глазами не моргалъ болѣе другихъ людей; извѣстное дѣло: русскій народъ на прозвища мастеръ. Несмотря на мое старанье вывѣдать пообстоятельнѣе прошедшее этого человѣка, въ жизни его остались для меня — и, вѣроятно, для многихъ другихъ — темныя пятна, мѣста, какъ выражаются книжники, покрытыя глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Я узналъ только, что онъ нѣкогда былъ кучеромъ у старой бездѣтной барыни, бѣжалъ со ввѣренной ему тройкой лошадей, пропадалъ цѣлый годъ и, должно быть, убѣдившись на дѣлѣ въ невыгодахъ и бѣдствіяхъ бродячей жизни, вернулся самъ, но уже хромой, бросился въ ноги своей госпожѣ и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ примѣрнымъ поведеніемъ загладилъ свое преступленіе, понемногу вошелъ къ ней въ милость, заслужилъ, наконецъ, ея полную довѣренность, попалъ въ приказчики, а по смерти барыни, неизвѣстно какимъ образомъ, оказался отпущеннымъ на волю, приписался въ мѣщане, началъ снимать у сосѣдей бакши, разбогатѣлъ и живетъ теперь припѣваючи. Это человѣкъ опытный, себѣ на умѣ, не злой и не добрый, а болѣе разсчетливый: это тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ то же время предпріимчивъ, какъ лисица; болтливъ, какъ старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякаго другого заставитъ высказаться; впрочемъ, не прикидывается простачкомъ, какъ это дѣлаютъ иные хитрецы того же десятка, да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видывалъ болѣе проницательныхъ и умныхъ глазъ, какъ его крошечныя, лукавыя „глядѣлки“. Они никогда не смотрятъ просто— все высматриваютъ да подсматриваютъ. Моргачъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ обдумываетъ какое-нибудь, повидимому, простое предпріятіе, а то вдругъ рѣшится на отчаянно-смѣлое дѣло, кажется, тутъ ему и голову сломить... смотришь — все удалось, все какъ по маслу пошло. Онъ счастливъ и вѣритъ въ свое счастье, вѣритъ примѣтамъ. Онъ вообще очень суевѣренъ. Его не любятъ, потому что ему самому ни до кого дѣла нѣтъ, но уважаютъ. Все его семейство состоитъ изъ одного сынишки, въ которомъ онъ души не чаетъ, и который, воспитанный такимъ отцомъ, вѣроятно, пойдетъ далеко. „А Моргачонокъ

въ отца вышелъ", уже и теперь говорятъ о немъ вполголоса старики, сидя на завалинкахъ и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера: и всѣ понимаютъ, что это значитъ, и уже не прибавляютъ ни слова.

Объ Яковѣ-Туркѣ и рядчикѣ нечего долго распространяться. Яковъ, прозванный Туркомъ, потому что дѣйствительно происходилъ отъ плѣнной турчанки, былъ по душѣ — художникъ во всѣхъ смыслахъ этого слова, а по званію — черпальщикъ на бумажной фабрикѣ у купца; что же касается до рядчика, судьба котораго, признаюсь, мнѣ осталась неизвѣстною, то онъ показался мнѣ изворотливымъ и бойкимъ городскимъ мѣщаниномъ. Но о Дикомъ Баринѣ стоитъ поговорить нѣсколько поподробнѣе.

Первое впечатлѣніе, которое производилъ на васъ видъ этого человѣка, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложенъ онъ былъ неуклюже, „сбитнемъ", какъ говорятъ у насъ, но отъ него такъ и несло несокрушимымъ здоровьемъ, и — странное дѣло—его медвѣжеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной граціи, происходившей, можетъ быть, отъ совершенно спокойной увѣренности въ собственномъ могуществѣ. Трудно было рѣшить съ перваго разу, къ какому сословію принадлежалъ этотъ Геркулесъ; онъ не походилъ ни на дворового, ни на мѣщанина, ни на обѣднѣвшаго подъячаго въ отставкѣ, ни на мелкопомѣстнаго разорившагося дворянина — псаря и драчуна: онъ былъ, ужъ точно, самъ по себѣ. Никто не зналъ, откуда онъ свалился къ намъ въ уѣздъ; поговаривали, что происходилъ онъ отъ однодворцевъ и состоялъ будто гдѣ-то прежде на службѣ, но ничего положительнаго объ этомъ не знали; да и отъ кого было и узнавать, — не отъ него же самого; не было человѣка болѣе молчаливаго и угрюмаго. Также никто не могъ положительно сказать, чѣмъ онъ живетъ; онъ никакимъ ремесломъ не занимался, ни къ кому не ѣздилъ, не зналъ почти ни съ кѣмъ, а деньги у него водились; правда, небольшія, но водились. Велъ онъ себя не то что скромно, — въ немъ вообще не было ничего скромнаго, — но тихо; онъ жилъ, словно никого вокругъ себя не замѣчалъ и рѣшительно ни въ комъ не нуждался. Дикій Баринъ (такъ его прозвали; настоящее же его имя было Перевлѣсовъ) пользовался огромнымъ вліяніемъ во всемъ округѣ; ему повиновались тотчасъ и съ охотой, хотя онъ не только не имѣлъ никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже самъ не изъявлялъ малѣйшаго притязанія на послушаніе людей, съ которыми случайно сталкивался. Онъ говорилъ — ему покорялись; сила всегда свое возьметъ. Онъ почти не пилъ вина

и страстно любилъ пѣніе. Въ этомъ человѣкѣ было много загадочнаго; казалось, какія-то громадныя силы угрюмо покоились въ немъ, какъ бы зная, что разъ поднявшись, что сорвавшись разъ на волю, онѣ должны разрушить и себя и все, до чего ни коснутся; и я жестоко ошибаюсь, если въ жизни этого человѣка не случилось уже подобнаго взрыва, если онъ, наученный опытомъ и едва спасшись отъ гибели, неумолимо не держалъ теперь самого себя въ ежовыхъ рукавицахъ. Особенно поражала меня въ немъ смѣсь какой-то врожденной, природной свирѣпости и такого же врожденнаго благородства,— смѣсь, которой я не встрѣчалъ ни въ комъ другомъ.

Итакъ, рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствія; нѣмецъ пришелъ бы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій tenore di grazia, ténor léger. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько:
Я посѣю, молода-молоденька,
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ, ему недоставало поддержки, хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачомъ начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: „Лихо!.. Забирай, шельмецъ!.. Забирай, вытягивай,

аспидъ! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты этакая, песъ!.. Погуби Иродъ твою душу!“ и пр. Николай Иванычъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ, — а у Якова глаза такъ и разгорѣлись, какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что, когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: „молодецъ, молодецъ!“ — даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ, не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: „А-га! хорошо, чортъ побери—хорошо!“ и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ! — кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій: — потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко... Ужъ я тебѣ говорю: далеко... А ты мнѣ вѣрь! (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди).

— Да пусти же его; пусти, неотвязная... — съ досадой заговорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть на лавку-то; вишь, онъ усталъ... Экой ты, фофанъ, братецъ, право, фофанъ! Что присталъ, словно банный листъ?

— Ну, что жъ, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — сказалъ Обалдуй и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо, а Обалдуй съ торопливою жадностью выпилъ стаканъ и, по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно-озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо, — ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробѣй.

Посмотримъ, кто кого, посмотримъ... А хорошо поетъ рядчикъ, ей-Богу, хорошо.

— Очинна хорошо, — замѣтила Николая Иваныча жена и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

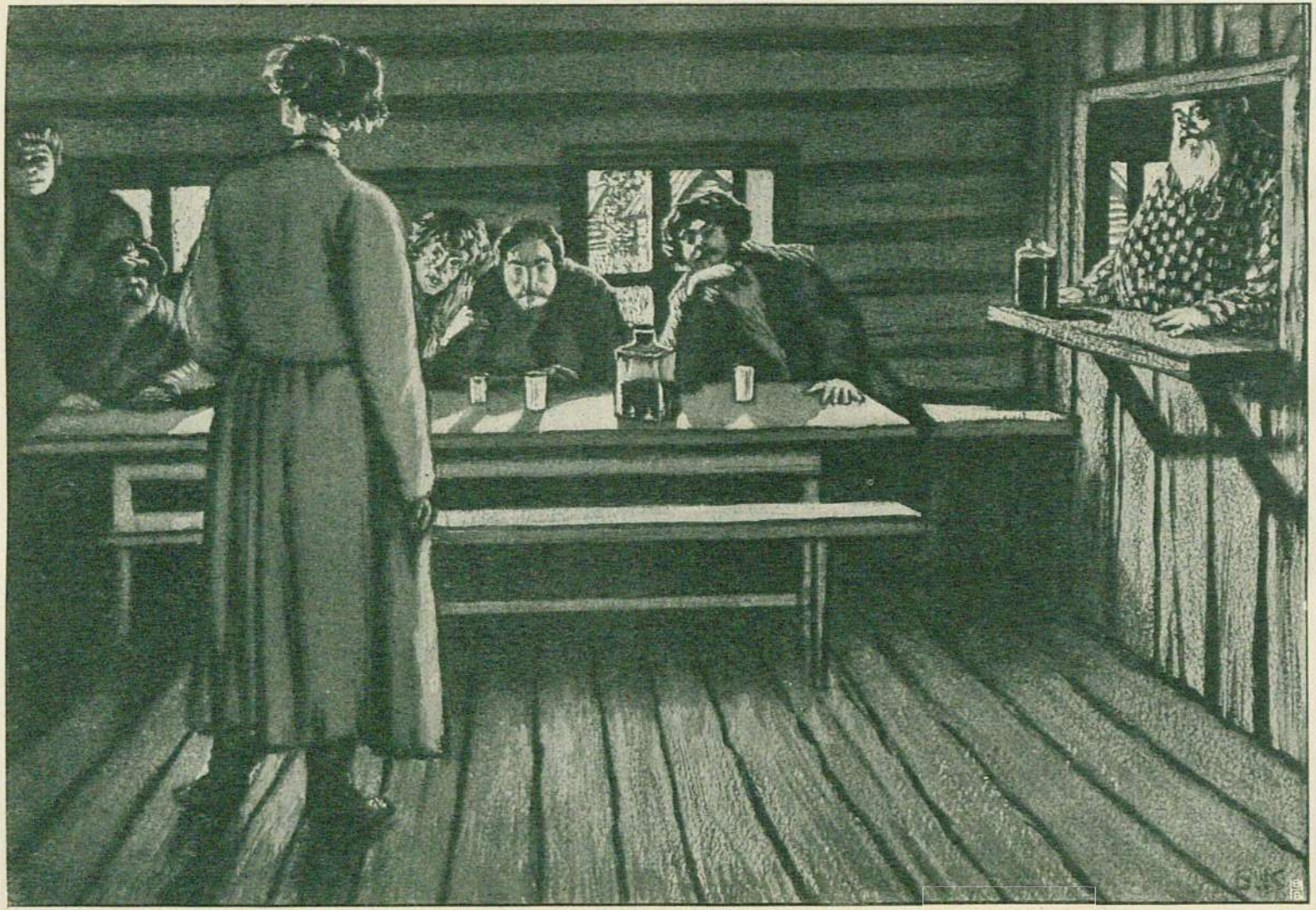
Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того... что-то... Гмъ... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись!.. чего вертишься?.. Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ, за вторымъ—третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. „Не одна во полѣ дороженька пролегала“—пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ, какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоенье: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ,



твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья навстрѣчу знакомому морю, навстрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо-широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданья внезапно поразили меня... я оглянулся — жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго. Николай Иванычъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой, и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленье, если бъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его...

— Яша... — проговорилъ Дикій Баринъ, положилъ ему руку на плечо и—смолкъ.

Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову. — „Ты... твоя... ты выигралъ“, — произнесъ онъ наконецъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Его быстрое рѣшительное движеніе какъ будто нарушило очарованье: всѣ вдругъ заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнулъ кверху, залепеталъ, замахалъ руками, какъ мельница крыльями; Моргачъ, ковыляя, подошелъ къ Якову и сталъ съ нимъ цѣловаться; Николай Иванычъ приподнялся и торжественно объявилъ, что прибавляетъ отъ себя еще осьмуху пива; Дикій Баринъ посмѣивался

какимъ-то добрымъ смѣхомъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить на его лицѣ; сѣрый мужичокъ то и дѣло твердилъ въ своемъ уголку, утирая обоими рукавами глаза, щеки, носъ и бороду: „а хорошо, ей-Богу, хорошо, ну, вотъ будь я собачій сынъ, хорошо!“, а жена Николая Иваныча, вся раскраснѣвшаяся, быстро встала и удалилась. Яковъ наслаждался своей побѣдой, какъ дитя; все его лицо преобразилось; особенно его глаза такъ и засіяли счастьемъ. Его потащили къ стойкѣ; онъ подозвалъ къ ней расплакавшагося сѣраго мужичка, послалъ цѣловальникова сынишку за рядчикомъ, котораго однако тотъ не сыскалъ, и начался пиръ. — „Ты еще намъ споешь, ты до вечера намъ пѣть будешь“, твердилъ Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще разъ взглянулъ на Якова и вышелъ. Я не хотѣлъ остаться — я боялся испортить свое впечатлѣніе. Но зной былъ нестерпимъ попрежнему. Онъ какъ будто висѣлъ надъ самой землей густымъ, тяжелымъ слоемъ: на темно-синемъ небѣ, казалось, крутились какіе-то мелкіе, свѣтлые огоньки сквозь тончайшую, почти черную пыль. Все молчало; было что-то безнадежное, придавленное въ этомъ глубокомъ молчаніи обезсиленной природы. Я добрался до сѣновала и легъ на только что скошенную, но уже почти высохшую траву. Долго я не могъ задремать; долго звучалъ у меня въ ушахъ неотразимый голосъ Якова... наконецъ, жара и усталость взяли свое, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Когда я проснулся, — все уже потемнѣло; вокругъ разбросанная трава сильно пахла и чуть-чуть отсырѣла; сквозь тонкія жерди полураскрытой крыши слабо мигали блѣдныя звѣздочки. Я вышелъ. Заря уже давно погасла, и едва бѣлѣлъ на небосклонѣ ея послѣдній слѣдъ; но въ недавно раскаленномъ воздухѣ сквозь ночную свѣжесть чувствовалась еще теплота, и грудь все еще жаждала холоднаго дуновенья. Вѣтра не было, не было и тучъ; небо стояло кругомъ все чистое и прозрачно-темное, тихо мерцая безчисленными, но чуть видными звѣздами. По деревнѣ мелькали огоньки; изъ недалекаго, ярко освѣщеннаго кабака неслся нестройный, смутный гамъ, среди котораго, мнѣ казалось, я узнавалъ голосъ Якова. Ярый смѣхъ, по временамъ, поднимался оттуда взрывомъ. Я подошелъ къ окошку и приложился лицомъ къ стеклу. Я увидѣлъ невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно — все, начиная съ Якова. Съ обнаженной грудью сидѣлъ онъ на лавкѣ и, напѣвая осиплымъ голосомъ какую-то плясовую, уличную пѣсню, лѣниво перебиралъ и щипалъ струны гитары. Мокрые волосы клочьями висѣли надъ его страшно-поблѣднѣвшимъ лицомъ. По серединѣ кабака, Обалдуй, совершенно

„развинченный“ и безъ кафтана, выплясывалъ вперепрыжку передъ мужикомъ въ сѣроватомъ армякѣ; мужичокъ, въ свою очередь, съ трудомъ топоталъ и шаркалъ ослабѣвшими ногами и, безсмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изрѣдка помахивалъ одной рукой, какъ бы желая сказать: „куда ни шло!“ Ничего не могло быть смѣшнѣй его лица: какъ онъ ни вздергивалъ кверху свои брови, отяжелѣвшія вѣки не хотѣли подняться, а такъ и лежали на едва замѣтныхъ, посоловѣлыхъ, но сладчайшихъ глазкахъ. Онъ находился въ томъ миломъ состояніи окончательно подгулявшаго человѣка, когда всякій прохожій, взглянувъ ему въ лицо, непремѣнно скажетъ: „хорошъ, братъ, хорошъ!“ Моргачъ, весь красный, какъ ракъ, и широко раздувъ ноздри, язвительно посмѣивался изъ угла; одинъ Николай Иванычъ, какъ и слѣдуетъ истинному цѣловальнику, сохранялъ свое неизмѣнное хладнокровіе. Въ комнату набралось много новыхъ лицъ; но Дикаго Барина я въ ней не видалъ.

Я отвернулся и быстрыми шагами сталъ спускаться съ холма, на которомъ лежитъ Колотовка. У подошвы этого холма разстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечерняго тумана, она казалась еще необъятнѣй и какъ будто сливалась съ потемнѣвшимъ небомъ. Я сходилъ большими шагами по дорогѣ вдоль оврага, какъ вдругъ гдѣ-то далеко въ равнинѣ раздался звонкій голосъ мальчика. „Антропка! Антропка-а-а!..“ кричалъ онъ съ упорнымъ и слезливымъ отчаяніемъ, долго, долго вытягивая послѣдній слогъ.

Онъ умолкалъ на нѣсколько мгновеній и снова принимался кричать. Голосъ его звонко разносился въ неподвижномъ, чутко-дремлющемъ воздухѣ. Тридцать разъ, по крайней мѣрѣ, прокричалъ онъ имя Антропки, какъ вдругъ, съ противоположнаго конца поляны, словно съ другого свѣта, пронесся едва слышный отвѣтъ:

— Чего-о-о-о?

Голосъ мальчика тотчасъ съ радостнымъ озлобленіемъ закричалъ:

— Иди сюда, чортъ, лѣші-і-і-ій!

— Зачѣ-ѣ-ѣ-ѣмъ?—отвѣтилъ тотъ, спустя долгое время.

— А за тѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-итъ,—поспѣшно прокричалъ первый голосъ.

Второй голосъ болѣе не откликнулся, и мальчикъ снова принялся взывать къ Антропкѣ. Возгласы его, болѣе и болѣе рѣдкіе и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсѣмъ темно, и я огибалъ край лѣса, окружающаго мою деревеньку и лежащаго въ четырехъ верстахъ отъ Колотовки.

„Антропка-а-а!“ все еще чудилось въ воздухѣ, наполненномъ тѣнями ночи.

Стрыганиха — отъ сущ. **стрыгъ**, утюгъ.

Зіять — растворять ротъ, пасть, зѣвъ; образовать глубокое отверстіе, провалъ. Зіяющая рана. И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ, извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ (Жуковскій. „Кубокъ“). Хотя бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ зѣвѣ обступившаго меня бора (Тургеневъ. „Поѣздка въ Полѣсье“).

Притынный — такъ называется всякое мѣсто, куда охотно сходятся, всякое пріютное мѣсто.

Пàрить — 1) (безлично) знойно, жарко, печетъ. Уже съ полудня пàрило и въ отдаленіи все погрохатывало (Тургеневъ. „Затишье“); 2) держать въ пару, надъ паромъ; обдавать жаромъ. *Пареная рѣпа изъ своей избы выживетъ.* Пàрить лошадей, вгонять въ паръ и мыло. Пареный вѣникъ, держаный. Пàрить землю, дать ей годъ отдохнуть, унавозивъ ее; паръ, паровое поле.

Распушить — 1) пышно взбить, расчесать. Дерево распушилось, листъ развернулся; 2) разбранить, отчитать, сдѣлать выговоръ.

Срубъ — строеніе вчернѣ безъ крыши и пола.

Чуйка — суконный кафтанъ наподобіе халата.

Рядчикъ — подрядчикъ, берущій на себя не производство работъ, а только поставку рабочихъ.

Закладъ — 1) все, что служитъ предметомъ выигрыша между спорящими; также самый споръ. *Спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся.* Объ закладъ побиться не хотите ль, что онъ московскій житель (Лермонтовъ. „Маскарадъ“); 2) обезпеченіе, даваемое должникомъ заимодавцу. Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ! (Пушкинъ. „Скупой рыцарь“). Я отдалъ душу имъ въ закладъ (Лермонтовъ. „Боярин Орша“); 3) въ образныхъ выраженіяхъ: залогъ, обѣщаніе. И нѣжный, пылающій взглядъ — недальняго счастья закладъ (Лермонтовъ. „Перчатка“).

Обалдуй — бранное слово для обозначенія грубаго, неотесаннаго человѣка.

Брехать — лгать, клеветать, хвастать; лаять. *Брехать, не цѣпомъ мотать.*

Простота — недалекій, глупый человѣкъ. Эхъ ты, простота! *Простота хуже воровства.* Святая простота. На всякаго мудреца довольно простоты.

Стойка — 1) прилавокъ. *Великъ воинъ за стойкой;* 2) кадка, жбанъ; 3) (охотн. выр.) собака дѣлаетъ стойку, останавливается, почуявъ близость звѣря.

Штофъ — мѣра питей; кружка, стеклянная посуда съ короткимъ горломъ.

Лубочный — грубо сдѣланный. Дивятся, разинувъ рты, на лубочныя картины, раскрашенныя сусальнымъ золотомъ (Тургеневъ. „Довольно“). Лубочная картина, суздальская картина встарь рѣзалась на липовыхъ лубкахъ. **Лубокъ, лубъ** — кора, подкорье.

Отливъ — Солнца отливы играютъ въ кудряхъ золотистыхъ (Лермонтовъ). Большая лужа съ радужнымъ отливомъ гнили стоитъ посреди главнаго двора (Тургеневъ. „Новь“).

Ярмо, ярѐмъ — 1) деревянный хомутъ на рабочій скотъ. *Свое ярмо, да на чужую шею;* 2) бремя, гнетъ, иго, неволя. Здѣсь тягостный ярѐмъ до гроба всѣ влекутъ (Пушкинъ). Надъ родиной тогда стояла тьма, и плакалъ рабъ подъ тяжестью ярма (Боровиковскій). Ярѐмъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“).

Оторочка, отъ гл. **оторочивать** — окаймлять, обшивать край лентой, тесьмой, кожей. Латы черненыя, а серебромъ оторочены. На охотникѣ была... черкеска изъ верблюжьей шерсти съ бархатной оторочкой (Тургеневъ. „Новь“).

Свита — верхняя широкая, долгополая одежда. *Свитка сѣра, да воля своя.*

Цыркать — ястреба цыркаютъ, когда испугаются чего-нибудь.

Лотошить — плескать, какъ вода на мельницѣ; журчать; издавать отрывистые звуки; болтать, молоть языкомъ; суетиться.

Бакша, бакча (на перс. яз. садикъ)—поле въ степныхъ губерніяхъ, на которомъ посѣяны арбузы, дыни, огурцы и другіе овощи.

Тертый калачъ — бывалый, видавшій виды человѣкъ. Калачное тѣсто долго мнутъ и трутъ. *Не тертъ, не мятъ, не будетъ калачъ.*

Глядѣлки — глаза. Въ Орл. губ. глаза называютъ глядѣлками, ротъ ѣдаломъ. У ней оно (чувство) свѣтилось въ очахъ, достойныхъ Рафаэля, а у него въ простыхъ генеральскихъ „глядѣлкахъ“ (Тургеневъ. „Новь“).

Завалинка — земляная насыпь вокругъ стѣны избы; глиняная лавка. Привратникъ на завалинѣ готовъ уснуть (Лермонтовъ. „Девятый часъ“). Старики выползаютъ изъ душныхъ избъ и садятся на завалинахъ погрѣться на солнышкѣ (Салтыковъ. „Губернскіе очерки“).

Сбитень — 1) крѣпышъ, здоровякъ; 2) горячій напитокъ изъ меду съ пряностями.

Однодворецъ — такъ назывался малопомѣстный служилый человѣкъ, принадлежащій къ бѣднѣйшему провинціальному дворянству; часто не имѣя въ своихъ помѣстьяхъ ни одного крестьянскаго двора, однодворцы жили одними своими дворами, „однодворками“. У насъ до сихъ поръ однодворца трудно отличить отъ мужика (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Дворовый человѣкъ — безземельный крѣпостной крестьянинъ, жившій на помѣщичьемъ двору для службы по дому. Засѣвши по большой дорогѣ съ дворовой челядью, мой дѣдъ былъ, говорятъ, грозою края (Некрасовъ. „Медвѣжья охота“).

Челядь — прислуга, слуги, работники. *До молотьбы далеко, а челядь корми.*

Подъячій — писецъ въ присутственныхъ мѣстахъ; мелкій чиновникъ. *У подъячаго свѣтлая пуговка души замѣсто. Подъячій любитъ приносъ горячій. Подъячимъ и на томъ свѣтѣ хорошо: умретъ — прямо въ дьяволы.*

Фальцетъ — фистула, головной голосъ, звукъ въ противоположность грудному.

Юла (гл. **юлить**) — непосѣда, вертушка, волчокъ, егоза. У него однѣ юлы въ головѣ.

Залихватскій — лихой, удалой, отчаянный, развязный. Онъ выучился разнымъ залихватскимъ восклицаніямъ (Тургеневъ. „Отцы и дѣти“).

Аспидъ — 1) (бранное слово) злой человѣкъ; 2) ядовитая змѣя; 3) щитокъ на головѣ змѣи.

Завихриться — нестись вихремъ, закружиться, замотаться. Иноходецъ мой такъ и плыветъ; пристяжныя совершенно, скажу вамъ, завихрились (Тургеневъ. „Каратаевъ“). Стыдно, совѣстно бросить домъ, отца стараго, да, Богъ вѣсть, куда завихриться (Кольцовъ).

Закипать — 1) начинать кипѣть; забушевать. Море вздуется бурливо, закипитъ, подыметъ вой (Пушкинъ. „Сказка о царѣ Салтанѣ“). Закипѣли волны и присмирѣли вдругъ опять (Пушкинъ. „Русалка“); 2) приходить въ состояніе возбужденія, въ сознаніе силъ. Каждой дѣла душа закипаетъ (Некрасовъ. „Рыцарь на часъ“). Жизни огонь по сердцу пробѣжалъ! я закипѣлъ, затрепеталъ! (Пушкинъ. „Выздоровленіе“). И весь закипѣлъ отъ ярости (Гоголь. „Страшная месть“).

Томленіе — Отъ него (сада) вѣяло свѣжестью и тишиной, той кроткой тишиной, на которую сердце человѣка отзывается сладкимъ томленіемъ тайнаго сочувствія и неопредѣленныхъ желаній (Тургеневъ. „Рудинъ“).

Жердь — 1) срубленное тонкое дерево, очищенное отъ вѣтвей. Наконецъ я приблизился къ забору и оперся на тонкую жердь (Тургеневъ. „Первая любовь“). Лозы винограда въ прозрачно-матовыхъ кистяхъ повисли на своихъ жердяхъ (Полонскій); 2) длинный толстый колъ. Жердь огородная, долговязый человѣкъ.

Ярый (сущ. **ярь**)—пылкій, огненный, горячій, сердитый, лютый. Кормили счетнымъ курицу зерномъ, ярый воскъ топили (Жуковскій. „Свѣтлана“). Отсюда яровой, яровое поле.

⁂

38. * * *

Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.*

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
когда, взметая прахъ летучій,
гроза, нахлынувшая тучей,
смутитъ небесную лазурь
и опрометчиво-безумно
вдругъ на дубраву набѣжитъ —
и вся дубрава задрожитъ,
широколиственно и шумно!

Какъ подъ незримою пятой
лѣсные гнутся исполины...
тревожно ропщутъ ихъ вершины,
какъ совѣщаясь межъ собой...—
и сквозь внезапную тревогу
немолчно слышенъ птичій свистъ,
и кой-гдѣ первый желтый листъ,
крутясь, слетаетъ на дорогу...

Дубрава — 1) дубовая роща; вообще же лѣсъ изъ широколистыхъ деревьевъ, чернолѣсье; 2) частый и густой, дремучій лѣсъ; чаща. Не шуми, мати зеленая дубрава (Пѣсня Ваньки Каина). Что не вѣтеръ вѣтку клонитъ, не дубравушка шумитъ (Нар. пѣсня). По ребрамъ горъ—дубравы, за дубравой (Вяземскій). Казакъ не хочетъ отдохнуть ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ (Пушкинъ. „Полтава“).

39. Туча.

Стихотвореніе *А. С. Пушкина.*

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
одна ты наводишь унылую тѣнь,
одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
и молнія грозно тебя обвивала,
и ты издавала таинственный громъ
и алчную землю поила дождемъ...
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
земля освѣжилась, и буря промчалась,
и вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Лазурь — Небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! (Тургеневъ. „Рудинъ“).

✲

40. Утесъ.

Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова.*

Ночевала тучка золотая
на груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
по лазури весело играя.
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
стараго утеса. Одиноко
онъ стоитъ; задумался глубоко,
и тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

Утесъ — круча, скала, каменный обрывъ, самородная каменная стѣна. Гребень Урала утесомъ стоитъ. Есть на Волгѣ утесъ, дикимъ мохомъ оброслъ онъ съ боковъ отъ подножья до края (Навроцкій).

✲

Утесъ. *Киселева.*

41. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

А. С. Пушкина.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
отмстить неразумнымъ хазарамъ:
ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
идетъ вдохновенный кудесникъ,
покорный Перуну старикъ одному,
завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
что сбудется въ жизни со мною?
и скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
въ награду любого возьмешь ты коня.—
„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
а княжескій даръ имъ не нуженъ;
правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
и съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое!
Воителю слава—отрада;
побѣдой прославлено имя твое;
твой щитъ на вратахъ Цареграда;
и волны и суша покорны тебѣ;
завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
въ часы роковой непогоды,
и пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,—

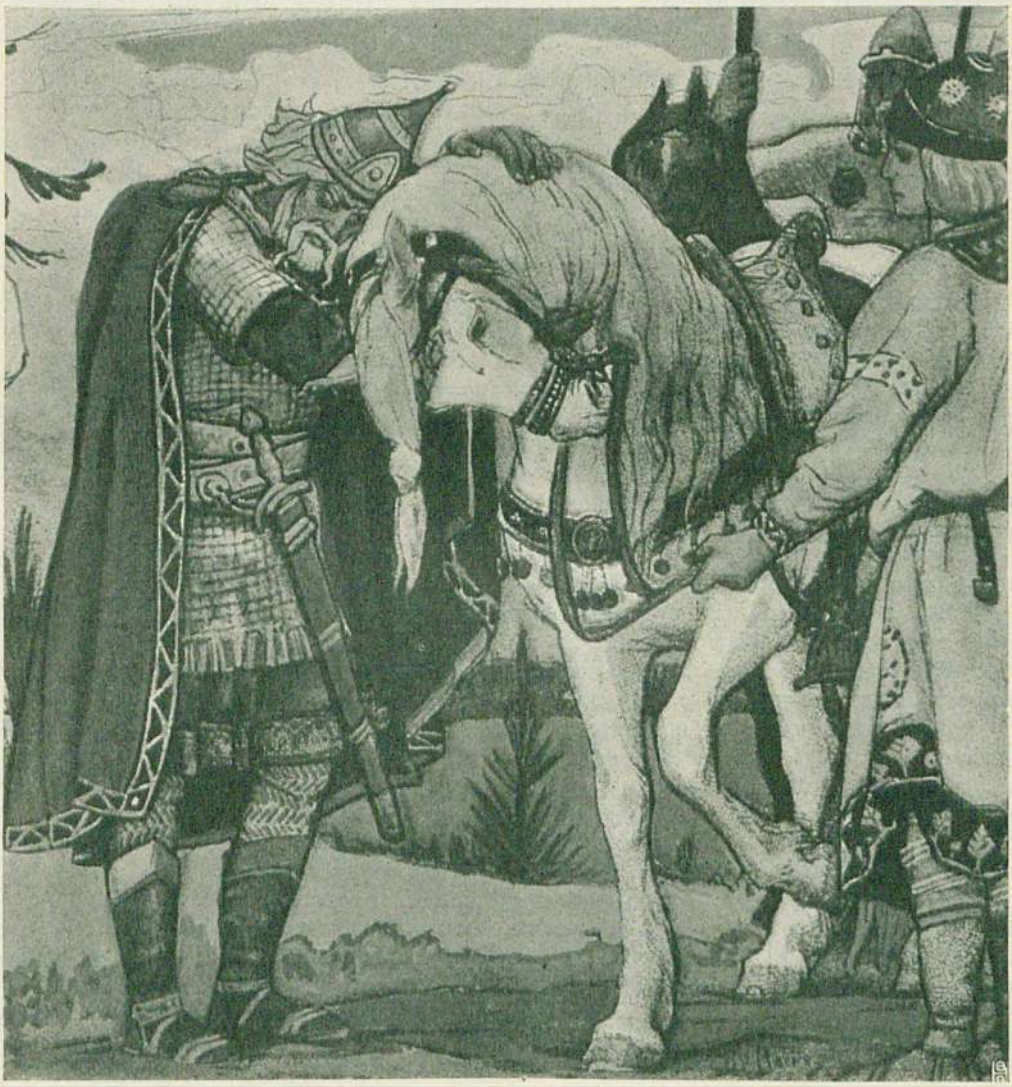
незримый хранитель могущему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
онъ, чуя господскую волю,

то смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
то мчится по бранному полю;
и холодъ и сѣча ему — ничего:

но примешь ты смерть отъ коня своего".
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
и взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый
и вѣрнаго друга прощальной рукой
и гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
разстаться настало намъ время;
теперь отдыхай,—ужъ не ступитъ нога
въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
водой ключевою поите".
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
а князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
при звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту:—„На холмѣ крутомъ
давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ".
Могучій Олегъ головою поникъ
и думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты — лживый, безумный старикъ!
презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня".
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,

съ нимъ Игорь и старые гости,
и видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
лежатъ благородныя кости;
ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
и вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.



Князь тихо на черепъ коня наступилъ
и молвилъ: „спи, другъ одинокій!
твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
на тризнѣ, уже недалекой,
не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
и жаркою кровью мой прахъ напоишь!

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя:
мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
шипя, между тѣмъ, выползала;
какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,—
и вскрикнулъ внезапно ужаленный князь...
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
на тризнѣ плачевной Олега:
князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
дружина пируетъ у брега;
бойцы поминаютъ минувшіе дни
и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Вѣщій — 1) мудрый, вдохновенный, краснорѣчивый. Вѣщій поэтъ. Вѣщій Баянъ. Бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ (Гоголь. „Тарасъ Бульба“); 2) пророческій, предсказывающій. Вѣщая птица. Отверзлись вѣщія зѣницы, какъ у испуганной орлицы (Пушкинъ. „Пророкъ“). Зачѣмъ трепещетъ грудь моя какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ? (Баратынскій.) Слышало, слышало вѣщее мое (сердце) эти рѣчи еще за мѣсяцъ (Гоголь. „Вечера на хуторѣ“).

Обрекать — посвящать чему, жертвовать, предназначать, опредѣлять. *Обреченная* (на смерть) *скотина не животина.* Позорной казни обреченный, лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ (Михайловъ. „Бѣлое покрывало“).

Дружина — служилые люди собственно князя. Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой (А. Толстой. „Князь Репнинъ“).

Броня — военные доспѣхи, панцырь, латы, кольчуга. Броня кольчатая. Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечъ (Ломоносовъ).

Кудесникъ — колдунъ, волхвъ, ворожей, волшебникъ. **Кудесить** — колдовать, заговаривать. **Кудъ** (старинн.) — злой духъ, бѣсъ, сатана.

Завѣтъ — 1) обычай, порядокъ. Въ завѣтѣ нѣтъ. Человѣкъ стараго завѣта; 2) все святое, дорогое. *На завѣтъ и цѣны нѣтъ*; 3) обѣтъ, обѣщаніе. Клалъ (Илья) завѣты великіи (Кирѣевскій. Пѣсни); 4) договоръ, союзъ, взаимныя обязательства. Ветхій и Новый завѣтъ; 5) наказъ. Вотъ тебѣ мой завѣтъ (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). Завѣтъ Предвѣчнаго храня, мнѣ тварь покорна тамъ земная (Лермонтовъ. „Пророкъ“).

Пращъ, праща — сложенный петлей ремень для метанія камней.

Ковыль — Рѣка мелѣла, пруды засохли, сгорѣлъ ковыль (Ахшарумовъ). Вѣютъ бѣлые султаны, какъ степной ковыль (Лермонтовъ. „Споръ“).

Тризна — языческія поминки. Въ честь витязя тризну свершали, дружина дралася три дня, жрецы ему разомъ заклали всѣхъ женъ и любимца-коня (А. Толстой. „Курганъ“). Сошлися на свадьбу ночную, на тризну большихъ похоронъ (Лермонтовъ. „Тамара“).

Чуять — воспринимать чувствами, слухомъ, обоняніемъ, осязаніемъ. *Глухому много чудится, слѣпому много видится. Чуетъ кошка, чье мясо съѣла.* Отсюда **чуткій** — чуткій сонъ, чуткій слухъ; чуткая собака; **чутье**—*чутье сердца не обманетъ; нужда чутьемъ слышитъ.* Слѣпой чутьемъ (ощупью) ходитъ.

Сѣча — рукопашный бой. И вотъ на полѣ грозной сѣчи ночная пала тѣнь (Лермонтовъ. „Бородино“). Блещетъ, какъ булатный мечъ, забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ (Лермонтовъ. „Демонъ“).

Сѣкира — топоръ; оружіе въ видѣ топора. Надъ вашей головой колеблется сѣкира (Лермонтовъ).

✲

42. Святогоръ.

Былина.

Снарядился Святогоръ во чисто въ поле гуляти,
засѣдлаетъ своего добра коня
и ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
а сила-то по жилочкамъ
такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„какъ бы я тяги нашелъ,
такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
на маленькую сумочку переметную;
беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку—она не скрянется,
двинетъ перстомъ ее — не ворохнется,
хватитъ съ коня рукою — не подымется.
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
а этакого чуда не наѣзживалъ,
такого дива не видывалъ:
маленькая сумочка переметная
не скрянется, не сворохнется, не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
и по колѣно Святогоръ въ землю угрязъ,
а по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
тутъ ему было и кончаніе.

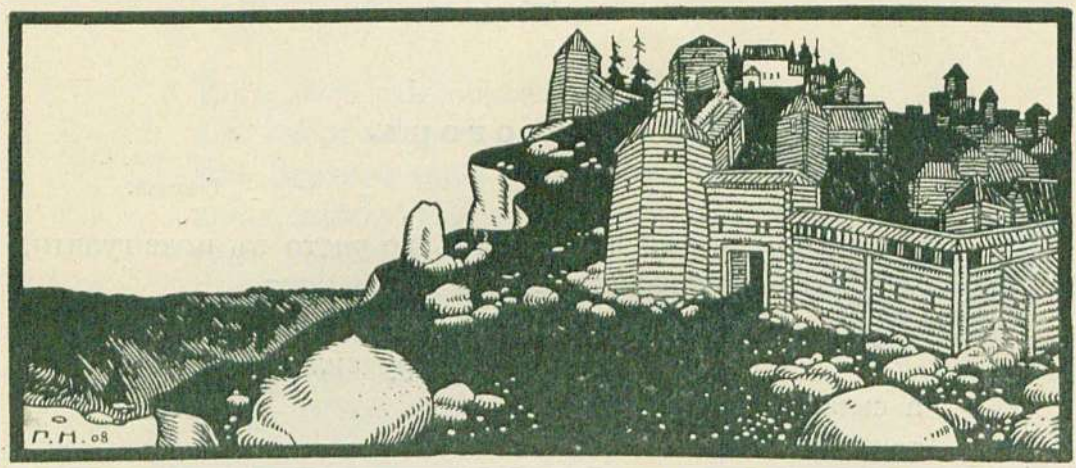
Живчикъ — 1) пульсъ, толчокъ кровяной волны въ стѣнку артеріи; 2) рѣзвый, живой человѣкъ. Въ кого это ты, батюшка, уродился такой живчикъ, да на все горазный (Гончаровъ. „Обрывъ“).

Переметная сума — два мѣшка, связанные вмѣстѣ для перекидки черезъ плечо. Переносно: непостоянный, ненадежный человѣкъ.

Скрянуть — сдвинуть, тронуть съ мѣста, спихнуть. *Колоды не скрянешь съ мѣста.*

Сворыхаться — сдвигаться съ мѣста.

Угрязать — погрязать, тонуть, увязать. Угрязать въ болотѣ. Угрязать въ грѣхахъ, въ порокахъ.



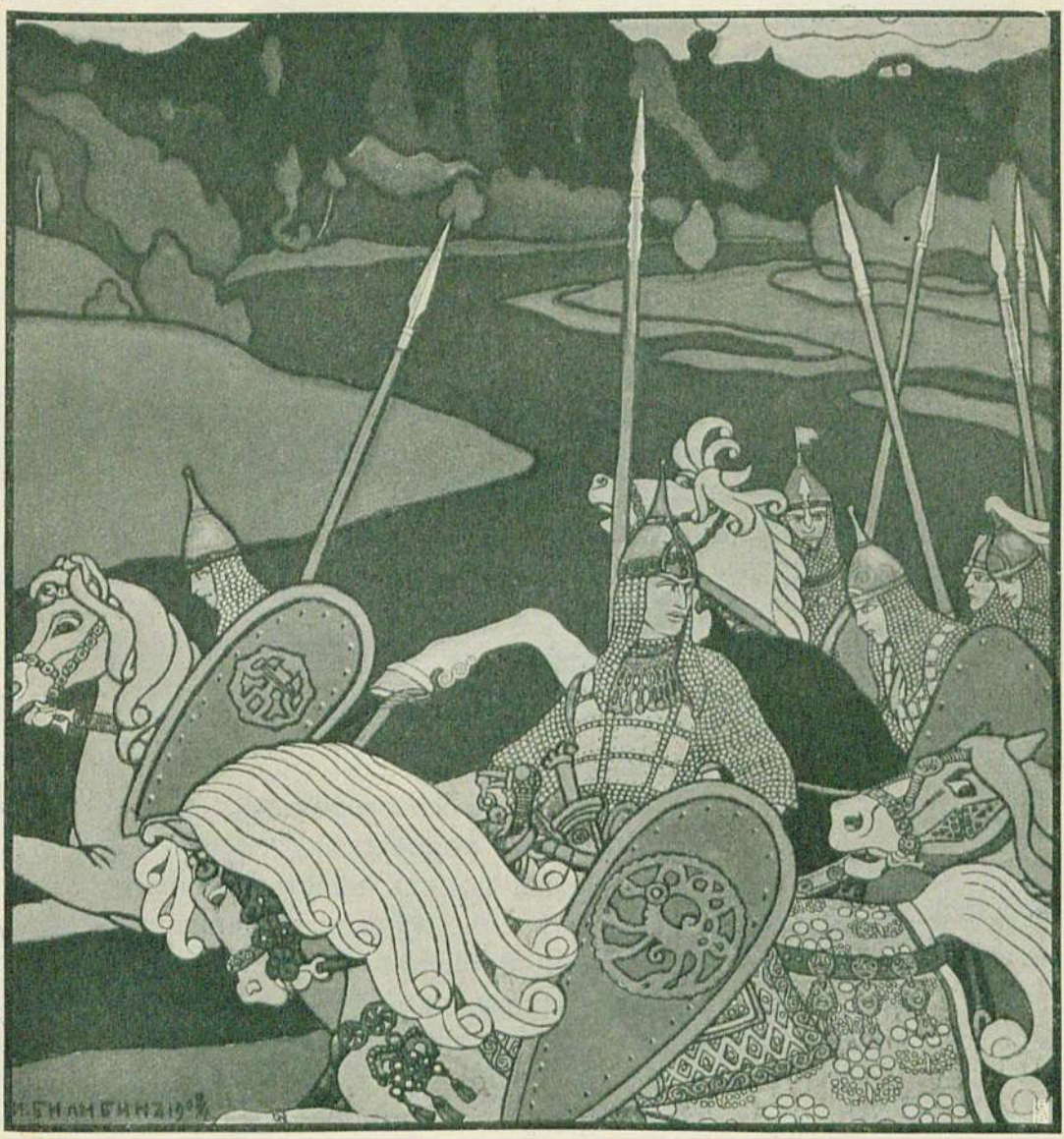
Микула Селянинович и Вольга Святославгович.

Былина.

Когда возсіяло солнце красное
на это на небушко на ясное,
тогда зарождался молодой Вольга,
молодой Вольга Святославгович.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
птицей-соколомъ летать подъ ѳболока,
сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
уходили всѣ рыбы во синія моря,
улетали всѣ птички за ѳболока,
убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
избирать себѣ дружинушку хоробрую,
тридцать молодцевъ безъ единаго,
самъ еще Вольга въ тридцатыихъ.

Жаловалъ его родный дядюшка,
ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
тремя городамы со крестьянамы:
первыимъ городомъ — Гурчевцомъ,
другіимъ городомъ — Орѣховцемъ,
третіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославгович
со своею дружинушкой хороброю

онъ ѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чистò поле,
онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,



сошка у ратая поскрипываетъ,
омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
день съ утра онъ до вечера,

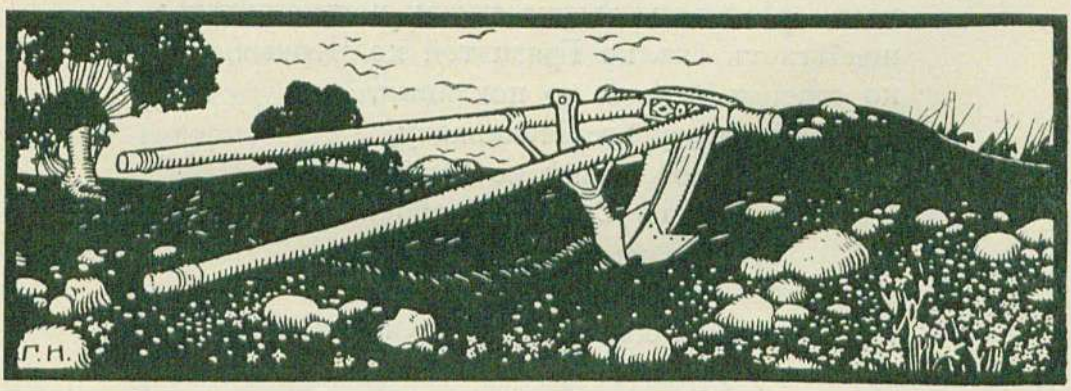
со своёю дружинушкой хороброей,
а не могъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
другой день съ утра до вечера,
а не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
сошка у ратая поскрипываетъ,
омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
третій день съ утра до пàбѣдья,
наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
съ края въ край бороздки пометываетъ;
въ край, куда онъ уѣдетъ, другого не видать;
коренья, каменья вывертываетъ,
а великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
кобыла у ратая соловая,
сошка у ратая кленовая,
гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!
орать, да пахать, да крестьянствовати,
съ края въ край бороздки пометывати,
коренья, каменья вывертывати!“
Говорилъ оратай таковы слова:
— Поди-тко, Вольга Святославговичъ,
со своею дружинушкой хороброю,
мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
со своею со дружинушкой хороброю?—
„Ай же ты, рàтаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
ко первому городу ко Гурчевцу,
ко другому ко городу къ Орѣховцу,
ко третьему городу ко Крестьяновцу“.
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городни, третьёво-дни,
на своей кобылкѣ соловоей,

увезъ я оттоль соли только два мѣха,
два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики все разбойники,
они просятъ грошовъ подорожныихъ;
а былъ я съ шалыгой подорожною,
платилъ имъ гроши подорожные:
который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
а который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.
Говорилъ Вольга таковы слова:

— „Ай же, оратай, оратаюшко,
поѣдемъ со мной во товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
гужики шелковеньки повыстегнулъ,
кобылку изъ сошки повывернулъ,
сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
и не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
а гля-ради мужика деревенщины:
какъ бы сошку съ земельки повыдернути,
изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
и бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?—

Молодой Вольга Святославговичъ
посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
пять молодцевъ могучіихъ,
чтобы сошку съ земельки повыдернули,
изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
пять молодцевъ могучіихъ,
пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
а не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
чтобы сошку съ земельки повыдернули,
изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
сошки отъ земли поднять нельзя,
не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
а не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
на своей кобылкѣ соловенькой
ко этой ко сошкѣ кленовоей:
бралъ-то онъ сошку одной рукой,
сошку съ земельки повыдернулъ,
изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
а Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
у оратая кобылка-то грудью пошла,
а Волынь-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,

колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
— „Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
этая кобылка конькомъ бы была,
за эту кобылку пятьсотъ бы дали".
Говорилъ оратай таковы слова:
— „Глупый Вольга Святославговичъ!
взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
и заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
этая кобылка конькомъ бы была—
за эту кобылку смѣты бы нѣтъ".
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
— „Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
какъ-то тебя именемъ зовутъ,
какъ звеличаютъ по отечеству?"
Говорилъ оратай таковы слова:
— „Ай же ты, Вольга Святославговичъ!
а я ржи напашу, да во скирды сложу,
во скирды сложу, домой выволочу,
домой выволочу, да дома вымолочу,
драни надеру, да и пива наварю,
пива наварю, да и мужиковъ напою,—
станутъ мужички меня покликивати:
— молодой Микулушка Селяниновичъ!"



Матерѣть — входить въ возрастъ, мужать, становиться сильнымъ, крѣпкимъ, матерымъ. Заматерѣлыя сосны съ блѣдно-желтыми стволами...поднимали тамъ и сямъ свои одинокія верхушки (Тургеневъ. „Затишье").

Раздолье — 1) просторъ, воля, свобода. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью. Бурлаку и нужда, и стужа, да свое раздолье; 2) жизнь въ свое

удовольствіе. Когда болота застывали и устанавливался санный путь — тогда начиналось пошехонское раздолье (Салтыковъ. „Пошехонская старина“).

Ратай, оратай — пахарь; гл. **орать** — пахать сохой. *Въ городѣ не орутъ, не пашутъ, а сытѣй нашего ѣдятъ. Дураковъ не орутъ, не сѣютъ, а сами родятся. Кто служитъ, тотъ тужитъ, а кто оретъ, тотъ пѣсни поетъ.* **Орало** — соха. *Есть орало, да нечего пахать.*

Омѣшекъ — сошникъ, лемехъ; имъ соха вздымаетъ и подрѣзываетъ пластъ земли.

Пабѣдье — пàобѣдъ, второй завтракъ, полдникъ; время, близкое къ полдню.

Шалыга — 1) плеть, кнутъ; 2) верхушка, макушка чего-либо; шалыга горы, шалыга головы (темя).

Гля-ради — для-ради.

Обжа — 1) рукоятка сохи; 2) оглобля сошная; 3) мѣра земли подъ пашню (сколько одинъ человѣкъ вспашетъ за день).

*

44. Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ.

Былина.

Илья Муромецъ спущалъ коня онъ богатырскаго,
поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія,
бралъ онъ въ руки плеточку шелковеньку,
билъ коня онъ по тучной бедрѣ,
вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
пошелъ его добрый конь богатырскій
съ горы на гору перескакивать,
съ холмы на холму перемахивать,
мелки рѣченьки, озерка между ногъ спущать;
подбѣгаетъ онъ ко Грязи той ко Черныя,
ко славныя березы ко покляпыя,
ко тому кресту ко Леванидову,
ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
Какъ засвищетъ Соловей-разбойникъ, Одихмантьевъ сынъ,
засвисталъ-то Соловей по-соловьему,
воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:
темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
что есть людишекъ, мертвы лежатъ,—
Ильи Муромца добрый конь спотыкается.
Онъ билъ коня по тучной бедрѣ,
билъ коня, самъ выговаривалъ:
„Ай же ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!

ты идти не хошь, али нести не мошь?
не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьего?
и не слыхалъ ты покрику звѣринаго,
и не видалъ, видно, ударовъ богатырскіихъ,
что ты, собака, спотыкаешься!“
Становилъ коня онъ богатырскаго,
свой тугой лукъ разрывчатый отстегивалъ
отъ праваго отъ стремячка булатнаго,
накладывалъ-то стрѣлочку каленую
и натягивалъ тетивочку шелковеньку,
спущалъ-то онъ въ Соловья во разбойника:
вышибъ ему правое око со косицею;
палъ-то Соловей на сыру землю.
Старый казакъ Илья Муромецъ
пристегнулъ его ко правому ко стремени,
ко правому ко стремячку булатному.
Онъ поѣхалъ ко раздольицу-чисту полю,
ко этому ко гнѣздышку къ Соловьеву.
И со этого со гнѣздышка Соловьяго
усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
говоритъ Невея таково слово:
„Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ
полемъ,
и сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
и везетъ онъ мужичища-деревенщину,
ко стремени булатному прикована“.
Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,
говоритъ Нениля таковы слова:
„Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ
полемъ,
и сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
и везетъ онъ мужичища-деревенщину,
ко стремени булатному прикована“.
Посмотрѣла Пелька, его третья дочь,
говоритъ Пелька таковы слова:
„Ѣдетъ мужичище-деревенщина
раздольицемъ-чистымъ полемъ
и везетъ-то государя-батюшку,
къ стремени булатному прикована:

ему выбито право око со косицею.
Ай-же, мужевья наши любимые!
хватайте-тко рогатины звѣриныя,
бѣжите-ка въ раздольице-чисто поле,
побейте мужичища-деревенщину!“
Эти зятевья Соловьиные
похватали рогатины звѣриныя,
выбѣгали во раздольице-чисто поле,
они хочутъ бить мужичища-деревенщину.
Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
„Ай же, зятевья мои любимые!
побросайте-тко рогатины звѣриныя,
вы ведите-тко богатыря святорусскаго
во мое во гнѣздышко Соловьее;
кормите его ѣствушкой сахарною,
пойте его питвицемъ медвяныимъ,
дарите ему дары драгоцѣнные“...
Не поѣхалъ въ гнѣздышко Соловьее,
а поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Пріѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ,
становилъ онъ коня посередь двора,
шелъ онъ въ палату бѣлокаменну.
А Владиміръ князь вышелъ съ Божьей церквы,
отъ той отъ обѣденки Христосскія.
Садился онъ за столики дубовые,
за тыя за скамеечки окольныя,
ѣсти ѣствушекъ сахарныихъ,
пити питьицевъ медвяныихъ.
Илья Муромецъ сшелъ въ палату бѣлокаменну;
онъ крестъ кладетъ по-писаному,
поклонъ-то ведетъ по-ученому,
на всѣ на три, на четыре на сторонки поклоняется,
самому-то князю Владиміру въ особину,
и всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
„Ты откулешный, дородный добрый молодецъ?
тебя какъ, молодца, именемъ назвать,
величать удалаго по отечеству?“

Богатыри. *В. М. Васнецова.*

Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Есть я изъ города изъ Мурома,
со славнаго съ села Карачарова,
именемъ меня Ильей зовутъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ“.
Сталъ Владиміръ повыспрашивать:
„А давно ли ты повыѣхалъ изъ Мурома,
ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольно-Кіевъ-градъ?“
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
поспѣвалъ-то къ обѣднѣ въ стольно-Кіевъ-градъ.
Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
прямоѣзжею мимо славенъ Черниговъ-градъ,
мимо славную рѣченку Смородинку“.
Говорилъ Владиміръ таковы слова;
„Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
подъ городомъ Черниговымъ стоитъ силушка невѣрная,
у рѣчки у Смородинки Соловей-разбойникъ, Одихмантьевъ сынъ,
свищетъ-то Соловей по-соловьему,
кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному“.
Говоритъ Илья таковы слова:
„Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
Соловей-разбойникъ на твоемъ дворѣ,
и прикованъ онъ ко правому ко стремячку къ булатному“.
Тутъ Владиміръ, князь стольно-кіевскій,
скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
шапочку соболью на одно ушко,
скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ,
подходитъ онъ къ Соловью къ разбойнику,
говоритъ онъ Соловью таковы слова:
„Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,
воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣриному!“
Говорилъ Соловей князю Владиміру:
„Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,

не васъ я хочу и слушати,
а обѣдаю у стараго казака Ильи Муромца,
и его хочу я слушати".
Говорилъ Владиміръ Ильѣ Муромцу:
„Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
прикажи-тко засвистать по-соловьему,
прикажи-тко воскричать по-звѣриному!"
Говорилъ Илья Муромецъ разбойнику:
„Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
воскричи-ка, Соловей, по-звѣриному!"
Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
мои раночки кровавы запечатались,
и не хотятъ уста мои сахарныя:
не могу я засвистать по-соловьему,
и не могу я воскричать по-звѣриному!"
Говорилъ Илья князю Владиміру:
„Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
наливай-ка ты чару зелена вина,
не малую стопу — полтора ведра,
и разведи-тко медами стоялыми,
подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
тутъ уста его сахарныя расходятся
и онъ засвищетъ намъ по-соловьему,
воскричитъ онъ намъ по-звѣриному".
Владиміръ князь стольно-кіевскій
скорешенько шелъ въ палату бѣлокаменну,
наливаетъ-то чару зелена вина
и не малую стопу — полтора ведра,
разводилъ-то медами стоялыми,
подносилъ-то къ Соловью ко разбойнику.
Соловей-разбойникъ, Одихмантьевъ сынъ,
принималъ онъ эту чару одной рукой,
испивалъ эту чару за единый духъ.
Говорилъ ему Илья Муромецъ:
„Засвищи-тко ты, Соловей, только въ полсвиста соловьяго,
закричи-тко только въ полкрика звѣринаго".
Какъ засвисталъ Соловей по-соловьему,
закричалъ, злодѣй, онъ по-звѣриному;

отъ этого отъ посвиста соловьяго,
отъ этого отъ покрика звѣринаго
темные лѣса къ землѣ поклонилися,
на теремахъ маковки покривилися,
околенки хрустальныя поразсыпались,
что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ,
а Владиміръ князь стольно-кіевскій
стоитъ—куньей шубонькой укрывается.
Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбилося.
Садился-то Илья на добра коня,
ѣхалъ Илья въ раздольице-чисто поле,
срубилъ Соловью буйну голову,
рубилъ ему голову, выговаривалъ:
„Полно-тко тебѣ слезить отцовъ-матерей,
полно-тко вдовить женъ молодыихъ,
полно спущать, сиротать малыхъ дѣтушекъ!“
Тутъ Соловью и славу поютъ.

Поклепый, покляпый — понурый, пригнутый книзу. *На покляпое дерево и козы скачутъ.* Прямо къ рѣкѣ Камѣ, на покляпый, грановитый (межевой) вязъ. *Куда покляпо, туда и гни. Напали, какъ козы на покляпое дерево.*

Сыть — пища, харчъ, кормъ, ѣда.

Косица — високъ. Пожалѣлъ темени, такъ ударилъ въ косицу.

Подлыгать — прилыгать. Одинъ лжетъ, другой подлыгаетъ. *Подъ руку не подлыгай, сбиваешь.* **Подлыгаться**, входить въ довѣренность лганьемъ, доносить ложно, ябедничать, оговаривать.

Силушка, сила — 1) множество, несчетное число, тьма, уйма, пропасть. Саранча сила силой валитъ; 2) войско, рать, ополченіе. Собравъ всѣ силы свои, пошелъ на врага; 3) сущность дѣла, причина, самая суть, основаніе. *Вся сила въ накалѣ, куй пока кипитъ.* Въ силу закона.

Околенки — окольницы, оконницы, окна.

Лукъ — согнутый въ дугу толстый прутъ, деревянный, стальной, роговой. *Тугой лукъ, то сердечный другъ. Не великъ лукъ, да тугъ. Плугъ кормитъ, а лукъ портитъ.* Какъ изъ лука стрѣла.

Тетива — туго натянутая веревка, жила, струна, связывающая концы дуги. Тетивы лѣстницы, боковые брусья, въ которые вставлены ступени.

Булатный — Булатной сабли острый клинокъ заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ (Крыловъ. „Булатъ“). **Булатъ** — лучшая, узорчатая сталь; мечъ. Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ (Пушкинъ. „Черная шаль“).

Раздольице — см. стр. 171.

45. Садко, богатый гость.

Былина.

о славноемъ во Новѣградѣ
какъ былъ Садко-купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
однѣ были гусельки яровчаты;
по пирамъ ходилъ-игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
другой не зовутъ на почестенъ пиръ
и третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился:
какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
садился на бѣлъ-горючъ камень
и началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
тутъ-то Садко перепался,
пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
другой не зовутъ на почестенъ пиръ
и третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился:
какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
садился на бѣлъ-горючъ камень
и началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
тутъ-то Садко перепался,
пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
другой не зовутъ на почестенъ пиръ
и третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился:
какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
садился на бѣлъ-горючъ камень
и началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
показался царь морской,
вышелъ со Ильменя со озера,

самъ говоритъ таковы слова:
— „Ай же ты, Садко новгородскій!
не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
за твои за утѣхи за великія,
за твою-то игру нѣжную:
аль безсчетной золотой казной?
а не то—ступай во Новгородъ
и ударь о великъ закладъ,
заложи свою буйну голову,
и выряжай съ прочихъ купцовъ
лавки товара краснаго,
и спорь, что въ Ильмень-озерѣ
есть рыба-золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
и поди, свяжи шелковый неводъ,
и пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
дамъ три рыбины-золоты перья,
тогда ты, Садко, счастливъ будешь".

* *
*

Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
позвали Садка на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко новгородскій
сталъ играть въ гуселькы яровчаты,
какъ тутъ стали Садка подпаивать,
стали Садку поднашивать,
какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
— „Ай же вы, купцы новгородскіе,
какъ знаю чудо-чудное въ Ильмень-озерѣ:
а есть рыба-золоты перья въ Ильмень-озерѣ".
Какъ тутъ-то купцы новгородскіе
говорятъ ему таковы слова:
— „Не знаешь ты чуда-чуднаго,
не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба-золоты перья".
— „Ай же вы, купцы новгородскіе!
о чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ:
я заложу свою буйну голову,

а вы залагайте лавки товара краснаго".
Три купца повыкинулись,
заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
и поѣхали ловить въ Ильмень-озеро.
Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
добыли рыбку-золоты перья;
закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
добыли другую рыбку-золоты перья;
третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
добыли третью рыбку-золоты перья.
Тутъ купцы новгородскіе
отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
устроилъ Садко все по небесному:
на небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;
на небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ;
на небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

* *
*

Потомъ Садко-купецъ, богатый гость,
зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
тыихъ мужиковъ новгородскіихъ:
и тыихъ настоятелей новгородскіихъ
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
всѣ на пиру напивалися,
похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
который хвастаетъ добрымъ конемъ,
который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новгородскіе:
— „Всѣ мы на пиру наѣдалися,

всѣ мы на почестномъ напивалися,
похвальбами всѣ похвалялися.
Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?“
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
— „А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
чѣмъ мнѣ, Садку, похвалитися?
У меня ль золота казна не тощится,
цвѣтно платьице не носится,
дружина хоробра не измѣняется,
а похвастать - не похвастать безсчетной золотой казной:
на свою безсчетну золоту казну
повыкуплю товары новогородскіе,
худые товары и добрые!“
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
какъ настоятели новогородскіе
ударили о великъ закладъ,
о безсчетной золотой казнѣ,
о денежкахъ тридцати тысячахъ:
какъ повыкупить Садку товары новогородскіе,
худые товары и добрые,
чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.

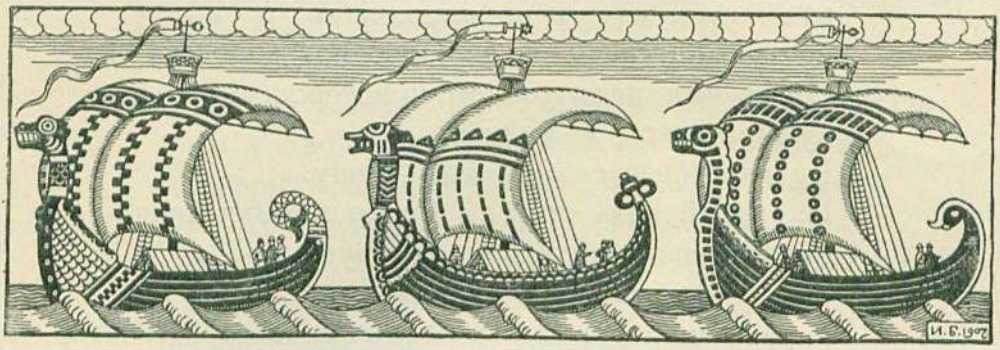
* * *

Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
будилъ свою дружину хоробрую,
безъ счета давалъ золотой казны
и распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
а самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
какъ повыкупилъ товары новогородскіе,
худые товары и добрые,
на свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
будилъ свою дружину хоробрую,
безъ счета давалъ золотой казны
и распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
а самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
вдвойнѣ товаровъ принавезено,

вдвойнѣ товаровъ принаполнено
на тую на славу на великую новогородскую.
Опять выкупалъ товары новогородскіе,
худые товары и добрые,
на свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ рано,
будилъ свою дружину хоробрую,
безъ счета давалъ золотой казны
и распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
а самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
втройнѣ товаровъ принавезено,
втройнѣ товаровъ принаполнено,
подоспѣли товары московскіе
на ту на великую на славу новогородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
още повыкуплю товары московскіе,
подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новогородскиій,—
побогаче меня славный Новгородъ“.
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскіимъ
денежекъ онъ тридцать тысячей.

* *
*

На свою безсчетну золоту казну
построилъ Садко тридцать кораблей,
тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
на ты на корабли на черленые
свалилъ товары новогородскіе,
поѣхалъ Садко по Волхову,
со Волхова во Ладожско,
а со Ладожска во Неву рѣку,
а со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
воротилъ онъ въ Золоту орду,
продавалъ товары новогородскіе,
получалъ барыши великіе,
насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,



поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
а волной-то бьетъ, паруса рветъ,
ломаетъ кораблики черленые;
а корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость,
ко своей дружины ко хоробрыя:
— „Ай же ты, дружинушка хоробрая!
какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
а морскому царю дани не плачивали:
видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
требуетъ дани во сине море.
Ай же, братцы, дружинушка хоробрая!
взимайте бочку сороковку чиста серебра,
спущайте бочку во сине море".
Дружина его хоробрая
взимала бочку чиста серебра,
спускала бочку во сине море:
а волной-то бьетъ, паруса рветъ,
ломаетъ кораблики черленые;
а кораблики нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
брала бочку сороковку красна золота,
спускала бочку во сине море:
а волной-то бьетъ, паруса рветъ,
ломаетъ кораблики черленые;
а кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость.
— „Видно, царь морской требуетъ
живой головы во сине море.
Дѣлайте, братцы, жеребья волжаны,
я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
всякъ свои имена подписывайте,
спущайте жеребья на сине море;
чей жеребей ко дну пойдетъ,
таковому идти въ сине море".
Дѣлали жеребья волжаны,
а самъ Садко дѣлалъ на красноемъ на золотѣ,
всякъ свое имя подписывалъ,
спущали жеребья на сине море:
какъ у всей дружины хоробрыя
жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ,
а у Садка-купца ключомъ на дно.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
— „Ай же, братцы, дружина хоробрая!
этые жеребья неправильны:
дѣлайте жеребья на красноемъ на золотѣ,
а я дѣлаю жеребей волжаный".
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
а самъ Садко дѣлалъ жеребей волжаный,
всякъ свое имя подписывалъ,
спущали жеребья на сине море:
какъ у всей дружины хоробрыя
жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ,
а у Садка-купца ключомъ на дно...
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
— „Ай же, братцы, дружина хоробрая!
видно, царь морской требуетъ
самого Садко богатаго въ сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
перо лебединое, листъ бумаги гербовый".
Несли ему чернилицу вальяжную,
перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
иное имѣнье нищей братіи,

иное имѣнье молодой жены,
остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садко-купецъ, богатый гость:
— „Ай же, братцы, дружина хоробрая!
давайте мнѣ гусельки яровчаты,
поиграть-то мнѣ въ остатнее:
больше мнѣ въ гусельки не игрывати;
али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?“
Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,
самъ говоритъ таковы слова:
— „Свалите дощечку дубовую на воду:
хоть я свалюсь на доску дубовую,
не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ“.
Свалили дощечку дубову на воду,
потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
полетѣли какъ черные вороны.

* *
*

Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
во синемъ морѣ, на самомъ днѣ;
сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко: во синемъ морѣ
стоитъ палата бѣлокаменная;
заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну:
сидитъ во палатѣ царь морской;
голова у царя, какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
— „Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость!
вѣдь ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
мнѣ, царю, дани не плачивалъ,
а нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
Скажутъ, мастеръ играть въ гусельки яровчаты;
поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты“.
Какъ началъ играть Садко въ гусельки яровчаты,
какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,

какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другія,
да игралъ еще Садко и третія,
а все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ,—
во синемъ морѣ вода всколыбалася,
со желтымъ пескомъ вода смутилася,
стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
стало много гинуть имѣньицевъ,
стало много тонуть людей праведныхъ:
какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому,
какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
— „Ай же ты, Садко новогородскиій!
полно играть въ гуселышки яровчаты!“
Обернулся, глядитъ Садко новогородскиій:
ажно стоитъ старикъ сѣдатыій.
Говорилъ Садко новогородскиій:
— „У меня воля не своя во синемъ морѣ,
приказано играть въ гусельки яровчаты“.
Говорилъ старикъ таковы слова:
— „А ты струночки повырывай,
а ты шпенечки повыломай.
Скажи: „у меня струночекъ не случилося,
а шпенечковъ не пригодилося,
не во что больше играть:
приломалися гусельки яровчаты“.
Скажетъ тебѣ царь морской:
„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
на душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?“
Говори ему таковы слова:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.
Опять скажетъ царь морской:
„Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
выбирай себѣ дѣвицу-красавицу“.
Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,
такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
и друго триста дѣвицъ пропусти,
и третье триста дѣвицъ пропусти:
позади идетъ дѣвица-красавица,
красавица-дѣвица Чернавушка,—

бери тую Чернаву за себя замужъ...
Будешь, Садко, во Новѣградѣ,
а на свою безсчетну золоту казну
построй церковь соборную Миколы Можайскому".

* *
*

Садко струночки во гуселькахъ повыдернулъ,
шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
— „Ай же ты, Садко новогородскій!
что же не играешь въ гусельки яровчаты?"
— „У меня струночки во гуселькахъ выдернулись,
а шпенечки во яровчатыхъ повыломались,
а струночекъ запасныхъ не случилося,
а шпенечковъ не пригодилося".
Говоритъ царь таковы слова:
— „Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
на душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?"
Говоритъ ему Садко новогородскій:
— „У меня воля не своя во синемъ морѣ".
Опять говоритъ царь морской:
— „Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
выбирай себѣ дѣвицу-красавицу".
Вставалъ Садко поутру ранешенько,
поглядитъ—идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
и друго триста дѣвицъ пропустилъ,
и третье триста дѣвицъ пропустилъ;
позади шла дѣвица-красавица,
красавица-дѣвица Чернавушка:
бралъ тую Чернаву за себя замужъ...
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
о рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
какъ поглядитъ—ажно бѣжатъ
свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садко со дружиной во синемъ морѣ:
— „Не бывать Садку со синя моря!"
А дружина поминаетъ одного Садка:

— „Остался Садко во синемъ морѣ!“
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
— „Остался Садко во синемъ морѣ,
очутился впереди насъ во Новѣградѣ,
встрѣчаетъ дружину со Волхова!“
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
и повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена здравовалася,
брала Садка за бѣлы руки,
цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,
состроилъ церкву соборную Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,
сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

Гость — такъ въ старину назывались иногородные купцы, а потомъ вообще купцы первой статьи.

Гусельки, уменьш. отъ **гусли** — народный музыкальный инструментъ, родъ лежачей арфы. Отсюда: **гусляръ**. Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры (А. Толстой). *На словахъ, что на гусляхъ, на дѣлѣ, что на балалайкѣ.*

Яровчатый — вмѣсто яворчатый, сдѣланный изъ явора—дерева, растущаго на югѣ.

Почестной — почетный; почестной пиръ — въ почетъ кому-либо, празднество.

Бѣлъ-горючъ камень — такъ въ былинахъ называется янтарь.

Перепасаться — испугаться, встревожиться.

Заложить, закладывать — значитъ здѣсь: дать въ залогъ; ударить о закладъ—то же, что биться объ закладъ или, какъ обыкновенно говорится, держать пари.

Выряжать, вырядить — включать въ ряду, въ уговоръ, въ условіе. Отсюда же **подрядить** — брать за условную плату, а также **подрядчикъ**.

Настоятель — здѣсь знач. старшина.

Тоня — одинъ заловъ, одна закладка, одна тяга невода.

Отечество — здѣсь то же, что отчество, т.-е. названіе по отцу.

Молодечество — удаль, удальство, отвага, особенно изъ похвальбы.

Тощать — слабѣть, худѣть, истощаться.

Дружина — товарищество, артель, войско.

Раздуматься — то же, что задуматься.

Още — еще.

Черленый, червленый — багряный, багровый, красный. **Червецъ** — багряная краска. **Червеница** — красильное растеніе. **Червленѣть** — багровѣть, краснѣть. **Червонный** — красный, алый. **Черви** — карточная масть.

Сороковка — здѣсь то же, что сорокаведерная бочка.

Дань — подать, плата покореннаго народа побѣдителю, подарки или иной способъ выраженія уваженія.

Жеребій — см. стр. 121.

Вольжаный — сдѣланный изъ таволги, степной березки.

Гоголь — утка, нырокъ. Ходить гоголемъ — спесиво, самодовольно, поднявши голову.

Вальяжный — массивный, прочный, крѣпкій.

Отписывать — назначать по завѣщанію, а также отвѣтить письмомъ.

Остатній — оставшійся въ остаткѣ, остальной; въ остатнее — въ послѣдній разъ.

Страсть — здѣсь въ смыслѣ страхъ, испугъ. Страсти Христовы. — Ухъ, какія страсти! — Страсть, какъ больно. — У нихъ страсть денегъ. — Страсть къ игрѣ.

Пекучись — пекчи, печь, палить. Солнце печетъ.

Смутиться, смучаться — дѣлаться мутнымъ.

Гинуть — вмѣсто гибнуть. Скоро ли сгину я, жизнь загубя? (А. Толстой).

Ажно, простонар. выраженіе — такъ что, даже.

Шпенекъ — шипъ, тычокъ, торчокъ для насадки, укрѣпы чего-нибудь.

Столованье — званый обѣдъ, свадебный пиръ.

Кряжъ — горный хребетъ, цѣпь горъ, здѣсь просто гора.

*

46. Илья Муромецъ.

Гр. *А. К. Толстого.*

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
хлѣба кусъ жуя,
въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
дѣдушка Илья.
Ѣдетъ боромъ, только слышно,
какъ бряцаетъ бронь;
топчетъ папоротникъ пышный
богатырскій конь.
И ворчитъ Илья сердито:
— Ну, Владиміръ, что жъ?
посмотрю я, безъ Ильи-то
какъ ты проживешь!
Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
не пировъ держусь;
я мужикъ неприхотливый,
былъ бы хлѣба кусъ!
Но обнесъ меня ты чарой
въ очередь мою —
такъ шагай же, мой чубарый,
уноси Илью.

Витязь на распутьѣ. *В. Васнецова.*

Правду молвить, для княжого
не гожусь двора,
погулять по свѣту снова
безъ того пора.
Не терплю богатыхъ сѣней,
мраморныхъ тѣхъ плитъ;
отъ царьградскихъ отъ куреній
голова болитъ;
душно въ Кіевѣ, что въ скринѣ —
только киснетъ кровь;
государынѣ-пустынѣ
поклонюся вновь!
Вновь извѣдаю я, старый,
волюшку мою —
ну же, ну, шагай, чубарый,
уноси Илью!
И старикъ лицомъ суровымъ
просвѣтлѣлъ опять,
понутру ему здоровымъ
воздухомъ дышать;
снова вѣетъ воли дикой
на него просторъ,
и смолой и земляникой
пахнетъ темный боръ.

Броня — см. стр. 164.

Наборъ отъ гл. **набирать** — составлять что-либо цѣлое изъ мелкихъ частей, пригонять, соединять. Наборъ для конской сбруи, упряжи, мѣдныя бляхи разнаго вида. Наборъ словъ. Наборъ шрифта для печати. Горькій наборъ травъ для настоя вина, водки. Наборъ рекрутъ.

Чубарый — пестрый, крапчатый, въ пятнахъ (конская масть).

Скриня, скрыня — сундукъ, ларецъ. Макарьевская скрыня.

47. Узникъ.

Стихотвореніе *А. С. Пушкина.*

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
какъ будто со мною задумалъ одно;
зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
и вымолвить хочетъ: „давай улетимъ!
„мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я...“

*

48. Алеша Поповичъ.

Гр. *А. К. Толстого.*

Кто весломъ такъ ловко правитъ
черезъ аиръ и купырь?
это тотъ Поповичъ славный,
тотъ Алеша-богатырь.

За плечами видны гусли,
а въ ногахъ червленый щитъ;
супротивъ его царевна
полонёная сидитъ.

Подъ себя поджала ножки,
лѣтникъ свой подобрала
и считаетъ робко взмахи
богатырскаго весла.

„Ты почто меня, Алеша,
въ лодку пѣсней заманилъ?
у меня женихъ есть дома,
ты жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!“

Гр. А. К. Толстой.
1817—1875.

Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
„не похитчикъ я тебѣ,
ты вошла своею волей,
покорись своей судьбѣ!

Ты не первая попалась
въ лодку, дѣвица, мою;
знаменитымъ птицеловомъ
я слыву въ моемъ краю;

Безъ силковъ и безъ приманокъ
я не разъ межъ камышей
голубыхъ очеретянокъ
пѣсней лавливалъ моей".

И она къ нему: „Алеша,
тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоемъ,
тяжела ей будетъ ноша,
вмѣстѣ ко дну мы пойдемъ!"

Онъ же къ ней: „смотри, царевна,
видишь, тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
какъ на солнцѣ быстро блещутъ
стаи легкія стрекозъ?

На лозу когда бы сѣли,
не погнули бы лозы,
ты же въ лодкѣ не тяжелѣ
легкокрылой стрекозы!"

И душистый гнетъ онъ аиръ
и, скользя очеретомъ,
стебли длинные купавокъ
рветъ сверкающимъ весломъ.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
въ лодку съ берега глядитъ,
но Поповичу царевна,
озираясь, говоритъ:

„Птицеловъ ты безпощадный,
иль тебѣ меня не жаль?
отпусти меня на волю,
лодку къ берегу причаль!"

Онъ весло свое бросаетъ,
гусли звонкія беретъ —

дивнымъ пѣніемъ дрожащій
огласился очеретъ...
Звуки льются, звуки таютъ:
то не вѣтеръ ли во ржи?
не крылами ль задѣваютъ
мѣдный колоколъ стрижи?
Иль въ тѣни журчатъ дубравной
однозвучные ключи?
иль ковшей то звонъ заздравный?
иль мечи бьютъ о мечи?
Пламя ль блещетъ? дождь ли льется?
буря ль встала, пыль крутя?
конь ли по полю несется?
мать ли пѣстуетъ дитя?
Или то воспоминанье,
отголосокъ давнихъ лѣтъ?
или счастья обѣщанье?
или смерти то привѣтъ?
Пѣсню кто уразумѣетъ?
Кто поймет ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣетъ
и кружится голова.
Ихъ услыша, присмирѣли
пташекъ рѣзвыя четы,
на тростникъ стрекозы сѣли,
преклонилися цвѣты:
Погремокъ, пестрецъ и шильникъ,
и болтливая заря
къ лодкѣ съ берега нагнулись
слушать пѣснь богатыря.
Такъ съ царевной по теченью
онъ уносится межъ травъ,
и она внимаетъ пѣнью,
руку бѣлую поднявъ.
Что внезапно въ ней свершилось?
тоскованье ль улеглось?
сокровенное ль открылось?
невозможное ль сбылось?

Словно давнія печали
разошлися, какъ туманъ,
словно всѣ преграды пали —
или были лишь обманъ!
Взоромъ любящимъ невольно
въ ликъ его она впилась,
ей и радостно и больно,
слёзы капаютъ изъ глазъ.
И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
обняла рѣчная тишь,
и куда ни обернешься —
только небо да камышъ...

Аиръ — болотное растеніе. Со страхомъ на него (чурбанъ) глядятъ онѣ (лягушки), и то украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку (Крыловъ).

Купырь — болотное растеніе.

Силокъ — затяжная петля, сѣть.

Очеретянка — болотная птица, камышевый воробей. **Очеретъ** — тростникъ, камышъ.

Купавка — болотное растеніе, водяной кувшинчикъ. **Купавый** — бѣлый, чистый.

Пѣвникъ — растенье, нрисъ.

Стрижъ — 1) птичка, ласточка, которая вьетъ гнѣзда въ землѣ. Стрижи мелькаютъ и звенятъ (А. Фетъ). Фантазія играла и носилась быстро вокругъ однихъ и тѣхъ же представленій, какъ на зарѣ стрижи на колокольнѣ (Тургеневъ. „Первая любовь“). Стрижей считать, зѣвать, ротозѣйничать; 2) плутъ. *Стрижи летаютъ, стрижей оплетаютъ.*

Заздравный — Заздравный молебенъ. Заздравная пѣснь. И за учителей своихъ заздравный кубокъ поднимаетъ (Пушкинъ. „Полтава“). Какъ милъ, бывало, за попойкой заздравный крикъ друзей и звонъ заздравныхъ чашъ (Языковъ).

Пѣстовать — няньчить, убаюкивать, укачивать. Между многочисленными нянь-ками, которыя пѣстовали мое дѣтство, не было ни одной сказочницы (Салтыковъ. „Пошехонская старина“). **Пѣстунья** — нянька.

Млѣть — см. стр. 20. Ты описалъ ощущенія одинокаго человѣка, который не живетъ, а только смотритъ, да млѣетъ (Тургеневъ. „Наканунѣ“). Отсюда: 1) **млѣніе**. Есть у насъ такіе господа, которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней, какъ — грибъ въ сметанѣ (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“); 2) **обомлѣть**. Я вздрогнулъ весь и обомлѣлъ (Тургеневъ. „Первая любовь“).

Чета — пара, ровня. Брачная чета. Люблю... и на холмѣ, средь желтой нивы чету бѣлѣющихъ березъ (Лермонтовъ. „Отчизна“). Выходятъ цѣпью бѣлою четы грузинскихъ женъ (Лермонтовъ. „Свиданіе“). Не чета ему, ниже, хуже другого и наоборотъ. Отсюда: четъ, нечетъ, сочетаніе.

Погремокъ — растеніе, дикій хмель.

Пестрецъ — растеніе, зубровка; грибъ. *Старъ пестрецъ, да уха сладка.*

Шильникъ — 1) растеніе, ушица; 2) плутъ; **шильничать**, мошенничать.

Зоря, заря — растеніе, горичникъ. Умильно на пучокъ зари онѣ роняли слезки три (Пушкинъ. „Евг. Онѣгинъ“). Сорвалъ толстый стебель зори, вырѣзалъ изъ него дудку и принялся свистать (Тургеневъ. „Первая любовь“). Вотъ тутъ подъ окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“).

*

49. Плачъ Ярославны.

Стихотвореніе *И. И. Козлова.*

То не кукушка въ рощѣ темной
кукуетъ рано на зарѣ—
въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
одна на городской стѣнѣ:
„Я покину боръ сосновый,
вдоль Дуная полечу,
и въ Каяль-рѣкѣ бобровый
я рукавъ мой обмочу;
я домчусь къ родному стану,
гдѣ кипѣлъ кровавый бой,
князю я обмою рану
на груди его младой“.
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
зарей на городской стѣнѣ:
„Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
буйный вѣтеръ, что шумишь?
что ты въ небѣ черны тучи
и вздымаешь и клубишь?
что ты легкими крылами
возмутилъ потокъ рѣки,
вѣя ханскими стрѣлами
на родимые полки?“
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
зарей на городской стѣнѣ:
„Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
съ горъ крутыхъ чужой земли,
если хочешь ты лелѣять
въ синемъ морѣ корабли?
Что же страхомъ ты усѣялъ
нашу долю? для чего
по ковыль-травѣ развѣялъ
радость сердца моего?“
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
зарей на городской стѣнѣ:
„Днѣпръ мой славный! ты волнами
скалы половцевъ пробилъ;

Святославъ съ богатырями
по тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
не волнуй же, Днѣпръ широкій,
быстрый токъ студеныхъ водъ,—
ими князь мой черноокій
въ Русь святую поплыветъ".
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
зарей на городской стѣнѣ:
„О, рѣка! отдай мнѣ друга,—
на волнахъ его лелѣй,
чтобы грустная подруга
обняла его скорѣй;
чтобъ я болѣ не видала
вѣщихъ ужасовъ во снѣ,
чтобъ я слезъ къ нему не слала
синимъ моремъ на зарѣ".
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
зарей на городской стѣнѣ:
„Солнце, солнце, ты сіяешь
всѣмъ прекрасно и свѣтло!
въ знойномъ полѣ, что сжигаешь
войско друга моего?
Жажда луки съ тетивами
изсушила въ ихъ рукахъ,
и печаль колчанъ съ стрѣлами
заложила на плечахъ".
И тихо въ теремъ Ярославна
уходитъ съ городской стѣны.

Станъ — лагерь, мѣсто стоянки войска. Стать станомъ, расположиться лагеремъ, раскинуть лагерь.

Зарей — по зарѣ, рано утромъ, на разсвѣтѣ.

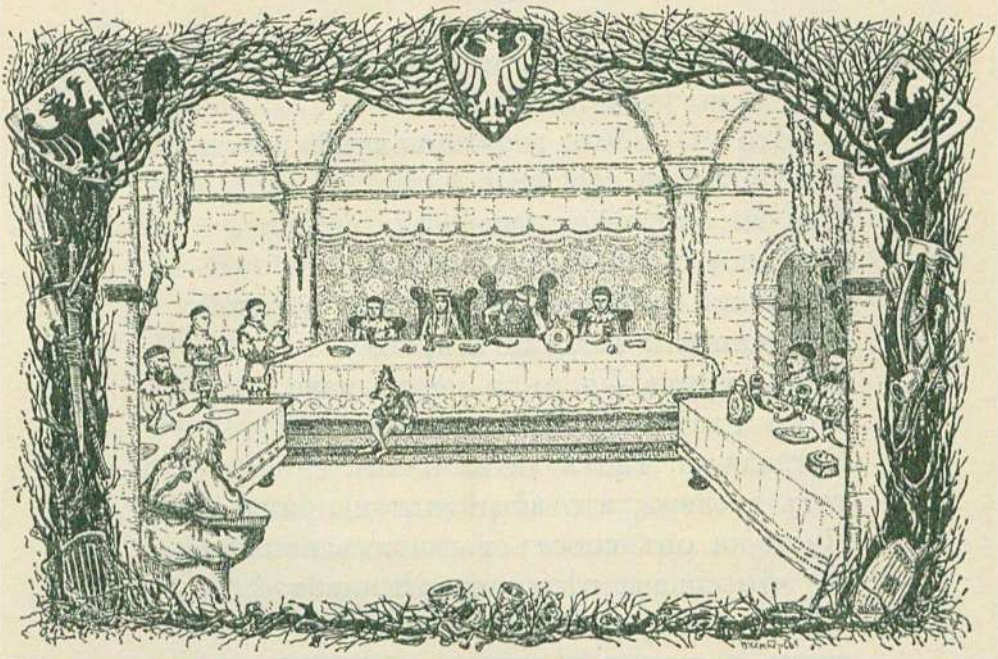
Доля — 1) участь, судьба. Безъ дороги въ путь отправился, горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться (Кольцовъ); 2) часть. Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ, и не объѣхалъ сотой доли (Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума"). Работать изъ доли, за часть добываемаго продукта. Львиная доля.

Ковыль трава — Степь раздольная далеко вокругъ ковылемъ-травой разстилается (Кольцовъ. „Косарь").

Студеный — холодный. Студеное море, Ледовитый океанъ. По камнямъ прыгали, шумѣли ключи студеною волной (Лермонтовъ. „Демонъ").

Колчанъ — кобура, чехолъ для стрѣлъ. На немъ броня, пищаль, колчанъ (Пушкинъ. „Кавказскій плѣнникъ").

*



50. Казимиръ Великій.

Стихотвореніе *Я. П. Полонскаго.*

Въ расписныхъ саняхъ, ковромъ покрытыхъ,
нараспашку, въ буркѣ боевой,
Казимиръ, круль польскій, мчится въ Краковъ
съ молодой, веселою женой.
Къ ночи онъ домой спѣшитъ съ охоты;
позвонки бренчатъ на хомутахъ;
впереди на всемъ скаку, не видно,
кто трубитъ, вздымая снѣжный прахъ;
позади въ саняхъ несется свита...
ясный мѣсяцъ выглянулъ едва...
изъ саней торчатъ собачьи морды,
свѣсилась оленья голова...
Казимиръ на пиръ спѣшитъ съ охоты;
въ новомъ замкѣ ждутъ его давно
воеводы, шляхта, краковянки,
музыка, и танцы, и вино.
Но не въ духѣ круль: насупилъ брови,
на морозѣ дышитъ горячо...

Королева съ ласкою склонилась
на его могучее плечо...
— Что съ тобою, государь мой?! другъ мой?!
у тебя такой сердитый видъ...
Или ты охотой недоволенъ?
или мною? — на меня сердитъ?..
„Хороши мы!“ молвилъ онъ съ досадой:
„хороши мы! голодаетъ край,
хлопы мрутъ,— а мы и не слыхали,
что у насъ въ краю неурожай!..
Погляди-ка, ѣдетъ ли за нами
тотъ гусляръ, что встрѣтили мы тамъ...
Пусть-ка онъ споетъ магнатамъ нашимъ
то, что спьяна пѣлъ онъ лѣсникамъ!..“
Мчатся кони, рѣзче раздается
звукъ роговъ и топотъ,— и встаетъ
надъ заснувшимъ Краковомъ зубчатой
башни тѣнь, съ огнями у воротъ.
Въ замкѣ свѣтятъ фонари и лампы,
музыка и пиръ идетъ горой;
Казимиръ сидитъ въ полукафтаньѣ,
подпираетъ бороду рукой.
Борода впередъ выходитъ клиномъ,
волосы подстрижены въ кружокъ...
Передъ нимъ съ виномъ стоитъ на блюдѣ,
въ золотой оправѣ, турій рогъ;
позади въ чешуйчатыхъ кольчугахъ
стражниковъ колеблющійся строй...
Надъ его бровями дума бродитъ,
точно тѣнь отъ тучи грозовой.
Утомилась пляской королева,—
дышитъ зноемъ молодая грудь,
пышатъ щеки, свѣтится улыбка:
„Государь мой, веселѣе будь!..
Гусляра вели позвать, покуда
гости не успѣли задремать“.
И къ гостямъ идетъ она, и гости
„гусляра, кричатъ, скорѣй позвать“!
Стихли трубы, бубны и цимбалы;

и, венгерскимъ жажду утоля,
чинно сѣли подъ столбами залы
воеводы, гости короля.
А у ногъ хозяйки-королевы,
не на табуреткахъ и скамьяхъ,
на ступенькахъ трона сѣли панны,
съ розовой усмѣшкой на устахъ.
Ждутъ... И вотъ на праздникъ королевскій
сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ,
въ сѣрой свиткѣ, въ обуви ремянной,
изъ народа вызванный гусляръ.
Отъ него надворной вѣетъ стужей,
искры снѣга таютъ въ волосахъ,
и, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
на его обвѣтренныхъ щекахъ.
Низко передъ царственной четою
преклонясь косматой головой,
на ремняхъ повиснувшія гусли
поддержалъ онъ лѣвою рукой,
правую подобострастно къ сердцу
онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ...
„Начинай!“ — и дрогнувшіе пальцы
звонко пробѣжали по струнамъ.
Подмигнулъ король своей супругѣ,
гости брови подняли... гусляръ
затянулъ про славные походы
на сосѣдей — нѣмцевъ и татаръ...
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни, —
крики: „vivat!“ огласили залъ...
Только круль сердито сдвинулъ брови:
дескать, пѣсни эти я слыхалъ!
„Каждый шляхтичъ“, молвилъ онъ, „поетъ ихъ
на ухо возлюбленной своей;
спой мнѣ пѣсню ту, что пѣлъ ты въ хатѣ
лѣсника, — та будетъ поновѣй...
Да не бойся!“ Но гусляръ, какъ будто
къ пыткѣ присужденный, поблѣднѣлъ...
и, какъ плѣнникъ, дико озираясь,
заунывнымъ голосомъ запѣлъ:

„Ой вы, хлопы, ой вы, Божьи люди!
„Не враги трубятъ въ побѣдный рогъ,
„по пустымъ полямъ шагаетъ голодъ
„и, кого ни встрѣтитъ, — валитъ съ ногъ.
„Продаетъ за пудъ муки корову,
„продаетъ послѣдняго конька...
„Ой, не плачь, родная, по ребенкѣ!
„Грудь твоя давно безъ молока.
„Ой, не плачь ты, хлопецъ, по дѣвчинѣ!
„По веснѣ, авось, помрешь и ты...
„Ужъ растутъ—должно-быть къ урожаю—
„на кладбищахъ новые кресты...
„Ужъ на хлѣбъ—должно быть къ урожаю—
„цѣны, что ни день, растутъ, растутъ...
„Только паны потираютъ руки,—
„выгодно свой хлѣбецъ продаютъ“...
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни:
„Правда ли?!“ вдругъ вскрикнулъ Казимиръ,
и привсталъ и, въ гнѣвѣ, весь багровый,
озираетъ онѣмѣвшій пиръ...
Поднялись... дрожатъ... блѣднѣютъ гости.
„Что же вы не славите пѣвца?!
Божья правда шла съ нимъ изъ народа—
и дошла до нашего лица...
Завтра же, въ подрывъ корысти вашей,
я мои амбары отопру...
Вы... лжецы! глядите: я, король вашъ,
кланяюсь за правду гусляру!..“
И, пѣвцу поклонъ отвѣсивъ, вышелъ
Казимиръ,—и пиръ его притихъ...
„Хлопскій круль!“ въ сѣняхъ бормочутъ паны...
„Хлопскій круль!“ лепечутъ жены ихъ.
Онѣмѣлъ гусляръ, поникъ, не слышитъ
ни угрозъ, ни ропота кругомъ...
Гнѣвъ Великаго великъ былъ, страшенъ —
и отраденъ, какъ въ засуху громъ!

Нараспашку — не подпоясавшись, не застегнувшись. Человѣкъ нараспашку, прямой, откровенный. *Душа нараспашку, языкъ на плечѣ.* **Распахивать**, распахнуть, широко растворить, открыть настежь. Окно вѣтромъ распахнулось.

Позвонокъ — 1) колокольчикъ; 2) каждая изъ косточекъ, образующихъ хребетъ. Мужички... уже стали поощрять его легкими толчками въ шейные и спинные позвонки (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Воевода — военачальникъ, начальникъ города и его округа. *Смѣлость силѣ воевода.*

Шляхта — польское дворянство.

Хлопъ — польскій крестьянинъ.

Магнатъ (польск.) — вельможа, крупный землевладѣлецъ.

Турій отъ сущ. **туръ** — дикій быкъ, зубръ. Буй-туръ Всеволодъ („Слово о полку Игоревѣ“).

Кольчуга — броня, металлическая рубаха сѣткой. Помнилъ я кольчуги звонъ и блескъ ружья. (Лермонтовъ. „Мцыри“).

Гусляръ — см. стр. 189.

Цимбалы — струнный музыкальный инструментъ.

Бубны; ед. ч. **бубенъ** — 1) гремушка (бубенецъ). Онъ такъ и брякнулъ одному, что онъ пустъ, какъ бубенъ, другому, что онъ скученъ до обморока (Тургеневъ. „Дымъ“). По дѣлòмъ, если останемся голы, какъ бубны (Пушкинъ. „Письма“). Бубенцы просто ревутъ за самой нашей спиной (Тургеневъ. „Записки охотника“); 2) музыкальный инструментъ въ родѣ литавры (барабана). Бубенъ свой беретъ невѣста молодая (Лермонтовъ. „Демонъ“). На посохъ опершись дорожный, старикъ лѣниво въ бубны бьетъ (Пушкинъ. „Цыгане“). *Славны бубны за горами*; 3) масть въ карточной игрѣ. Не съ чего, такъ съ бубенъ.

Свитка, свита — верхняя долгополая одежда. *Свитка сѣра, да воля своя.*

Сизый — темный съ просинью цвѣтъ. Сизое облако. Сизый голубь. Сизое желѣзо.

Дескать (изъ **де** и **сказать**) — простонародное выраженіе въ смыслѣ **молъ, де**. А о милости твоей говорятъ, что ты, дескать, и воръ и молодецъ (Пушкинъ. „Капитанская дочка“). Частица **молъ**, отъ гл. **молвить**, употребляется для означенія вводной рѣчи, чужихъ словъ.

Корысть — 1) страсть къ наживѣ, жадность. *Зависть по корысти, а корысть отъ зависти*; 2) выгода, нажива, барышъ, прибыль. *Безъ корысти торговать нельзя. Старость не радость, смерть не корысть. Неправедная корысть впрокъ нейдетъ.*

*

51. Изъ „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“.

М. Ю. Лермонтова.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
по тесовымъ кровелькамъ играючи,
тучки сѣрыя разгоняючи,
заря алая подымается;
разметала кудри золотистыя,
умывается снѣгами разсыпчатыми;
какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
въ небо чистое смотритъ, улыбается.

Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
на какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
удалые бойцы московскіе
на Москву-рѣку, на кулачный бой,
разгуляться для праздника, потѣшиться,
и пріѣхалъ царь со дружиною,
со боярами и опричниками,
и велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
выходите-ка во широкій кругъ;
кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
а кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!“
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
царю въ поясъ молча кланяется,
скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подпершися въ бокъ рукою правою,
поправляетъ другой шапку алую,
ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали —
ни одинъ боецъ и не тронулся,
лишь стоятъ да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
отпущу живого съ покаяніемъ,
лишь потѣшу царя, нашего батюшку“.
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны —
и выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
молодой купецъ, удалой боецъ,
по прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,

послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
а потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
на опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
боевыя рукавицы натягиваетъ,
могутныя плечи распрямливаетъ
да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
ты какого роду, племени,
какимъ именемъ прозываешься,
чтобы знать, по комъ панихиду служить,
чтобы было чѣмъ и похвастаться?“
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
а родился я отъ честнова отца,
и жилъ я по закону Господнему:
не разбойничалъ ночью темною,
не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
по одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
и не позже, какъ завтра въ часъ полуденный:
и одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И, услышавъ то, Кирибѣевичъ
поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
бойки очи его затуманились,
между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
на раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
и ударилъ въ первой купца Калашникова,
и ударилъ его посередь груди —
затрещала грудь молодецкая,

пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
на груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
со святыми мощами изъ Кіева:
и погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„чему быть суждено, то и сбудется:
постою за правду до послѣднева!“
Изловчился онъ, приготовился,
собрался со всею силою
и ударилъ своего ненавистника
прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
закачался, упалъ замертво;
повалился онъ на холодный снѣгъ,
на холодный снѣгъ, будто сосенка,
будто сосенка, во сыромъ бору
подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
и нахмурилъ брови черныя;
повелѣлъ онъ схватить удалого купца
и привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
вольной волею или нехотя,
ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?“
„Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
а за что, про что — не скажу тебѣ;
скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
мнѣ головушку повинную;
не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
не оставь молодую вдову
да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...“
„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
удалой боецъ, сынъ купеческій,

Всесвятскій мостъ. *А. Васнецова.*

что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти;
молодую жену и сиротъ твоихъ
изъ казны моей я пожалую,
твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
по всему царству русскому широкому
торговать безданно, безпошлинно;
а ты самъ ступай, дѣтинушка,
на высокое мѣсто лобное,
сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
палача велю одѣть-нарядить,
въ большой колоколъ прикажу звонить,
чтобы знали всѣ люди московскіе,
что и ты не оставленъ моей милостью...“
Какъ на площади народъ собирается;
заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
разглашаетъ всюду вѣсть недобрую;
по высокому мѣсту лобному,
во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
съ большимъ топоромъ, навостренныимъ,
руки голыя потираючи,
палачъ весело похаживаетъ,
удалого бойца дожидается;
а лихой боецъ, удалой купецъ,
со родными братьями прощается:
„Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
поцѣлуемтесь да обнимемтесь
на послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
закажите ей меньше печалиться,
про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
помолитесь сами въ церкви Божіей
вы за душу мою, душу грѣшную!“
И казнили Степана Калашникова
смертью лютою, позорною;
и головушка безталанная
во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
на чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
промежъ тульской рязанской, владимірской,
и бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
и кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
пройдетъ мо̀лодецъ—пріосанится,
пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
а пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

* *
*

Гей вы, ребята удалые,
гусляры молодые,
голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте;
каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
и красавицѣ-боярынѣ слава!
и всему народу христіанскому слава!

Опричникъ — состоящій въ отрядѣ тѣлохранителей Іоанна Грознаго, въ опричнинѣ. **Опричнина, опричня** — 1) отрядъ тѣлохранителей Грознаго. Лишь одинъ изъ нихъ изъ опричниковъ, удалой боецъ, буйный молодецъ (Лермонтовъ); 2) особый государевъ дворъ, учрежденный отдѣльно (опричь) отъ стараго московскаго двора; 3) земли, отведенныя на содержаніе этого опричнаго двора. *Всѣмъ дворомъ, опричь хоромъ.*

Охотницкій — добровольный, по вызову.

Басурманскій, сущ. **басурманъ** (искаженн. изъ мусульманинъ) — 1) негодяй, озорникъ; 2) иновѣрецъ. Вотъ затрещали барабаны — и отступили басурманы (Лермонтовъ. „Бородино“); 3) магометанинъ.

Лобное мѣсто — 1) мѣсто казни, видное со всѣхъ сторонъ. Спорили мыши за лобное мѣсто, гдѣ будутъ кота казнить; 2) возвышенная каменная площадка противъ Спасскихъ воротъ въ Москвѣ.

Заунывный — печальный, наводящій тоску. Заунывный вѣтеръ гонитъ стаю тучъ на край небесъ (Некрасовъ. „Передъ дождемъ“).

Заказывать — 1) приказывать, наказывать, наставлять. Развяжи ты всѣ грѣхи, чтобы и впредь ихъ не было, и бабамъ и дѣтямъ закажи (Л. Толстой); 2) запрещать, не дозволять. Иль у сокола крылья связаны? иль пути ему всѣ заказаны? (Кольцовъ „Дума сокола“.)

Безталанный — неудачливый, обездоленный. **Таланъ** — счастье. Въ безталанный часъ, безъ сорочки я родился на свѣтъ (Кольцовъ. „Косарь“). И ходитъ онъ цѣлый день по Москвѣ, изрѣдка хватаясь за голову и горько проклиная свою безталанную участь (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Тороватый — щедрый. *Тороватаго отъ богатаго не распознаешь.*

52. Князь Михайло Репнинъ.

Гр. *А. К. Толстого.*

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой.

Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
разгульные за ними опричники сидятъ.

Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;

поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
и взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.

„Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
„Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!

„Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ —
„я первый открываю веселый хороводъ!

„За мной, мои тіуны, опричники мои!
„Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!“

И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
одинъ не поднялъ кубка Михайло, князь Репнинъ.

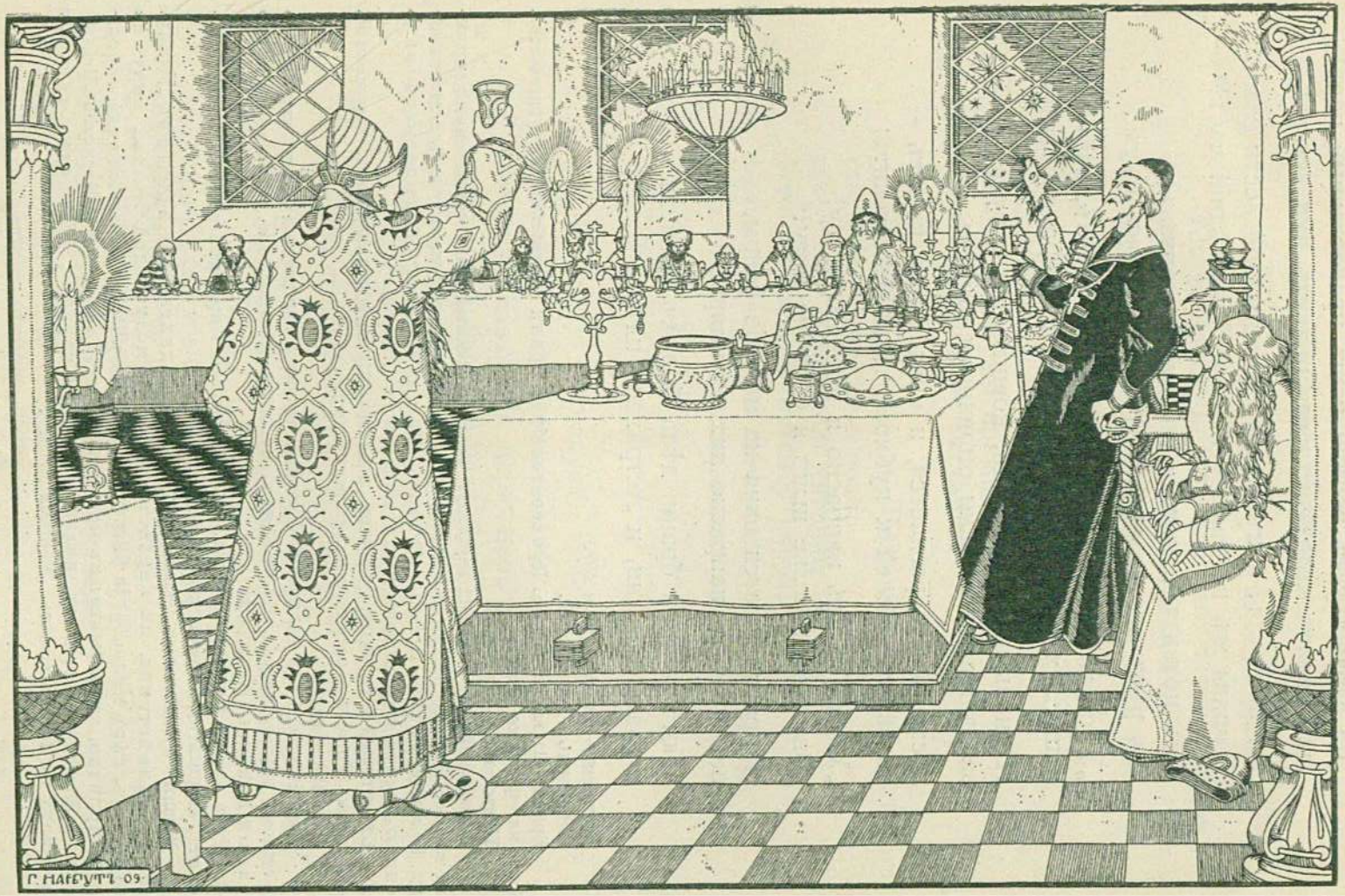
„О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
„Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!

„Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
„Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать.“

Но царь, нахмуря брови: „Въ умѣ ты, знать, ослабъ
„или хмеленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!

„Не возражай ни слова и машкеру надѣнь —
„или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!“

Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь:
„Опричнина да сгинетъ!“ онъ рекъ, перекрестясь:


Г. НАЕРУТЪ 09

„Да здравствуетъ вовѣки нашъ православный царь!
„да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!

„да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
„личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!“

Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...

„Умри же, дерзновенный!“ царь крикнулъ, разъярясь —
и палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
за длинными столами опричники шумятъ,

и смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ —
но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:

„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!“

Напрасно льются вина на царскіе ковры,
поютъ царю напрасно лихіе гусляры,

поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
и взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Дружина — см. стр. 164 и 189.

Опричникъ — см. стр. 209.

Брань — 1) война, борьба. Пронесется буря брани (Жуковскій); 2) ругательства. *Брань на вороту не виснетъ.*

Тіунъ (стар.) — судья.

Державный — 1) имѣющій верховную власть; владѣтельный; свойственный верховной власти. Царь державный (Державинъ); 2) сильный, могущественный, величественный. Невы державное теченье (Пушкинъ. „Мѣдный всадникъ“). Какъ державно надъ волною ходитъ твой широкій флагъ (Хомяковъ. „Островъ“).

Строптивый — упрямый, упорный, непокорный, идущій наперекоръ. *Строптивый, какъ рожонъ.* **Рожонъ** — острый колъ, рогатина, копье.

Машкера — маска.

Кравчій (стар.) отъ гл. **кроить** — рѣзать, рушить; придворный чинъ; кто рѣжетъ за столомъ жаркое, пироги. На блюдахъ, поднявъ ихъ высоко, мяса различнаго кравчій принесъ (Жуковскій).

Рекъ, отъ гл. **речить** — говорить, молвить, сказать. Нарекать кого, дать имя; пререкать, спорить; предречь, предсказать.

Жезлъ — палка, посохъ, булава, скипетръ. Жезлъ диктаторскій (Пушкинъ. „Герой“). Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судіи, ни полководца жезлъ... ничто не украшаетъ, какъ милосердіе (Пушкинъ. „Анджело“). Сегодня новый видъ окрестность приняла, какъ быстрымъ маніемъ волшебнаго жезла (Вяземскій. „Первый снѣгъ“). Желѣзный аршинъ, подобный жезлу чародѣя, отхватилъ тутъ же Чичикову на фракъ (Гоголь. „Мертвыя души“).

53. Василій Шибановъ.

Гр. *А. К. Толстого.*

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ—
какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
своего отдаетъ воеводѣ коня:
„скачи, князь, до вражьяго стану,
авось я пѣшой не отстану“.

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
опальный сидитъ воевода;
стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,—
безъ шапокъ толпятся у входа.
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ;
не даромъ дивится литовскій народъ.
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
„князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!“

Но князя не радуетъ новая честь,
исполненъ онъ желчи и злобы;
готовится Курбскій царю перечесть
души оскорбленной зазнобы:
„что долго въ себѣ я таю и ношу,
то все я пространно царю напишу;
скажу напрямикъ, безъ изгиба,
за всѣ его ласки спасибо!“

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
перо его местію дышитъ;
прочтетъ, улыбнется и снова прочтетъ,
и снова безъ отдыха пишетъ;
и злыми словами язвитъ онъ царя,
и вотъ ужъ, когда занялася заря,
поспѣло, ему на отраду,
посланіе, полное яду.

И. БИЛИБИНЪ. 09

Но кто жъ дерзновенныя князя слова
отвезть Іоанну возьмется?
кому не люба на плечахъ голова?
чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно на князя сомнѣнья нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли.
„Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!“

И въ радости князь посылаетъ раба,
торопитъ его въ нетерпѣньи:
„ты тѣломъ здоровъ и душа не слаба,
а вотъ и рубли въ награжденье!“
Шибановъ въ отвѣтъ господину: „добро!
тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
а я передамъ и за муки
письмо твое въ царскія руки“.

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой;
царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ:
зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
и звону внимаетъ московскій народъ
и молится, полный боязни,
чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
звонитъ всей опрични кромѣшная тьма,
и Васька Грязной и Малюта,
и тутъ же, гордяся своею красой,
съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
любимецъ звонитъ Іоанновъ,
отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ,
и съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье.
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигая народъ,
надъ шапкою держитъ посланье.

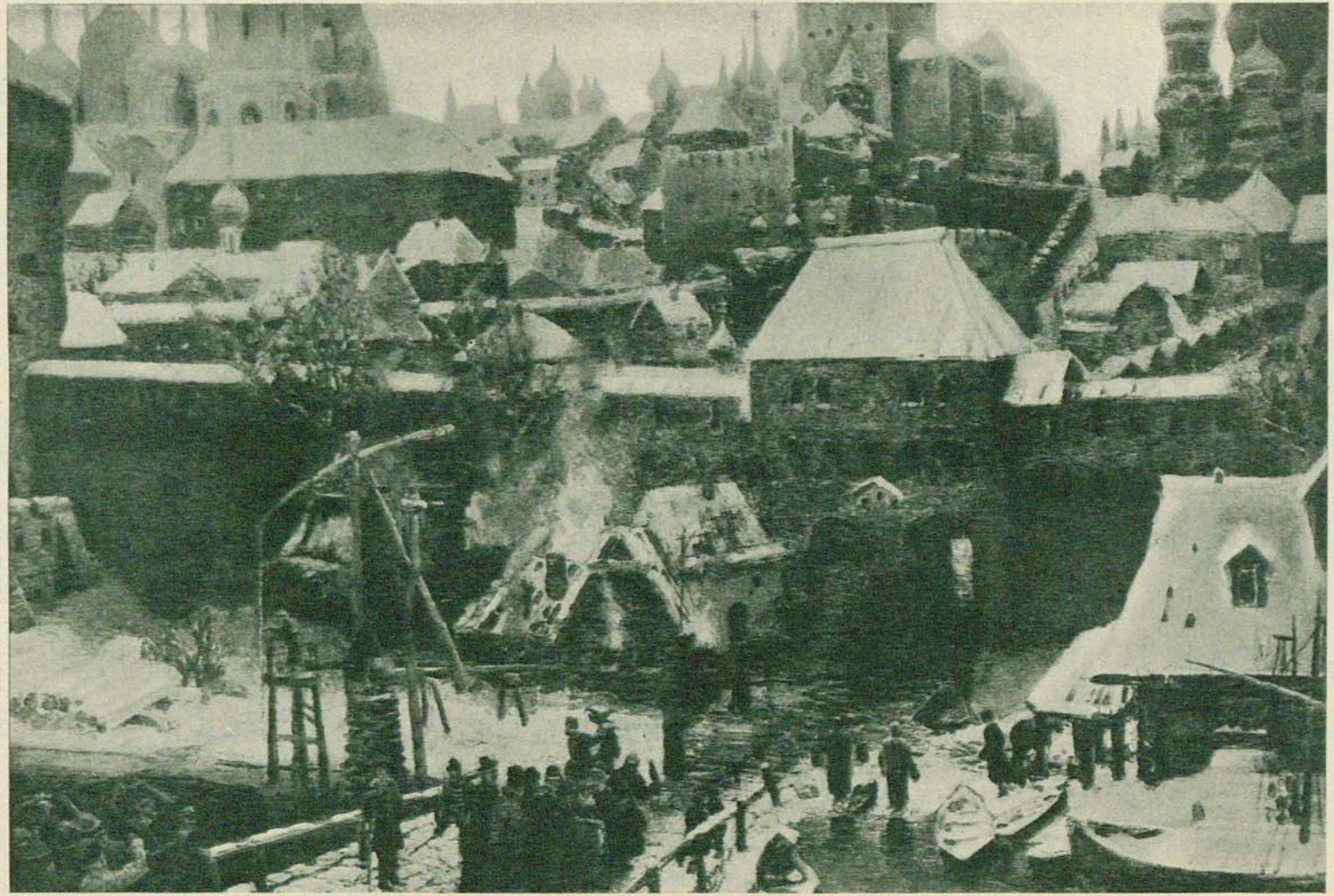
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
и молвитъ ему, не блѣднѣя:
„отъ Курбскаго князя Андрея!“

И очи царя загорѣлися вдругъ:
„ко мнѣ! отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
посланье отъ слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“
И въ ногу Шибанова острый конецъ
жезла своего онъ вонзаетъ,
налегъ на костыль и внимаетъ:

„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
безъ счету твердыни враговъ сражены?
не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
и кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

„Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
писаніемъ намъ предреченный,
и азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
за тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
съ тобой предъ Судьею предстану!“
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
кровь алымъ струилася токомъ,
и царь на спокойное око слуги
взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
какъ будто исполненъ печали,
и всѣ въ ожиданьи молчали.



Старая Москва. *А. Васнецова.*

И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ,
и нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной;
кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
я песъ, недостойный и смрадный.
Гонецъ! ты не рабъ, но товарищъ и другъ;
и много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
что выдалъ тебя за безцѣнокъ.
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!“

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
другъ къ другу приходятъ на смѣну.
„Товарищей Курбскаго ты уличи,
открой ихъ собачью измѣну!“
И царь вопрошаетъ: „Ну что же гонецъ?
назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ?“
„Царь, слово его все едино:
онъ славитъ своево господина!“

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
скрипятъ у застѣнка ворота,
заплечные входятъ опять мастера,
опять началася работа.
„Ну что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ!“
„Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
но слово его все едино:
онъ славитъ своево господина!“

„О, князь, ты, который предать меня могъ
за сладостный мигъ укоризны,
о, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ
измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
но въ сердцѣ любовь и прощенье—
помилуй мои прегрѣшенья!

„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
прости моего господина!
языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
но слово мое все едино:

за грознаго, Боже, царя я молюсь,
за нашу святую, великую Русь—
и твердо жду смерти желанной!“
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

Стремянный — конюхъ, подающій стремя всаднику и неотлучно находящійся при немъ. Ходить при стремени.

Дородный — рослый, полный, толстый. Мать дородная въ шубейкѣ важно въ розвальняхъ сидитъ (Вяземскій. „Масляница“).

Станъ — см. стр. 137.

Опальный — впавшій въ опалу. **Опала** — немилость, гнѣвъ. Быть въ опалѣ, подъ опалой. Барыня давно ей простила и опалу сложила съ нея, и съ своей головы чепецъ подарила (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). **Опаляться** — гнѣваться, неистово сердиться.

Желчь — 1) раздраженіе, злость, ѣдкость; 2) жидкость, отдѣляемая печенью. На досугѣ пишу новую поэму, Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью (Пушкинъ. „Письма“). Въ немъ желчь, наконецъ, шевельнулась и глазки его заблистали (Тургеневъ. „Новь“). Она опять съ желчью и упрекомъ подумала о немъ (Толстой. „Анна Каренина“). Рѣчь его, горькая и даже злая, не отзывалась желчью, а скорѣе печалью и правдивой, искренней печалью (Тургеневъ. „Дымъ“). Его смѣхъ, звукъ его голоса, все его существо казалось пропитаннымъ желчью (Тургеневъ. „Рудинъ“). Отсюда: **желчевикъ**, желчный человѣкъ. Сонный взглядъ, угрюмый видъ, какъ есть желчевикъ (Тургеневъ. „Новь“).

Зазноба — 1) забота, непріятность. Въ избѣ все хорошо, весело, кабы не зазноба эта — сосѣдъ лихой (Толстой); 2) страстная любовь, предметъ любви. Тамъ жила его зазноба, кралечка лицомъ (Некрасовъ. „Извозчикъ“). Ужъ нѣтъ ли у него зазнобы тайной? (Пушкинъ. „Русалка“). Прощай, моя зазноба! (Островскій. „Воевода“.)

Таить — скрывать, не сказывать, отпираться. *Кто таитъ, на томъ горитъ. Чего стыдимся, того и таимся.*

Заниматься (о зарѣ) — загораться, появляться. Утро занимается; алыми пятнами выступила заря (Тургеневъ. „Первая любовь“). Заря уже занималась въ небѣ, когда оба пріятеля возвратились на свою квартиру (Тургеневъ. „Наканунѣ“). Я въ путь, чуть занялся лишь свѣтъ (Майковъ. „Два міра“).

Дерзновенный — чрезмѣрно смѣлый, отважный. Души глубокая печаль стремиться дерзновенно вдаль вождю Украйны не мѣшаетъ (Пушкинъ. „Полтава“).

Смирная одежда — печальное, траурное платье, монашеское одѣяніе. А бояре были въ смирномъ платьѣ, въ багровыхъ и черныхъ шубахъ, для того, что въ то время царевича Іоанна не стало. Смирную одежду носили также опальные. И удалился отъ двора бояринъ, и ходитъ онъ въ смирной одеждѣ, съ бородой нечесаной, падаютъ сѣдые волосы на крутое чело (А. Толстой. „Князь Серебряный“).

Властелинъ — самодержавный правитель, **владыка**, верховный повелитель, господинъ. Вы властелины, мы рабы (Батюшковъ). Сатиры смѣлый властелинъ (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“). *Сильная (своя) рука владыка.*

Гудѣть — Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ (Лермонтовъ. „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“). Метель гудѣла сильнѣе и сильнѣе (Лермонтовъ. „Бэла“). Крикъ черкесовъ по зарѣ гудитъ, теряясь въ долинѣ (Лермонтовъ. „Измаилъ-бей“).

Теремъ — высокое зданіе въ видѣ башни, дворецъ, замокъ, вышка, мезонинъ. Дѣвичій, женскій теремъ, женская половина боярскаго дома. *Дѣвица въ терему, что яблочко въ раю. Хлѣба ни куска, такъ и въ теремѣ тоска.*

Опричня — см. стр. 209.

Кромѣшный (отъ нар. **кромѣ**) — злодѣйскій, темный. **Кромѣшникъ** — опричникъ, злодѣй.

Окольный — находящійся поблизости, по сосѣдству; приближенный. Отсюда: **окольничій** — одинъ изъ думныхъ, т. е. высшихъ чиновъ служилаго класса. Окольничіе входили въ составъ боярской думы.

Спрянуть — спрыгнуть; **спрядывать** — спрыгнуть, соскакивать; **прядать.** На днѣ ея (долины) бѣжалъ ручей и шумно прядалъ черезъ камни, какъ бы торопясь слиться съ великой рѣкой (Тургеневъ. „Ася“).

Лихой — 1) злой, мстительный. Лихое дѣло. Лихая сторона. Лихомъ поминать. *Лихо не лежитъ тихо: либо катится, либо валится, либо по плечамъ разсыпается. Лиха бѣда починъ: есть дыра, будетъ и прорѣха.* Сначала скука грызла лихо, а теперь какъ будто легче стало (Тургеневъ. „Новь“); 2) удалой, бойкій, смѣлый. Лихой конь. Лихой наѣздникъ. Лихачъ. *Рѣчами тихъ, да сердцемъ лихъ.*

Дьякъ (стар.) — письмоводитель, секретарь. Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ (Пушкинъ. „Борисъ Годуновъ“). *Быть такъ, какъ помѣтилъ дьякъ.*

Древле — 1) въ старину. Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ (Лермонтовъ. „Измаилъ-бей“); 2) изстари. Черный лѣсъ, унизанный сидящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его (Гоголь. „Страшная месть“).

Мниться — 1) воображать себя, казаться себѣ самому; 2) (безл.) казаться, представляться. Голосъ чудно-новый, ей мнилось, все еще звучалъ (Лермонтовъ. „Демонъ“). Отсюда: **мнительный** — недовѣрчивый, подозрительный.

Небытный (отъ сущ. **небытіе**) — несуществующій; здѣсь въ смыслѣ нелѣпый, несообразный.

Ересь — лжеученіе; грѣховное заблужденіе. И раздавался ужъ не разъ его краснорѣчивый гласъ противу ереси безумной (А. Толстой. „Іоаннъ Дамаскинъ“). И хочетъ онъ, разстрига... и церковь православную попрать и вовлечи въ латинскую насъ ересь (А. Толстой. „Царь Борисъ“).

Попирать — топтать; ходить, ступать по чемъ; унижать, поругать, презирать. Попирать права. Попирать законъ. Попирать достоинство.

Застѣнокъ — мѣсто пытокъ, гдѣ допрашивались обвиняемые. Было время, когда люди выкрикивали на площадяхъ: „слово и дѣло“, зная, что ихъ ожидаетъ впереди застѣнокъ со всѣми ужасами пытки (Салтыковъ. „Мелочи жизни“). Подъ „словомъ и дѣломъ“ разумѣлось государственное преступленіе.

Уличать — изобличать, доказательно винить, свидѣтельствовать на кого. Не уличенъ, не воръ. Отсюда: **улика** — поличное. Улика налицо.

Меркнуть — темнѣть, терять свѣтъ или блескъ, помрачаться, тускнѣть. На дворѣ смерклось. Звѣзды меркнутъ и гаснутъ, въ огнѣ облака (Никитинъ).

Заплечный мастеръ — палачъ, заплечникъ. Чтобы тутъ былъ и приговоръ суда, и эшафотъ, и заплечный мастеръ (Салтыковъ. „Господа Ташкентцы“). На площади, подъ плахой мастера заплечнаго, все то же я скажу (Лажечниковъ). **Заплечить** — ударить промежъ плечъ.

54. Изъ трагедіи „Борисъ Годуновъ“.

А. С. Пушкина.

Пименъ *(пишетъ передъ лампадой).*

Еще одно послѣднее сказанье —
и лѣтопись окончена моя,
исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
мнѣ, грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
и книжному искусству вразумилъ:
когда-нибудь монахъ трудолюбивый
найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
и, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
правдивыя сказанья перепишетъ —
да вѣдаютъ потомки православныхъ
земли родной минувшую судьбу,
своихъ царей великихъ поминаютъ
за ихъ труды, за славу, за добро,
а за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу;
минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось, событій полно,
волнуяся, какъ море-окіянъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
немного лицъ мнѣ память сохранила,
немного словъ доходитъ до меня,
а прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ —
еще одно, послѣднее сказанье *(пишетъ).*

Григорій *(пробуждается).*

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
старикъ сидитъ да пишетъ, и дремотой,
знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.

Какъ я люблю его спокойный видъ,
когда, душой въ минувшемъ погруженный,
онъ лѣтопись свою ведетъ! и часто
я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
о темномъ ли владычествѣ татаръ?
о казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
о бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
о славѣ ли отечества? Напрасно!
ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
добру и злу внимая равнодушно,
не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ?

Григорій.

Благослови меня,
честный отецъ.

Пименъ.

Благослови Господь
тебя и днесь, и присно, и вовѣки!

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
а мой покой бѣсовское мечтанье
тревожило, и врагъ меня мутилъ:
мнѣ снилося, что лѣстница крутая
меня вела на башню; съ высоты
мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
внизу народъ на площади кипѣлъ
и на меня указывалъ со смѣхомъ;
и стыдно мнѣ, и страшно становилось —
и, падая стремглавъ, я пробуждался...

И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
смиряй себя молитвой и постомъ,
и сны твои видѣній легкихъ будутъ
исполнены. Донынѣ — если я,
невольною дремотой обезсиленъ,
не сотворю молитвы долгой къ ночи —
мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
мнѣ чудятся то шумные пиры,
то ратный станъ, то схватки боевыя,
безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! — а я отъ отроческихъ лѣтъ
по келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
отъ суеты, отъ міра отложиться,
произнести монашества обѣтъ
и въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
покинулъ ты, что мало искушеній
послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
и женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился,
но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:

Пименъ *В. Васнецова.*

кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
противу нихъ? Никто. А что же? Часто
златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
въ подобіи монашескихъ трудовъ;
его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
монастыря видъ новый принималъ:
кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
послушными являлись чернецами,
а грозный царь — игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
мужъ праведный; тогда ужъ и меня
сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
мы передъ нимъ недвижимо стояли,
и тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ —
предстану здѣсь. алкающій спасенья;
ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
и схиму здѣсь честную восприму,
къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши".
Такъ говорилъ державный государь,
и сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
и плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
его душѣ страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
молчальника. Онъ царскіе чертоги
преобразилъ въ молитвенную келью;
тамъ тяжкія державныя печали
святой души его не возмущали.

Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
и Русь при немъ во славѣ безмятежной
утѣшилась, а въ часъ его кончины
свершилося неслыханное чудо:
къ его одру, царю едину зримый,
явился мужъ необычайно свѣтелъ,
и началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
и называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
уразумѣвъ небесное видѣнье,
зане святый владыка предъ царемъ
во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
исполнились святымъ благоуханьемъ,
и ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя...
О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
владыкою себѣ цареубійцу
мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича: въ то время
ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
на нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы; я
спѣшу туда жъ,—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,

кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
а тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
является Іуда—Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль,—
и въ мигъ его не стало. Тутъ народъ
вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
укрывшихся злодѣевъ захватили
и привели предъ теплый трупъ младенца,
и чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ!
„Покайтеся!“—народъ имъ завопилъ,—
и въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
и царствовалъ; но Богъ судилъ иное...
Сей повѣстью плачевной заключу
я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,—
тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
описывай, не мудрствуя лукаво,
все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
войну и миръ, управу государей,
угодниковъ святыя чудеса,
пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
и погасить лампаду... Но звонятъ
къ заутренѣ... Благослови, Господь,
своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій (*уходитъ*).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
о жребіи несчастнаго младенца,
а между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
и не уйдешь ты отъ суда мірского,
какъ не уйдешь отъ Божьяго суда!

Лампада (греч.).—Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ тебя, полночная лампада (Лермонтовъ. „Крымскіе сонеты“). Пылалъ полуночной лампадой передъ святынею добра (Тургеневъ. „Рудинъ“).

Лѣтопись — погодняя запись историческихъ событій.

Завѣщать — 1) вмѣнять въ долгъ, въ обязанность. Мнѣ завѣщалъ отецъ: вопервыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья (Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“); 2) выражать свою послѣднюю волю. Имъ я завѣщаю съ тобою вмѣстѣ Русью управлять (А. Толстой. „Смерть Іоанна Грознаго“). И завѣщалъ онъ умирая, чтобы на югъ перенесли его тоскующія кости (Пушкинъ. „Цыгане“); 3) предоставлять въ наслѣдство. Іоаннъ изъ глубины могилы мнѣ завѣщалъ державный свой удѣлъ (Хомяковъ. „Дмитрій Самозванецъ“). Но месть и ненависть свою онъ завѣщалъ мнѣ, умирая (Лермонтовъ. „Хаджи-Абрекъ“).

Хартія — 1) древняя грамота, рукопись; 2) папирусъ, пергаментъ, все на чемъ встарь писали, харатья. Книга въ харатьѣ, въ кожѣ, пергаментѣ.

Вѣдать — 1) имѣть свѣдѣнія, знать. *Чей хлѣбъ ѣмъ, того и вѣмъ. И глухъ и нѣмъ, грѣха не вѣмъ. Не чаяно, не вѣдано, а бѣда на дворъ.* Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ (Лермонтовъ. „Измаилъ-бей“); 2) имѣть въ своемъ управленіи. Храня суровость обычайну, спокойно вѣдалъ онъ Украйну (Пушкинъ. „Полтава“). Наряжены мы городъ вѣдать (Пушкинъ. „Борисъ Годуновъ“).

Вѣче — 1) мірской сходъ, народное собраніе; 2) сборное мѣсто для совѣщанія.

Дьякъ — см. стр. 220.

Приказъ — центральное правительственное учрежденіе въ Московской Руси. Посольскій, разбойный и др. приказы.

Зрѣть — смотрѣть, видѣть, понимать. *Зри въ три, не зѣвай.*

Днесь — теперь, нынѣ, сегодня. Гдѣ колыбель его была, тамъ днесь его могила (Жуковскій).

Присно — всегда. **Присный**, вѣчный, сущій, истинный. Приснопамятный, незабвенный.

Келья (лат.).—Она мечты мои звала отъ келій душныхъ (Лермонтовъ. „Мцыри“). Пусть приметъ сумрачная келья, какъ гробъ, заранѣе меня (Лермонтовъ. „Демонъ“). Пчела за данью полевой летитъ изъ кельи восковой (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“). Рядъ келій, темный переходъ; часовня у святыхъ воротъ (Козловъ. „Обитель“).

Трапеза — столъ; столъ съ пищей, съ яствами. Братская трапеза, общій столъ въ монастыряхъ.

Суета — 1) тщета, пустота, ничтожность, безполезность помысловъ, стремленій, людскихъ дѣлъ; все мірское, земное, временное. Суета суетъ и всяческая суета; 2) проявляемыя въ словахъ и дѣйствіяхъ преувеличенная озабоченность и излишнее рвеніе. Терпѣть онъ не могъ поспѣшности, тревожной торопливости, бабьей болтовни и „суеты“ (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Обѣтъ—обѣщаніе, данное слово, принятый на себя долгъ. *Что обѣтъ, что зарокъ—опасны.*

Обитель — 1) монастырь, община, общежитіе. За рощей на горѣ высокой обитель иноковъ стоитъ (И. Козловъ); 2) тихое пристанище. Звучный колокола гласъ дрожитъ, обитель пробуждая (Лермонтовъ. „Демонъ“). Отдай въ священную обитель дочь безразсудную твою (Лермонтовъ. „Демонъ“).

Клобукъ — покрывало монашествующихъ поверхъ камилавки; сама камилавка.

Кромѣшный — см. стр. 220.

Тафья — шапочка, ермолка. Среди мечей зазубренныхъ въ священныхъ стихаряхъ, и въ панцыряхъ изрубленныхъ, и въ шлемахъ и въ тафьяхъ, всю почь они (монахи) морозную, до утренней поры, рукою держатъ грозною кресты иль топоры (гр. А. Толстой).

Власяница — рубашка изъ жесткихъ волосъ или шерсти, носимая на тѣлѣ для умерщвленія плоти. Власяницею смиренной грудь молодую облекли (Лермонтовъ. „Демонъ“).

Сподобить — удостоить, дозволить, взыскать милостью. Сподобился я радости великой. Всей семьей въ Москву сподобляемся.

Алкать — 1) чувствовать голодъ, жажду; 2) сильно желать, стремиться къ чему-либо. Богатствъ алкаемъ, славы, власти (Державинъ). Душа жаждала счастья; она ждала: вотъ-вотъ нахлынетъ счастье потокомъ—и ни одна капля не смочила алкавшихъ губъ (Тургеневъ. „Поѣздка въ Полѣсье“).

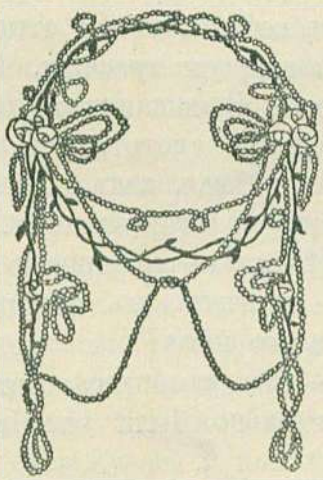
Схима — монашескій чинъ, налагающій самыя строгія правила. Отсюда: **схимникъ, схимница**. Мелькала въ окнахъ кельи лампада схимницы младой (Лермонтовъ. „Демонъ“).

Чертогъ — палата, пышный покой, дворецъ. Царскій чертогъ. Въ чертоги входитъ ханъ младой (Пушкинъ). Чертоги пышные построю изъ бирюзы и янтаря (Лермонтовъ. „Демонъ“).

Зане (церк. сл.)—такъ какъ, потому что, по той причинѣ, поелику Да прильпнетъ языкъ твой къ гортани, зане ложь изрыгаетъ (Гончаровъ. „Обрывъ“). Измѣнникомъ я не былъ и не буду, и съ дьяволомъ быть въ долѣ не хочу я; зане отступникамъ страшна кончина (Островскій). Почилъ безмятежно, зане совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное (Баратынскій. „На смерть Гете“).

Нарекать, наречь — 1) именовать, называть; 2) наговаривать, порицать, обвинять.

Набатъ — тревога, бой въ барабанъ, въ доску; звонъ въ колокола для созыва народа по случаю общей опасности. Бить набатъ, въ набатъ.



55. Изъ романа „Война и миръ“.

Гр. *Л. Н. Толстого.*

Графиня Ростова съ дочерьми и уже съ большимъ числомъ гостей сидѣла въ гостиной. Графъ провелъ гостей-мужчинъ въ кабинетъ, предлагая имъ свою охотницкую коллекцію турецкихъ трубокъ. Изрѣдка онъ выходилъ и спрашивалъ: не пріѣхала ли? Ждали Марью Дмитріевну Ахросимову, даму, знаменитую не богатствомъ, не почестями, но прямотою ума и откровенною простотой обращенія. Марью Дмитріевну знала царская фамилія, знала вся Москва и весь Петербургъ, и оба города, удивляясь ей, втихомолку посмѣивались надъ ея грубостью, разсказывали про нее анекдоты; тѣмъ не менѣе всѣ безъ исключенія уважали и боялись ее.

Было то время передъ званымъ обѣдомъ, когда собравшіеся гости не начинаютъ длиннаго разговора въ ожиданіи призыва къ закускѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ необходимымъ шевелиться и не молчать, чтобы показать, что они нисколько не нетерпѣливы сѣсть за столъ. Хозяева поглядываютъ на дверь и изрѣдка переглядываются между собой, гости по этимъ взглядамъ стараются догадаться, кого или чего еще ждутъ: важнаго опоздавшаго родственника или кушанья, которое еще не поспѣло.

Пьеръ пріѣхалъ передъ самымъ обѣдомъ и неловко сидѣлъ посрединѣ гостиной на первомъ попавшемся креслѣ, загородивъ всѣмъ дорогу. Графиня хотѣла заставить его говорить, но онъ наивно смотрѣлъ въ очки вокругъ себя, какъ бы отыскивая кого-то, и односложно отвѣчалъ на всѣ вопросы графини. Онъ былъ стѣснителенъ и одинъ не замѣчалъ этого. Большая часть гостей, знавшая его исторію съ медвѣдемъ, любопытно смотрѣла на этого большого, толстаго и смирнаго человѣка, недоумѣвая, какъ могъ такой увалень и скромникъ сдѣлать такую штуку съ квартальнымъ.

— Вы недавно пріѣхали? — спрашивала у него графиня.

— Oui, madame, — отвѣчалъ онъ, оглядываясь.

— Вы не видали моего мужа?

— Non, madame. — Онъ улыбнулся совсѣмъ некстати.

— Вы, кажется, недавно были въ Парижѣ? Я думаю, очень интересно.

— Очень интересно.

Графиня переглянулась съ Анной Михайловной. Анна Михайловна поняла, что ее просятъ занять этого молодого человѣка, и, подсѣвъ къ нему, начала говорить объ отцѣ; но такъ же, какъ и графинѣ, онъ отвѣчалъ ей только односложными словами.

Гости были всѣ заняты между собой. „Разумовскіе... Это было очень мило... Вы очень добры... Графиня Апраксина...“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Графиня встала и пошла въ залу.

— Марья Дмитріевна? — послышался голосъ изъ залы.

— Она самая, — послышался въ отвѣтъ грубый женскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ вошла въ комнату Марья Дмитріевна.

Всѣ барышни и даже дамы, исключая самыхъ старыхъ, встали. Марья Дмитріевна остановилась въ дверяхъ и съ высоты своего тучнаго тѣла, высоко держа свою съ сѣдыми буклями пятидесятилѣтнюю голову, оглядѣла гостей и, какъ бы засучиваясь, оправила неторопливо широкіе рукава своего платья. Марья Дмитріевна всегда говорила по-русски.

— Именинницѣ дорогой съ дѣтками, — сказала она своимъ громкимъ, густымъ, подавляющимъ всѣ другіе звуки, голосомъ. — Ты что, старый грѣховодникъ, — обратилась она къ графу, цѣловавшему ея руку, — чай скучаешь въ Москвѣ — собакъ гонять негдѣ? Да что, батюшка, дѣлать, вотъ какъ эти пташки подрастутъ... — она указывала на дѣвицъ, — хочешь не хочешь, надо жениховъ искать.

— Ну, что, казакъ мой (Марья Дмитріевна казакомъ называла Наташу)? — говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую къ ея рукѣ безъ страха и весело. — Знаю, что зелье дѣвка, а люблю.

Она достала изъ огромнаго ридикюля яхонтовыя сережки грушками и, отдавъ ихъ именинно-сіявшей и разрумянившейся Наташѣ, тотчасъ же отвернулась отъ нея и обратилась къ Пьеру.

— Э, э, любезный! поди-ка сюда,—сказала она притворно-тихимъ и тонкимъ голоскомъ. — Поди-ка, любезный...—И она грозно засучила рукава еще выше.

Пьеръ подошелъ, невинно глядя на нее черезъ очки.

— Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одна говорила, когда онъ въ случаѣ былъ, а тебѣ-то и Богъ велитъ.— Она помолчала. Всѣ молчали, ожидая того, что будетъ, и чувствуя, что это было только предисловіе. — Хорошъ, нечего сказать, хорошъ мальчикъ!.. Отецъ на одрѣ лежитъ, а онъ забавляется, квартальнаго на медвѣдя верхомъ сажаетъ. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шелъ. — Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался отъ смѣха.

— Ну, что же, къ столу, я чай, пора?—сказала Марья Дмитріевна.

Впереди пошелъ графъ съ Марьей Дмитріевной, потомъ графиня, которую повелъ гусарскій полковникъ, нужный человѣкъ, съ которымъ Николай долженъ былъ догонять полкъ. За ними шли еще другія пары, протянувшіяся по всей залѣ, а сзади всѣхъ поодиночкѣ дѣти, гувернеры и гувернантки. Офиціанты зашевелились, стулья загремѣли, на хорахъ заиграла музыка, и гости размѣстились. Звуки домашней музыки графа замѣнились звуками ножей и вилокъ, говора гостей, тихихъ шаговъ офиціантовъ. На одномъ концѣ стола во главѣ сидѣла графиня, справа Марья Дмитріевна, слѣва Анна Михайловна и другія гостьи. На другомъ концѣ сидѣлъ графъ, слѣва гусарскій полковникъ, справа Шиншинъ и другіе гости мужского пола. Съ одной стороны длиннаго стола молодежь постарше: Вѣра рядомъ съ Бергомъ, Пьеръ рядомъ съ Борисомъ; съ другой стороны—дѣти, гувернеры и гувернантки. Графъ, изъ-за хрусталя бутылокъ и вазъ съ фруктами, поглядывалъ на жену и ея высокій чепецъ съ голубыми лентами и усердно подливалъ вина своимъ сосѣдямъ, не забывая и себя. Графиня также изъ-за ананасовъ, не забывая обязанностей хозяйки, кидала значительные взгляды на мужа, котораго лысина и лицо, казалось ей, своею краснотой рѣзче отличались отъ сѣдыхъ волосъ. На дамскомъ концѣ шло равномѣрное лепетанье; на мужскомъ все громче и громче слышались голоса, особенно гусарскаго полковника, который такъ много ѣлъ и пилъ, все болѣе и болѣе краснѣя, что графъ уже ставилъ его въ примѣръ другимъ гостямъ. Бергъ съ нѣжною улыбкой говорилъ съ Вѣрой о томъ, что любовь есть чувство не земное, а небесное. Борисъ называлъ новому своему пріятелю Пьеру бывшихъ за столомъ гостей и переглядывался съ Наташей, сидѣвшей противъ него. Пьеръ мало говорилъ, оглядывалъ новыя лица и много ѣлъ. Начиная отъ двухъ суповъ, изъ которыхъ онъ выбралъ à la tortue, и кулебяки и до рябчиковъ, онъ не пропускалъ ни одного блюда и ни одного вина, которое дворецкій, въ завернутой салфеткою бутылкѣ, таинственно высовывалъ изъ-за плеча сосѣда, приговаривая: или „дрей-мадера“, или „венгерское“, или „рейнъ-вейнъ“. Онъ подставлялъ первую попавшуюся изъ четырехъ хрустальныхъ, съ вензелемъ графа, рюмокъ, стоявшихъ передъ каждымъ приборомъ, и пилъ съ удовольствіемъ, все съ болѣе и болѣе пріятнымъ видомъ поглядывая на гостей. Наташа, сидѣвшая противъ него, глядѣла на Бориса, какъ глядятъ дѣвочки тринадцати лѣтъ на мальчика, съ которымъ онѣ въ первый разъ только что поцѣловались и въ котораго онѣ влюблены. Этотъ

самый взглядъ ея иногда обращался на Пьера, и ему подъ взглядомъ этой смѣшной оживленной дѣвочки хотѣлось смѣяться самому, не зная чему.

Николай сидѣлъ далеко отъ Сони, подлѣ Жюли Карагиной, и опять съ тою же невольною улыбкой что-то говорилъ съ ней. Соня улыбалась парадно и всѣми силами прислушивалась къ тому, что говорили между собой Николай и Жюли. Гувернантка безпокойно оглядывалась, какъ бы приготовляясь къ отпору, ежели бы кто вздумалъ обидѣть дѣтей. Гувернеръ-нѣмецъ старался запомнить всѣ роды кушаній, десертовъ и винъ съ тѣмъ, чтобъ описать все подробно въ письмѣ къ домашнимъ въ Германію, и весьма обижался тѣмъ, что дворецкій, съ завернутою въ салфетку бутылкой, обносилъ его. Нѣмецъ хмурился, старался показать видъ, что онъ и не желалъ получить этого вина, но обижался потому, что никто не хотѣлъ понять, что вино нужно было ему не для того, чтобъ утолить жажду, не изъ жадности, а изъ добросовѣстной любознательности.

На мужскомъ концѣ стола разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Полковникъ разсказалъ, что манифестъ объ объявленіи войны уже вышелъ въ Петербургѣ и что экземпляръ, который онъ самъ видѣлъ, доставленъ нынѣ курьеромъ главнокомандующему.

— И зачѣмъ насъ нелегкая несетъ воевать съ Бонапартомъ? — сказалъ Шиншинъ. — Онъ уже сбилъ спесь съ Австріи. Боюсь, не пришелъ бы теперь намъ чередъ.

Полковникъ былъ плотный, высокій и сангвиническій нѣмецъ, очевидно, служака и патріотъ. Онъ обидѣлся словами Шиншина.

— А затэмъ, мылостывый государь,—сказалъ онъ, выговаривая э вмѣсто е и ъ вмѣсто ь.—Затэмъ, что импэраторъ это знаэтъ. Онъ въ манифэстэ сказалъ, что нэ можэтъ смотрэтъ равнодушно на опасности, угрожающія Россіи, и что бэзопасностъ имперіи, достоинство эя и святостъ союзовъ,—сказалъ онъ, почему-то особенно налегая на слово „союзовъ“, какъ будто въ этомъ была вся сущность дѣла. И съ свойственной ему, непогрѣшимой официальной памятью, онъ повторилъ вступительныя слова манифеста... и желаніе, единственную непремѣнную цѣль государя составляющее: водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ — рѣшили его двинуть часть войска за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новыя усилія.

— Знаете пословицу: „Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена“,—сказалъ Шиншинъ, морщась и улыбаясь.—

Это очень приложимо къ намъ. — Ужъ на что Суворова, и того расколотили вдребезги, а гдѣ у насъ Суворовы теперь? Какъ вы думаете? — безпрестанно перескакивая съ русскаго на французскій языкъ, говорилъ онъ.

— Мы должны и драться до послѣднэ капли кровъ, — сказалъ полковникъ, ударяя по столу, — и умер-р-рэтъ за своэго импэратора, и тогда всэй будэтъ хорошо. А разсуждатъ какъ мо-о-ожно (онъ особенно вытянулъ голосъ на словѣ „можно"), какъ мо-о-ожно мэншэ, — докончилъ онъ, опять обращаясь къ графу. — Такъ старыэ гусары судили, вотъ и всэ. А вы какъ судитэ, молодой чэловэкъ и молодой гусаръ? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Николаю, который, услыхавъ, что дѣло шло о войнѣ, оставилъ свою собесѣдницу и во всѣ глаза смотрѣлъ и всѣми ушами слушалъ полковника.

— Совершенно съ вами согласенъ, — отвѣчалъ Николай, весь вспыхнувъ, вертя тарелку и переставляя стаканы съ такимъ рѣшительнымъ и отчаяннымъ видомъ, какъ будто въ настоящую минуту онъ подвергался великой опасности. — Я убѣжденъ, что русскіе должны умирать или побѣждать, — сказалъ онъ, самъ чувствуя такъ же, какъ и другіе, послѣ того, какъ слово уже было сказано, что оно было слишкомъ восторженно и напыщенно для настоящаго случая, и потому неловко.

— Прекрасно! прекрасно то, что вы сказали, — сказала сидѣвшая подлѣ него Жюли, вздыхая.

Соня задрожала вся и покраснѣла до ушей, въ то время, какъ Николай говорилъ. Пьеръ прислушался къ рѣчамъ полковника и одобрительно закивалъ головой.

— Вотъ это славно! — сказалъ онъ.

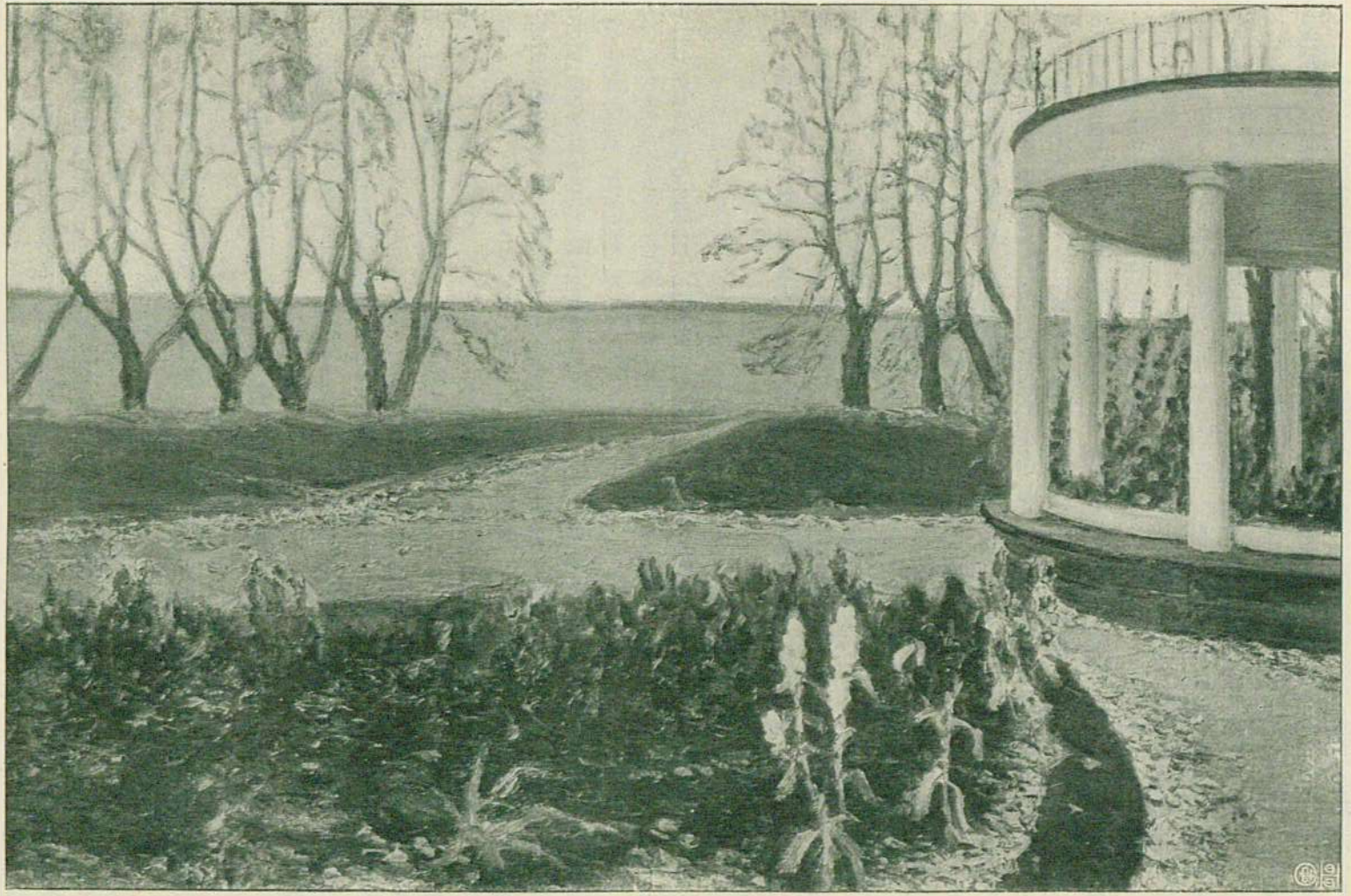
— Настоящэй гусаръ, молодой чэловэкъ! — крикнулъ полковникъ, ударивъ опять по столу.

— О чемъ вы тамъ шумите? — вдругъ послышался черезъ столъ басистый голосъ Марьи Дмитріевны. — Что ты по столу стучишь? — обратилась она къ гусару, — на кого ты горячишься: вѣрно, думаешь, что тутъ французы передъ тобой?

— Я правду говору, — улыбаясь, сказалъ гусаръ.

— Все о войнѣ, — черезъ столъ прокричалъ графъ. — Вѣдь у меня сынъ идетъ, Марья Дмитріевна, сынъ идетъ.

— А у меня четыре сына въ арміи, а я не тужу. На все воля Божья: и на печи лежа умрешь, и въ сраженіи Богъ помилуетъ, — прозвучалъ безъ всякаго усилія, съ того конца стола, густой голосъ Марьи Дмитріевны.



Осени поздней цвѣты запоздалые. *В. К. Бялыницкій-Бируля.*

— Это такъ.

И разговоръ опять сосредоточился: дамскій — на своемъ концѣ стола, мужской — на своемъ.

— А вотъ не спросишь,—говорилъ маленькій братъ Наташѣ,— а вотъ не спросишь!

— Спрошу,—отвѣчала Наташа.

Лицо ея вдругъ разгорѣлось, выражая отчаянную и веселую рѣшимость. Она привстала, приглашая взглядомъ Пьера, сидѣвшаго противъ нея, прислушаться, и обратилась къ матери:

— Мама!—прозвучалъ по всему столу ея дѣтски-грудной голосъ.

— Что тебѣ?—спросила графиня испуганно, но по лицу дочери увидѣвъ, что это была шалость, строго замахала ей рукой, дѣлая угрожающій и отрицательный жестъ головой.

Разговоръ притихъ.

— Мама! какое пирожное будетъ?—еще рѣшительнѣе, не срываясь, прозвучалъ голосокъ Наташи.

Графиня хотѣла хмуриться, но не могла. Марья Дмитріевна погрозила толстымъ пальцемъ.

— Казакъ!—проговорила она съ угрозой.

Большинство гостей смотрѣли на старшихъ, не зная, какъ слѣдуетъ принять эту выходку.

— Вотъ я тебя!—сказала графиня.

— Мама! что пирожное будетъ?—закричала Наташа уже смѣло и капризно-весело, впередъ увѣренная, что выходка ея будетъ принята хорошо.

Соня и толстый Петя прятались отъ смѣха.

— Вотъ и спросила,—прошептала Наташа маленькому брату и Пьеру, на котораго она опять взглянула.

— Мороженое, только тебѣ не дадутъ,—сказала Марья Дмитріевна.

Наташа видѣла, что бояться нечего, и потому не побоялась и Марьи Дмитріевны.

— Марья Дмитріевна, какое мороженое? Я сливочное не люблю.

— Морковное.

— Нѣтъ, какое? Марья Дмитріевна, какое?—почти кричала она.— Я хочу знать.

Марья Дмитріевна и графиня засмѣялись, и за ними всѣ гости. Всѣ смѣялись не отвѣту Марьи Дмитріевны, но непостижимой смѣлости и ловкости этой дѣвочки, умѣвшей и смѣвшей такъ обращаться съ Марьей Дмитріевной.

Наташа отстала только тогда, когда ей сказали, что будетъ ананасное. Передъ мороженымъ подали шампанское. Опять заиграла музыка, графъ поцѣловался съ графинюшкою, и гости, вставая, поздравляли графиню, черезъ столъ чокались съ графомъ, дѣтьми и другъ съ другомъ. Опять забѣгали офиціанты, загремѣли стулья, и въ томъ же порядкѣ, но съ болѣе красными лицами, гости вернулись въ гостиную и кабинетъ графа.

Раздвинули бостонные столы, составили партіи, и гости графа размѣстились въ двухъ гостиныхъ, диванной и библіотекѣ.

Графъ, распустивъ карты вѣеромъ, съ трудомъ удерживался отъ привычки послѣобѣденнаго сна и всему смѣялся. Молодежь, подстрекаемая графиней, собралась около клавикордъ и арфы.

Жюли первая, по просьбѣ всѣхъ, сыграла на арфѣ пьеску съ варіаціями и вмѣстѣ съ другими дѣвицами стала просить Наташу и Николая, извѣстныхъ своею музыкальностью, спѣть что-нибудь. Наташа, къ которой обратились какъ къ большой, была видимо этимъ очень горда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и робѣла.

— Что будемъ пѣть? — спросила она.

— „Ключъ“, — отвѣчалъ Николай.

— Ну, давайте скорѣе. Борисъ, идите сюда! – сказала Наташа.— А гдѣ же Соня? Она оглянулась и, увидавъ, что ея друга нѣтъ въ комнатѣ, побѣжала за ней.

Вбѣжавъ въ Сонину комнату и не найдя тамъ свою подругу, Наташа побѣжала въ дѣтскую, – и тамъ не было Сони. Наташа поняла, что Соня была въ коридорѣ на сундукѣ. Сундукъ въ коридорѣ былъ мѣсто печалей женскаго молодого поколѣнія дома Ростовыхъ. Дѣйствительно, Соня, въ своемъ воздушномъ розовомъ платьицѣ, приминая его, лежала ничкомъ на грязной, полосатой няниной перинѣ на сундукѣ и, закрывъ лицо пальчиками, навзрыдъ плакала, подрагивая своими оголенными плечиками. Лицо Наташи, оживленное, цѣлый день именинное, вдругъ измѣнилось: глаза ея остановились, потомъ содрогнулась ея широкая шея, углы губъ опустились.

— Соня! что ты?.. Что, что съ тобой? У-у-у!..

И Наташа, распустивъ свой большой ротъ и сдѣлавшись совершенно дурною, заревѣла, какъ ребенокъ, не зная причины и только оттого, что Соня плакала.

Соня хотѣла поднять голову, хотѣла отвѣчать, но не могла и еще больше спряталась.

Наташа плакала, присѣвъ на синей перинѣ и обнимая друга.

Собравшись съ силами, Соня приподнялась, начала утирать слезы и разсказывать.

— Николенька ѣдетъ черезъ недѣлю, его... бумага... вышла... онъ самъ мнѣ сказалъ... Да я бы все не плакала (она показала бумажку, которую держала въ рукѣ: то были стихи, написанные Николаемъ)... я бы все не плакала, но ты не можешь... никто не можетъ понять... какая у него душа.

И она опять принялась плакать о томъ, что душа его такъ хороша.

— Тебѣ хорошо... я не завидую... я тебя люблю, и Бориса тоже,—говорила она, собравшись немного съ силами:—онъ милый... для васъ нѣтъ препятствій. А Николай мнѣ cousin... надобно... самъ митрополитъ... и то нельзя. И потомъ, ежели маменькѣ (Соня графиню и считала и называла матерью)... она скажетъ, что я порчу карьеру Николая, у меня нѣтъ сердца, что я неблагодарная, а право... вотъ ей-Богу (она перекрестилась)... я такъ люблю и ее, и всѣхъ васъ, только Вѣра одна... За что? Что я ей сдѣлала? Я такъ благодарна вамъ, что рада бы всѣмъ пожертвовать, да мнѣ нечѣмъ.

Соня не могла больше говорить и опять спрятала голову въ рукахъ и перинѣ.

Наташа начала успокаивать, но по лицу ея видно было, что она понимала всю важность горя своего друга.

— Соня!—сказала она вдругъ, какъ будто догадавшись о настоящей причинѣ огорченія кузины:—вѣрно Вѣра съ тобой говорила послѣ обѣда, да?

— Да эти стихи самъ Николай написалъ, а я списала еще другіе; она нашла ихъ у меня на столѣ и сказала, что покажетъ ихъ маменькѣ, и еще говорила, что я неблагодарная, что маменька никогда не позволитъ ему жениться на мнѣ... Наташа! За что?—И опять она заплакала горче прежняго.

Наташа приподняла ее, обняла и, улыбаясь сквозь слезы, стала ее успокаивать.

— Соня, ты не вѣрь ей, душенька, не вѣрь. Помнишь, какъ мы всѣ втроемъ говорили съ Николенькой въ диванной, помнишь, послѣ ужина? Вѣдь мы всѣ рѣшили, какъ будетъ. Я ужъ не помню какъ, но помнишь, какъ было все хорошо и все можно. Вотъ дяденьки Шиншина братъ женатъ же на двоюродной сестрѣ, а мы вѣдь троюродные. И Борисъ говорилъ, что это очень можно. Ты знаешь, я ему все сказала. А онъ такой умный и такой хорошій,—говорила Наташа.—Ты, Соня, не плачь, голубчикъ милый, душенька, Соня.—

И она цѣловала ее смѣясь.—Вѣра злая, Богъ съ ней! А все будетъ хорошо, и маменькѣ она не скажетъ.

И она цѣловала ее въ голову. Соня приподнялась, и котеночекъ оживился, глазки заблистали, и онъ готовъ былъ, казалось, вотъ-вотъ взмахнуть хвостомъ, вспрыгнуть на мягкія лапки и опять заиграть съ клубкомъ, какъ ему и было прилично.

— Ты думаешь? Право? Ей-Богу?—сказала она, быстро оправляя платье и прическу.

— Право, ей-Богу! — отвѣчала Наташа, оправляя своему другу подъ косой выбившуюся прядь жесткихъ волосъ. И онѣ обѣ засмѣялись. — Ну, пойдемъ пѣть „Ключъ“.

— Пойдемъ.

— А знаешь, этотъ толстый Пьеръ, что противъ меня сидѣлъ, такой смѣшной! — сказала вдругъ Наташа, останавливаясь. — Мнѣ очень весело! — И Наташа побѣжала по коридору.

Соня, отряхнувъ пухъ и спрятавъ стихи за пазуху, къ шейкѣ съ выступавшими костями груди, легкими, веселыми шагами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, побѣжала вслѣдъ за Наташей по коридору въ диванную. По просьбѣ гостей молодые люди спѣли квартетъ „Ключъ“, который всѣмъ очень понравился; потомъ Николай спѣлъ вновь выученную имъ пѣсню.

Онъ не допѣлъ еще послѣднихъ словъ, когда въ залѣ молодежь приготовилась къ танцамъ и на хорахъ застучали ногами и закашляли музыканты.

Пьеръ сидѣлъ въ гостиной, гдѣ Шиншинъ, какъ съ пріѣзжимъ изъ-за границы, завелъ съ нимъ скучный для Пьера политическій разговоръ, къ которому присоединились и другіе. Когда заиграла музыка, Наташа вошла въ гостиную и, подойдя прямо къ Пьеру, смѣясь и краснѣя, сказала:

— Мама велѣла васъ просить танцовать.

— Я боюсь спутать фигуры, — сказалъ Пьеръ; — но ежели вы хотите быть моимъ учителемъ... — и онъ подалъ свою толстую руку, низко опуская ее, тоненькой дѣвочкѣ.

Пока разстанавливались пары и строились музыканты, Пьеръ сѣлъ съ своею маленькой дамой. Наташа была совершенно счастлива: она танцовала съ большимъ, съ пріѣхавшимъ изъ-за границы. Она сидѣла на виду у всѣхъ и разговаривала съ нимъ, какъ большая. У нея въ рукѣ былъ вѣеръ, который ей дала подержать одна барыня. И, принявъ самую свѣтскую позу (Богъ знаетъ, гдѣ и когда она этому на-

училась), она, обмахиваясь вѣеромъ и улыбаясь черезъ вѣеръ, говорила съ своимъ кавалеромъ.

— Какова, какова? Смотрите, смотрите! — сказала старая графиня, проходя черезъ залу и указывая на Наташу.

Наташа покраснѣла и засмѣялась.

— Ну, что вы, мама? Ну, что вамъ за охота? Что же тутъ удивительнаго?

Въ срединѣ третьяго экосеза зашевелились стулья въ гостиной, гдѣ играли графъ и Марья Дмитріевна и большая часть почетныхъ гостей, и старички, потягиваясь послѣ долгаго сидѣнья и укладывая въ карманы бумажники и кошельки, выходили въ двери залы. Впереди шла Марья Дмитріевна съ графомъ, — оба съ веселыми лицами. Графъ съ шутливою вѣжливостью, какъ по балетному, подалъ округленную руку Марьѣ Дмитріевнѣ. Онъ выпрямился, и лицо его озарилось особенною молодецки-хитрою улыбкой, и какъ только дотанцовали послѣднюю фигуру экосеза, онъ ударилъ въ ладоши музыкантамъ и закричалъ на хоры, обращаясь къ первой скрипкѣ:

— Семенъ! Данилу Купора, знаешь?

Это былъ любимый танецъ графа, танцованный имъ еще въ молодости (Данило Куноръ была собственно одна фигура англеза).

— Смотрите на папà! — закричала на всю залу Наташа (совершенно забывъ, что она танцуетъ съ большимъ), пригибая къ колѣнямъ свою кудрявую головку и заливаясь своимъ звонкимъ смѣхомъ по всей залѣ.

Дѣйствительно, все, что только было въ залѣ, съ улыбкой радости смотрѣло на веселаго старичка, который рядомъ съ своей сановитою дамой, Марьей Дмитріевной, бывшей выше его ростомъ, округлялъ руки, въ тактъ потряхивая ими, расправлялъ плечи, вывертывалъ ноги, слегка притопывая, и все болѣе и болѣе распускавшеюся улыбкой на своемъ кругломъ лицѣ приготовлялъ зрителей къ тому, что будетъ. Какъ только заслышались веселые, вызывающіе звуки Данилы Купора, похожіе на развеселаго трепачка, всѣ двери залы вдругъ заставились съ одной стороны мужскими, съ другой — женскими улыбающимися лицами дворовыхъ, вышедшихъ посмотрѣть на веселящагося барина.

— Батюшка-то нашъ! Орелъ! — проговорила громко няня изъ одной двери.

Графъ танцовалъ хорошо и зналъ это, но его дама вовсе не умѣла и не хотѣла хорошо танцовать. Ея огромное тѣло стояло прямо съ опущенными внизъ мощными руками (она передала ридикюль гра-

финѣ); только одно строгое, но красивое лицо ея танцовало. Что выражалось во всей круглой фигурѣ графа—у Марьи Дмитріевны выражалось лишь въ болѣе и болѣе улыбающемся лицѣ и вздергивающемся носѣ. Но зато ежели графъ, все болѣе и болѣе расходясь, плѣнялъ зрителей неожиданностью ловкихъ вывертовъ и ловкихъ прыжковъ своихъ мягкихъ ногъ, Марья Дмитріевна, малѣйшимъ усердіемъ при движеніи плечъ или округленіемъ рукъ въ поворотахъ и притоптываньяхъ, производила не меньшее впечатлѣніе по заслугѣ, которую цѣнилъ всякій при ея тучности и всегдашней суровости. Пляска оживлялась все болѣе и болѣе. Визави не могли ни на минуту обратить на себя вниманія и даже не старались о томъ. Все было занято графомъ и Марьею Дмитріевною. Наташа дергала за рукава и платье всѣхъ присутствовавшихъ, которые и безъ того не спускали глазъ съ танцующихъ, и требовала, чтобы смотрѣли на папеньку. Графъ въ промежуткахъ танца тяжело переводилъ духъ, махалъ и кричалъ музыкантамъ, чтобъ они играли скорѣе.

Скорѣе, скорѣе и скорѣе, лише, лише и лише развертывался графъ, то на цыпочкахъ, то на каблукахъ носясь вокругъ Марьи Дмитріевны, и, наконецъ, повернувъ свою даму къ ея мѣсту, сдѣлалъ послѣднее па, поднявъ сзади кверху свою мягкую ногу, склонивъ вспотѣвшую голову съ улыбающимся лицомъ и округло размахнувъ правою рукой среди грохота рукоплесканій и хохота, особенно Наташи. Оба танцующіе остановились, тяжело переводя дыханіе и утираясь батистовыми платками.

— Вотъ какъ въ наше время танцовывали, ma chère, — сказалъ графъ.

— Ай да Данило Купоръ! — тяжело и продолжительно выпуская духъ и засучивая рукава, сказала Марья Дмитріевна.

Коллекція — собранные вмѣстѣ однородные и чѣмъ-либо интересные или поучительные предметы. Коллекція бабочекъ. Охотницкая, любительская коллекція.

Втихомолку — потихоньку, тайкомъ, молча. *Забрался втихомолку, какъ мышь на полку.*

Загородить — 1) ставить препятствіе. У воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ (Лермонтовъ. „Герой нашего времени“). Зло и ложь отталкивали его и загораживали ему всѣ пути дѣятельности (Толстой. „Война и миръ“); 2) уставить, заставить, наполнить. Сорвался разъ обвалъ и съ тяжкимъ грохотомъ упалъ, и всю тѣснину между скалъ загородилъ (Пушкинъ. „Обвалъ“); 3) обнести оградой. Весной загородили плетнями дворы и хлѣвы (С. Аксаковъ. „Семейная хроника“); 4) нести вздоръ. Словомъ сказать, загородилъ такую чепуху, что хоть святыхъ вонъ выноси (Салтыковъ. „Господа Ташкентцы“).

Наивный — невинный, простодушный, дѣтски простосердечный и откровенный. Небольшой домикъ съ мезониномъ... какъ-то наивно выглядывалъ изъ-за зелени деревьевъ (Тургеневъ. „Наканунѣ“).

Квартальный — полицейскій чинъ. **Кварталъ**, часть города.

Занимать — заставлять дѣлать, развлекать, привлекать вниманіе. Ничто ея не занимаетъ, ея души не шевелитъ (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“). Всѣ его силы душевныя заняты только полкомъ (Толстой. „Война и миръ“). Байронъ тогда его занималъ чрезвычайно (Некрасовъ. „Русскія женщины“). Ты занимала насъ — добра и весела — про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ (Языковъ. „Къ нянѣ Пушкина“).

Засучиваться — заворачивать у себя, загибать края одежды. „Ну, давай на кулаки“! говоритъ Бульба, засучивъ рукава (Гоголь).

Зелье — 1) травка; 2) въ смыслѣ хитрый, бойкій человѣкъ. Охъ, зелье-баловница (Грибоѣдовъ); 3) злой, злобный, вредный человѣкъ. Такое, говорятъ, зелье, что не приведи Господи (Писемскій). Да и сталъ ее (русалку) спрашивать: чего ты, лѣсное зелье, плачешь? (Тургеневъ. „Записки охотника“); 4) въ разныхъ смыслахъ: порохъ, табакъ, водка, ядъ, лѣкарство.

Ридикюль — ручной мѣшечекъ. Старушка привстала и поклонилась мнѣ, не выпуская изъ сухощавыхъ рукъ толстаго гаруснаго ридикюля въ видѣ мѣшка (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Яхонтъ — драгоцѣнный камень; рубинъ, яхонтъ красный; сапфиръ, яхонтъ голубой, синій.

Быть въ случаѣ — пользоваться расположеніемъ царствующихъ особъ. **Случай** (стар.), служебная награда. Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче, не какъ другой, и ѣлъ и пилъ иначе (Грибоѣдовъ).

Я чай (я чаю), отъ гл. **чаять**—думать, полагать, предполагать. Я чай бы, со стыда ты землю всю прорыла (Крыловъ).

Хоры — галлерея вдоль стѣны на столбахъ, съ перилами. Встарь женщины стояли въ церкви на хорахъ.

Дворецкій — слуга, завѣдующій домашней дворней и вообще хозяйствомъ и порядкомъ по дому.

Вензель (изъ польск. слова, означающаго узелъ)—начальныя буквы собственныхъ именъ, перевитыя между собой.

Парадно — для вида, притворно, празднично, торжественно.

Обносить — 1) (при угощеніи) миновать, обходить, не подавать. *Кого минуетъ* (судьба), *того и обнесетъ;* 2) носить кругомъ, потчевать. Обнести блюдо за обѣдомъ.

Манифестъ — правительственное объявленіе о государственномъ дѣлѣ.

Курьеръ — нарочный, гонецъ, вѣстникъ.

Нелегкая (сила) — нечистая, недобрая, злая. Нелегкая меня дернула. *Копилъ, копилъ, да нелегкаго и купилъ.* Пускаться во всѣ нелегкія (тяжкія). Нелегкая его принесла.

Спесь — гордость, надменность, кичливость, тщеславіе, высокомѣріе, чванство. *Спесь не умъ. Умной спеси не бываетъ. Спесь почетъ любитъ. Спесь не барство, глупая рѣчь не пословица. На что честь, была бы спесь! Сбить спесь, подрубить хвостъ.* Ходитъ спесь надуваючись (А. Толстой). Свѣтская спесь въ ней зашевелилась (Тургеневъ. „Рудинъ“).

Веретено — 1) ручной приборъ, на который навивается пряжа, при верченіи его превращающаяся въ нить. Пошло плясать веретено (Крыловъ); 2) ось, на которой вертится округленный камень, употребляемый для точенія.

Дребезги — черепки, мелкія частицы разбитаго сосуда. Разбиться вдребезги (въ дребезги). Хрусталь запрыгалъ, зазвенѣлъ и вдребезги разбился (Дмитріевъ). Гл. **дребезжать** — брякать, глухо звенѣть.

Тужить — горевать, кручиниться, грустить, жалѣть. *Кто служитъ, тотъ и тужитъ. По чужому горю вполгоря тужить. Живи, не тужи: помрешь, не заплачешь. Лѣсъ по дереву не тужитъ. Шапка по головѣ не тужитъ. Домомъ жить, обо всемъ тужить.*

Чокаться, отъ сущ. **чокъ** — стукъ, брякъ, щелкъ. **Чокать, чекать**—постукивать. **Чека** — затычка, гвоздь, колокъ. Чека осевая, что держитъ колесо.

Бостонный, отъ сущ. **бостонъ** — карточная игра. А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ (Крыловъ. „Разборчивая невѣста“).

Варіація — измѣненіе музыкальной темы введеніемъ новыхъ чуждыхъ ей нотныхъ фигуръ или преобразованіемъ гармоніи, такта, ритма. Отсюда варіація — вообще видоизмѣненіе, напр., въ разсказѣ, въ стихахъ. Варіаціи на ту же тему.

Ничкомъ — лицомъ внизъ. *Ползкомъ, да ничкомъ.*

Перина — мѣшокъ во всю кровать, набитый мелкимъ перомъ, мочалкой, сѣномъ; пуховикъ. *Перинка совѣсти не замѣна.*

Пазуха — просторъ между грудью и одеждой надъ поясомъ. *Одна грудь знаетъ, и пазуха не знаетъ.* Отогрѣть змѣю за пазухой.

Свѣтскій — 1) что свойственно высшему кругу общества и принято въ немъ. Свѣтская жизнь, свѣтское общество, свѣтскій человѣкъ; 2) мірской, гражданскій. Свѣтская власть (въ противоположность духовной); 3) суетный. *Свѣтски жить, свѣтское творить.*

Поза — положеніе. Картинная, благородная, величественная поза. Принять позу. Стать въ позу.

Экосезъ, англезъ — иностранные танцы.

Дворовые (люди) — безземельные крѣпостные крестьяне, жившіе на помѣщичьемъ дворѣ въ качествѣ домовой прислуги. Засѣвши на большой дорогѣ съ дворовой челядью, мой дѣдъ былъ, говорятъ, грозою края (Некрасовъ. „Медвѣжья охота“).

Расходиться — 1) разохотиться, входить во вкусъ, приниматься за что горячо; 2) распаляться гнѣвомъ, шумно сердиться, кричать, бушевать.

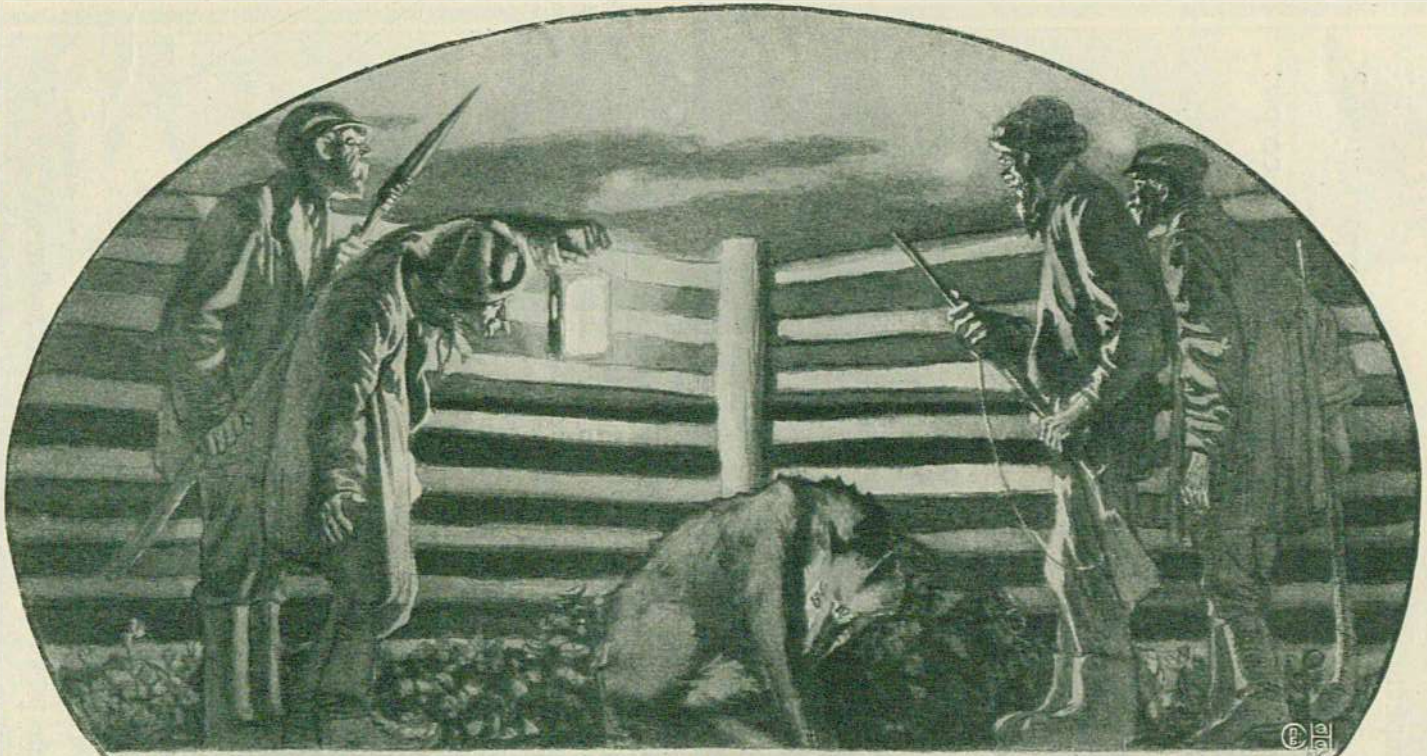
Лихой — см. стр. 220.

*

56. Волкъ на псарнѣ.

Басня *И. А. Крылова.*

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: „ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
въ минуту псарня стала адомъ,
бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
иной съ ружьемъ.
„Огня!“ кричатъ: „огня!“ Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
зубами щелкая и ощетиня шерсть,
глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ
и что приходитъ, наконецъ,



ВОЛКЪ
НА ПСАРНѢ.

ему расчесться за овецъ,
пустился мой хитрецъ
въ переговоры
и началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
и волчьей клятвой утверждаю,
что я...“ — „Послушай-ка, сосѣдъ“,
тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
и волчью вашу я давно натуру знаю,
а потому обычай мой:
съ волками иначе не дѣлать мировой,
какъ снявши шкуру съ нихъ долой“.
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Ощетиниться—поднять шерсть, щетину на хребтѣ; озлиться. Зубами щелкая и ощетиня шерсть (Крыловъ).

Расчесться — покончить, свести счеты; отвѣтить за что-нибудь.

Ладъ (гл. **ладить**) — миръ, согласіе, дружба, порядокъ, стройность. *Въ ладъ да въ мпру. Старая погудка на новый ладъ. Пошло дѣло на ладъ, словно одинъ держитъ, другой не пускаетъ. Не надобенъ и кладъ, коли въ семьѣ ладъ. Съ кѣмъ миръ да ладъ, такъ тотъ мнѣ и братъ.* У ней сердце очень доброе, но голова бѣдовая. Трудно съ ней ладить (Тургеневъ. „Ася“).

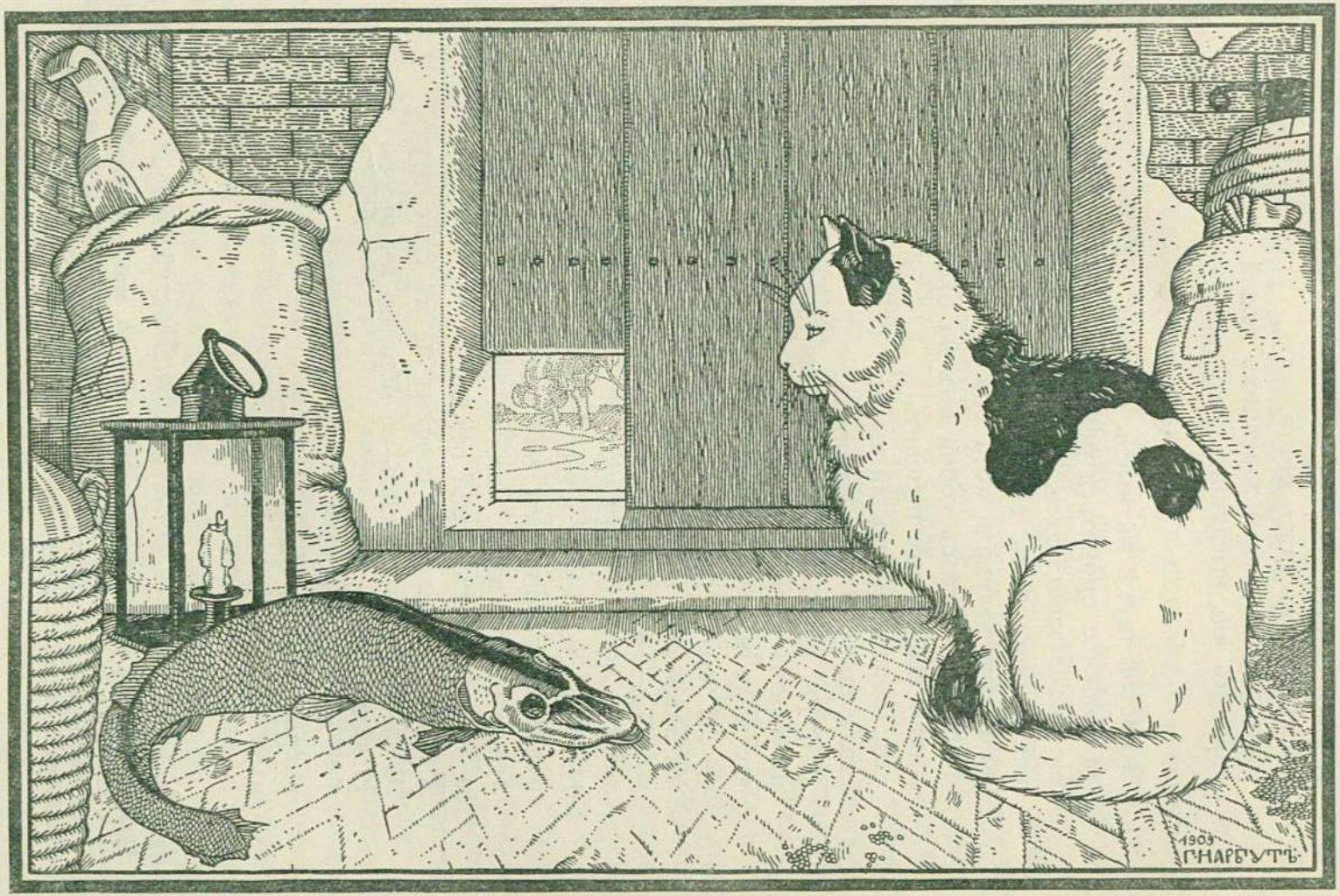
Ловчій — главный псарь, управляющій порядкомъ охоты.

*

57. Щука и котъ.

Басня *И. А. Крылова.*

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
а сапоги тачать пирожникъ:
и дѣло не пойдетъ на ладъ,
да и примѣчено стократъ,
что кто за ремесло чужое браться любитъ,
тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
онъ лучше дѣло все погубитъ,


1909
ГНАРБУТЪ

и радъ скорѣй
посмѣшищемъ стать свѣта,
чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
за кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
но только вздумала кота она просить,
чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—
мышей въ амбарѣ половить.
„Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“
сталъ щукѣ Васька говорить:
„смотри, кума, чтобы не осрамиться:
не даромъ говорится,
что дѣло мастера боится“.
— „И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
мы лавливали и ершей“.
— „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“
Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
и кумушку провѣдать онъ идетъ;
а щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
и крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
тебѣ наука:
впередъ умнѣе быть
и за мышами не ходить.

Тачать — шить тачкой, швомъ, строчкой на оба лица. *Косо скроено, да крѣпко стачано.*

Лукавый—1) (сущ.) бѣсъ, дьяволъ, сатана; нечистый, злой духъ. *Вся неправда отъ лукаваго. Ворочаетъ, какъ лукавый въ болотѣ.* Меня терзаетъ духъ лукавый неотразимою мечтой (Лермонтовъ. „Демонъ“); 2) хитрый, коварный. Лукавый царедворецъ (Пушкинъ. „Борисъ Годуновъ). Мудрствовать лукаво.

✲

58. Изъ романа „Война и миръ“.

Гр. *Л. Н. Толстого.*

Уже были зазимки, утренніе морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зелень уклочилась и ярко-зелено отдѣлялась отъ полосъ бурѣющаго, выбитаго скотомъ, озимаго и свѣтло-желтаго ярового жнивья съ красными полосами гречихи. Вершины лѣса, въ концѣ августа еще бывшія зелеными островами между черными полями озимей и жнивами, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко-зеленыхъ озимей. Русакъ уже до половины затерся (перелинялъ), лисьи выводки начали разбредаться, и молодые волки были больше собаки. Было лучшее охотничье время. Собаки горячаго молодого охотника Ростова уже не только вошли въ охотничье тѣло, но и подбились такъ, что въ общемъ совѣтѣ охотниковъ рѣшено было три дня дать отдохнуть собакамъ и 16-го сентября идти въ отъѣздъ, начиная съ Дубравы, гдѣ былъ нетронутый волчій выводокъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла 14-го сентября. Весь этотъ день охота была дома; было морозно и колко, но съ вечера стало замолаживать и оттеплѣло. 15-го сентября, когда молодой Ростовъ утромъ въ халатѣ выглянулъ въ окно, онъ увидалъ такое утро, лучше котораго ничего не могло быть для охоты: какъ будто небо таяло и безъ вѣтра спускалось на землю. Единственное движеніе, которое было въ воздухѣ, было тихое движенье сверху внизъ спускающихся микроскопическихъ капель мги или тумана. На оголившихся вѣтвяхъ сада висѣли прозрачныя капли и падали на только что свалившіеся листья. Земля на огородѣ, какъ макъ, глянцевито-мокро чернѣла и въ недалекомъ разстояніи сливалась съ тусклымъ и влажнымъ покровомъ тумана. Николай вышелъ на мокрое съ натасканною грязью крыльцо: пахло вянущимъ лѣсомъ и собаками. Чернопѣгая широкозадая сука Милка, съ большими черными на выкатѣ глазами, увидавъ хозяина, встала, потянулась назадъ и легла по-русачьи, потомъ неожиданно вскочила и лизнула его прямо въ носъ и усы. Другая борзая собака, увидавъ хозяина съ цвѣтной дорожки, выгибая спину, стремительно бросилась къ крыльцу и, поднявъ правило (хвостъ), стала тереться о ноги Николая.

— О, гой! — послышался въ это время тотъ неподражаемый охотничій подкликъ, который соединяетъ въ себѣ и самый глубокій басъ, и самый тонкій теноръ, и изъ-за угла вышелъ доѣзжачій и

ловчій Данило, по-украински въ скобку обстриженный, сѣдой, морщинистый охотникъ съ гнутымъ арапникомъ въ рукѣ и съ тѣмъ выраженіемъ самостоятельности и презрѣнія ко всему въ мірѣ, которое бываетъ только у охотниковъ.

Онъ снялъ свою черкесскую шапку передъ бариномъ и презрительно посмотрѣлъ на него. Презрѣніе это не было оскорбительно для барина: Николай зналъ, что этотъ все презирающій и превыше всего стоящій Данило все-таки его человѣкъ и охотникъ.

— Данила! — сказалъ Николай, робко чувствуя, что, при видѣ этой охотничьей погоды, этихъ собакъ и охотника, его уже обхватило то непреодолимое охотничье чувство, въ которомъ человѣкъ забываетъ всѣ прежнія намѣренія.

— Что прикажете, ваше сіятельство? — спросилъ протодіаконскій охрипшій отъ порсканья басъ, и два черные блестящіе глаза взглянули исподлобья на замолчавшаго барина. „Что, или не выдержишь?“ какъ будто сказали эти два глаза.

— Хорошъ денекъ, а? И гоньба, и скачка, а? — сказалъ Николай, чеша за ушами Милку.

Данило не отвѣчалъ и помигалъ глазами.

— Уварку посылалъ послушать на зарѣ, — сказалъ его басъ послѣ минутнаго молчанья, — сказывалъ, въ Отрадненскій заказъ перевела, тамъ выли (перевела значило то, что волчица, про которую они оба знали, перешла съ дѣтьми въ Отрадненскій лѣсъ, который былъ за двѣ версты отъ дома и который былъ небольшое отъемное мѣсто).

— А вѣдь ѣхать надо? — сказалъ Николай. — Приди-ка ко мнѣ съ Уваркой.

— Какъ прикажете!

— Такъ погоди же кормить.

— Слушаю.

Черезъ пять минутъ Данило съ Уваркой стояли въ большомъ кабинетѣ Николая. Несмотря на то, что Данило былъ невеликъ ростомъ, видѣть его въ комнатѣ производило впечатлѣніе, подобное тому, какъ когда видишь лошадь или медвѣдя на полу между мебелью и условіями людской жизни. Данило самъ это чувствовалъ и, какъ обыкновенно, стоялъ у самой двери, стараясь говорить тише, не двигаться, чтобы не поломать какъ-нибудь господскихъ покоевъ, и стараясь поскорѣе все высказать и выйти на просторъ, изъ-подъ потолка подъ небо.

Окончивъ разспросы и выпытавъ сознаніе Данилы, что собаки ничего (Данилѣ и самому хотѣлось ѣхать), Николай велѣлъ сѣдлать. Но только что Данило хотѣлъ выйти, какъ въ комнату вошла быстрыми шагами Наташа, еще непричесанная и неодѣтая, въ большомъ нянином платкѣ. Петя вбѣжалъ вмѣстѣ съ ней.

— Ты ѣдешь? — сказала Наташа, — я такъ и знала. Соня говорила, что не поѣдете. Я знала, что нынче такой день, что нельзя не ѣхать.

— Ѣдемъ, — неохотно отвѣчалъ Николай, которому нынче, такъ какъ онъ намѣревался предпринять серьезную охоту, не хотѣлось брать Наташу и Петю. — Ѣдемъ, да только за волками: тебѣ скучно будетъ.

— Ты знаешь, что это самое большое мое удовольствіе! — сказала Наташа. — Это дурно, — самъ ѣдетъ, велѣлъ сѣдлать, а намъ ничего не сказалъ.

— Тщетны Россамъ всѣ препоны, ѣдемъ! — прокричалъ Петя.

— Да вѣдь тебѣ и нельзя: маменька сказала, что тебѣ нельзя,— сказалъ Николай, обращаясь къ Наташѣ.

— Нѣтъ, я поѣду, непремѣнно поѣду, — сказала рѣшительно Наташа. — Данила, вели намъ сѣдлать, и Михайла чтобы выѣзжалъ съ моей сворой, — обратилась она къ ловчему.

И такъ-то быть въ комнатѣ Данилѣ казалось неприлично и тяжело, но имѣть какое-нибудь дѣло съ барышней — для него казалось невозможнымъ. Онъ опустилъ глаза и поспѣшилъ выйти, какъ будто до него это не касалось, стараясь какъ-нибудь нечаянно не повредить барышнѣ.

Старый графъ, всегда державшій огромную охоту, теперь же передавшій всю охоту въ вѣдѣніе сына, въ этотъ день, 15 сентября, развеселившись, собрался самъ тоже выѣхать.

Черезъ часъ вся охота была у крыльца. Николай съ строгимъ и серьезнымъ видомъ, показывавшимъ, что некогда теперь заниматься пустяками, прошелъ мимо Наташи и Пети, которые что-то разсказывали ему. Онъ осмотрѣлъ всѣ части охоты, послалъ впередъ стаю и охотниковъ въ заѣздъ, сѣлъ на своего рыжаго донца и, подсвистывая собакъ своей своры, тронулся черезъ гумно въ поле, ведущее къ Отрадненскому заказу. Лошадь стараго графа, игреневаго меренка, называемаго Вифлянкой, велъ графскій стремянный; самъ же онъ долженъ былъ прямо выѣхать въ дрожечкахъ на оставленный ему лазъ.

Всѣхъ гончихъ выведено было 54 собаки, подъ которыми выѣхало, доѣзжачими и выжлятниками, 6 человѣкъ. Борзятниковъ, кромѣ господъ,

было 8 человѣкъ, за которыми рыскало болѣе 40 борзыхъ, такъ что съ господскими сворами выѣхало въ поле около 130 собакъ и 20 конныхъ охотниковъ.

Каждая собака знала хозяина и кличку. Каждый охотникъ зналъ свое дѣло, мѣсто и назначеніе. Какъ только вышли за ограду, всѣ безъ шуму и разговоровъ равномѣрно и спокойно растянулись по дорогѣ и полю, ведшимъ къ Отрадненскому лѣсу.

Какъ по пушному ковру шли по полю лошади, изрѣдка шлепая по лужамъ, когда переходили черезъ дороги. Туманное небо продолжало незамѣтно и равномѣрно спускаться на землю; въ воздухѣ было тихо, тепло, беззвучно. Изрѣдка слышались то подсвистыванье охотника, то храпъ лошади, то ударъ арапникомъ или взвизгъ собаки, не шедшей на своемъ мѣстѣ.

Когда отъѣхали съ версту, навстрѣчу Ростовской охотѣ изъ тумана показалось еще пять всадниковъ съ собаками. Впереди ѣхалъ свѣжій, красивый старикъ съ большими сѣдыми усами.

— Здравствуйте, дядюшка! — сказалъ Николай, когда старикъ подъѣхалъ къ нему.

— Чистое дѣло маршъ!.. Такъ и зналъ, — заговорилъ дядюшка (это былъ дальній родственникъ, небогатый сосѣдъ Ростовыхъ), — такъ и зналъ, что не вытерпишь, и хорошо, что ѣдешь. Чистое дѣло маршъ! (Это была любимая поговорка дядюшки.) Бери заказъ сейчасъ, а то мой Гирчикъ донесъ, что Илагины съ охотой въ Корникахъ стоятъ; они у тебя — чистое дѣло маршъ! — подъ носомъ выводокъ возьмутъ.

— Туда и иду. Что же свалить стаи? — спросилъ Николай, — свалить...

Гончихъ соединили въ одну стаю, и дядюшка съ Николаемъ поѣхали рядомъ. Наташа, закутанная платками, изъ-подъ которыхъ виднѣлось оживленное съ блестящими глазами лицо, подскакала къ нимъ, сопутствуемая не отставшими отъ нея Петей и Михайлой — охотникомъ и берейторомъ, который былъ приставленъ нянькой при ней. Петя чему-то смѣялся и билъ и дергалъ свою лошадь. Наташа ловко и увѣренно сидѣла на своемъ ворономъ Арабчикѣ и вѣрною рукой безъ усилія осадила его.

Дядюшка неодобрительно оглянулся на Петю и Наташу. Онъ не любилъ соединять баловство съ серьезнымъ дѣломъ охоты.

— Здравствуйте, дядюшка, и мы ѣдемъ!— прокричалъ Петя.

— Здравствуйте-то, здравствуйте, да собакъ не передавите,— строго сказалъ дядюшка.

Аллея.

— Николинька, какая прелестная собака, Трунила! Онъ узналъ меня, — сказала Наташа про свою любимую гончую собаку.

„Трунила, во-первыхъ, не собака, а выжлецъ“, подумалъ Николай и строго взглянулъ на сестру, стараясь ей дать почувствовать то разстояніе, которое должно было ихъ раздѣлять въ эту минуту. Наташа поняла это.

— Вы, дядюшка, не думайте, чтобы мы помѣшали кому-нибудь,— сказала Наташа.— Мы станемъ на своемъ мѣстѣ и не пошевелимся.

— И хорошее дѣло, графинечка,— сказалъ дядюшка.— Только съ лошади-то не упадите,— прибавилъ онъ:— а то— чистое дѣло маршъ!— не на чемъ держаться-то.

Островъ Отрадненскаго заказа виднѣлся саженяхъ во ста, и доѣзжачіе подходили къ нему. Ростовъ, рѣшивъ окончательно съ дядюшкой, откуда бросать гончихъ, и указавъ Наташѣ мѣсто, гдѣ ей стоять и гдѣ никакъ ничего не могло побѣжать, направился въ заѣздъ надъ оврагомъ.

— Ну, племянничекъ, на матераго становишься,— сказалъ дядюшка:— чуръ не гладить (протравить).

— Какъ придется,— отвѣчалъ Ростовъ.— Карай, фюить!— крикнулъ онъ, отвѣчая этимъ призывомъ на слова дядюшки.

Карай былъ старый и уродливый, бурдастый кобель, извѣстный тѣмъ, что онъ въ одиночку бралъ матераго волка. Всѣ стали по мѣстамъ.

Старый графъ, зная охотничью горячность сына, поторопился не опоздать, и еще не успѣли доѣзжачіе подъѣхать къ мѣсту, какъ Илья Андреичъ, веселый, румяный, съ трясущимися щеками, на своихъ вороненькихъ подкатилъ по зеленямъ къ оставленному ему лазу и, расправивъ шубку и надѣвъ охотничьи снаряды, влѣзъ на свою гладкую, сытую, смирную и добрую, посѣдѣвшую, какъ и онъ, Вифлянку. Лошадей съ дрожками отослали. Графъ Илья Андреичъ, хотя и не охотникъ по душѣ, но знавшій твердо охотничьи законы, въѣхалъ въ опушку кустовъ, отъ которыхъ онъ стоялъ, разобралъ поводья, оправился на сѣдлѣ и, чувствуя себя готовымъ, оглянулся улыбаясь.

Подлѣ него стоялъ его камердинеръ, старинный, но отяжелѣвшій ѣздокъ, Семенъ Чекмарь. Чекмарь держалъ на сворѣ трехъ лихихъ, но также зажирѣвшихъ, какъ хозяинъ и лошадь, волкодавовъ. Двѣ собаки, умныя, старыя, улеглись безъ своръ. Шаговъ на сто подальше, въ опушкѣ, стоялъ другой стремянный графа, Митька, отчаянный ѣздокъ и страстный охотникъ.

Графъ по старинной привычкѣ выпилъ предъ охотой серебряную чарку охотничьей запеканочки, закусилъ и запилъ полубутылкой своего любимаго бордо. Илья Андреичъ былъ немножко красенъ отъ вина и ѣзды; глаза его, подернутые влагой, особенно блестѣли, и онъ, укутанный въ шубку, сидя на сѣдлѣ, имѣлъ видъ ребенка, котораго собрали гулять.

Худой, со втянутыми щеками Чекмарь, устроившись съ своими дѣлами, поглядывалъ на барина, съ которымъ онъ жилъ 30 лѣтъ душа въ душу, и, понимая его пріятное расположеніе духа, ждалъ пріятнаго разговора.

Еще третье лицо подъѣхало осторожно (видно, уже оно было учено) изъ-за лѣса и остановилось позади графа. Лицо это былъ старикъ въ сѣдой бородѣ, въ женскомъ капотѣ и высокомъ колпакѣ. Это былъ шутъ Настасья Ивановна.

— Ну, Настасья Ивановна,—подмигивая ему, шопотомъ сказалъ графъ,—ты только оттопай звѣря, тебѣ Данило задастъ.

— Я самъ... съ усамъ,—сказалъ Настасья Ивановна.

— Шшшш!—зашикалъ графъ и обратился къ Семену.

— Наталью Ильиничну видѣлъ?—спросилъ онъ у Семена.—Гдѣ она?

— Они съ Петромъ Ильичемъ отъ Жаровыхъ бурьяновъ стали,—отвѣчалъ Семенъ, улыбаясь.—Тоже дамы, а охоту большую имѣютъ.

— А ты удивляешься, Семенъ, какъ она ѣздитъ... а?—сказалъ графъ:—хоть бы мужчинѣ въ пору!

— Какъ не дивиться? Смѣло, ловко!

— А Николаша гдѣ? Надъ Лядовскимъ верхомъ, что ль?—все шопотомъ спрашивалъ графъ.

— Такъ точно-съ. Ужъ они знаютъ, гдѣ стать. Такъ тонко ѣзду знаютъ, что мы съ Данилой другой разъ диву даемся,—говорилъ Семенъ, зная, чѣмъ угодить барину.

— Хорошо ѣздитъ, а? А на конѣ-то каковъ, а?

— Картину писать! Какъ намеднись изъ Заварзинскихъ бурьяновъ помкнули лису. Они перескакивать стали отъ уймища, страсть—лошадь тысяча рублей, а сѣдоку цѣны нѣтъ. Да, ужъ такого молодца поискать!

— Поискать...—повторилъ графъ, видимо сожалѣя, что кончилась такъ скоро рѣчь Семена.—Поискать,—сказалъ онъ, отворачивая полы шубки и доставая табакерку.

— Намедни, какъ отъ обѣдни во всей регаліи вышли, такъ Михаилъ-то Сидорычъ...—Семенъ не договорилъ, услыхавъ ясно разда-

вавшійся въ тихомъ воздухѣ гонъ съ подвываніемъ не болѣе двухъ или трехъ гончихъ. Онъ, наклонивъ голову, прислушался и молча погрозился барину.—На выводокъ натекли...—прошепталъ онъ,—прямо на Лядовской повели.

Графъ, забывъ стереть улыбку съ лица, смотрѣлъ предъ собой вдаль по перемычкѣ и, не нюхая, держалъ въ рукѣ табакерку. Вслѣдъ за лаемъ собакъ послышался голосъ по волку, поданный въ басистый рогъ Данилы; стая присоединилась къ первымъ тремъ собакамъ, и слышно было, какъ заревѣли съ заливомъ голоса гончихъ, съ тѣмъ особеннымъ подвываніемъ, которое служило признакомъ гона по волку. Доѣзжачіе уже не порскали, а улюлюкали, и изъ-за всѣхъ голосовъ выступалъ голосъ Данилы, то басистый, то пронзительно-тонкій. Голосъ Данилы, казалось, наполнялъ весь лѣсъ, выходилъ изъ-за лѣса и звучалъ далеко въ полѣ.

Прислушавшись нѣсколько секундъ молча, графъ и его стремянный убѣдились, что гончія разбились на двѣ стаи: одна, большая, ревѣвшая особенно горячо, стала удаляться, другая часть стаи понеслась вдоль по лѣсу мимо графа, и при этой стаѣ было слышно улюлюканье Данилы. Оба эти гона сливались, переливались, но оба удалялись. Семенъ вздохнулъ и нагнулся, чтобъ оправить сворку, въ которой запутался молодой кобель; графъ тоже вздохнулъ и, замѣтивъ въ своей рукѣ табакерку, открылъ ее и досталъ щепоть.

— Назадъ!—крикнулъ Семенъ на кобеля, который выступилъ за опушку.

Графъ вздрогнулъ и уронилъ табакерку.

Настасья Ивановна слѣзъ и сталъ поднимать ее.

Графъ и Семенъ смотрѣли на него. Вдругъ, какъ это часто бываетъ, звукъ гона мгновенно приблизился, какъ будто вотъ-вотъ передъ ними самими были лающіе рты собакъ и улюлюканье Данилы.

Графъ оглянулся и направо увидалъ Митьку, который выкатившимися глазами смотрѣлъ на графа и, поднявъ шапку, указывалъ ему впередъ, на другую сторону.

— Береги!—закричалъ онъ такимъ голосомъ, что видно было, что это слово давно уже мучительно просилось у него наружу. И поскакалъ, выпустивъ собакъ, по направленію къ графу.

Графъ и Семенъ выскакали изъ опушки и налѣво отъ себя увидали волка, который, мягко переваливаясь, тихимъ скокомъ подскакивалъ лѣвѣе ихъ къ той самой опушкѣ, у которой они стояли.

Злобныя собаки взвизгнули и, сорвавшись со своръ, понеслись къ волку, мимо ногъ лошадей.

Волкъ пріостановилъ бѣгъ, неловко, какъ больной жабой, повернулъ свою лобастую голову къ собакамъ и, также мягко переваливаясь, прыгнулъ разъ, другой и, мотнувъ полѣномъ (хвостомъ), скрылся въ опушку. Въ ту же минуту изъ противоположной опушки, съ ревомъ, похожимъ на плачъ, растерянно выскочила одна, другая, третья гончая, и вся стая понеслась по полю, по тому самому мѣсту, гдѣ пролѣзъ (пробѣжалъ) волкъ. Вслѣдъ за гончими разступились кусты орѣшника, и показалась бурая, почернѣвшая отъ поту лошадь Данилы. На длинной спинѣ ея комочкомъ, валясь впередъ, сидѣлъ Данило безъ шапки, съ сѣдыми, встрепанными волосами надъ краснымъ потнымъ лицомъ.

— Улюлю, улюлю...—кричалъ онъ. Когда онъ увидалъ графа, въ глазахъ его сверкнула молнія; грозясь поднятымъ арапникомъ на графа и какъ бы не удостоивая сконфуженнаго, испуганнаго графа дальнѣйшимъ разговоромъ, онъ со всей злобой, приготовленной на графа, ударилъ по ввалившимся мокрымъ бокамъ бураго мерина и понесся за гончими.

Графъ, какъ наказанный, стоялъ, оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать въ Семенѣ сожалѣніе къ своему положенію. Но Семена уже не было: онъ, въ объѣздъ по кустамъ, заскакивалъ волка отъ засѣки. Съ двухъ сторонъ также перескакивали звѣря борзятники. Но волкъ пошелъ кустами, и ни одинъ охотникъ не перехватилъ его.

Николай Ростовъ между тѣмъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, ожидая звѣря. По приближенію и отдаленію гона, по звуку голосовъ извѣстныхъ ему собакъ, по приближенію, отдаленію и возвышенію голосовъ доѣзжачихъ онъ чувствовалъ то, что совершалось въ островѣ. Онъ зналъ, что въ островѣ были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки; онъ зналъ, что гончіе разбились на двѣ стаи, что гдѣ-нибудь травили и что что-нибудь случилось неблагополучное. Онъ дѣлалъ тысячи различныхъ предположеній о томъ, какъ и съ какой стороны побѣжитъ звѣрь и какъ онъ будетъ травить его. Надежда смѣнялась отчаяніемъ. Тысячу разъ въ эти полчаса упорнымъ, напряженнымъ и безпокойнымъ взглядомъ окидывалъ Ростовъ опушку лѣсовъ съ двумя рѣдкими дубами надъ осиновымъ подсѣдомъ, и оврагъ съ измытымъ краемъ, и шапку дядюшки, чуть виднѣвшагося изъ-за куста направо.

„Нѣтъ, не будетъ этого счастья“, думалъ Ростовъ: „а что бы стоило! Не будетъ! Мнѣ всегда, и въ картахъ и на войнѣ, во всемъ не-

счастье. Только одинъ разъ бы въ жизни затравить матераго волка, больше я не желаю!" думалъ онъ, напрягая слухъ и зрѣніе, оглядываясь налѣво и опять направо и прислушиваясь къ малѣйшимъ оттѣнкамъ звуковъ гона. Онъ взглянулъ опять направо и увидалъ, что по пустынному полю навстрѣчу къ нему бѣжало что-то. „Нѣтъ, это не можетъ быть!" подумалъ Ростовъ, тяжело вздыхая, какъ вздыхаетъ человѣкъ при совершеніи того, что было долго ожидаемо имъ. Совершилось величайшее счастье и такъ просто, безъ шума, безъ блеска, безъ ознаменованія. Ростовъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и сомнѣніе это продолжалось болѣе секунды. Волкъ бѣжалъ впередъ и перепрыгнулъ тяжело рытвину, которая была на его дорогѣ. Это былъ старый звѣрь съ сѣдою спиной и съ наѣденнымъ красноватымъ брюхомъ. Онъ бѣжалъ неторопливо, очевидно убѣжденный, что никто не видитъ его. Ростовъ не дыша оглянулся на собакъ. Онѣ лежали, стояли, не видя волка и ничего не понимая. Старый Карай, завернувъ голову и оскаливъ желтые зубы, сердито отыскивая блоху, щелкалъ ими на заднихъ ляжкахъ.

— Улюлюлю! — шопотомъ, оттопыривая губы, проговорилъ Ростовъ.

Собаки, дрогнувъ желѣзками, вскочили, настороживъ уши. Карай почесалъ свою ляжку и всталъ, настороживъ уши, и слегка мотнулъ хвостомъ, на которомъ висѣли войлоки шерсти.

„Пускать? не пускать?" говорилъ самъ себѣ Николай въ то время, какъ волкъ подвигался къ нему, отдѣляясь отъ лѣса. Вдругъ вся физіономія волка измѣнилась; онъ вздрогнулъ, увидавъ еще вѣроятно никогда невиданные имъ человѣческіе глаза, устремленные на него, и, слегка поворотивъ къ охотнику голову, остановился — назадъ или впередъ?.. „Э! все равно, впередъ!.." видно какъ будто сказалъ онъ самъ себѣ и пустился впередъ, уже не оглядываясь, мягкимъ, рѣдкимъ, вольнымъ, но рѣшительнымъ скокомъ.

— Улюлю!!.. — не своимъ голосомъ закричалъ Николай, и сама собою стремглавъ понеслась его добрая лошадь подъ гору, перескакивая черезъ водомоины въ поперечь волку, и еще быстрѣе, обогнавъ ее, понеслись собаки. Николай не слыхалъ ни своего крика, не чувствовалъ того, что онъ скачетъ; онъ видѣлъ только волка, который, усиливъ свой бѣгъ, скакалъ, не перемѣняя направленія, по лощинѣ. Первая показалась вблизи звѣря чернопѣгая, широкозадая Милка и стала приближаться къ звѣрю. Ближе, ближе... вотъ она приспѣла къ нему. Но волкъ чуть покосился на нее, и вмѣсто того, чтобы

наддать, какъ это она всегда дѣлала, Милка вдругъ, поднявъ хвостъ, стала упираться на переднія ноги.

— Улюлюлюлю!! — кричалъ Николай.

Красный Любимъ выскочилъ изъ-за Милки, стремительно бросился на волка и схватилъ его за гачи (ляжки заднихъ ногъ), но въ ту же секунду испуганно перескочилъ на другую сторону. Волкъ присѣлъ, щелкнулъ зубами и опять поднялся и поскакалъ впередъ, провожаемый на аршинъ разстоянія всѣми собаками, не приближавшимися къ нему.

„Уйдетъ! Нѣтъ, это невозможно!“ — думалъ Николай, продолжая кричать охрипнувшимъ голосомъ. — Карай! Улюлю!.. — кричалъ онъ, отыскивая глазами стараго кобеля, единственную свою надежду.

Карай изъ всѣхъ своихъ старыхъ силъ, вытянувшись сколько могъ, глядя на волка, тяжело скакалъ въ сторону отъ звѣря, наперерѣзъ ему. Но по быстротѣ скока волка и медленности скока собаки было видно, что расчетъ Карая былъ ошибоченъ. Николай уже недалеко впереди себя видѣлъ тотъ лѣсъ, до котораго добѣжавъ, волкъ уйдетъ навѣрное. Впереди показались собаки и охотникъ, скакавшій почти навстрѣчу. Еще была надежда. Незнакомый Николаю, муругій, молодой, длинный кобель чужой своры стремительно подлетѣлъ спереди къ волку и почти опрокинулъ его. Волкъ быстро, какъ нельзя было ожидать отъ него, приподнялся и бросился къ муругому кобелю, щелкнулъ зубами — и окровавленный, съ распоротымъ бокомъ кобель, пронзительно завизжавъ, ткнулся головой въ землю.

— Караюшка! Отецъ!.. — плакалъ Николай.

Старый кобель, съ своими мотавшимися на ляжкахъ клоками, благодаря происшедшей остановкѣ, перерѣзывая дорогу волку, былъ уже въ пяти шагахъ отъ него. Какъ будто почувствовавъ опасность, волкъ покосился на Карая, еще дальше спряталъ полѣно (хвостъ) между ногъ и наддалъ скоку. Но тутъ—Николай видѣлъ только, что что-то сдѣлалось съ Караемъ,—онъ мгновенно очутился на волкѣ и съ нимъ вмѣстѣ повалился кубаремъ въ водомоину, которая была предъ ними.

Та минута, когда Николай увидалъ въ водомоинѣ копошащихся съ волкомъ собакъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлась сѣдая шерсть волка, его вытянувшаяся задняя нога и съ прижатыми ушами испуганная и задыхающаяся голова (Карай держалъ его за горло), минута, когда увидалъ это Николай, была счастливѣйшею минутою его жизни. Онъ

взялся уже за луку сѣдла, чтобы слѣзть и колоть волка, какъ вдругъ изъ этой массы собакъ высунулась вверхъ голова звѣря, потомъ переднія ноги стали на край водомоины. Волкъ ляснулъ зубами (Карай уже не держалъ его за горло), выпрыгнулъ задними ногами изъ водомоины и, поджавъ хвостъ, опять отдѣлившись отъ собакъ, двинулся впередъ. Карай съ ощетинившеюся шерстью, вѣроятно ушибленный или раненый, съ трудомъ вылѣзъ изъ водомоины.

— Боже мой! За что?.. — съ отчаяніемъ закричалъ Николай.

Охотникъ дядюшки съ другой стороны скакалъ наперерѣзъ волку, и собаки его опять остановили звѣря. Опять его окружили.

Николай, его стремянный, дядюшка и его охотникъ вертѣлись надъ звѣремъ, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слѣзть, когда волкъ садился назадъ, и всякій разъ пускаясь впередъ, когда волкъ встряхивался и подвигался къ засѣкѣ, которая должна была спасти его.

Еще въ началѣ этой травли Данило, услыхавъ улюлюканье, выскочилъ на опушку лѣса. Онъ видѣлъ, какъ Карай взялъ волка, и остановилъ лошадь, полагая, что дѣло было кончено. Но когда охотники не слѣзли, волкъ встряхнулся и опять пошелъ наутекъ, Данило выпустилъ своего бураго не къ волку, а прямою линіею къ засѣкѣ, также какъ Карай — наперерѣзъ звѣрю. Благодаря этому направленію, онъ подскакивалъ къ волку въ то время, какъ во второй разъ его остановили дядюшкины собаки. Данило скакалъ молча, держа вынутый кинжалъ въ лѣвой рукѣ и какъ цѣпомъ молоча своимъ арапникомъ по подтянутымъ бокамъ бураго.

Николай не видалъ и не слыхалъ Данилы до тѣхъ поръ, пока мимо самого его не пропыхтѣлъ, тяжело дыша, бурый, и онъ услыхалъ звукъ паденья тѣла и увидалъ, что Данило уже лежитъ въ серединѣ собакъ на заду волка, стараясь поймать его за уши.

Очевидно было и для собакъ, и для охотниковъ, и для волка, что теперь все кончено. Звѣрь, испуганно прижавъ уши, старался подняться, но собаки облѣпили его. Данило, привставъ, сдѣлалъ падающій шагъ и всею тяжестью, какъ будто ложась отдыхать, повалился на волка, хватая его за уши. Николай хотѣлъ колоть, но Данило прошепталъ: „Не надо, сострунимъ“, — и, перемѣнивъ положеніе, наступилъ ногою на шею волку. Въ пасть волку заложили палку, завязали, какъ бы взнуздавъ его сворой, связали ноги, и Данило раза два съ одного бока на другой перевалилъ волка.

Съ счастливыми, измученными лицами, живого, матераго волка взвалили на шарахающуюся и фыркающую лошадь и, сопутствуемые

визжавшими на него собаками, повезли къ тому мѣсту, гдѣ должны были всѣ собраться. Молодыхъ двухъ взяли гончія и трехъ—борзыя. Охотники съѣзжались съ своими добычами и разсказами, и всѣ подходили смотрѣть матераго волка, который, свѣсивъ свою лобастую голову съ закушенной палкой во рту, большими стеклянными глазами смотрѣлъ на всю эту толпу собакъ и людей, окружавшихъ его. Когда его трогали, онъ, вздрагивая завязанными ногами, дико и вмѣстѣ съ тѣмъ просто смотрѣлъ на всѣхъ. Графъ Илья Андреичъ тоже подъѣхалъ и потрогалъ волка.

— О, материщій какой!—сказалъ онъ.—Матерый, а?—спросилъ онъ у Данилы, стоявшаго подлѣ него.

— Матерый, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Данило, поспѣшно снимая шапку.

Графъ вспомнилъ своего прозѣваннаго волка и свое столкновеніе съ Данилой.

— Однако, братъ, ты сердитъ,—сказалъ графъ.

Данило ничего не сказалъ и только застѣнчиво улыбнулся дѣтски-кроткою и пріятною улыбкой.

Старый графъ поѣхалъ домой. Наташа съ Петей обѣщались сейчасъ же пріѣхать. Охота пошла дальше, такъ какъ было еще рано. Въ серединѣ дня гончихъ пустили въ поросшій молодымъ частымъ лѣсомъ оврагъ. Николай, стоя на жнивьѣ, видѣлъ всѣхъ своихъ охотниковъ.

Насупротивъ отъ Николая были зелени, и тамъ стоялъ его охотникъ, одинъ въ ямѣ, за выдавшимся кустомъ орѣшника. Только что завели гончихъ, Николай услыхалъ рѣдкій гонъ извѣстной ему собаки Волторна; другія собаки присоединились къ нему, то замолкая, то опять принимаясь гнать. Черезъ минуту подали изъ острова голосъ по лисѣ, и вся стая, свалившись, погнала по отвершку, по направленію къ зеленямъ, прочь отъ Николая. Онъ видѣлъ скачущихъ выжлятниковъ въ красныхъ шапкахъ по краямъ поросшаго оврага, видѣлъ даже собакъ и всякую секунду ждалъ того, что на той сторонѣ, на зеленяхъ, покажется лисица.

Охотникъ, стоявшій въ ямѣ, тронулся и выпустилъ собакъ, и Николай увидалъ красную, низкую, странную лисицу, которая, распушивъ трубу, торопливо неслась по зеленямъ. Собаки стали спѣть къ ней. Вотъ приблизились, вотъ кругами стала вилять лисица между ними, все чаще и чаще дѣлая эти круги и обводя вокругъ себя пушистою трубою (хвостомъ); и вотъ налетѣла чья-то бѣлая собака и

вслѣдъ за ней черная, и все смѣшалось, и звѣздой, врозь разставивъ зады, чуть колеблясь, стали собаки. Къ собакамъ подскакали два охотника: одинъ въ красной шапкѣ, другой, чужой, въ зеленомъ кафтанѣ.

„Что это такое?“ — подумалъ Николай. — „Откуда взялся этотъ охотникъ? Это не дядюшкинъ“.

Охотники отбили лисицу и долго, не тороча, стояли пѣшіе. Около нихъ на чумбурахъ стояли лошади съ своими выступами сѣделъ и лежали собаки. Охотники махали руками и что-то дѣлали съ лисицей. Оттуда же раздался звукъ рога — условленный сигналъ драки.

— Это Илагинскій охотникъ что-то съ нашимъ Иваномъ бунтуетъ,—сказалъ стремянный Николая.

Николай послалъ стремяннаго подозвать къ себѣ сестру и Петю и шагомъ поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ доѣзжачіе собирали гончихъ. Нѣсколько охотниковъ поскакало къ мѣсту драки.

Николай слѣзъ съ лошади, остановился подлѣ гончихъ съ подъѣхавшими Наташей и Петей, ожидая свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончится дѣло.

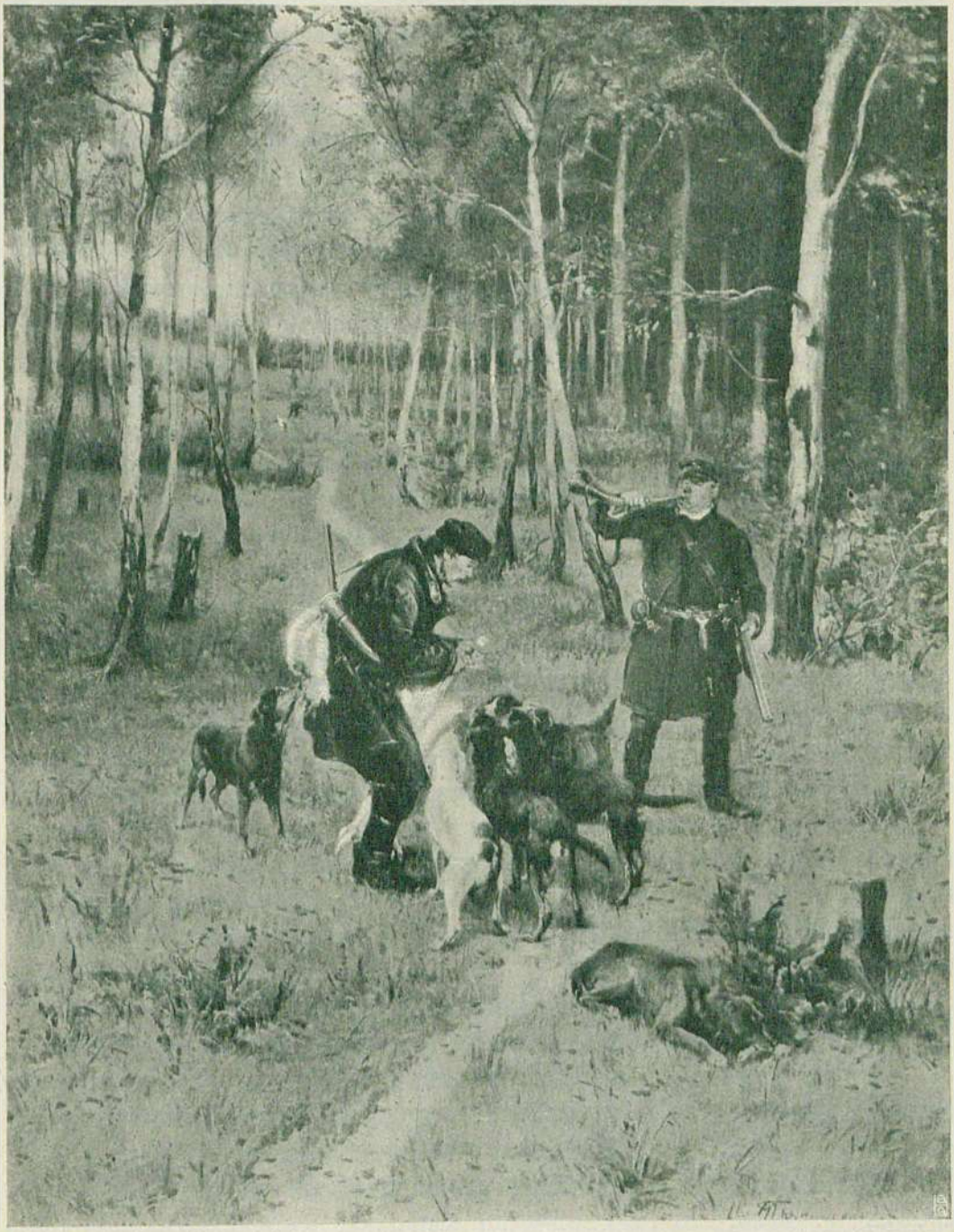
Изъ-за опушки выѣхалъ дравшійся охотникъ съ лисицей въ торокахъ и подъѣхалъ къ молодому барину. Онъ издалека снялъ шапку и старался говорить почтительно; но онъ былъ блѣденъ, задыхался, и лицо его было злобно. Одинъ глазъ былъ у него подбитъ, но онъ вѣроятно и не зналъ этого.

— Что у васъ тамъ было?— спросилъ Николай.

— Какъ же, изъ-подъ нашихъ гончихъ онъ травить будетъ! Да и сука-то моя мышастая поймала. Поди, судись! За лисицу хватаетъ! Я его лисицей ну катать. Вотъ она, въ торокахъ. А этого хочешь?— говорилъ охотникъ, указывая на кинжалъ и вѣроятно воображая, что онъ все еще говоритъ съ своимъ врагомъ.

Николай, не разговаривая съ охотникомъ, попросилъ сестру и Петю подождать его и поѣхалъ на то мѣсто, гдѣ была эта враждебная Илагинская охота.

Охотникъ-побѣдитель въѣхалъ въ толпу охотниковъ и тамъ, окруженный сочувствующими любопытными, разсказывалъ свой подвигъ. Дѣло было въ томъ, что Илагинъ, съ которымъ Ростовы были въ ссорѣ и процессѣ, охотился въ мѣстахъ, по обычаю принадлежавшихъ Ростовымъ, и теперь какъ будто нарочно велѣлъ подъѣхать къ острову, гдѣ охотились Ростовы, и позволилъ травить своему охотнику изъ-подъ чужихъ гончихъ.



Охота. *И. М. Прянишникова.*

Николай никогда не видалъ Илагина, но, какъ и всегда въ своихъ сужденіяхъ и чувствахъ не зная середины, по слухамъ о буйствѣ и своевольствѣ этого помѣщика, всею душой ненавидѣлъ его и считалъ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Онъ озлобленно-взволнованный ѣхалъ теперь къ нему, крѣпко сжимая арапникъ въ рукѣ, въ полной готовности на самыя рѣшительныя и опасныя дѣйствія противъ своего врага.

Едва онъ выѣхалъ за уступъ лѣса, какъ увидалъ подвигающагося ему навстрѣчу толстаго барина въ бобровомъ картузѣ на прекрасной вороной лошади, сопутствуемаго двумя стремянными.

Вмѣсто врага Николай нашелъ въ Илагинѣ представительнаго, учтиваго барина, особенно желавшаго познакомиться съ молодымъ графомъ.

Подъѣхавъ къ Ростову, Илагинъ приподнялъ бобровый картузъ и сказалъ, что очень жалѣетъ о томъ, что случилось; что велитъ наказать охотника, позволившаго себѣ травить изъ-подъ чужихъ собакъ, просилъ графа быть знакомымъ и предлагалъ ему свои мѣста для охоты.

Наташа, боявшаяся, что братъ ея надѣлаетъ что-нибудь ужасное, въ волненіи ѣхала недалеко за нимъ. Увидавъ, что враги дружелюбно раскланиваются, она подъѣхала къ нимъ. Илагинъ еще выше приподнялъ свой бобровый картузъ предъ Наташей и, пріятно улыбнувшись, сказалъ, что графиня представляетъ Діану и по страсти къ охотѣ и по красотѣ своей, про которую онъ много слышалъ.

Илагинъ, чтобы загладить вину своего охотника, настоятельно просилъ Ростова пройти въ его угорь, который былъ въ верстѣ, который онъ берегъ для себя и въ которомъ было, по его словамъ, насыпано зайцевъ. Николай согласился, и охота, еще вдвое увеличившаяся, тронулась дальше.

Идти до Илагинскаго угоря надо было полями.

Охотники разравнялись. Господа ѣхали вмѣстѣ.

Дядюшка, Ростовъ и Илагинъ поглядывали тайкомъ на чужихъ собакъ, стараясь, чтобы другіе этого не замѣчали, и съ безпокойствомъ отыскивали между этими собаками соперницъ своимъ собакамъ.

Ростова особенно поразила своею красотой небольшая чистопсовая, узенькая, но съ стальными мышцами, тоненькимъ щипцомъ (мордой) и на выкатѣ черными глазами, краснопѣгая сучка въ сворѣ Илагина. Онъ слыхалъ про рѣзвость Илагинскихъ собакъ и въ этой красавицѣ-сучкѣ видѣлъ соперницу своей Милкѣ.

Въ серединѣ степеннаго разговора объ урожаѣ нынѣшняго года, который завелъ Илагинъ, Николай указалъ ему на его краснопѣгую суку.

— Хороша у васъ эта сучка!—сказалъ онъ небрежнымъ тономъ.—Рѣзва?

— Эта? Да, это добрая собака, ловитъ,—равнодушнымъ голосомъ сказалъ Илагинъ про свою краснопѣгую Ерзу, за которую онъ годъ тому назадъ отдалъ сосѣду три семьи дворовыхъ.—Такъ и у васъ, графъ, умолотомъ не хвалятся?—продолжалъ онъ начатый разговоръ. И, считая учтивымъ отплатить молодому графу тѣмъ же, Илагинъ осмотрѣлъ его собакъ и выбралъ Милку, бросившуюся ему въ глаза своей шириной.

— Хороша у васъ эта чернопѣгая—ладна!—сказалъ онъ.

— Да, ничего, скачетъ,—отвѣчалъ Николай.—„Вотъ только бы побѣжалъ въ полѣ матерый русакъ, я бы тебѣ показалъ, какая это собака!“—подумалъ онъ и, обернувшись къ стремянному, сказалъ, что онъ даетъ рубль тому, кто подозритъ, т.-е. найдетъ лежачаго зайца.

— Я не понимаю,—продолжалъ Илагинъ,—какъ другіе охотники завистливы на звѣря и на собакъ. Я вамъ скажу про себя, графъ. Меня веселитъ, знаете, проѣхаться; вотъ съѣдешься съ такою компаніей... уже чего же лучше (онъ снялъ опять свой бобровый картузъ предъ Наташей), а это, чтобы шкуры считать, сколько привезъ—мнѣ все равно.

— Ну, да.

— Или чтобы мнѣ обидно было, что чужая собака поймаетъ, а не моя — мнѣ только бы полюбоваться на травлю, не такъ ли, графъ? Потому я сужу...

— О-ту-его!—послышался въ это время протяжный крикъ одного изъ остановившихся борзятниковъ.

Онъ стоялъ на полубугрѣ жнивья, поднявъ арапникъ, и еще разъ повторилъ протяжно: О-ту-его! (Звукъ этотъ и поднятый арапникъ означали то, что онъ видитъ предъ собой лежащаго зайца.)

— А, подозрилъ, кажется, — сказалъ небрежно Илагинъ.

— Что же, потравимъ, графъ!

— Да, подъѣхать надо... да что жъ, вмѣстѣ?—отвѣчалъ Николай, вглядываясь въ Ерзу и въ краснаго Ругая дядюшки, въ двухъ своихъ соперниковъ, съ которыми еще ни разу ему не удалось поравнять своихъ собакъ. „Ну что, какъ съ ушей оборвутъ мою Милку!“ думалъ онъ, рядомъ съ дядюшкой и Илагинымъ подвигаясь къ зайцу.

— Матерый? — спрашивалъ Илагинъ, подвигаясь къ подозрившему охотнику и не безъ волненія оглядываясь и подсвистывая Ерзу.—А вы, Михаилъ Никаноровичъ?—обратился онъ къ дядюшкѣ.

Дядюшка ѣхалъ, насупившись.

— Что мнѣ соваться! Вѣдь ваши — чистое дѣло маршъ! — по деревнѣ за собаку плачено, ваши тысячныя. Вы помѣряйте своихъ, а я посмотрю! Ругай! На, на!—крикнулъ онъ.—Ругаюшка!—прибавилъ онъ, невольно этимъ уменьшительнымъ выражая свою нѣжность и надежду, возлагаемую на этого краснаго кобеля.

Наташа видѣла и чувствовала скрываемое этими двумя стариками и ея братомъ волненіе и сама волновалась.

Охотникъ на полугоркѣ стоялъ съ поднятымъ арапникомъ, господа шагомъ подъѣзжали къ нему; гончія, шедшія на самомъ горизонтѣ, заворачивали прочь отъ зайца; охотники, не господа, тоже отъѣзжали. Все двигалось медленно и степенно.

— Куда головой лежитъ?—спросилъ Николай, подъѣзжая шаговъ на сто къ подозрившему охотнику.

Но не успѣлъ еще охотникъ отвѣчать, какъ русакъ, чуя морозъ къ завтрашнему утру, не вылежалъ и вскочилъ. Стая гончихъ на смычкахъ съ ревомъ понеслась подъ гору за зайцемъ; со всѣхъ сторонъ борзыя, не бывшія на сворахъ, бросились на гончихъ и къ зайцу. Всѣ эти медленно двигавшіеся охотники-выжлятники съ крикомъ: стой! сбивая собакъ, борзятники съ крикомъ: о-о-ту! направляя собакъ, поскакали по полю. Спокойный Илагинъ, Николай, Наташа и дядюшка летѣли, сами не зная какъ и куда, видя только собакъ и зайца и боясь только потерять хоть на мгновеніе изъ вида ходъ травли. Заяцъ попался матерый и рѣзвый. Вскочивъ, онъ не тотчасъ же поскакалъ, а повелъ ушами, прислушиваясь къ крику и топоту, раздавшемуся вдругъ со всѣхъ сторонъ. Онъ прыгнулъ разъ десять не быстро, подпуская къ себѣ собакъ, и наконецъ, выбравъ направленіе и понявъ опасность, приложилъ уши и понесся во всѣ ноги. Онъ лежалъ на жнивьяхъ, но впереди были зеленя, по которымъ было топко. Двѣ собаки подозрившаго охотника, бывшія ближе всѣхъ, первыя воззрились и заложились за зайцемъ; но еще далеко не подвинулись къ нему, какъ изъ-за нихъ вылетѣла илагинская краснопѣгая Ерза, приблизилась на собаку разстоянія, съ страшной быстротой наддала, нацѣлившись на хвостъ зайца, и, думая, что она схватила его, покатилась кубаремъ. Заяцъ выгнулъ спину и наддалъ еще шибче. Изъ-за Ерзы вынеслась широкозадая чернопѣгая Милка и быстро стала спѣть къ зайцу.

— Милушка! матушка! — послышался торжествующій крикъ Николая.

Казалось, сейчасъ ударитъ Милка и подхватитъ зайца, но она догнала и пронеслась. Русакъ отсѣлъ. Опять насѣла красавица Ерза и надъ самымъ хвостомъ русака повисла, какъ будто примѣряясь, какъ бы не ошибиться теперь схватить за заднюю ляжку.

— Ерзынька! сестрица! — послышался плачущій, не свой голосъ Илагина.

Ерза не вняла его мольбамъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ надо было ждать, что она схватитъ русака, онъ вихнулъ и выкатилъ на рубежъ между зеленями и жнивьемъ. Опять Ерза и Милка, какъ дышловая пара, выравнялись и стали спѣть къ зайцу; на рубежѣ русаку было легче, собаки не такъ быстро приближались къ нему.

— Ругай! Ругаюшка! Чистое дѣло маршъ! — закричалъ въ это время еще новый голосъ, и Ругай, красный, горбатый кобель дядюшки, вытягиваясь и выгибая спину, сравнялся съ первыми двумя собаками, выдвинулся изъ-за нихъ, наддалъ со страшнымъ самоотверженіемъ уже надъ самымъ зайцемъ, сбилъ его съ рубежа на зеленя, еще злѣй наддалъ другой разъ, по грязнымъ зеленямъ утопая по колѣна, и только видно было, какъ онъ кубаремъ, пачкая спину въ грязь, покатился съ зайцемъ. Звѣзда собакъ окружила его. Черезъ минуту всѣ стояли около столпившихся собакъ. Одинъ счастливый дядюшка слѣзъ и отпазанчилъ. Потряхивая зайца, чтобы стекала кровь, онъ тревожно оглядывался, бѣгая глазами, не находя положенія рукамъ и ногамъ, и говорилъ, самъ не зная съ кѣмъ и что. „Вотъ это дѣло маршъ... вотъ собака... вотъ вытянулъ всѣхъ и тысячныхъ и рублевыхъ — чистое дѣло маршъ!“ говорилъ онъ, задыхаясь и злобно оглядываясь, какъ будто ругая кого-то, какъ будто всѣ были его враги, всѣ его обижали, и только теперь наконецъ ему удалось оправдаться. „Вотъ вамъ и тысячныя — чистое дѣло маршъ!“

— Ругай, на пазанку! — говорилъ онъ, кидая отрѣзанную лапку съ налипшей землей: — заслужилъ, чистое дѣло маршъ!

— Она вымахалась, три угонки дала одна, — говорилъ Николай, тоже не слушая никого и не заботясь о томъ, слушаютъ ли его, или нѣтъ.

— Да это что же въ поперечь! — говорилъ илагинскій стремянный.

— Да, какъ осѣклась, такъ съ угонки всякая дворняжка поймаетъ, — говорилъ въ то же время Илагинъ, красный, насилу переводившій духъ отъ скачки и волненія.

Въ то же время Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала такъ пронзительно, что въ ушахъ звенѣло. Она этимъ визгомъ выражала все то, что выражали и другіе охотники своимъ единовременнымъ разговоромъ. И визгъ этотъ былъ такъ странень, что она сама должна бы была стыдиться этого дикаго визга, и всѣ бы должны были удивляться ему, ежели бы это было въ другое время.

Дядюшка самъ второчилъ русака, ловко и бойко перекинулъ его черезъ задъ лошади, какъ бы упрекая всѣхъ этимъ перекидываніемъ, и съ такимъ видомъ, что онъ и говорить ни съ кѣмъ не хочетъ, сѣлъ на своего каураго и поѣхалъ прочь. Всѣ, кромѣ его, грустные и оскорбленные, разъѣхались и только долго послѣ могли прійти въ прежнее притворство равнодушія. Долго еще они поглядывали на краснаго Ругая, который съ испачканною грязью, горбатою спиной, побрякивая желѣзкой, съ спокойнымъ видомъ побѣдителя шелъ за ногами лошади дядюшки.

„Что жъ, я такой же, какъ и всѣ, когда дѣло не коснется до травли. Ну, а ужъ тутъ держись!“ казалось Николаю, что говорилъ видъ этой собаки.

Когда долго послѣ дядюшка подъѣхалъ къ Николаю и заговорилъ съ нимъ, Николай былъ польщенъ тѣмъ, что дядюшка, послѣ всего, что было, еще удостоиваетъ говорить съ нимъ.

Зазимки, зазимокъ — первый снѣгъ, первые морозы. *На Вздвиженіе зазимокъ — мужику не бѣда.*

Уклочиться — всклочиться, густо обрасти, вспушиться. Озими хорошо уклочились, густо кустятся. Точно, зеленя недурны... да вѣдь вы знаете... осень всклочетъ, а какъ весна захочетъ (Тургеневъ. „Записки охотника“). *Весна говоритъ: я уклочу! А осень говоритъ: какъ я захочу!*

Озимый (хлѣбъ) — сѣемый по осени, на зиму (рожь, озимая пшеница). **Озими** — озимые посѣвы, поля; зеленя, осенніе всходы. Нынѣ зайцы-русаки все болѣе по озимямъ лежатъ.

Яровой (хлѣбъ) — сѣемый по веснѣ, на лѣто (овесъ, ячмень, яровая пшеница, греча).

Яръ — пылъ, разгаръ, самый жаръ.

Жнивье, жниво, жнива—поле послѣ уборки хлѣба. Послѣдній снопъ свезенъ съ нагихъ полей, по стоптаннымъ гуляетъ жнивьямъ стадо (Фетъ. „Псовая охота“). Люблю дымокъ спаленной жнивы (Лермонтовъ. „Отчизна“). **Жнива** — время уборки хлѣба и сама уборка.

Русакъ — русскій заяцъ, сѣрякъ; онъ больше и крѣпче европейскаго зайца и остается сѣрымъ круглый годъ. *Русакъ подъ камнемъ, бѣлякъ подъ кустомъ. Русакъ поле любитъ.* **Русакъ** — русскій человѣкъ. Кровный русакъ. Онъ... не преминулъ щеголнуть нѣкоторыми изреченіями, долженствовавшими доказать, что и онъ самъ—не только русскій человѣкъ, но „русакъ“,—и близко знакомъ съ самой сутью народной жизни (Тургеневъ. „Новь“). Донесъ къ губамъ налитое блюдечко и уже расширилъ ноздри, безъ чего, какъ извѣстно, ни одинъ коренной русакъ не втягиваетъ въ себя чая (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Выводокъ — семья, гнѣздо животныхъ, пока молодыя держатся со старыми. Коли охотиться пріѣхали, въ Мошномъ глухари есть — три выводка, да рябцовъ пять (Тургеневъ. „Поѣздка въ Полѣсье“). Не наткнувшись ни на одинъ выводокъ (тетеревовъ), дошли мы наконецъ до новыхъ ссѣчекъ (Тургеневъ. „Записки охотника“). **Ссѣчка**—срубленное мѣсто въ лѣсу.

Подбиться, — войти въ тѣло — раздобрѣть; наиграть, нагулять жиру. Видно, жиру много нагуляла (лошадь); думаешь, и плеть не проймет (Толстой).

Замолаживать — 1) безлично (о небѣ): подергиваться, заволакиваться облаками; пасмурнѣть, клониться къ дождю. А вонъ уже и замолаживаетъ (Лѣсковъ. „Овцебыкъ“); 2) приводить въ броженіе. Замолаживать квасъ, пиво.

Мга, мгла — туманъ, сухой и сырой, холодный, мельчайшій дождь. *Мга пала, листъ побила.* И мга исчезаетъ, и тучи уходятъ (Жуковскій. „Море“). Лишь вѣтеръ злой, бушуя, воетъ и небо кроетъ сѣдою мглой (Баратынскій. „Глухая осень“).

Покровъ. — Вечерней мглы покровъ воздушный ужъ холмы Грузіи одѣлъ (Лермонтовъ. „Демонъ“).

Доѣзжачій — ловчій, имѣющій подъ своей командой другихъ псарей; при немъ находятся собаки. А предводитель команды собачьей, въ островѣ скрылся крикунъ доѣзжачій (Некрасовъ. „Псовая охота“).

Ловчій — см. стр. 246.

Арапникъ — длинный, ременный бичъ. Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами (Пушкинъ. „Зима“).

Порсканье отъ гл. **порскать** (охотн. выр.) — крикомъ и хлопаньемъ арапника выставлять звѣря въ поле. Отчаянный былъ человѣкъ... И какъ порскалъ — такъ стонъ въ лѣсу, бывало, и стоитъ (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Заказъ—1) лѣсной участокъ, гдѣ воспрещена рубка. Въ этомъ заказѣ нашли мы глушь и дичь страшную (Тургеневъ. „Записки охотника“); 2) запретъ. Угодья у насъ были — одно слово... ну, и лѣсъ и рѣка подлѣ — заказу ни въ чемъ (Эртель. „Записки степняка“); 3) порученіе, приказаніе. И дѣло свое знаетъ: въ Москвѣ заказы получала хорошіе (Тургеневъ. „Записки охотника“). И восхищаться по заказу, и по заказу порицать, души не высказать ни разу — и это жизнью называть! (Майковъ. „Грезы“.)

Отъемный — отборный, лучшій. Отъемное мѣсто, отрѣзанная часть поля, луга, лѣса.

Свора — ремень, бечевка, на которой по двѣ водятъ собакъ. Свора борзыхъ, пара борзыхъ. Стремянный-то за графомъ поѣдетъ, а самъ на шелковой своркѣ двухъ любимыхъ барскихъ собачекъ держитъ и этакъ наблюдаетъ, знаете (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Заѣздъ (охотн. выр.) — противоположная отъ мѣста напуска гончихъ сторона.

Игреневый, игреній — конская масть; рыжій, съ гривой и хвостомъ свѣтлѣе стана.

Стремянный — см. стр. 219.

Лазъ (охотн. выр.) — 1) мѣсто, гдѣ проходитъ звѣрь, его обычный путь. *Стереги лису на лазу.* Коли я хочу подстрѣлить волка въ лѣсу — я долженъ знать всѣ его лазы (Тургеневъ. „Новь“); 2) тѣсный проходъ.

Выжлятникъ — охотникъ, заправляющій выжликами. **Выжликъ, выжлецъ** — гончій песъ. Выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ собакъ (Толстой. „Дѣтство и отрочество“).

Борзятникъ — борзовщикъ, охотничій служитель, обязанный стеречь звѣря съ борзыми собаками близъ лѣса, окруженнаго полемъ, перемѣняя мѣсто по направленію движенія стаи. Борзовщики разъѣзжаются врозь (Некрасовъ. „Псовая охота“).

Берейторъ (нѣм.) — объѣзжающій верховыхъ лошадей, обучающій верховой ѣздѣ.

Островъ (охотн. выр.) — небольшой лѣсъ, окруженный полемъ.

Матерой, матерый — взрослый, возмужалый, старый, большой, плотный. Матерой бѣлякъ покатилъ по овсамъ, уже довольно высокимъ (Тургеневъ. „Записки охотника“). Матерая земля, материкъ, сушь, твердь, земля вообще.

Протравить—упустить звѣря. **Травить** звѣря, гнать и ловить его съ борзыми собаками.

Бурдастый, отъ сущ. **бурды** — борода по щекамъ. *И косматы бурды, а безъ шубы нельзя.*

Зеленя, зелени — см. стр. 49.

Запеканка — 1) хлѣбное вино съ разными пряностями, наливка, домашняя настойка; 2) запеченное кушанье. Пасха-запеканка.

Оттòпать (охотн. выр.) — отогнать, отпугнуть, воротить звѣря въ поле.

Помыкать — 1) (охотн. выр.) травить, напускать, науськивать; 2) неволить, тиранить.

Уймище — дремучій, огромный лѣсъ. **Уйма** — 1) множество, пропасть. Уйма народу; 2) обширное пространство, просторъ; уймой зовутся иногда луга, лѣсъ.

Регалія — принадлежность царскаго облаченія. Быть во всей регаліи, во всѣхъ регаліяхъ, быть въ парадномъ мундирѣ при орденахъ и всѣхъ вообще знакахъ отличія.

Гонъ (отъ гл. **гнать**)—1) преслѣдованіе, травля. Слава усердному гону тявкушъ (Некрасовъ. „Псовая охота“) Промышлять звѣря гономъ, загонивать его на коняхъ. *Не гономъ берутъ, а кормомъ;* 2) хвостъ у гончей собаки; 3) въѣздъ, право рубки или охоты въ чужой или общей дачѣ. Отсюда **угонка** (охотн. выр.)— настиженіе звѣря собаками и поворотъ его въ сторону. Судьба замотала его, словно зайца на угонкахъ (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Натекать (охотн. выр.) — набѣгать. Гончія натекли на звѣря. Натекать звѣря, искать его гончими.

Перемычка (охотн. выр.) — узкій пролѣсокъ, связывающій два лѣсныхъ острова.

Заливъ (охотн. выр.) — частый и сливной лай гончихъ, когда онѣ чуютъ близость звѣря. Гончая съ заливомъ. Отсюда: заливаться.

Улюлюкать — травить крикомъ „улюлю!“ краснаго звѣря, лису, волка, медвѣдя. Свинью **уськаютъ**. Зайца **атукаютъ**. Онъ не кричалъ, не травилъ, не атукалъ: онъ задыхался, захлебывался (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Жаба — болѣзнь, воспаленіе глотки, языка.

Засѣка — мѣсто, гдѣ вырубленъ лѣсъ и остались одни молодые побѣги.

Мертвая хватка — смертельный укусъ.

Подсѣдъ — 1) поросль, молоднякъ; 2) всходы озими подъ снѣгомъ.

Приспѣвать — поспѣвать, догонять. Борзыя „приспѣли“... бѣлякъ присѣлъ, круто повернулъ назадъ и ринулся... въ кусты (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Наддавать — прибавлять бѣгу, ускорять.

Муругій, мурастый, мурый — 1) рыжебурый въ волнистыхъ полосахъ и пятнахъ; 2) неясный. Больно ночь муруга (Полонскій. „Кузнечикъ-музыкантъ“).

Лука—передній и задній рога сѣдла. Сгорбившись и уронивъ на луку сѣдла обѣ руки, онъ медленно подвигался впередъ (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Ляскать — щелкать, ударять зубами.

Сострунивать — 1) (охотн. выр.) перевязывать звѣрю морду; 2) связывать, стягивать туго.

Заводить гончихъ (охотн. выр.) — ставить гончихъ на мѣста, спускать со своры, направлять на слѣдъ навстрѣчу лазамъ.

Отверхъ, отвершекъ — 1) развилина вершины. Отвершекъ оврага, одна изъ вершинъ, вѣтвей, сходящихся въ главный оврагъ; 2) отвершекъ рѣки, притокъ при вершинѣ. Рѣчка слилась изъ безыменныхъ отвершковъ, ручьевъ, притоковъ.

Сваляться — сбиться въ одну кучу, сойтись вмѣстѣ, столкнуться. Отсюда **свалка** — скопъ, толпа; драка, рукопашная, побоище.

Труба (охотн. выр.)—хвостъ у лисы.

Распушить—1) взбивать, дѣлать пушистымъ. Дерево распушилось, опушилось, когда развернулся листъ; 2) распушить кого—разбранить, отчитать, сдѣлать выговоръ. А онъ-то ихъ пушитъ и распекаетъ, сколько душѣ его угодно (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Спѣть (охотн. выр.) — поспѣвать, доходить, дотекать, нагонять, настигать.

Отбить (звѣря) — отогнать отъ него собакъ.

Торочить (охотн. выр.) отъ сущ. **торока́** (мн. ч.)—ремешки у задней луки сѣдла для пристежки убитаго звѣря. **Второчить**, привязать звѣря къ сѣдлу; пристегивать въ торока́. **Отороченный**, по каймѣ обшитый.

Чумбуръ, чембуръ — третій, одинокій поводъ уздечки, за который водятъ и привязываютъ лошадь. Чембурный ремень.

Мышастый — цвѣтомъ, шерстью, мастью на мышь похожій.

Угорь, угоръ—мѣсто, идущее въ гору; матерой кряжъ по берегу рѣки; крутой высокій берегъ рѣки. Въ разливъ угоромъ ѣздятъ (сухой непоемной дорогой, по кряжу). Отсюда: **угорокъ** — пригорокъ, высокое мѣсто на равнинѣ; **угорье** — склонъ горъ. Угры жили по Карпатскому угорью. Щука въ морѣ, хвостъ на угорьѣ (ковшъ).

Псовая собака — борзая, русской породы; долгошерстая, мохнатая собака.

Умолотъ — количество вымолоченнаго зерна сравнительно съ числомъ сноповъ, копенъ; урожай въ зернѣ.

Подзира́ть, подо́зрѣть—подглядывать, высматривать, подстерегать. Зови барина съ ружьемъ, псарь зайца подозрѣлъ. Есть такіе глаза, что зайца въ логовѣ подозрѣваютъ. Отсюда: **подзорная**, зрительная труба.

Обрывать.—Никогда не обгонитъ сразу, не обидитъ, не оборветъ, а развѣ подъ самый конецъ переѣдетъ (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Смычекъ (охотн. выр.) — пара ошейниковъ, связанныхъ цѣпочкой. Гончія ходятъ на смычкѣ, по двѣ вмѣстѣ. Смычекъ гончихъ, пара гончихъ. У меня сударь... было двѣнадцать смычковъ гончихъ, такихъ гончихъ, какихъ, скажу вамъ, немного (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Заложиться — пуститься бѣгомъ во весь духъ. Русакъ заложился. Заложиться по русаку.

Воззриться — всматриваться, вглядываться пристально, въ упоръ, зорко смотрѣть; напасть глазами на то, что ищешь.

Отсѣдать (охотн. выр.) — отсѣдаетъ заяцъ, обманывающій прыжкомъ вверхъ или въ сторону нагнавшихъ его собакъ. Звѣрь отсѣдаетъ; въ смертельной тоскѣ плачетъ помѣщикъ, припавшій къ лукѣ (Некрасовъ. „Псовая охота“).

Вихать — измѣнять положеніе; мѣнять направленіе хода, бѣга.

Провихнуться — промахнуться.

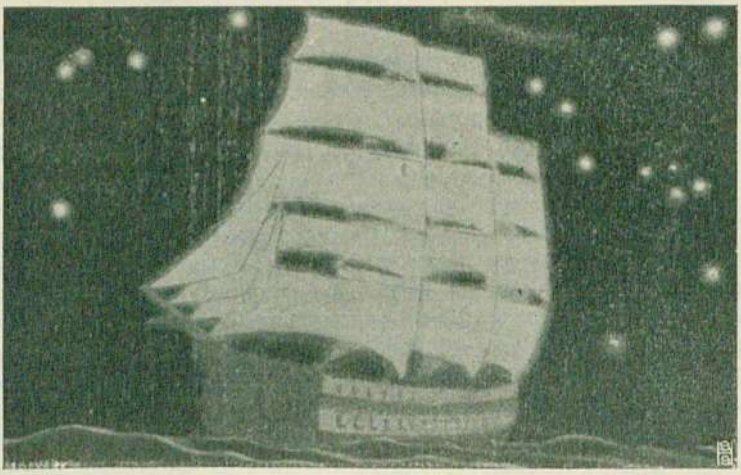
Выкатить — стремительно выбѣжать.

Отпазанчить отъ сущ. **пазанка** — заячья лапка, особ. задняя, съ глубоко распаженными перстами. Отпазанчить зайца, отрѣзать у него заднія лапки до щиколотки. Онъ отпазанчилъ, второчилъ зайца и роздалъ собакамъ лапки (Тургеневъ. „Записки охотника“). **Паз**, скважина, щель, борозда.

Вымахиваться — утомляться, приходить въ изнеможеніе. Лошадь вымахалась.

Угонка — погоня за звѣремъ, настиженіе его. Судьба замотала его, словно зайца на угонкахъ (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Осѣкаться — терпѣть неудачу, давать промахъ. Осѣчься на испытаніи. Ружье осѣкается, не даетъ выстрѣла.



59. Воздушный корабль.

Изъ Зейдлица. Переводъ *М. Ю. Лермонтова.*

По синимъ волнамъ океана,
лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
корабль одинокій несется,
несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
на нихъ флюгера не шумятъ,
и, молча, въ открытые люки
чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
не видно матросовъ на немъ;
но скалы и тайныя мели,
и бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
пустынный и мрачный гранитъ;
на островѣ томъ есть могила,
а въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
врагами въ сыпучій песокъ;
лежитъ на немъ камень тяжелый,
чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
въ полночь, какъ свершается годъ,
къ высокому берегу тихо
воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
очнувшись, является вдругъ;
на немъ треугольная шляпа
и сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
главу опустивши на грудь,
идетъ и къ рулю онъ садится
и быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
гдѣ славу оставилъ и тронъ,
оставилъ наслѣдника-сына
и старую гвардію онъ.

И только что землю родную
завидитъ во мракѣ ночномъ,
опять его сердце трепещетъ
и очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
онъ смѣло и прямо идетъ;
соратниковъ громко онъ кличетъ
и маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры—
въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
подъ снѣгомъ холодной Россіи,
подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ;
иные погибли въ бою,
другіе ему измѣнили
и продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
сердито онъ взадъ и впередъ
по тихому берегу ходитъ,
и снова онъ громко зоветъ.

Зоветъ онъ любезнаго сына,
опору въ превратной судьбѣ,
ему обѣщаетъ полъ-міра,
а Францію только себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
угасъ его царственный сынъ,
и долго, его поджидая,
стоитъ императоръ одинъ;

стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
пока озарится востокъ,
и капаютъ горькія слезы
изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
главу опустивши на грудь,
идетъ и, махнувши рукою,
въ обратный пускается путь.

Флюгеръ—1) узкіе длинные флаги, на вершинахъ мачтъ, служащіе для украшенія; 2) стрѣлка, флагъ на шестѣ для указанія направленія вѣтра. На вѣтряной мельницѣ устроилъ флюгеръ въ видѣ медвѣдя съ разинутой пастью и краснымъ языкомъ (Тургеневъ. „Записки охотника“). Отсюда: **флюгарка** — непостоянный, угодливый человѣкъ, безъ убѣжденій.

Люкъ— 1) здѣсь разумѣются порты, отверстія въ бортахъ корабля, спеціально для пушекъ; прорубь, отверстіе въ палубѣ, вообще въ подпольѣ, погребъ.

Превратный — непостоянный, перемѣнный.

*

60. Дубовый листокъ.

Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова.*

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
и въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
засохъ и увялъ онъ, отъ холода, зноя и горя,
и вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая,
съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
на вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой —
и такъ говоритъ онъ: „Я бѣдный листочекъ дубовый,
до срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ твоихъ изумрудныхъ —
не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ".

— На что мнѣ тебя! отвѣчала младая чинара:
ты пыленъ и желтъ и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! Тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
по небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
и корни мои умываетъ холодное море.

Чинара—растущее преимущественно въ Крыму и на Кавказѣ дерево, яворъ, платанъ.

*

61. Изъ комедіи „Горе отъ ума“.

А. С. Грибоѣдова.

А. С. Грибоѣдовъ
(1798 — 1829).

❋

Судьба проказница,
шалунья
опредѣлила такъ
сама:
всѣмъ глупымъ —
счастье отъ безумья,
всѣмъ умнымъ —
горе отъ ума.

❋

Фамусовъ.

А! Александръ Андреичъ! Просимъ. Садитесь-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ.

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
забудется, того гляди.

Чацкій.

Вы что-то нѣвеселы стали...
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
не веселъ я!.. Въ мои лѣта
не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ.
Я только что спросилъ два слова
объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
твердитъ одно и то же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
то Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
вѣдь я ей нѣсколько сродни;
по крайней мѣрѣ искони
отцомъ не даромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
а главное — поди-ка послужи.

Чацкій.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно!

Фамусовъ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,

Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
на золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
вѣкъ при дворѣ—да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
при государынѣ служилъ Екатеринѣ!
Лѣтъ за сорокъ назадъ все было, братъ, чинъ чиномъ.
Тогда не всякій могъ быть важнымъ господиномъ;
но всякій—важностью особенной надутъ.
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ,—тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ инàче.
А дядя,—что твой князь, что графъ!
серьезный взглядъ, надменный нравъ...
Когда же надо прислужиться,
и онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться—
упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—
изволили смѣяться... Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ—
упалъ въ другòрядь—ужъ нарочно!
А хохотъ пуще,—онъ и въ третій такъ же точно!
А? какъ по-вашему?.. По-нашему—смышленъ:
упалъ онъ больно,—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка?
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да!.. Вы, нынѣшніе—нутка!

Чацкій.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
сказать вы можете, вздохнувши;
какъ посравнить, да посмотрѣть
вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,

какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда — тѣмъ спесь, лежи они въ пыли;
а тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
все подъ личиною усердія къ царю!
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,
его не возмутимъ мы праха.
Но, между тѣмъ, кого охота заберетъ,
хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
теперь, чтобы смѣшить народъ,
отважно жертвовать затылкомъ?..
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ!

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышитъ
и не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусовъ.

Что говоритъ! — а говоритъ, какъ пишетъ!

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
на выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій.

Я досказалъ.

Фамусовъ.

Добро, заткнулъ я уши!

Чацкій.

На что жъ? Я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ (*скороговоркой*).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
воротятся — отъ нихъ порядка жди!..

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье.

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

Слуга (*входитъ*).

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ (*ничего не видитъ и не слышитъ*).

Тебя ужъ упекутъ
подъ судъ, какъ пить дадутъ!

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю... подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамусовъ.

Не слушаю... подъ судъ! подъ судъ!

Чацкій.

Да обернитесь, васъ зовутъ.

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ (*встаетъ*).

Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
что очень радъ. Пошелъ же, торопись!
(*Слуга уходитъ.*)
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
извѣстный человѣкъ, солидный,
и знаковъ тьму отличья нахваталъ!
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ! Дурно, братъ!..
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
я всякому, ты знаешь, радъ...
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось
и завиральныя идеи эти брось...
Однако, нѣтъ его! Какую бы причину?..
А! знать, пошелъ ко мнѣ въ другую половину.
(*Поспѣшно уходитъ.*)

* *
*

Фамусовъ (*входя съ полковникомъ Скалозубомъ*).

Сергѣй Сергѣичъ! къ намъ сюда-съ,

прошу покорно, — здѣсь теплѣе;
прозябли вы — согрѣемъ васъ;
отдушничекъ откроемъ поскорѣе...

Скалозубъ (*густымъ басомъ*).

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
самимъ?.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!

Фамусовъ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ, дорогой!
кладите шляпу, сдѣньте шпагу;
вотъ вамъ софа: раскиньтесь на покой...

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(*Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль.*)

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
позвольте намъ своими счесться,
хоть дальними — наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно,—
спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ:
какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ, виноватъ:
мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
и то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку,
ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!..
Однако братецъ вашъ—мнѣ другъ, и говорилъ,
что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ...

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да! счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею;
ему данъ съ бантомъ, мнѣ — на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ! и посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ—двоюродный вашъ братъ!

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
въ деревню,—книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ хвать!..
Вы повели себя исправно:
давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
вакансіи какъ разъ открыты:
то старшихъ выключатъ иныхъ,
другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ...

Фамусовъ.

Помилосердуйте! въ крестахъ ли недочетъ?

Скалозубъ.

Шесть, семь ихъ у меня; да если бъ было десять,
Не худо бы еще одинъ привѣсить.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили;
однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чемъ другомъ
за вами далеко тянуться.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
мнѣ только бы добиться въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите! дай Богъ здоровья вамъ
и генеральскій чинъ; а тамъ—
зачѣмъ откладывать бы дальше,—
рѣчь завести объ генеральшѣ?

Скалозубъ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода:
чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
гдѣ сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра!

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера;
на все свои законы есть.

Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
что по отцу и сыну честь;
будь плохенькій, да если наберется
душъ тысячки двѣ родовыхъ,
тотъ и женихъ.
Другой, хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
пускай себѣ разумникомъ слыви,
а въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!
Да это ли одно!.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь,
дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
особенно изъ иностранныхъ;
хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
для насъ ровнехонько,—про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы: отъ головы до пятокъ
на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ!
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
на юношей, сынковъ и внучатъ:
журимъ мы ихъ, а если разберешь, —
въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички?—Какъ ихъ возьметъ задоръ,
засудятъ о дѣлахъ: что слово — приговоръ!
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
и о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
что, если бъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили, — никогда!
Спаси насъ, Боже! Нѣтъ! А придерутся
къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать, время не приспѣло,
но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей.
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
дай Богъ терпѣніе! Вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!

Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ,—всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,—
ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно. Можно ли воспитаннѣе быть!
Умѣютъ же себя принарядить
тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой!
Французскіе романсы вамъ поютъ
и верхнія выводятъ нотки;
къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
а потому что—патріотки...
Рѣшительно скажу: едва
другая сыщется столица, какъ Москва!

Скалозубъ.

По моему сужденью,
пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ. Ужъ мало ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
дома и все на новый ладъ.

Чацкій.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ (*Чацкому*).

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать—не велика услуга.
(*Скалозубу.*)
Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
не служитъ, то-есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
но захоти, такъ былъ бы дѣловой!

Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой
и славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ, — всѣ такъ же осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто? За древностію лѣтъ,
къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
временъ очаковскихъ и покоренья Крыма;
бранятъ, чего не разумѣютъ,
а рѣдко путное затѣютъ; —
всегда готовые къ журьбѣ,
поютъ все пѣснь одну и ту же,
не замѣчая о себѣ,
что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ ли, что, грабительствомъ богаты,
защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
великолѣпныя соорудя палаты,
гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ...
Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
дитятею возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
и жизнь, и честь его не разъ спасали, — вдругъ
онъ вымѣнялъ на нихъ борзыя три собаки!..
Или — вотъ тотъ еще, который для затѣй
на крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?..
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!

Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!..
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, —
они тотчасъ: разбой! пожаръ!
и прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ!.. Онъ въ прежнемъ ихъ быту
когда-то укрывалъ — расшитый и красивый —
ихъ слабодушіе, разсудка нищету...
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть.
Но кто бъ тогда за всѣми не повлекся!
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
сюда на время пріѣзжали,
кричали женщины — ура!
и въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ (*про себя*).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду.
(*Громко.*)
Сергѣй Сергѣичъ! Я пойду
и буду ждать васъ въ кабинетѣ.
(*Уходитъ.*)

Чацкій.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей?
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало...
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть...
(*Входитъ Молчалинъ.*)
Вотъ онъ — на цыпочкахъ, и небогатъ словами.
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?
(*Обращается къ нему.*)

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

По прежнему-съ. По прежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за день — нынче какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положённый часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ.

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины? По службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
а люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы...

Чацкій.

Какое жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ.

Чацкій.

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
изъ Петербурга воротясь,
съ министрами про вашу связь,
потомъ разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею не знакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это, полно, та ли-съ!
Татьяна Юрьевна! Ея извѣстенъ домъ,
живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ;
мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ,
любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ,
съ женой въ ладу, по службѣ ею дышитъ,
она прикажетъ—онъ подпишетъ...
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ... Частенько тамъ
мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ...
Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ нельзя богаче,
отъ Рождества и до поста,
а лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
и награжденья брать, и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прячусь;
когда дурачиться — дурачусь;
а смѣшивать два эти ремесла
есть тьма искусниковъ,—я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья;
вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что жъ?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,
изъ Петербурга къ намъ переведенъ...

Чацкій.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!

Молчалинъ.

Какъ можно? Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
а пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;
не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть...

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
свое сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.

Чацкій.

Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій (*почти громко*).

Съ такими чувствами, съ такой душою
любимъ!..

Репетиловъ (*вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется*).

Тьфу! оплошалъ. — Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?..
Сердечный другъ, любезный другъ, mon cher!
Вотъ, фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
что у меня на все предчувствія, примѣты.

Сейчасъ... растолковать прошу,—
какъ будто зналъ, сюда спѣшу...
хвать! объ порогъ задѣлъ ногою,
и растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
а у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,
что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
такого вѣрнаго — ей-ей!
пускай лишусь жены, дѣтей,
оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
пускай умру на мѣстѣ этомъ,
да разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ.

Не любишь ты меня! естественное дѣло:
съ другими я и такъ и сякъ,
съ тобою — говорю несмѣло;
я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ.

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Брани меня: я самъ кляну свое рожденье,
когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты? есть.. книга...

Чацкій.

А ты читалъ? — Задача для меня.
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандàломъ, —
я это имя заслужилъ:
людьми пустыми дорожилъ;
самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай, — ври, да знай же мѣру.
Есть отчего въ отчаянье прійти.

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролетъ...

Чацкій.

Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ.

Что, ночь одна — не въ счетъ!
За то спроси: гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь:
чай, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать.
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуйста, молчи — я слово далъ молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
по четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

Чацкій.

Ахъ, братецъ, я боюсь!

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
вслухъ, громко говоримъ, никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
о Байронѣ... ну, о матерьяхъ важныхъ, —
частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre! У насъ тебя недоставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
поѣдемъ-ка сейчасъ, — мы, благо, на ходу.
Съ какими я тебя сведу
людьми! Ужъ на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи.

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь?—Домой!—я спать хочу.

Репетиловъ.

Э, брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій.
Рѣшись, а мы... У насъ рѣшительные люди,
горячихъ дюжина головъ;
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ.

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?
Ужъ вѣрно изъ какихъ-нибудь да пустяковъ!

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы—и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
но государственное дѣло:
оно, вотъ видишь, не созрѣло,—
нельзя же вдругъ...
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій
скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій—
чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ.

Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка:
и такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
и такъ же коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ!..
Еще у насъ два брата:
Леонъ и Боренька — чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что сказать.
Но если генія прикажете назвать,—
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
и приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
его отрывокъ: „Взглядъ и нѣчто".
Объ чемъ, бишь, нѣчто? Обо всемъ.
Ахъ, это нѣчто!.. Милый другъ,
какія мысли, смѣлость, духъ...
Все знаетъ. Мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту...
Не надо называть, — узнаешь по портрету:
ночной разбойникъ, дуэлистъ,
въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
и крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!..
Когда жъ объ честности высокой говоритъ—
какимъ-то демономъ внушаемъ—
глаза въ крови, лицо горитъ,
самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними я, конечно, заурядъ,—
немножко поотсталъ, лѣнивъ, — подумать ужасъ!
Однакожъ я, когда, умишкомъ понатужась,
засяду — часу не сижу
и какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
и вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;

другіе шестеро на музыку кладутъ;
другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
далъ сердце доброе,—вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру—простятъ...
(*Навстрѣчу Скалозубу, спускающемуся съ лѣстницы.*)
А! Скалозубъ, душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!
(*Душитъ его въ объятіяхъ.*)

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(*Входитъ въ швейцарскую.*)

Репетиловъ (*Скалозубу*).

Слухъ объ тебѣ давно затихъ;
сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы?... (*Ищетъ Чацкаго глазами.*)
Упрямецъ ускакалъ!
Нѣтъ нужды!—Я тебя нечаянно сыскалъ,
и просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ!
у князь-Григорія теперь народу тьма:
увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
во-первыхъ—напоятъ шампанскимъ на убой;
а, во-вторыхъ—такимъ вещамъ научатъ,
какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь! Съ ученостью вы много взяли всѣ-то?
Богъ вамъ премудрость ниспошли!
Даютъ ли ордена за это?
Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли.
Я школы Фридриха!..
Скликай другихъ. А если хочешь,
я князь-Григорію и вамъ

фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
онъ въ три шеренги васъ построитъ,
а пикнете—такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Тебѣ все служба на умѣ!..

Обрыскать — объѣхать, обѣгать много мѣстъ. **Обрыскаться** — набраться житейскаго опыта. *Молодо зелено, а поживешь, обрыскаешься.*

Искони—исконь, испоконъ вѣку, съ начала вѣка, издавна, изстари. **Исконъ**—начало; **исконный** — изначальный, изстари заведенный, стародавній.

Блажить — дурачиться, шалить, своенравничать. Въ своей отвагѣ молодой товарищъ вашъ блажилъ довольно (Баратынскій). Купецъ не то, что баринъ. Купецъ не блажитъ... не мозжитъ не шпыняетъ (Тургеневъ. „Записки охотника"). **Блажной** — шальной, своенравный, безтолковый. Брось эту блажную мысль—не женись (Пушкинъ. „Арапъ Петра Вел.").

Цугъ (нѣм.) — четверня и шестерня, запряженная парами, одна за другой. Наконецъ однажды, середи дороги, шестернею цугомъ показались дроги (Некрасовъ. „Забытая деревня").

Надутый.—Все сѣро, бездарно, надуто претензіями (Чеховъ „Скучная исторія").

Тупей (франц.) — взбитый хохолъ на головѣ. Тупейный гребень.

Куртагъ (франц. и нѣм.) — выходъ при дворѣ, пріемный день во дворцѣ.

Чинъ. — А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль карманы пусты! (Крыловъ.) *Не великъ чинъ: отставной козы барабанщикъ. Дураку, что большому чину, вездѣ просторъ и дорога.* Нижній чинъ, рядовой солдатъ. Хвалитъ тебя—точно въ чинъ производитъ (Тургеневъ „Рудинъ").

Брать лбомъ — брать лестью, хитростью, низкопоклонствомъ.

Карбонарій (итал.) — членъ тайнаго противоправительственнаго общества; заговорщикъ. Это не мое только мнѣніе... другіе также находятъ, что этотъ баринъ смотритъ карбонаріемъ (Тургеневъ. „Дымъ").

Бить баклуши—праздно проводить время. **Баклуша**—1) болванъ, служащій для токарной выдѣлки деревянной посуды; 2) музыкальное металлическое орудіе въ видѣ тарелки.

Завиральный — вздорный, ложный, вредный. Завиральныя идеи, либеральныя идеи. **Завираться** — путаться, сбиваться въ лживомъ разсказѣ. *Ври, да не завирайся.* Наконецъ такъ заврался, что остановился на половинѣ слова какой-то фразы (Толстой. „Дѣтство и отрочество").

Софа (турецк.) — большой диванъ со спинкой изъ подушекъ.

Считаться — 1) быть признаннымъ; слыть, почитаться кѣмъ-либо; полагать, ставить во что; 2) свести, покончить счеты, помириться, согласиться. *Свои люди—сочтемся.*

Свой. — *Кто сидѣлъ на печи, тотъ ужъ не гость, а свой. Всякому мила своя сторона. Свой своему поневолѣ братъ. Всякъ куликъ свое болото хвалитъ. Кумовство да свойство—все свое родство. Свое горе — великъ желвакъ; чужая болячка — почесушка. Чужой дуракъ — смѣхъ, а свой дуракъ — стыдъ.*

Доводиться — 1) быть въ извѣстной степени родства; 2) случаться, удаваться. Какъ знать, кому въ комъ нужда доведется (Крыловъ. „Левъ и мышь"). Спустя-то рукава нынче ужъ, видно, рѣдко кому прожить доведется (Салтыковъ. „Благонамѣренныя рѣчи").

Хватъ.—Въ свое время считался первымъ по губерніи хватомъ... пѣсельниковъ держалъ, самъ пѣвалъ и плясалъ мастерски (Тургеневъ „Записки охотника".)

Поискать — взыскать милостью или карой, испытаніемъ.

Погонь, погоня. — *Въ погонь счастью не наскачешься. За кѣмъ нѣтъ погони, тотъ и не бѣжитъ.*

Переводъ, отъ гл. **переводить** — изводить, уничтожать во множествѣ. **Переводиться** — исчезать. Въ этомъ лѣсу былъ звѣрь, да перевелся.

Дистанція (лат.) — 1) разстояніе одного мѣста отъ другого; 2) участокъ города и вообще мѣстности, гдѣ прокладываются пути сообщенія.

Чванство — гордость, тщеславіе, спесь, важничанье. *Ему чортъ чванствомъ кафтанъ подстегалъ.* За то ужъ чванныхъ не терплю (Крыловъ. „Демьянова уха").

Прыткій отъ сущ. **прыть** — проворство, удальство, молодечество. *Прытью не удивишь, а себя испортишь. Прытче зайца не будешь, а и того ловятъ.*

Журить — дѣлать выговоръ, увѣщевать, наставлять. *Кого журятъ, того любятъ.* Вотъ попрекать мнѣ станутъ, что безъ толку всегда журю! (Грибоѣдовъ.) Въ качествѣ друга я журилъ его,... зачѣмъ ничего не дѣлаетъ и не читаетъ (Чеховъ „Дуэль").

Приспѣвать — близиться, наступать, наставать. *Зима приспѣла, всѣхъ исплошила.*

Дымка — легкая ткань. Легкою дымкой тумана ясный одѣтъ небосклонъ (Никитинъ). Все въ ней свѣтло, понятно, и все обвѣяно дремотной дымкой какой-то влюбленной тишины (Тургеневъ. „Наканунѣ").

Ужимки. — И безъ того мнѣ было не по себѣ, а тутъ опять этотъ неестественный смѣхъ, эти странныя ужимки (Тургеневъ. „Ася").

Досаждать, досадить. — Ни слезкой я тебѣ не досажу (Пушкинъ. „Русалка"). Досаждать просьбами.

Ворожба (отъ гл. **ворожить**) — колдовство, чародѣйство.

Архивъ (греч.) — присутственное мѣсто, въ которое сдаются оконченныя производствомъ дѣла. Однакожъ имена въ архивѣ ихъ (судей) остались (Крыловъ. „Щука"). Сдать въ архивъ, предать забвенію.

Взманивать — возбуждать желаніе, подстрекать. Друзья! вы и меня стихи писать взманили (Жуковскій).

Фарсъ (франц.) — шутка, забавная выходка, шалость. Небольшое сценическое произведеніе легкаго содержанія. Здѣсь употреблено въ смыслѣ: вздоръ, пустая болтовня.

Прозакладывать — 1) проиграть, побившись объ закладъ, проспорить; 2) поставить въ ставку.

Задача — загадка. Ну-ка, философъ, разрѣши мнѣ эту задачу (Тургеневъ. „Наканунѣ").

Вандалъ — грубый, невѣжественный человѣкъ.

Матерія — сущность сочиненія, ея содержаніе и предметъ; вопросъ.

Схватиться — горячо заспорить.

Камера — палата, парламентъ; судъ, присутственное мѣсто.

Прелюдія — вступленіе къ музыкальному произведенію; предисловіе, введеніе.

Складка. — Въ характерѣ образовалась извѣстная складка, въ жизнь проникли извѣстныя привычки (Салтыковъ. „Пошехонская старина"). Человѣкъ англійской складки, англоманъ, пристрастный ко всему англійскому.

Бишь (сокращеніе слова **баишь**) отъ гл. **баять** — говорить. Частица бишь употребляется въ знакъ усилія что вспомнить или въ видѣ поправки сказаннаго (Флейтистъ) проплевалъ... то бишь! просвисталъ пьеску (Тургеневъ. „Клара Миличъ").

Алеутъ—портретъ съ одного члена семьи гр. Толстыхъ, носившаго прозвище „американца" и прославившагося какъ своими фантастическими похожденіями на крайнемъ востокѣ, такъ и буйными выходками, которыми по возвращеніи онъ изумлялъ Москву.

Каламбуръ (франц.) — игра словъ, одинаково пишущихся или произносимыхъ, острота. Допотопнымъ каламбуромъ всѣхъ смѣшитъ до слезъ (Курочкинъ). Каламбуръ Пушкина: Веселися Русь: нашъ Глинка — ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Водевильчикъ, уменьш. отъ сущ. **водевиль** (франц.) — драматическое сочиненіе веселаго характера съ куплетами. Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль! (Грибоѣдовъ.)

Шеренга — строй солдатъ плечомъ къ плечу, фронтомъ.

⁂

62. Муха и дорожные.

Басня *И. А. Крылова.*

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
сыпучими песками, въ гору,
съ поклажей и семьей дворянъ,
четверкою рыдванъ
тащился.
Кони измучились, и кучеръ, какъ ни бился,
пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ
и, лошадей мучитель,
съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ,
а легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
что лошади, хотя его тронули,
но въ гору по песку едва-едва тянули.
Случись тутъ мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
вокругъ повозки суетится:
то подъ носомъ юлитъ у коренной,
то лобъ укуситъ пристяжной,
то, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ садится
или, оставя лошадей,
и вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей;
ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ хлопочетъ
и только плачется на то,
что ей ни въ чемъ никто
никакъ помочь не хочетъ;
что только лишь она
о всемъ заботится одна.
Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, понемногу,
встащилися на ровную дорогу.
„Ну“, муха говоритъ: „теперя слава Богу!
садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;
а мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
меня насилу крылья носятъ“.

Г. МАРКУТЪ. 09.

Куда людей на свѣтѣ много есть,
которые вездѣ себя хотятъ приплесть
и любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

Рыдванъ — колымага, большая карета. На вершинѣ большой мусорной кучи валялся старый престарѣлый кузовъ какого-то фантастическаго рыдвана, какихъ уже не бывало въ дѣйствительности (Короленко. „Въ дурномъ обществѣ“).

Биться. — Хозяинъ бился съ ней (бочкой) близъ года (Крыловъ. „Бочка“). Биться надъ рѣшеніемъ задачи. Да что тутъ мнѣ биться, какъ рыбѣ объ ледъ! (Никитинъ.)

Вступаться — 1) вмѣшиваться, принимать участіе. Вступился въ рѣчь ихъ волъ (Крыловъ. „Слонъ въ случаѣ“); 2) брать чью-либо сторону. Ты, Господи, вели, чтобъ ангелъ твой вступился за него (Жуковскій).

Юлить — метаться, увиваться, суетиться, егозить. **Юла.** — Поднялъ Малекъ-Аделя (коня) на дыбы, повернулъ имъ на воздухѣ, на однѣхъ заднихъ ногахъ, словно волчкомъ или юлою — и маршъ-маршъ! (Тургеневъ. „Записки охотника“.) Ахъ ты, Господи, что за ребенокъ, за юла такая! (Гончаровъ. „Обломовъ“.)

Шнырять — суетливо бѣгать, метаться. У насъ тамъ въ передней... сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. (Гоголь. „Ревизоръ“).

Откупщикъ отъ сущ. **откупъ** — срочное пользованіе, право продажи изъ однѣхъ рукъ. Винный откупъ.

⁂

63. Изъ поэмы „Мертвыя души“.

Н. В. Гоголя.

Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ, и не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ пріобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудились отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе.

— Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю!—говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыстнувъ кнутомъ лѣнивца. — Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой—почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ; я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель — тожъ хорошій конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ!

Здѣсь онъ опять хлыстнулъ его кнутомъ, промолвивъ: „У, варваръ! Бонапартъ ты проклятый!..“ Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: „Эй, вы, любезные!“ и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ.

Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому:—Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить — съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдаетъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ службу государскую, онъ сколеской совѣтникъ...

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался, наконецъ, въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ, громовый ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ ея кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки вожжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: „Эй, вы, други

почтенные!“ и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По расчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая—хоть глазъ выколи.

— Селифанъ!— сказалъ онъ, наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что, баринъ?—отвѣчалъ Селифанъ.

— Погляди-ка, не видно ли деревни?

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!

Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ — пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и понудительные крики, которыми потчуютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а какъ что первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ, дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями.

Между тѣмъ, Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь! — сказалъ Чичиковъ.

— Да что жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!

Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь! — кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобы я опрокинулъ, — говорилъ Селифанъ.—Это нехорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину.

Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и, наконецъ, выворотилъ ее совершенно набокъ. Чичиковъ и руками, и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ, онѣ остановились бы и сами, потому

что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: „Вишь ты, и опрокинулась!“

— Ты пьянъ, какъ сапожникъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это нехорошее дѣло — быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить, — въ томъ нѣтъ худого,—и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

— А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? забылъ? — сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобъ я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что...

— Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно, — отвѣчалъ на все согласный Селифанъ. — Коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему же не посѣчь?

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ ними сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился только тогда, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать, Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало ливпаго дождя. что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и досягнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота.

Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ:

— Кто стучитъ? Чего расходились?

— Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать,—произнесъ Чичиковъ.

— Вишь ты какой востроногій, — сказала старуха: — пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ.

— Что жъ дѣлать, матушка? Вишь съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи.

— Да, время темное, нехорошее время, — прибавилъ Селифанъ.

— Молчи, дуракъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Да кто вы такой? — сказала старуха.

— Дворянинъ, матушка.

Слово дворянинъ заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать.

— Погодите, я скажу барынѣ,—произнесла она и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ.

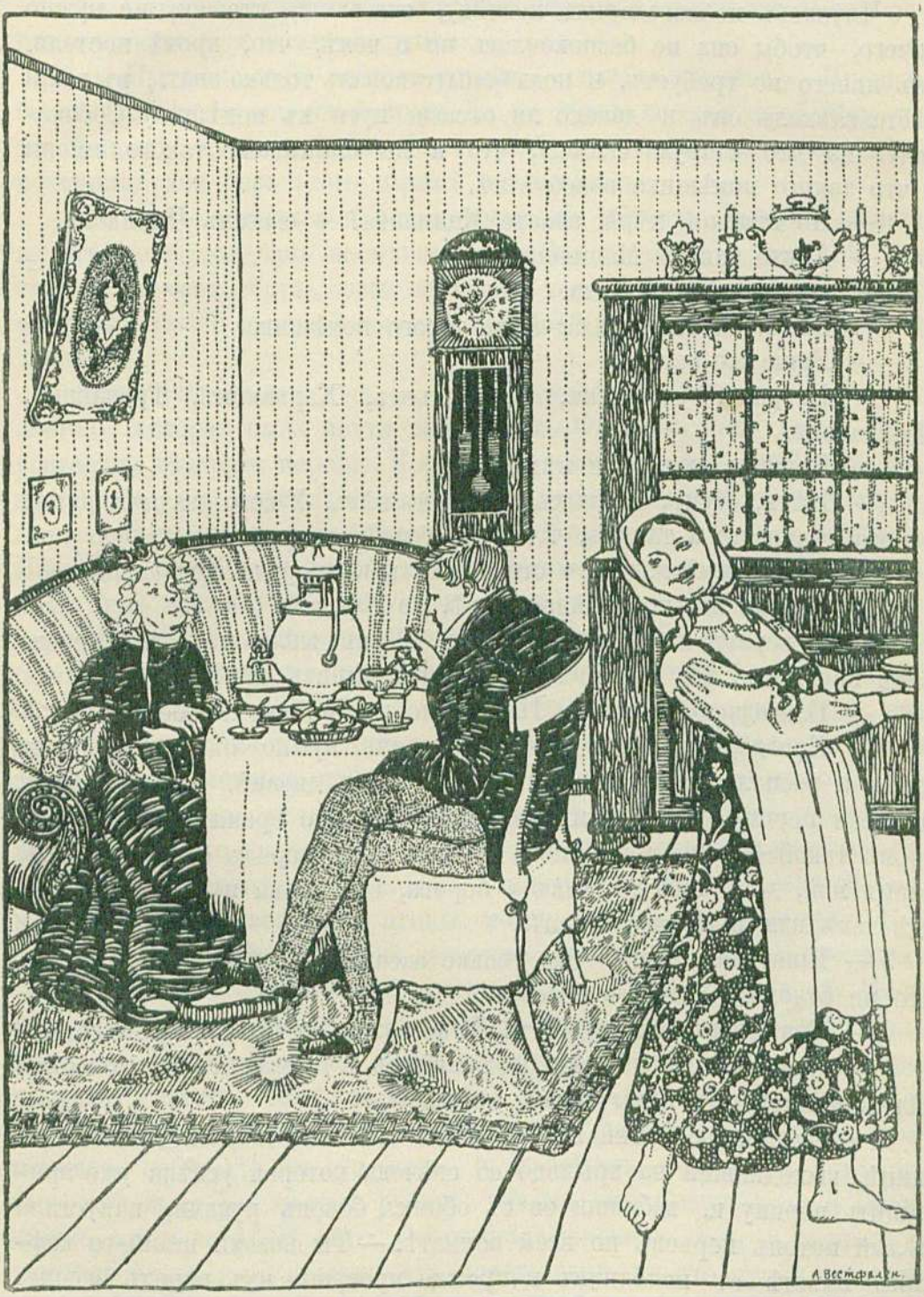
Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ, псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ пономарь; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это, наконецъ, повершалъ басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ: тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстукъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ,

какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшена старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между оконъ — старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ... не въ мочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову нѣсколько набокъ, а, между тѣмъ, набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтинники, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ, кромѣ бѣлья да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ.

— Ничего, ничего! — сказала хозяйка. — Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять спокойно щелкать направо и налѣво.



Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что, кромѣ постели, онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, знаете Манилова? — сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ, не слыхивала; нѣтъ такого помѣщика.

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.

— Богатые люди или нѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

— Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?

— А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи; гдѣ такъ изволилъ засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья! — сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчою, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ. — Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня!—говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вотъ тебѣ постель готова, — сказала хозяйка. — Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки: покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи.

Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ въ просонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть, — обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не все были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять: въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и, наконецъ, вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ, — окно же было очень близко отъ земли, — заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ,

вѣроятно, „желаю здравствовать“, на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ или курятникъ перегораживалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились, а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ гдѣ стоявшую запасную, почти новую, телѣгу, а гдѣ и двѣ. „Да у ней деревушка не маленькая“, сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали? — сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера, — въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все также было что-то навязано.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресло. — Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой.

— Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

— Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

— Недурно, матушка, хлебнемъ и фруктовой... У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80, — сказала хозяйка, — да бѣда, времена плохія: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

— Однакожъ, мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? Хорошее имя — Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? — спросила помѣщица: — вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка! — отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись: — чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что же другое? Развѣ пеньку? Да вѣдь и пеньки у меня теперь маловато — полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ! — сказала старуха, вздохнувши. — И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ — подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ прекрасный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка! — сказалъ Чичиковъ, вздохнувши: — противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же? Я, право, въ толкъ-то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко и что необходимо ей растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ?—сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

— Да кто жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, — произнесла хозяйка съ разстановкой: — вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

— Нѣтъ, этого-то я не думаю! Что жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

„Ну, баба, кажется, крѣпколобая!“ подумалъ про себя Чичиковъ.— Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ!—подхватила псмѣ-

щица.—Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста да засѣдателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ—я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что жъ, матушка, по рукамъ, что ли? — говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову — двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы, сами салфетки ткутъ.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь стоятъ.

— Послушайте, матушка... эхъ, какія вы! что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня только то и останавливаетъ, что вѣдь они мертвые.

„Экъ ее, дубино-головая какая!“ сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. „Пойди ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!“ Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ, какъ день, все

отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною.

— Вы, матушка,—сказалъ онъ,—или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги, пятнадцать рублей ассигнаціями,—понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?

— По двѣнадцати рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей-Богу продала.

— Ну, видите ль? Такъ зато — это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму; а мертвыя души—дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да не серебромъ, а все синими ассигнаціями.

Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, подастся.

— Право,—отвѣчала помѣщица,—мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маленько повременю, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

— Срамъ, срамъ, матушка! просто, срамъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобятся...—возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! — проговорила старуха, крестясь.

— Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька — пенькою, въ другой разъ пріѣду — заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей-Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.

— Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! — вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. — Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и послалъ его. Такой гадкій привидѣлся, а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!..

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь!—сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду...

Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ:

— Да чего жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаціей! Только, смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу, — говорилъ онъ, а, между тѣмъ.

отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ.

— Какъ же! протопопа, отца Кирилла, сынъ служитъ въ палатѣ, — сказала Коробочка.

Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить отъ лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

„Хорошо бы было“, подумала, между тѣмъ, про себя Коробочка: „если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ немного“.

Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль насчетъ загнутія пирога и, вѣроятно, пополнить ее и другими произведеніями домашней пекарни и стряпни, а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. „Экъ уморила какъ проклятая старуха!“ сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку.

Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же и не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ, потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того, что покороче, наполненныя билетами—визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно сбоку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту

хозяиномъ, что навѣрное нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ, Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой, — сказала она, подсѣвши къ нему. — Чай, въ Москвѣ купилъ его?

— Въ Москвѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

— Я ужъ знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ — до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги!—продолжала она, заглянувши ему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ, гербовой бумаги было тамъ немало. — Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: „Экой длинный!“ Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени — „Коровій Кирпичъ“, иной оказался просто: „Колесо Иванъ“. Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

— Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка.

Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со сняточками, и нивѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ! — сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

— А блинковъ? — сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блинцы очень вкусны, — сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да у меня-то ихъ хорошо пекутъ, — сказала хозяйка: — да вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите? — проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ: — вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ.

— Такъ ужъ, пожалуйста, не забудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду, — сказалъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свиного сала не покупаете? — сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свиного сала купимъ.

— Можетъ быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ Чичиковъ.

— Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги.

— Какъ же бы это сдѣлать? — сказала хозяйка. — Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?

— Какъ не быть.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-по-малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь.

— А вотъ бричка, вотъ бричка! — вскричалъ Чичиковъ, увидя, наконецъ, подъѣзжавшую свою бричку.—Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же? гдѣ ваша дѣвчонка?

— Эй, Пелагея! — сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью: — покажи-ка барину дорогу.

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него.

Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ, помѣстился, сказавши: „А, теперь хорошо! Прощайте, матушка!“ Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что случалось съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ. Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время вожжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотливаго возницы и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: „Ну же, ну, ворона! зѣвай, зѣвай!“ и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и Засѣдатель были недовольны, не услышавши ни разу ни любезные, ни почтенные. Чубарый чувствовалъ непріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. „Вишь ты, какъ разнесло его! — думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрядывая ушами. — Небось, знаетъ гдѣ бить! Не хлыстнетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпитъ или подъ брюхо захлыстнетъ“.

— Направо, что ли?—съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу, — отвѣчала дѣвчонка.

— Куда же? — сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

— Вотъ куды, — отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

— Эхъ ты! — сказалъ Селифанъ. — Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расползались во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши:

— Вонъ столбовая дорога!

— А строеніе? — спросилъ Селифанъ.

— Трактиръ, — сказала дѣвчонка.

— Ну, теперь мы сами доѣдемъ, — сказалъ Селифанъ, — ступай себѣ домой.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы: „Эхъ ты, черноногая!“

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела во-свояси, уже довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ.

Столбовая дорога — большая, почтовая, съ верстовыми столбами. Вотъ мчится тройка удалая вдоль по дорогѣ столбовой (Глинка. „Тройка“). Столбовой дворянинъ, насчитывающій нѣсколько поколѣній предковъ, потомственный дворянинъ, особенно древняго и коренного русскаго происхожденія. Вѣдь столбовые всѣ, въ усъ никому не дуютъ (Грибоѣдовъ).

Каурый — свѣтло-бурый, рыжеватый. Сивка-бурка, вѣщій каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Смекать — догадываться, постигать, соображать. *Одинъ мигаетъ, а другой уже смекаетъ. Всякая слѣпая про себя смекаетъ.* Отсюда: **смекалка** — смышленость, догадливость.

Мѣшкать — медлить, выжидать, бездѣйствовать. Мѣшкаютъ только дураки да умные люди (Тургеневъ. „Отцы и дѣти“). Отсюда: **мѣшканье.** *Мѣшканьемъ бѣды не избудешь.* **Замѣшкаться.** Пожалуй, пождать-пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента (Гоголь. „Женитьба“).

Зарядить. — И дождь, какъ говорится, зарядилъ на цѣлыя сутки (Тургеневъ. „Странная исторія“). Ну, зарядилъ одно слово! воскликнулъ я съ досадой (Тургеневъ. „Три встрѣчи“). Иногда и въ іюлѣ зарядитъ дождь, такъ хоть ваточный сюртукъ надѣвай (Салтыковъ. „Пошехонская старина“).

Завгодно (малорусск.) — угодно. Хитрые они (мужики), черти! мотаютъ имъ (бариномъ), какъ имъ завгодно! (М. Вовчокъ. „Живая душа“).

Зги не видать — А ночь... темная, претемная, — просто зги не видать (Тургеневъ. „Разговоръ“). *Слѣпой слѣпого водитъ, а оба зги не видятъ. О томъ слѣпой и плачетъ, что зги не видитъ.* Ни зги нѣтъ, ничего нѣтъ. Всю ночь зги не соснула (Потѣхинъ. „Бурмистръ“).

Досягать — доставать, доходить до чего. Онъ идетъ, шагая черезъ трупы; кровь по щиколку ему досягаетъ (Пушкинъ. „Видѣніе короля“).

Выводить. — Французскіе романсы вамъ поютъ и верхнія выводятъ нотки (Грибоѣдовъ). При порывахъ баса, выводившаго „Исаіе ликуй“ (Толстой).

Контрабасъ, контрбасъ — самый низкій басъ, октавой ниже простого. Музыкальный смычковый инструментъ съ самымъ низкимъ строемъ баса. Играли вальсъ; контрабасъ гудѣлъ отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко (Тургеневъ. „Ася“).

Пестрядевый, пестрединый, отъ сущ. **пестредь** — пеньковая грубая ткань, обыкновенно сине-полосая. Рубашечная, наволочная пестредь.

Пряженецъ, отъ гл. **пряжить** — жарить въ маслѣ. Пряженое тѣсто. **Пряженцы**, печенье.

Водружать — твердо ставить во что-нибудь, утверждать въ чемъ-либо.

Засѣдатель — членъ, по выбору, въ дореформенныхъ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель, я не лежу въ параличѣ (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“).

Крѣпость — запись, свидѣтельство, выданное судебнымъ мѣстомъ на право владѣнія. Купчая крѣпость.

Ассигнація — кредитный билетъ, бумажныя деньги.

Посулить — обѣщать. Отсюда: **посулъ**. *На посулъ, что на стулъ: посидишь, да и встанешь. Красенъ посулъ, да тощъ. Не держи посуломъ, одолжи отказомъ.* **Посулы** — гостинцы, взятки.

Скородумка — яичница-глазунья.

Прягла — оладья, пышка.

Снятокъ, снетокъ, снѣтокъ — рыбка.

Авантажный (франц.). — Кажется, я очень авантаженъ: хорошо одѣтъ и напомаженъ (Некрасовъ).

Вперять — пристально обращать, устремлять на что-либо. Въ науку онъ вперитъ умъ, алчущій познаній (Грибоѣдовъ).

Побратима — большая стопа, братина.

Крашенина — крашеный холстъ.

Пакля — вычески льна и пеньки.

Прясть ушами—насторожить уши, двигать ими. *Этотъ* думалось Чертопханову, все ушами прядетъ, глупо такъ — а *тотъ*, напротивъ: заложилъ одно ухо назадъ — да такъ и держитъ — хозяина наблюдаетъ! (Тургеневъ „Записки охотника“.)

Брести, брести — тихо идти, плестись. (Крестьянинъ) тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ (Крыловъ. „Крестьянинъ и разбойникъ“). Мнѣ рокъ сулилъ брести невѣдомой тропой (Жуковскій). Собравъ остатокъ силъ, побрелъ я въ глубинѣ лѣсной (Лермонтовъ. „Мцыри“). Онъ встрепенулся и, уже не разсуждая, побрелъ домой (Тургеневъ. „Дымъ“).

*

64. Изъ поэмы „Мертвыя души“.

Н. В. Гоголя.

„Экой скверный баринъ!“ думалъ про себя Селифанъ: „я еще не видалъ такого барина. То-есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство: что, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство“.

Кони тоже, казалось, думали невыгодно о Ноздревѣ: не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: „Эхъ ты, подлецъ!“ но, однакожъ, это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно; онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо, когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно, — нехорошо! Всѣ были недовольны.

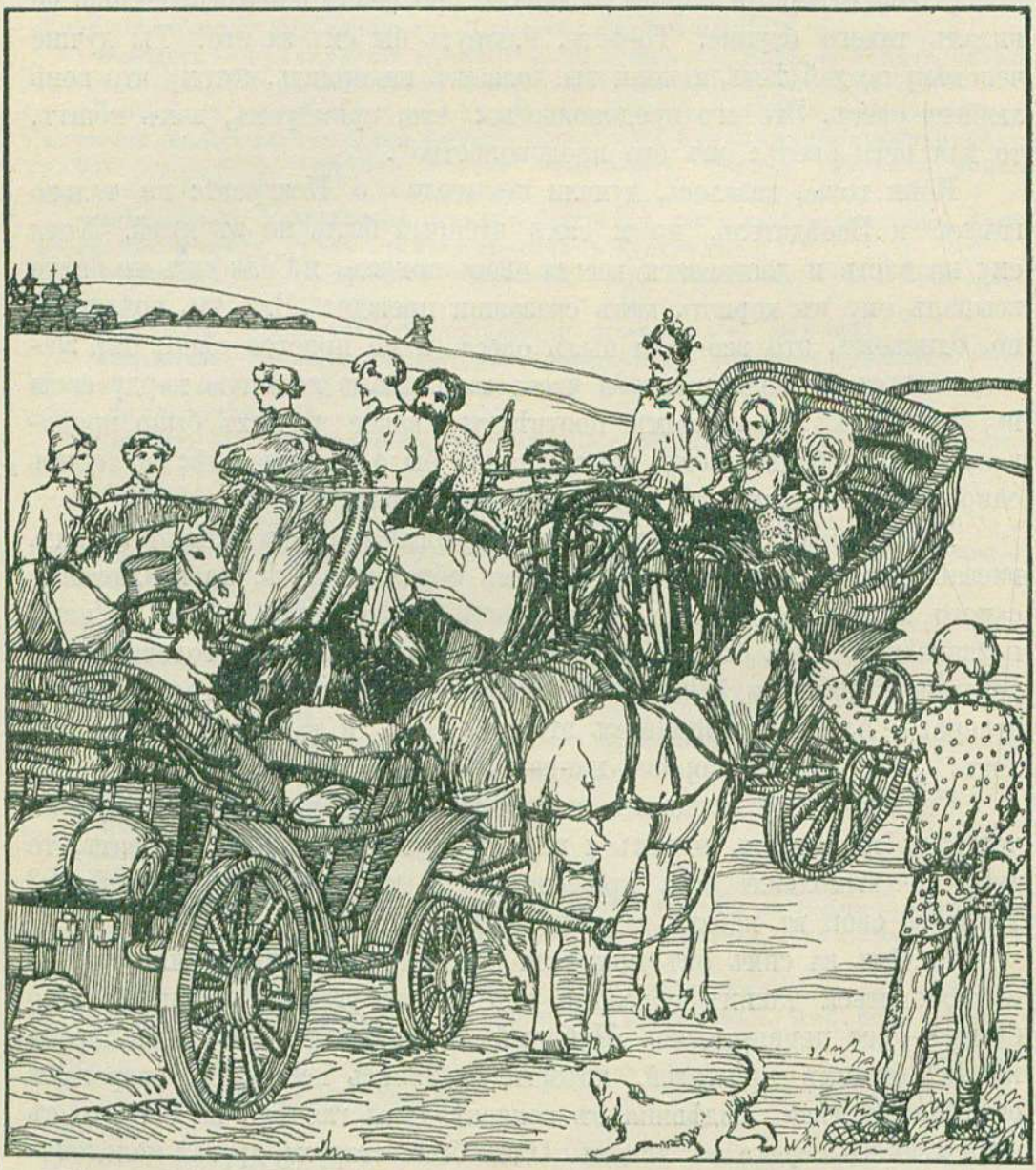
Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскакала коляска съ шестерикомъ коней и почти надъ головами ихъ раздались крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера: — Ахъ ты, мошенникъ этакой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: „Сворачивай, ворона, направо!“ Пьянъ ты, что ли?

Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, пріосанясь: „А ты что такъ разскакался? Глаза-то свои въ кабакѣ заложилъ, что ли?“

Вслѣдъ за симъ онъ принялся осаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было, — все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ, сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ...

— Отсаживай, что ли, нижегородская ворона! — кричалъ чужой кучеръ.

Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ обстоятельствѣ чубарому коню такъ



понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то

нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастью, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика — сущая благодать, все равно, что для нѣмца газеты или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята.

Постромки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или просто дурь, — только, сколько ни хлесталъ ихъ кучеръ, они не двигались и стояли, какъ вкопанные.

Участіе мужиковъ возросло до невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ: „Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Садись, дядя Митяй!“

Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй.

— Стой, стой! — кричали мужики, — садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!

Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною, какъ уголь, бородою, съ брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли. „Теперь дѣло пойдетъ“, кричали мужики. „Накаливай, накаливай его! Пришпандорь кнутомъ вонъ того, соловаго, — что онъ корячится, какъ корамора“.

Но, увидѣвши, что дѣло не шло и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ, кучеръ, потерявши терпѣніе прогналъ и дядю Митяя, и дядю Миняя, и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватали, не переводя духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою.

Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько

разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ скрылась, какъ что-то похожее на видѣніе, и опять остались—дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей... Герой нашъ задумался и отчасти очень основательны были его мысли. „А любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава или просто благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысяченокъ двѣсти приданаго — это могло бы составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка".

Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла мысли Чичикова и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла — одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темно-сѣрыми или, лучше, дикими стѣнами,—домъ, въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ — удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тоже срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли.

Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ поша тки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское, въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ,

и мужское—круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня-щеголя, и подмигивающаго, и посвистывающаго на дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: „Прошу!“ и повелъ его во внутреннія жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура недолго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: „живетъ!“ Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: „Не побезпокоилъ ли я васъ?“ Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на кресла, сказавши опять: „Прошу!“ Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками

и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостиныя. Хозяинъ, будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, висѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ пальма.

— Это моя Ѳеодулія Ивановна, — сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ разсоломъ.

— Душенька, рекомендую тебѣ, — продолжалъ Собакевичъ: — Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.

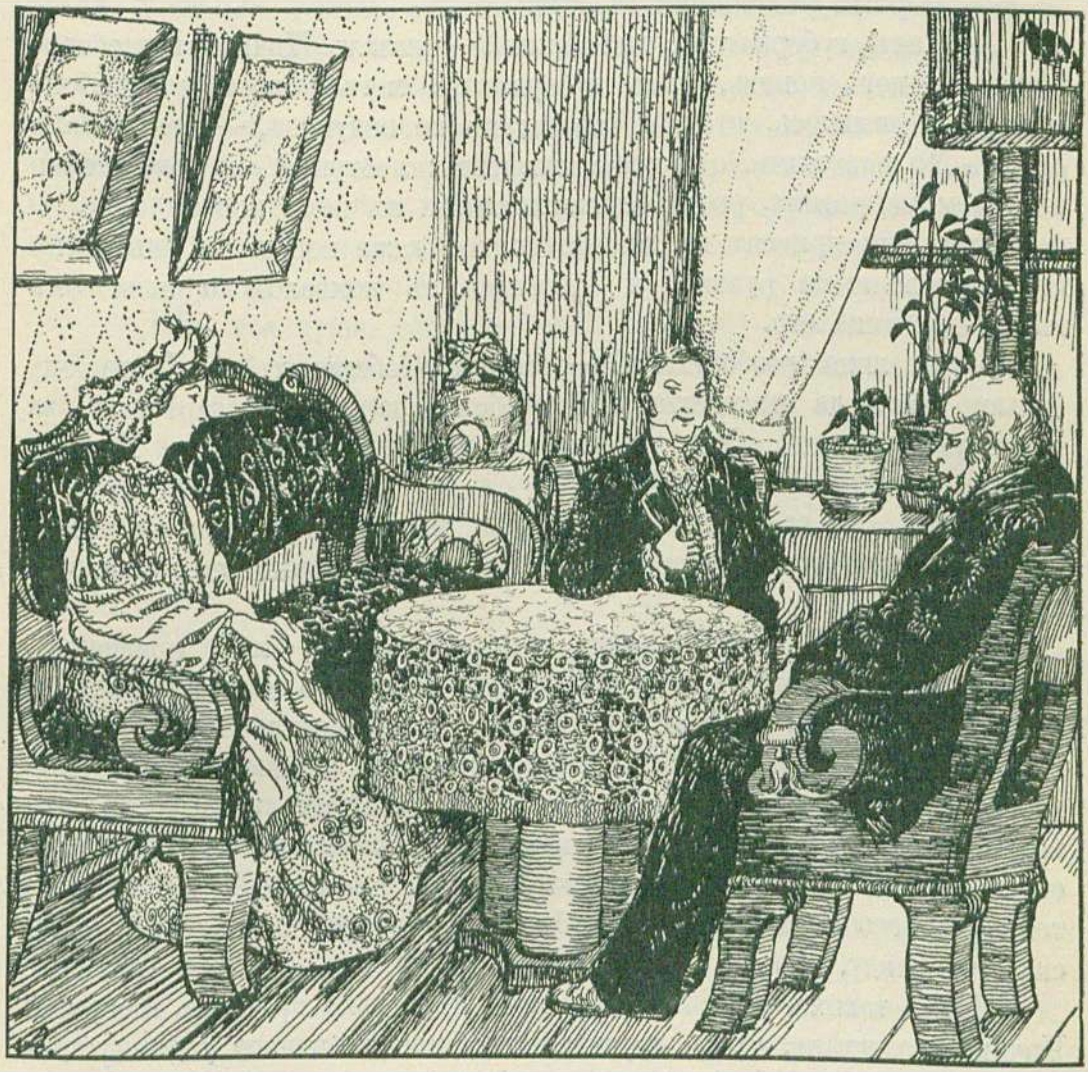
Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: „Прошу!“ и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериносовымъ платкомъ и уже не двинула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клѣткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь; столъ, кресла, стулья — все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: „И я тоже Собакевичъ!“ или: „И я тоже очень похожъ на Собакевича!“

— Мы объ васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича, — сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора, — въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время.

— Да, я не былъ тогда у предсѣдателя, — отвѣчалъ Собакевичъ.



— А прекрасный человѣкъ!

— Кто такой? — сказалъ Собакевичъ, глядя на уголъ печи.

— Предсѣдатель.

— Ну, можетъ быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что масонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ:

— Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но зато губернаторъ какой превосходный человѣкъ!

— Губернаторъ превосходный человѣкъ?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойникъ въ мірѣ!

— Какъ, губернаторъ разбойникъ! — сказалъ Чичиковъ и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. — Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ, — продолжалъ онъ. — Но позвольте, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много.

Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался съ похвалою о ласковомъ выраженіи лица его.

— И лицо разбойничье! — сказалъ Собакевичъ. — Дайте ему только ножъ да выпустите его на большую дорогу, зарѣжетъ, за копейку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога.

„Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ“, подумалъ про себя Чичиковъ. „А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицеймейстерѣ: онъ, кажется, другъ его“.

— Впрочемъ, что до меня, — сказалъ онъ: — мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то простосердечное.

— Мошенникъ! — сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно: — продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья.

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

— Что же, душенька, пойдемъ обѣдать, — сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказалъ Собакевичъ.

За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ

выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то-есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка.

Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро—трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка или, просто, проживающая въ домѣ,—что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отъ роду еще не выходило слово изъ такихъ устъ, а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто—ого-го!

— Щи, моя душа, сегодня очень хороши,—сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками.—Этакой няни,—продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову,—вы не будете ѣсть въ городѣ: тамъ вамъ чортъ знаетъ что подадутъ!

— У губернатора, однакожъ, недуренъ столъ,— сказалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли, изъ чего все это готовится? Вы ѣсть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, какъ приготовляется, объ этомъ я не могу судить; но свиныя котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что́ они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья-поваръ, что выучился у француза, кота, обдеретъ его да и подаетъ на столъ вмѣсто зайца.

— Фу, какую ты непріятность говоришь!—сказала супруга Собакевича.

— А что жъ, душенька! такъ у нихъ дѣлается; я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, что ни есть ненужнаго, что Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лахань, они его въ супъ да въ супъ! туда его!

— Ты за столомъ всегда этакое разскажешь,—возразила опять супруга Собакевича.

— Что жъ, душа моя,—сказалъ Собакевичъ:—если бъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану

ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ее въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа... Возьмите барана,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову:—это бараній бокъ съ кашей. Это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора нѣмцы да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это. Выдумали діэту—лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкокостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все...—Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головою.—Толкуютъ—просвѣщеніе, просвѣщеніе, а это просвѣщеніе—фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина—всю свинью давай на столъ, баранина—всего барана тащи, гусь—всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ.—Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

„Да“, подумалъ Чичиковъ, „у этого губа не дура“.

— У меня не такъ,—говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руки:—у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣетъ, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха.

— Кто такой этотъ Плюшкинъ?—спросилъ Чичиковъ.

— Мошенникъ,—отвѣчалъ Собакевичъ.—Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Вправду?—подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ:—и вы говорите, что у него, точно, люди умираютъ въ большомъ количествѣ?

— Какъ мухи мрутъ.

— Неужели, какъ мухи? А позвольте спросить: какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?

— Въ пяти верстахъ.

— Въ пяти верстахъ!—воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное біеніе.—Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо или налѣво?

— Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ!—сказалъ Собакевичъ.—Извинительнѣе сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему.

— Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что

интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ,—отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали ватрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и не вѣсть чѣмъ, что все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье,—ни груша, ни слива, ни иная ягода,—до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость, ни хозяинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами:

— Я хотѣлъ было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ.

— Вотъ еще варенье,—сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ:—рѣдька, вареная въ меду!

— А вотъ мы его послѣ! — сказалъ Собакевичъ. — Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ!

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ:

— Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ.

И хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка пригнулъ голову, приготовляясь слышать, въ чемъ было дѣльце.

Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика и иностранцы справедливо удивляются.... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что по существующимъ положеніямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложность и безъ того уже весьма сложнаго государственнаго механизма... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что, однакоже, при всей справедли-

вости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ взносить подати такъ, какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность.

Насчетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только — несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все попрежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

— Итакъ?..—сказалъ Чичиковъ, ожидая не безъ нѣкотораго волненія отвѣта.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ?—спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

— Да,—отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши:—несуществующихъ.

— Найдутся; почему не быть?—сказалъ Собакевичъ.

— А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?

— Извольте, я готовъ продать,—сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покупщикъ вѣрно долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

„Чортъ возьми!“ подумалъ Чичиковъ про себя: „этотъ уже продаетъ прежде, чѣмъ я заикнулся!“ И проговорилъ вслухъ:

— А, напримѣръ, какая же цѣна? Хотя, впрочемъ, это такой предметъ... что о цѣнѣ даже странно...

— Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку,—сказалъ Собакевичъ.

— По сту!—вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ, вмѣсто одного, другое слово.

— Что жъ, развѣ это для васъ дорого?—произнесъ Собакевичъ и потомъ прибавилъ:—А какъ бы, однакожъ, ваша цѣна?

— Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись или не понимаемъ другъ друга, позабыли, въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю

съ своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривенъ за душу — это самая красная цѣна!

— Экъ, куда хватили! по восьми гривенокъ!

— Что жъ, по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя.

— Вѣдь я продаю не лапти.

— Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди.

— Такъ вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вамъ продалъ по двугривенному ревизскую душу?

— Но позвольте: зачѣмъ вы ихъ называете ревизскими? Вѣдь души-то самыя давно уже умерли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубля, извольте, дамъ, а больше не могу.

— Стыдно вамъ и говорить такую сумму! Вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну!

— Не могу, Михаилъ Семеновичъ; повѣрьте моей совѣсти, не могу: чего ужъ невозможно сдѣлать, того никакъ невозможно сдѣлать,— говорилъ Чичиковъ; однакожъ, по полтинкѣ еще прибавилъ.

— Да чего вы скупитесь?—сказалъ Собакевичъ:—право недорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!

Чичиковъ открылъ было ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однакоже, давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова.

— А Пробка Степанъ, плотникъ? Я голову прозакладую, если вы гдѣ сыщете такого мужика. Вѣдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи — ему бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

— Милушкинъ, кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмельного. А

Еремѣй Сорокоплёхинъ! Да этотъ мужикъ одинъ станетъ за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ по пятисотъ рублей. Вѣдь вотъ какой народъ! Это не то, что вамъ продастъ какой-нибудь Плюшкинъ.

— Но, позвольте, — сказалъ наконецъ Чичиковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было: — зачѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь это все народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, говоритъ пословица.

— Да, конечно, мертвые, — сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые, а потомъ прибавилъ: — впрочемъ, и то сказать: что изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? — мухи, а не люди.

— Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта... Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать, — сказалъ Чичиковъ.

— Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями, — право, только для знакомства!

„Что онъ въ самомъ дѣлѣ“, подумалъ про себя Чичиковъ: „за дурака, что ли, принимаетъ меня?“ и прибавилъ потомъ вслухъ:

— Мнѣ странно, право: кажется, между нами происходитъ какое-то театральное представленіе или комедія: иначе я не могу себѣ объяснить... Вы, кажется, человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь предметъ просто — фу, фу! Что жъ онъ стоитъ? кому нуженъ?

— Да, вотъ, вы же покупаете; стало-быть нуженъ.

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся, что отвѣчать. Онъ сталъ было говорить про какія-то обстоятельства фамильныя и семейственныя, но Собакевичъ отвѣчалъ просто:

— Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамильныя не мѣшаюсь, — это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаиваться, что не купили.

— Два рублика, — сказалъ Чичиковъ.

— Экъ, право! Затвердила сорока Якова — одно про всякаго, какъ говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!

„Ну ужъ чортъ его побери!“ подумалъ про себя Чичиковъ: „по полтинѣ ему прибавлю, собакѣ, на орѣхи!“

— Извольте, по полтинѣ прибавлю.

— Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа.

„Экой кулакъ!“ сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою:

— Да что въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ будто точно серьезное дѣло! Да я въ другомъ мѣстѣ нипочемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться отъ нихъ. Дуракъ развѣ станетъ держать ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!

— Но знаете ли, что такого рода покупки,—я это говорю между нами, по дружбѣ,—не всегда позволительны, и разскажи я или кто иной, — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства.

„Вишь, куда мѣтитъ, подлецъ!“ подумалъ Чичиковъ и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ:

— Какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, какъ вы думаете, а такъ... по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиною не хотите — прощайте!

„Его не собьешь, неподатливъ!“ подумалъ Собакевичъ.

— Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!

— Позвольте, позвольте! — сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ поберечься, въ наказанье за что долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

— Прошу прощенья! Я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу!

Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться, и дѣлать разныя штуки на вопросы: „А покажи, Миша, какъ бабы парятся?“ или: „А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?“

— Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить.

— Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово.

Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ будто секретъ:

— Хотите — уголъ?

— То-есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угла не дамъ, копейки не прибавлю.

Собакевичъ замолчалъ, Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

— Какая же ваша будетъ послѣдняя цѣна? — сказалъ, наконецъ, Собакевичъ.

— Два съ полтиною.

— Право, у васъ душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубля дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ нравъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?

— Разумѣется.

— Ну, вотъ то-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ.

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостью. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

— Готова записка! — сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

— Готова? Пожалуйте ее сюда!

Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости, — словомъ, любо было глядѣть.

— Теперь пожалуйте же задаточекъ, — сказалъ Собакевичъ.

— Къ чему же вамъ задаточекъ? Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги.

— Все, знаете, такъ ужъ водится, — возразилъ Собакевичъ.

— Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть.

— Что жъ десять! Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ!

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши:

— Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписку.

— Да на что жъ вамъ расписка?

— Все, знаете, лучше расписку. Не ровенъ часъ... все можетъ случиться.

— Хорошо, дайте же сюда деньги.

— На что жъ деньги? У меня вотъ онѣ въ рукѣ! Какъ только напишете расписку, въ ту же минуту ихъ возьмете.

— Да позвольте, какъ же мнѣ писать расписку? Прежде нужно видѣть деньги.

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

— Бумажка-то старенькая, — произнесъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ на свѣтѣ: — немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть.

„Кулакъ, кулакъ!“ подумалъ про себя Чичиковъ: „да еще и бестія въ придачу!“

— А женскаго пола не хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку.

— Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: кто любитъ попа, а кто попадью, говоритъ пословица.

— Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами, — говорилъ Чичиковъ, прощаясь.

— Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать: что по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впередъ не забывать; коли выберется свободный часокъ, пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу.

„Да, какъ бы не такъ!“ думалъ про себя Чичиковъ, садясь въ бричку. „По два съ полтиной содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ!“

Сбитень — 1) горячій напитокъ. Отсюда: **сбитенщикъ**. — Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ какъ самоваръ (Гоголь. „Мертвыя души“); 2) сбитнемъ одѣться, укутаться.

Корячиться, карячиться — топориться, ломаться. **Раскаряка.** — Трезоръ... выступалъ тоже очень удивительно: раскарякой и хвостъ поджалъ и одну губу закусилъ (Тургеневъ. „Перепелка“). **Коряга, каряга.** — Что-то рогатое, черное, медленно выплыло... Коряга, проговорилъ кучеръ и отдернулъ багоръ (Тургеневъ. „Затишье“). Дворовый мальчикъ удилъ рыбу, стоя босикомъ, на полусгнившей карягѣ (Тургеневъ. „Затишье“).

Корамора — большой, длинноногій, вялый комаръ.

Видѣніе. — Великолѣпной картиной, видѣніемъ явилась она Райскому гдѣ-то на вечерѣ въ первый разъ (Гончаровъ. „Обрывъ“). И стала мысль горячая... воздушный рой видѣній навѣвать (Лермонтовъ. „Сказка для дѣтей“). А то еще видѣла я сонъ... а, быть можетъ, это было мнѣ видѣніе (Тургеневъ. „Записки охотника“). Онъ, притаивъ дыханіе, погрузился въ артистическій сонъ и наблюдалъ видѣніе, боялся дохнуть (Гончаровъ. „Обрывъ“).

Мезонинъ. — Домы были въ одинъ, два и полтора этажа съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ (Гоголь. „Мертвыя души“). Уваръ Ивановичъ почивалъ въ мезонинѣ на широкомъ и удобномъ диванѣ, получившемъ прозвище „самосонъ“ (Тургеневъ. „Наканунѣ“).

Педантъ (франц.) — мелочно-точный, требовательный человѣкъ. Ученый малый, но педантъ (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“). Онъ имъ казался какимъ-то мудрымъ педантомъ (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“).

Симметрія (греч.) — соразмѣрность частей цѣлаго.

Фронтонъ (франц.) — стѣнка подъ крышей надъ верхнимъ карнизомъ дома или надъ входомъ. Къ кирпичному скотному двору прилѣпилъ нѣчто въ родѣ греческаго фронтона (Тургеневъ. „Записки охотника“). Посрединѣ каждаго изъ домиковъ выдавалась круглая терраса и возвышался острый фронтонъ (Тургеневъ. „Затишье“).

Кирченый — кирпичный.

Сверло, сверелъ — буравъ. Сверло насѣкомыхъ, жало.

Бюро (франц.) — 1) конторка, письменный столъ на высокихъ ножкахъ. Въ кабинетѣ... стояло старинное, тоже окованное бронзой и украшенное рѣзьбой, бюро съ зеркаломъ, съ урнами, съ лирами, съ геніями (Гончаровъ. „Обрывъ“); 2) контора; центральное управленіе какого-либо общества или учрежденія.

Масонъ (франц.) — членъ тайнаго общества масоновъ, вольныхъ каменщиковъ. Масонами, фармазонами называли вообще либераловъ, вольнодумцевъ. Да ты имъ... сдѣлай какой-нибудь фармазонскій знакъ, право... скажи, что со мной вѣдь чиниться нечего (Тургеневъ. „Новь“).

Колодникъ, отъ сущ. **колода** — 1) лежачее толстое дерево, бревно, толстый отрубокъ. *Черезъ пень-колоду. Не вороти колоды, коли силъ нѣтъ*; 2) вещь, сдѣланная изъ колоды: водопойное корыто, долбленый челнъ, долбленый улей, подвижная часть столярнаго верстака. Отсюда: **колодки** — деревянные кандалы; **колодникъ** — подстражный, узникъ; 3) колода, содержащая пятьдесятъ двѣ игральныя карты.

Ревизскій отъ сущ. **ревизія** — подушная перепись податного населенія. Ревизская сказка, именной списокъ податного населенія. У этого человѣка даже прошедшаго не было; о немъ не говорили, онъ и по ревизіи едва ли числился (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Ядреный — крупный, полный, здоровый, сочный, свѣжій. Здоровый ядреный воздухъ усталыя силы бодритъ (Некрасовъ). Сидитъ на полянѣ передъ избушкой купеческій приказчикъ, свѣжій и ядреный, какъ лущеный орѣхъ (Тургеневъ. „Дымъ“).

Претендовать (франц.) — предъявлять права; обижаться, жаловаться. **Претензія.** — Либо ломаются — претензіи страшныя — либо дичатся, или ужъ некстати развязны (Тургеневъ. „Рудинъ“). Она (усадьба), не отличаясь ни красотою, ни удобствами, уже представляла нѣкоторыя претензіи на то и другое (Салтыковъ. „Пошехонская старина“).

Контрактъ — письменное условіе, договоръ; сдѣлка.

Водится — въ обычаѣ, въ употребленіи. Какъ водится, пошли догадки (Крыловъ. „Слонъ въ случаѣ“).

Не ровенъ часъ. — *Не ровенъ часъ — всяко бываетъ.*

*

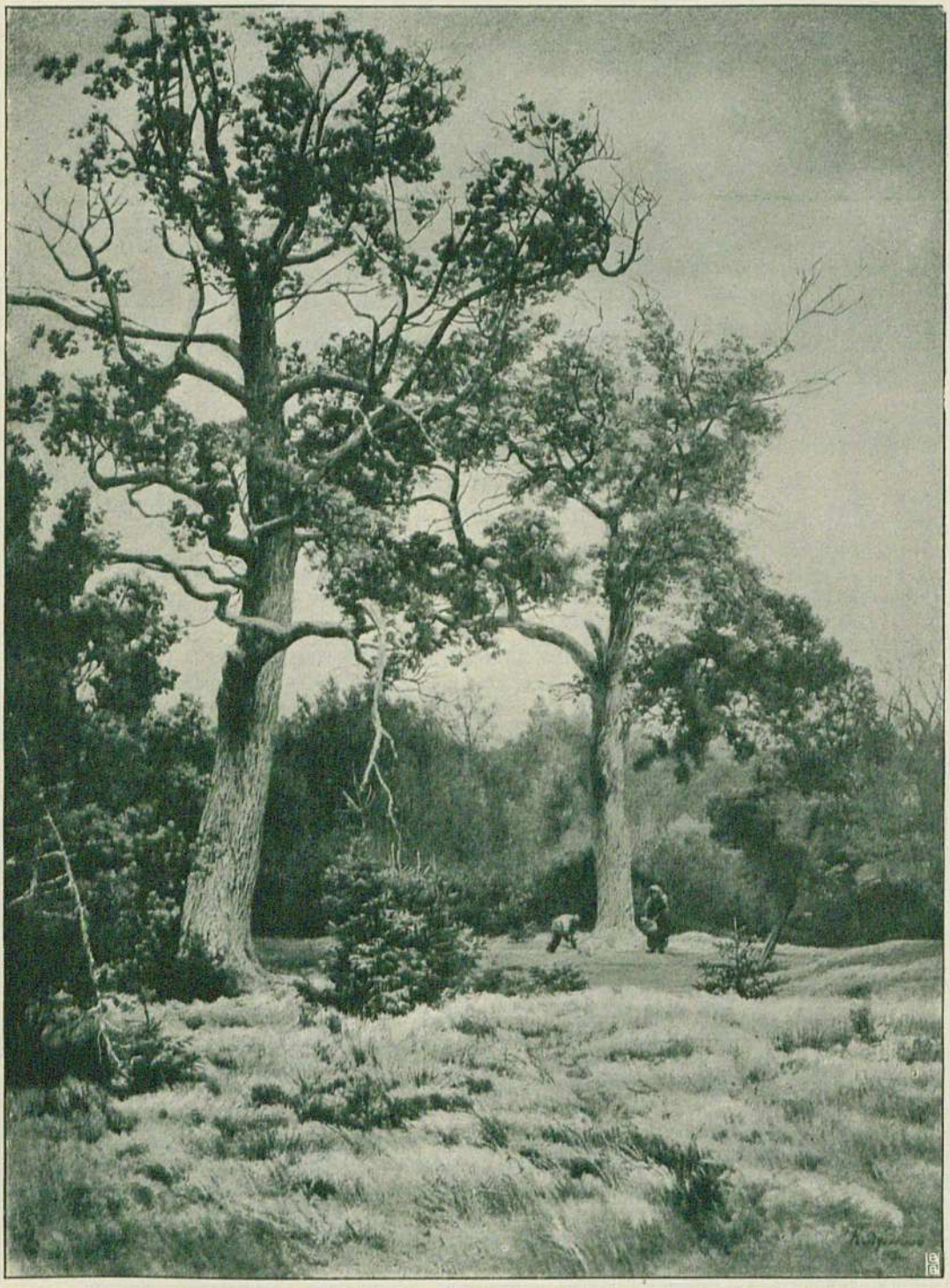
65. Дубъ.

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

Отъ темнаго лѣса далеко,
на почвѣ безплодно-сухой,
дубъ старый стоитъ одиноко,
какъ сторожъ пустыни глухой.
Стоитъ онъ — и смотритъ угрюмо
туда, гдѣ подъ сводомъ небесъ
глубокую думаетъ думу
знакомый давно ему лѣсъ;
гдѣ братья его съ облаками
ведутъ разговоръ по ночамъ,
и дивы приходятъ толпами
кружиться по свѣжимъ цвѣтамъ:
гдѣ вѣтеръ прохладою вѣетъ
и чудныя пѣсни поетъ,
и листъ молодой зеленѣетъ,
и птица на вѣткахъ живетъ...
А онъ, на равнинѣ песчаной,
и пылью, и мохомъ покрытъ,
какъ будто изгнанникъ печальный
о родинѣ милой груститъ;
не знаетъ онъ свѣжей прохлады,
не видитъ небесной росы
и только послѣдней отрады —
губительной жаждетъ грозы.

Диво — существо, вещь или дѣло, возбуждающія удивленіе; чудо. Во множеств. числѣ малоупотребительно. Дался я диву! удивился. Чудо чудное, диво дивное, Русь! Русь!.. Бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива ея, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства (Гоголь. „Мертвыя Души“). Изстари хмель въ ней (деревнѣ) родится на диво! (Некрасовъ. „Дѣдушка Мазай“.) Въ диво, на диво, на удивленіе. Ему не въ диво, ему не въ диковинку Отсюда: **дивоваться** — продолжительно удивляться, изумляться, осматривать что-либо съ любопытствомъ.

*



Дубы. *Н. Н. Дубовской.*

66. Изъ комедіи „Свои люди—сочтемся“.

А. Н. Островскаго.

Липочка (*сидитъ у окна съ книгой*).

А. Н. Островскій.
(1823—1886).

Какое пріятное занятіе эти танцы! Вѣдь ужъ какъ хорошо! Что можетъ быть восхитительнѣе? Пріѣдешь въ собраніе али къ кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся въ цвѣтахъ, разодѣта, какъ игрушка али картинка журнальная, — вдругъ подлетаетъ кавалеръ: „Удостойте счастія, сударыня!“

Ну, видишь: если человѣкъ съ понятіемъ али армейской какой—возьмешь да и прищуришься, отвѣчаешь: „Извольте, съ удовольствіемъ!“

Ахъ! (*съ жаромъ*) о-чаро-ва-тель-но! Это, просто, уму непостижимо! (*Вздыхаетъ.*) Больше всего не люблю я танцовать съ студентами да съ приказными. То ли дѣло отличаться съ военными!

Ахъ, прелесть! восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Одно убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ? Странно, ей-Богу! Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе! Вѣдь, посмотрѣли бы на шпоры, какъ онѣ звенятъ, особливо, если уланъ али полковникъ какой разрисовываетъ — чудо! Любоваться милодорого! Ну, а прицѣпи-ка онъ еще саблю: просто, ничего не увидишь любопытнѣе, одного грома лучше музыки наслушаешься. Ужъ какое же есть сравненіе: военный или штатскій? Военный—

ужъ это сейчасъ видно: и ловкость, и все; а штатскій что? Такъ какой-то неодушевленный! (*Молчаніе.*)

Удивляюсь, отчего это многія дамы, поджавши ножки, сидятъ? Формально нѣтъ никакой трудности выучиться! Вотъ, ужъ я на что совѣстилась учителя, а въ двадцать уроковъ все рѣшительно поняла. Отчего это не учиться танцовать! Это одно только суевѣріе! (*Задумывается.*)

Воображаю я себѣ: вдругъ за меня посватается военный, вдругъ у насъ парадный сговоръ, горятъ вездѣ свѣчки, ходятъ офиціанты въ бѣлыхъ перчаткахъ; я, натурально, въ тюлевомъ либо въ газовомъ платьѣ; тутъ вдругъ заиграютъ вальсъ.—А, ну какъ я передъ нимъ оконфужусь! Ахъ, страмъ какой! Куда тогда дѣваться-то? Что онъ подумаетъ? Вотъ, скажетъ, дура необразованная! Да нѣтъ, какъ это можно!

Однако я вотъ ужъ полтора года не танцовала! Попробую-ка теперь на досугѣ. (*Дурно вальсируя.*) Разъ... два... три... разъ... два... три...

Аграфена Кондратьевна (*входя*).

Такъ, такъ, безстыдница! Какъ будто сердце чувствовало: ни свѣтъ ни заря, не поѣмши хлѣба Божьяго, да ужъ и за пляску тотчасъ!

Липочка.

Какъ, маменька, я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ка, хорошо? Разъ, два, три... разъ... два...

Аграфена Кондратьевна (*преслѣдуя ее*).

Такъ, что жъ, что ты скушала? Нужно мнѣ очень смотрѣть, какъ ты грѣховодничаешь!.. Говорю тебѣ, не вертись!

Липочка.

Что за грѣхъ такой! Нынче всѣ этимъ развлекаются. Разъ... два...

Аграфена Кондратьевна.

Лучше объ столъ лбомъ стучи, да ногами не озорничай! (*Бѣжитъ за ней.*) Да что жъ ты, съ чего ты взяла не слушаться!

Липочка.

Какъ не слушаться, кто вамъ сказалъ! Не мѣшайте, дайте кончить, какъ надобно! Разъ, два, три...

Аграфена Кондратьевна.

Долго лѣ же мнѣ бѣгать-то за тобой на старости лѣтъ! Ухъ, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка.

Сейчасъ, сейчасъ, маменька! Послѣдній кружокъ! Васъ на то и Богъ создалъ, чтобъ жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Разъ, два...

Аграфена Кондратьевна.

Какъ! ты еще пляшешь да еще ругаешься? Сію минуту брось! Тебѣ жъ будетъ хуже: поймаю за юбку, весь хвостъ оторву.

Липочка.

Ну да рвите на здоровье! Вамъ же зашивать придется! Вотъ и будетъ! (*Садится.*) Фу... фу... какъ упаточилась, словно возъ везла! Ухъ! Дайте, маменька, платочка, потъ обтереть.

Аграфена Кондратьевна.

Постой, ужъ я сама оботру! Ишь уморилась! А вѣдь и то сказать, будто неволили... Коли ужъ матери не почитаешь, такъ стѣнъ-то бы посовѣстилась! Отецъ, голубчикъ, черезъ великую силу ноги двигаетъ, а ты тутъ скачешь, какъ юла какая!

Липочка.

Подите вы съ своими совѣтами! Что жъ мнѣ дѣлать по-вашему! Самой что ли хворать прикажете? Вотъ другой манеръ, кабы я была докторша! Ухъ! Что это у васъ за отвратительныя понятія! Ахъ! какія вы, маменька, ей-Богу! Право, мнѣ иногда краснѣть приходится отъ вашихъ глупостей!

Аграфена Кондратьевна.

Каково дѣтище-то ненаглядное! Прошу подумать, какъ она мать-то честитъ! Ахъ ты, болтушка безтолковая! Да развѣ можно такими рѣчами поносить родителей? Да неужто я за тѣмъ тебя на свѣтъ родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка.

Не вы учили — посторонніе; полноте, пожалуйста: вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны.

Ну что жъ: родили вы!—Я была тогда что?—ребенокъ, дитя безъ понятія, не смыслила обращенія. А выросла да посмотрѣла на свѣтскій тонъ, такъ и вижу, что я гораздо другихъ образованнѣе. Что жъ мнѣ потакать вашимъ глупостямъ! Какъ же! Есть оказія.

Аграфена Кондратьевна.

Уймись, эй уймись, бездтыдница! Выведешь ты меня изъ терпѣнія, прямо къ отцу пойду, такъ въ ноги и брякнусь: житья, скажу, нѣтъ отъ дочери, Самсонушко!

Липочка.

Да, вамъ житья нѣтъ! Воображаю. А мнѣ есть отъ васъ житье? Зачѣмъ вы отказали жениху? Чѣмъ не безподобная партія? Чѣмъ не капидонъ? Что вы нашли въ немъ легковѣрнаго?

Аграфена Кондратьевна.

А то и легковѣрнаго, что зубоскалъ! Пріѣхалъ, ломался, ломался, вертѣлся, вертѣлся. Эка невидаль!

Липочка.

Да, много вы знаете! Извѣстно, онъ благородный человѣкъ, такъ и дѣйствуетъ по деликатному. Въ ихнемъ кругу всегда такъ дѣлаютъ. Да какъ еще вы смѣете порочить такихъ людей, которыхъ вы и понятія не знаете? Онъ, вѣдь, не купчишка какой-нибудь. (*Шепчетъ въ сторону.*) Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна.

Да хорошъ душка! Скажите, пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за гороховаго. Вѣдь, ишь ты, блажь-то какая въ тебѣ; вѣдь, это ты на зло матери подъ носъ-то шепчешь.

Липочка.

Видимый резонъ, что вы не хотите моего счастія. Вамъ съ тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна.

Ну, какъ ты хочешь, тамъ думай. Господь тебѣ судья! А никто такъ не заботится о своемъ дѣтищѣ, какъ материнская утроба! Ты вотъ тутъ хохришься да разныя глупости выколупываешь, а мы съ отцомъ-то денно и нощно заботимся, какъ бы тебѣ хорошаго человѣка найти да пристроить тебя поскорѣе.

Липочка.

Да, легко вамъ разговаривать! а позвольте спросить, каково мнѣ-то?

Аграфена Кондратьевна.

Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верхъ матери! Эко сѣмя противное! Словечко пикнешь, такъ языкъ ниже пятокъ пришью. Вотъ послалъ Господь утѣшеніе! Мальчишка ты, шельмецъ, и на умѣ-то у тебя все не женское! Готова, чай, вотъ на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка.

Вы, я воображаю, приплетете скоро всѣхъ буточниковъ. Ужъ молчали бы лучше, коли не такъ воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы послѣ этого! Что, вамъ угодно спровадить меня на тотъ свѣтъ прежде времени? Извести своими капризами? (*Плачетъ.*) Что жъ — пожалуй, я уже и такъ, какъ муха какая, кашляю.

Аграфена Кондратьевна.

Развѣ мнѣ тебя не жаль, ты думаешь! Да что дѣлать-то! Потерпи малость, ужъ коли много лѣтъ ждала. Вѣдь нельзя же тебѣ вдругъ жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловятъ.

Липочка.

Что мнѣ до вашихъ кошекъ! Мнѣ мужа надобно! Что это такое! Страмъ встрѣчаться съ знакомыми, въ цѣлой Москвѣ не могли выбрать жениха — все другимъ да другимъ. Кого не задѣнетъ за живое: всѣ подруги съ мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вотъ одинъ, такъ и тому отказали. Слышите, найдите мнѣ жениха, безпремѣнно найдите!..

Впередъ вамъ говорю, безпремѣнно сыщите, а то для васъ же будетъ хуже: нарочно, вамъ на зло, съ гусаромъ убѣгу, да и обвѣнчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна.

Что, что, безпутная! Кто вбилъ въ тебя такія скверности! Владыко милосердый, не могу съ духомъ собраться... Ну, нечего дѣлать! Видно, придется отца позвать.

Липочка.

Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

Аграфена Кондратьевна.

Тьфу ты, дьявольское навожденіе! Али ты думаешь, что я не властна надъ тобой приказывать? Говори, безстыжіе твои глаза, съ чего у тебя взглядъ-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть! У меня, вѣдь, недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ахъ, матушки вы мои! Посконный сарафанъ сошью да вотъ на голову тебѣ и надѣну!

(*Липочка плачетъ.*)

Аграфена Кондратьевна (*стоитъ и смотритъ на нее*).

Ну, полно, полно!

(*Липочка плачетъ громче и потомъ рыдаетъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Ну, полно ты, полно! Говорятъ тебѣ, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата...

Липочка! Липа! Ну, будетъ! Ну, перестань! (*Сквозь слезы.*) Ну, не сердись ты на меня (*плачетъ*)... бабу глупую... неученую... (*Плачутъ обѣ вмѣстѣ.*) Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Липочка (*плача*).

На что мнѣ сережки ваши, у меня и такъ полонъ туалетъ. А вы купите браслеты съ изумрудами.

Аграфена Кондратьевна.

Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка (*сквозь слезы*).

Тогда и перестану, какъ замужъ выду (*плачетъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Выдешь, выдешь, голубчикъ ты мой! Ну, поцалуй меня! (*Цѣлуются.*) Ну, Христосъ съ тобой! Ну, дай я тебѣ слезки

оботру (*обтираетъ*). Вотъ, нынѣче хотѣла Устинья Наумовна прійти, мы и потолкуемъ.

Липочка (*голосомъ еще не успокоившимся*).

Ахъ! Кабы она поскорѣй пришла!

Приказный — служащій въ приказѣ, вообще въ правительственномъ присутственномъ мѣстѣ, чиновникъ. Приказная строка. Приказный крючокъ. *Приказный проказливъ: руки — крюки, пальцы — грабли, вся подкладка — одинъ карманъ.* Приказный въ чернилахъ крещенъ, въ гербовой бумагѣ повитъ, концомъ пера вскормленъ (Перелицовка изъ „Слова о полку Игоревѣ“).

Суевѣріе — вѣра въ сверхъестественное, въ примѣты, гаданія, ворожбу. Овсяниковъ придерживался старинныхъ обычаевъ не изъ суевѣрія (душа въ немъ была довольно свободная), а по привычкѣ (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Сговоръ — свадебный обрядъ; соглашеніе родителей относительно брака ихъ дѣтей; сговоръ слѣдуетъ за сватовствомъ и предшествуетъ обрученію.

Упаточиться — умаяться, упариться до поту.

Капидонъ, купидонъ (лат.) — И вслѣдъ за купидономъ веселья скрылся рай (Пушкинъ). Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“).

Потакать — потворствовать, давать повадку. *Вору потакать, что самому воровать.*

Зубоскалъ — насмѣшникъ, шутникъ. **Зубоскалить** — хохотать, поднимать на смѣхъ. *И волкъ зубоскалитъ, да не смѣется.* Русокудрые парни... перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу, — зубоскалятъ (Тургеневъ. „Деревня“).

Невидаль. — Эка невидаль — сановное лицо! (Тургеневъ. „Записки охотника“.) Что онъ красно говоритъ, — вишь, невидаль какая! (Тургеневъ. „Записка охотника.)

Кляуза — придирка, сплетня, ябеда, подвохъ. Кляузное дѣло, запутанное, нечистое дѣло. Вообще это былъ необыкновенно дѣятельный человѣкъ, проникшій въ самую глубь кляузы (Салтыковъ. „Пошехонская старина“).

Утроба. — Утроба человѣческая ограничена, а жадное воображеніе приписываетъ ей размѣры несокрушимые (Салтыковъ. „Пошехонская старина“).

Задѣвать (за живое) — обижать, затрагивать чувствительную струну. Къ тому же ея самолюбіе было задѣто (Тургеневъ. „Новь“). Надо быть осторожнѣе, чтобы не задѣвать его слабости (Толстой. „Семейное счастье“).

Посконный, отъ сущ. **пòсконь, посконье** — безплодная конопля, въ которой волокно крѣпче и чаще, чѣмъ въ коноплѣ сѣменной. Посконный холстъ, лучшій крестьянскій холстъ. **Посконный** въ значеніи браннаго слова: мужикъ, лапотникъ, босякъ. *Куда намъ съ посконнымъ рыломъ въ суконный рядъ.*

Таранта — болтунъ, говорунъ. Отсюда **тарантить** — болтать, тараторить. *Не таранти, дорогой, нынѣ годъ не такой: займы градомъ выбило.*

Навожденіе. — Канонъ угодника святого спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать, чтобъ навожденіе духа злого отъ грѣшной мысли отогнать (Лермонтовъ. „Демонъ“).

Буточникъ, будочникъ — см. стр. 121.

67. Отчизна.

Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова.*

Люблю отчизну я, но странною любовью;
не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
ни полный гордаго довѣрія покой,
ни темной старины завѣтныя преданья
не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

М. Ю. Лермонтовъ.
1814—1841.

Но я люблю — за что, не знаю самъ —
ея степей холодное молчанье,
ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
и, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
дрожащіе огни печальныхъ деревень.

Люблю дымокъ спаленной жнивы,
въ степи кочующій обозъ
и на холмѣ, средь желтой нивы,
чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
я вижу полное гумно,
избу, покрытую соломой,
съ рѣзными ставнями окно;
и въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
смотрѣть до полночи готовъ
на пляску съ топаньемъ и свистомъ,
подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Завѣтный — 1) старинный, стародавній, священный. Прелестнымъ пальчикомъ писала на отуманенномъ стеклѣ завѣтный вензель О да Е (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“). Какъ грубо коснулись чужія руки ея завѣтной тайны (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). Заодно съ весной пробуждаются ихъ завѣтныя думы мирныя (Кольцовъ. „Урожай“). У него ничего нѣтъ завѣтнаго (Писемскій); 2) запретный. Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ (Пушкинъ. „Кинжалъ“). По затылку чубъ завѣтный вьется черною космой (Лермонтовъ. „Дары Терека“); 3) содержащій обѣтъ, заповѣдь, завѣщаніе. Ты совершилъ завѣтныя желанья счастливой юности твоей (Языковъ). Душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ (Пушкинъ. „Памятникъ“).

Преданіе — память о событіи; разсказъ, повѣствованіе о прошломъ; заповѣдь, завѣтъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ (Грибоѣдовъ). Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой (Пушкинъ. „Русланъ и Людмила“). Живемъ по преданіямъ отцовъ, дѣдовъ.

*

68. Ковыль.

Стихотвореніе *И. А. Бунина.*

Ненастный день. Дорога прихотливо
уходитъ въ даль. Кругомъ все степь да степь.
Шумитъ трава дремотно и лѣниво;
нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
среди хлѣбовъ загадочно синѣетъ,
кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,
да день отъ тучъ кочующихъ темнѣетъ,
а путь бѣжитъ...

Дремотный, отъ сущ. **дремо́та** — побужденіе ко сну, легкій сонъ. Кругомъ такъ дремотно и тихо (Тургеневъ. „Лѣсъ и степь“). (Сова) едва видитъ своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту (Тургеневъ. „Записки охотника“).

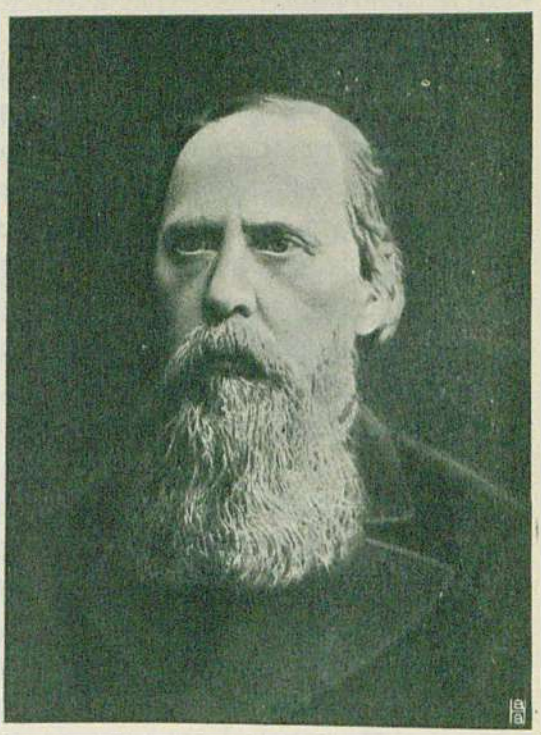
Загадочный — неясный, непонятный, недоговоренный, таинственный. Родные смотрѣли на сборы мои, загадочно какъ-то вздыхая (Некрасовъ. „Русскія женщины“).

Вѣять — дуть. Воздухъ не вѣетъ, тростинка не тронется (Жуковскій). Изъ саду вѣяло осенней свѣжестью (Тургеневъ. „Мой сосѣдъ“). Отсюда: **развѣять**. — Прахъ бездомный по ущелью безъ сожалѣнія развѣй (Лермонтовъ. „Казбекъ“).

*

69. Коняга.

Изъ „Сказки“ *М. Е. Салтыкова.*



М. Е. Салтыковъ.
1826—1889.

Коняга лежитъ при дорогѣ и тяжко дремлетъ. Мужичокъ только что выпрягъ его и пустилъ покормиться. Но конягѣ не до корма. Полоса выбралась трудная, съ камешкомъ: въ великую силу они съ мужичкомъ ее одолѣли.

Коняга — обыкновенный мужичій животъ: замученный, побитый, узкогрудый, съ выпяченными ребрами и обнаженными плечами, съ разбитыми ногами. Голову Коняга держитъ понуро; грива на шеѣ у него свалялась; изъ глазъ и ноздрей сочится слизь; верхняя губа отвисла, какъ блинъ. Немного на такой животинѣ наработаешь, а работать надо. День-деньской Коняга изъ хомута не выходитъ. Лѣтомъ съ утра до вечера землю работаетъ; зимой, вплоть до ростопели, „произведенія“ возитъ.

А силы Конягѣ набраться неоткуда! такой ему кормъ, что отъ него только зубы нахлопаешь. Лѣтомъ, покуда въ ночное гоняютъ, хоть травкой мяконькой поживится, а зимой перевозитъ на базаръ

„произведенія“ и ѣстъ дома рѣзку изъ прѣлой соломы. Весной, какъ въ поле скотину выгонятъ, его жердями на ноги подымаютъ; а въ полѣ ни травинки нѣтъ: кое-гдѣ только торчитъ мохрами сопрѣлая ветошь, которую прошлой осенью скотскій зубъ ненарокомъ обошелъ.

Худое Конягино житье. Хорошо еще, что мужикъ попался добрый и даромъ его не калѣчитъ. Выѣдутъ оба съ сохой въ поле: „ну, милый, упирайся!“—услышитъ Коняга знакомый окрикъ и понимаетъ. Всѣмъ своимъ жалкимъ остовомъ вытянется, передними ногами упирается, задними—забираетъ, морду къ груди пригнетъ. „Ну, каторжный, вывози!“ А за сохой самъ мужичокъ грудью напираетъ, руками, словно клещами, въ соху впился, ногами въ комьяхъ земли грузнетъ, глазами слѣдитъ, какъ бы соха не слукавила, огрѣха бы не дала. Пройдутъ борозду изъ конца въ конецъ и оба дрожатъ: вотъ она, смерть, пришла. Обоимъ смерть — и Конягѣ, и мужику; каждый день смерть...

Пыльный мужицкій проселокъ узкой лентой отъ деревни до деревни бѣжитъ; юркнетъ въ проселокъ, вынырнетъ и опять невѣдомо куда побѣжитъ. И на всемъ протяженіи, по обѣ стороны, его поля сторожатъ. Нѣтъ конца полямъ; всю ширь и даль они заполонили; даже тамъ, гдѣ земля съ небомъ слилась, и тамъ все поля. Золотящіяся, зеленѣющія, обнаженныя — они желѣзнымъ кольцомъ охватили деревню, и нѣтъ у нея никуда выхода, кромѣ какъ въ эту зіяющую бездну полей. Вонъ онъ, человѣкъ, вдали идетъ; можетъ, ноги у него отъ спѣшной ходьбы подсѣкаются, а издали кажется, что онъ все на одномъ мѣстѣ топчется, словно освободиться не можетъ отъ одолѣвающаго пространства полей. Не вглубь уходитъ эта малая, едва замѣтная точка, а только чуть тускнѣетъ. Тускнѣетъ-тускнѣетъ и вдругъ неожиданно пропадаетъ, точно пространство само собой ее засосетъ...

Лежитъ Коняга на самомъ солнечномъ припекѣ; кругомъ ни деревца, а воздухъ до того накалился, что дыханье въ гортани захватываетъ. Изрѣдка пробѣжитъ по проселку вихрами пыль, но вѣтеръ, который поднимаетъ ее, приноситъ не освѣженіе, а новые и новые ливни зноя. Оводы и мухи, какъ бѣшеные, мечутся надъ Конягой, забиваются къ нему въ уши и ноздри, впиваются въ побитыя мѣста, а онъ — только ушами автоматически вздрагиваетъ отъ уколовъ. Дремлетъ ли Коняга, или помираетъ — нельзя угадать. Онъ и пожаловаться не можетъ, что все нутро у него отъ зноя да отъ кровавой натуги сожгло. И въ этой утѣхѣ Богъ безсловесной животинѣ отказалъ.

Дремлетъ Коняга, а надъ мучительной агоніей, которая замѣняетъ ему отдыхъ, не сновидѣнія носятся, а безсвязная, подавляющая хмара. Хмара, въ которой не только образовъ, но даже чудовищъ нѣтъ, а есть громадныя пятна, то черныя, то огненныя, которыя и стоятъ и движутся вмѣстѣ съ измученнымъ Конягой и тянутъ его за собой все дальше и дальше въ бездонную глубь.

Нѣтъ конца полю, не уйдешь отъ него никуда! Исходилъ его Коняга съ сохой вдоль и поперекъ, и все-таки ему конца-краю нѣтъ. И обнаженное, и цвѣтущее, и цѣпенѣющее подъ бѣлымъ саваномъ— оно властно раскинулось вглубь и вширь и не на борьбу съ собой вызываетъ, а прямо беретъ въ кабалу...

Для всѣхъ поле—раздолье, поэзія, просторъ; для Коняги оно— кабала. Поле давитъ его, отнимаетъ отъ него послѣднія силы и все-таки не признаетъ себя сытымъ. Ходитъ Коняга отъ зари до зари, а впереди его идетъ колышущееся черное пятно и тянетъ, и тянетъ за собой. Вотъ теперь оно колышется передъ нимъ, и теперь ему, сквозь дремоту, слышится окрикъ: „Ну, милый! ну, каторжный! ну!“

Никогда не потухнетъ этотъ огненный шаръ, который отъ зари до зари льетъ на Конягу потоки горячихъ лучей; никогда не прекратятся дожди, грозы, вьюги, морозъ... Для всѣхъ природа — мать, для него одного она — бичъ и истязаніе... Пускай солнце напояетъ природу теплomъ и свѣтомъ, пускай лучи его вызываютъ къ жизни и ликованію, — бѣдный Коняга знаетъ о немъ только одно: что оно прибавляетъ новую отраву къ тѣмъ безчисленнымъ отравамъ, изъ которыхъ соткана его жизнь.

Нѣтъ конца работѣ! Работой исчерпывается весь смыслъ его существованія. Вся обстановка, въ которой онъ живетъ, направлена единственно къ тому, чтобы не дать замереть въ немъ той мускульной силѣ, которая источаетъ изъ себя возможность физическаго труда. И корма и отдыха отмѣривается ему именно столько, чтобы онъ былъ способенъ выполнить свой урокъ. А затѣмъ пускай поле и стихіи калѣчатъ его — никому нѣтъ дѣла до того, сколько новыхъ ранъ прибавилось у него на ногахъ, на плечахъ и на спинѣ. Не благополучіе его нужно, а жизнь, способная выносить иго работы. Сколько вѣковъ онъ несетъ это иго — онъ не знаетъ; сколько вѣковъ предстоитъ нести его впереди — не разсчитываетъ...

Самая жизнь Коняги запечатлѣна клеймомъ безконечности. Онъ не живетъ, но и не умираетъ. Поле, какъ головоногъ, присосалось къ нему безчисленными щупальцами и не спускаетъ его съ урочной

полосы. Какими бы наружными отличками ни надѣлилъ его случай, онъ всегда одинъ и тотъ же: побитый, замученный, еле живой. Подобно этому полю, которое онъ орошаетъ своей кровью, онъ не считаетъ ни дней, ни лѣтъ, ни вѣковъ, а знаетъ только вѣчность. По всему полю онъ разбрелся, и тамъ, и тутъ одинаково вытягивается всѣмъ своимъ жалкимъ остовомъ, и вездѣ все онъ, все одинъ и тотъ же, безыменный Коняга...

Животъ — 1) домашняя скотина, лошадь. Лошаденку-то, хоть ее-то...—одинъ животъ и есть... отпусти (Тургеневъ. „Записки охотника“). Животовъ полонъ дворъ (Толстой. „Война и миръ“). Коню-животу ему цѣну нѣтъ (Былина). Совсѣмъ отлукавилась лошадь, а вѣдь какой прежде согласный былъ животъ (Тургеневъ „Записки охотника“). **Животы, животá** — лошади. Доѣдешь, коль животы не устанутъ. Славные живота; 2) вообще живое существо. Всякій животъ боится смерти; 3) домашній скарбъ, имущество. Весь мой животъ въ одной избѣ. *Приданнымъ животомъ да наказаннымъ умомъ недолго проживешь.* Наши животы сиротскіе (Былина); 4) часть тѣла. Стать безъ живота, потерять силу, надорваться; 5) жизнь. Въ смерти да въ животѣ Богъ воленъ. Лучше смерть, чѣмъ позорный животъ. Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не въ гости, но животъ спасая (Крыловъ. „Волкъ и Котъ“).

Рѣзка — крошеное сѣно, солома.

Мохры — космы, клоки, пучки; лоскутки, лохмотья у платья.

Ненарокомъ — неумышленно, нечаянно, нехотя, ошибкой, невзначай. Уронила ненарокомъ слово ласковое (Народная пѣсня).

Припекъ. — Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припекѣ (Тургеневъ. „Деревня“).

Огрѣхъ — неправильность борозды, гдѣ сорвалась соха. *Въ барщинѣ не безъ огрѣшковъ. Кто не пашетъ, у того огрѣховъ нѣтъ.*

Автоматическій — движущійся самъ собой; невольный, безсознательный, безотчетный.

Саванъ. — Сѣрое, одноцвѣтное небо виситъ надъ нею (равниной), какъ пологъ... Это небо — точно саванъ. И вѣтра нѣтъ (Тургеневъ. „Конецъ свѣта“).

Хмара (малоросс.) — облако, туча, туманъ, мгла; отсюда: **хмариться**, — хмуриться. Небо хмурится. Хмурые люди.

Цѣпенѣть.—Подъ ледяной своей корой ручей нѣмѣетъ; все цѣпенѣетъ (Баратынскій. „Глухая осень“).

Кабала — 1) долгъ, всякое срочное обязательство; 2) всякая неволя. Принимать кабалу. *Внизъ вода несетъ, вверхъ кабала везетъ* (бурлаки везутъ). Отсюда: **закабалить** — поработить. *Не купленъ, не холопъ; не закабаленъ, не работникъ.*

Стихія (греч.) — силы природы. Прощай, свободная стихія! въ послѣдній разъ передо мной ты катишь волны голубыя и блещешь гордою красой (Пушкинъ. „Къ морю“). Не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ (человѣкѣ), охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ, вся душа его — никнетъ и замираетъ (Тургеневъ. „Поѣздка въ Полѣсье“).

Иго — ярмо, гнетъ, рабство. Татарское иго.

Головоногъ — сущ. отъ головоногій (слизнякъ, моллюскъ).

Урочный — установленный, опредѣленный, условленный. Урочный часъ. Урочное время. Урочная плата. Урочная работа. Урочный праздникъ. **Урочить** — 1) опредѣлять, назначать впередъ; 2) испортить, сглазить. Урочная болѣзнь.

70. Бурлаки.

Изъ поэмы *Н. А. Некрасова* „На Волгѣ".

О, Волга! Послѣ многихъ лѣтъ
я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
и величава, какъ была.
Кругомъ все та же даль и ширь,
все тотъ же виденъ монастырь
на острову, среди песковъ,
и даже трепетъ прежнихъ дней
я ощутилъ въ душѣ моей;
все то же, то же... Только нѣтъ
убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ!
Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
я позабылся. Сонъ и зной
уже царили надо мной.
Но вдругъ я стоны услыхалъ —
и взоръ мой на берегъ упалъ.
Почти пригнувшись головой
къ ногамъ, обвитымъ бечевой,
обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
ползли гурьбою бурлаки,
и былъ невыносимо дикъ
и страшно ясенъ въ тишинѣ
ихъ мѣрный похоронный крикъ,—
и сердце дрогнуло во мнѣ.
О, Волга, колыбель моя!
любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ по утреннимъ зарямъ,
когда еще все въ мірѣ спитъ
и алый блескъ едва скользитъ
по темно-голубымъ волнамъ,
я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
катаюсь съ ними въ челнокѣ,
брожу съ ружьемъ по островамъ,—
то, какъ играющій звѣрекъ,

Бурлаки. *И. Е. Рѣпина.*

съ высокой кручи на песокъ
скачусь, то берегомъ рѣки
бѣгу, бросая камешки,
и пѣсню громкую пою
про удаль раннюю мою...
Тогда я думать былъ готовъ,
что не уйду я никогда
съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ бы никогда,
когда бъ, о, Волга, надъ тобой
не раздавался этотъ вой!
Давно-давно, въ такой же часъ,
его услышавъ въ первый разъ,
я былъ испуганъ, оглушенъ.
Я знать хотѣлъ, что значитъ онъ—
и долго берегомъ рѣки
бѣжалъ. Устали бурлаки,
котелъ съ расшивы принесли,
усѣлись, развели костеръ
и межъ собою повели
неторопливый разговоръ.
—„Когда-то въ Нижній попадемъ?“
одинъ сказалъ: „Когда бъ попасть
хоть на Илью...“—„Авось придемъ“,
другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
ему отвѣтилъ:—„Эхъ, напасть!
когда бы зажило плечо,
тянулъ бы лямку, какъ медвѣдь,
а кабы къ утру умереть—
такъ лучше было бы еще...“
Онъ замолчалъ и навзничь легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ,
но тотъ, который ихъ сказалъ,
угрюмый, тихій и больной,
съ тѣхъ поръ меня не покидалъ!
Онъ и теперь передо мной:
лохмотья жалкой нищеты,
изнеможенныя черты
и, выражающій укоръ,

спокойно-безнадежный взоръ...
Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
лишь поздно вечеромъ домой
я воротился. Кто тутъ былъ—
у всѣхъ отвѣта я просилъ
на то, что видѣлъ, и во снѣ
о томъ, что разсказали мнѣ,
я бредилъ; няню испугалъ:
„Сиди, родименькій, сиди!
гулять сегодня не ходи!“
Но я на Волгу убѣжалъ.
Богъ вѣсть, что сдѣлалось со мной?
я не узналъ рѣки родной!
Съ трудомъ ступаетъ на песокъ
моя нога: онъ такъ глубокъ...
Ужъ не манитъ на острова
ихъ ярко-свѣжая трава;
прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
и говоръ тѣхъ же милыхъ волнъ
иною музыкою полнъ!
О, горько, горько я рыдалъ,
когда въ то утро я стоялъ
на берегу родной рѣки,
и въ первый разъ ее назвалъ
рѣкою рабства и тоски!..
Что я въ ту пору замышлялъ,
созвавъ товарищей-дѣтей,
какія клятвы я давалъ—
пускай умретъ въ душѣ моей,
чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ!..
Унылый, сумрачный бурлакъ!
какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
такимъ и нынѣ увидалъ:
все ту же пѣсню ты поешь,
все ту же лямку ты несешь;
въ чертахъ унылаго лица
все та жъ покорность безъ конца...
Прочна суровая среда,

гдѣ поколѣнія людей
живутъ и гибнутъ безъ слѣда
и безъ урока для дѣтей!
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
бродя по этимъ берегамъ,
и передъ смертію не зналъ,
что заповѣдать сыновьямъ.
И, какъ ему, не довелось
тебѣ наткнуться на вопросъ:
чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
когда бъ ты менѣе терпѣлъ?..
Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
какъ онъ, безвѣстно пропадешь.
Такъ заметается пескомъ
твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ,
не краше узника въ цѣпяхъ,
твердя постылыя слова,
отъ вѣка тѣ же: „разъ да два!“
съ болѣзненнымъ припѣвомъ: „ой!“
и въ тактъ мотая головой...

Бурлакъ — 1) работникъ на рѣчныхъ судахъ, преимущественно тянущій бечевой судно противъ теченія; 2) грубый, невоспитанный человѣкъ.

Величавый — величественный, важный; гордый, надменный. Прекрасное должно быть величаво (Пушкинъ). На конѣ величавомъ ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый (Жуковскій).

Зной — жаръ отъ солнца, солнцепекъ; удушливая жара. Зной свалилъ, повѣяло прохладой (И. Аксаковъ). Не остывшая отъ зною ночь іюльская блистала (Ѳ. Тютчевъ).

Гурьба — толпа, вереница. Большой собравшися гурьбой, медвѣдя звѣри изловили (Крыловъ). Ходить гурьбой.

Оглушать — глушить, лишать слуха, иногда сознанія. Оглушить ударомъ. Громъ оглушилъ его до безпамятства. Творецъ мой, оглушилъ звончѣе всякихъ трубъ (Грибоѣдовъ).

Лямка — 1) черезплечный широкій ремень у бурлаковъ. *На низъ вода снесетъ, а кверху лямка ввезетъ.* Тянуть лямку, быть въ тяжкой работѣ. Запрячь въ лямку. Отъ лямки выслужиться; 2) конская шлея, замѣняющая иногда хомутъ; 3) ошейникъ на скотину для привязи ея.

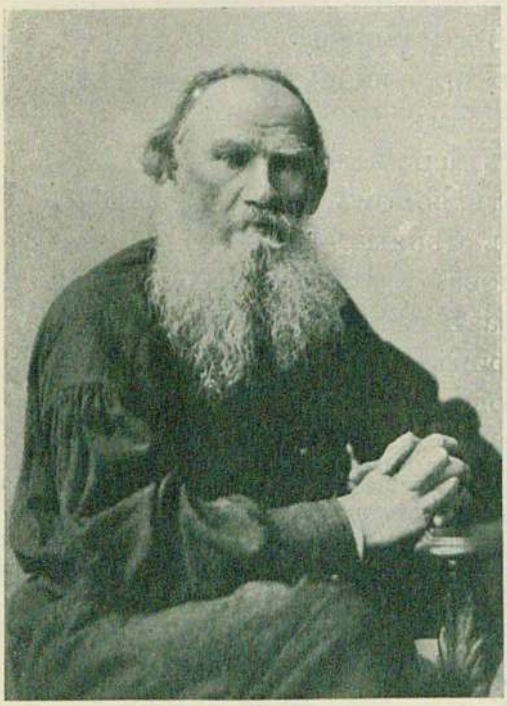
✲

71. Изъ романа „Анна Каренина“.

Гр. *Л. Н. Толстого.*

Константинъ Левинъ всталъ раньше обыкновеннаго, но хозяйственныя распоряженія задержали его, и, когда онъ пріѣхалъ на покосъ, косцы шли уже по второму ряду.

Еще съ горы открылась ему подъ горою тѣнистая, уже скошенная часть луга, съ сѣрѣющими рядами и черными кучками кафтановъ, снятыхъ косцами на томъ мѣстѣ, откуда они зашли первый рядъ.



Гр. Л. Н. Толстой.
(Род. 1828).

По мѣрѣ того, какъ онъ подъѣзжалъ, ему открывались шедшіе другъ за другомъ растянутою вереницей и различно махавшіе косами мужики, кто въ кафтанахъ, кто въ однѣхъ рубахахъ. Онъ насчиталъ ихъ сорокъ два человѣка.

Они медленно двигались по неровному низу луга, гдѣ была старая запруда. Нѣкоторыхъ своихъ Левинъ узналъ. Тутъ былъ старикъ Ермилъ въ очень длинной бѣлой рубахѣ, согнувшись махавшій косой; тутъ былъ молодой малый Васька, бывшій у Левина въ кучерахъ, съ размаха бравшій каждый рядъ. Тутъ былъ и Титъ, по косьбѣ дядька Левина, маленькій, худенькій мужичокъ. Онъ не сгибаясь шелъ передомъ, какъ бы играя косой, срѣзывая свой широкій рядъ.

Левинъ слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее у дороги, сошелся съ Титомъ, который, доставъ изъ куста вторую косу, подалъ ее.

— Готова, баринъ: бреетъ, сама коситъ,—сказалъ Титъ, съ улыбкой снимая шапку и подавая ему косу.

Левинъ взялъ косу и сталъ примѣриваться. Кончившіе свои ряды, потные и веселые косцы выходили одинъ за другимъ на дорогу и, посмѣиваясь, здоровались съ бариномъ. Они всѣ глядѣли на него, но

никто ничего не говорилъ до тѣхъ поръ, пока вышедшій на дорогу высокій старикъ со сморщеннымъ и безбородымъ лицомъ, въ овчинной курткѣ, не обратился къ нему.

— Смотри, баринъ, взялся за гужъ, не отставать!—сказалъ онъ, и Левинъ услыхалъ сдержанный смѣхъ между косцами.

— Постараюсь не отстать, — сказалъ онъ, становясь за Титомъ и выжидая времени начинать.

— Мотри,— повторилъ старикъ.

Титъ освободилъ мѣсто, и Левинъ пошелъ за нимъ. Трава была низкая, придорожная, и Левинъ, давно не косившій и смущенный обращенными на себя взглядами, въ первыя минуты косилъ дурно, хотя и махалъ сильно. Сзади его послышались голоса:

— Насажена неладно, рукоятка высока, вишь ему сгибаться какъ,— сказалъ одинъ.

— Пяткой больше налегай,— сказалъ другой.

— Ничего, ладно, настрыкается,— продолжалъ старикъ.— Вишь пошелъ... Широкъ рядъ берешь, умаешься... Хозяинъ, нельзя, для себя старается!.. А вишь подрядье-то! За это нашего брата по горбу бывало.

Трава пошла мягче, и Левинъ, слушая, но не отвѣчая, стараясь косить какъ можно лучше, шелъ за Титомъ. Они прошли шаговъ сто. Титъ все шелъ, не останавливаясь, не выказывая ни малѣйшей усталости; но Левину уже страшно становилось, что онъ не выдержитъ: такъ онъ усталъ.

Онъ чувствовалъ, что махаетъ изъ послѣднихъ силъ, и рѣшился просить Тита остановиться. Но въ это самое время Титъ самъ остановился и, нагнувшись, взялъ травы, отеръ косу и сталъ точить. Левинъ расправился и, вздохнувъ, оглянулся. Сзади его шелъ мужикъ и, очевидно, также усталъ, потому что сейчасъ же, не доходя Левина, остановился и принялся точить. Титъ наточилъ свою косу и косу Левина, и они пошли дальше.

На второмъ пріемѣ было то же. Титъ шелъ махъ за махомъ, не останавливаясь и не уставая. Левинъ шелъ за нимъ, стараясь не отставать, и ему становилось все труднѣе и труднѣе: наступала минута, когда онъ чувствовалъ, что у него не остается болѣе силъ, но въ это самое время Титъ останавливался и точилъ.

Такъ они прошли первый рядъ. И длинный рядъ этотъ показался особенно труденъ Левину; но зато, когда рядъ былъ дойденъ и Титъ, вскинувъ на плечо косу, медленнымъ шагомъ пошелъ заходить по слѣ-

дамъ, оставленнымъ его каблуками по прокосу, и Левинъ точно также пошелъ по своему прокосу,—несмотря на то, что потъ катилъ градомъ по его лицу и капалъ съ носа и вся спина его была мокра, какъ вымоченная въ водѣ,—ему было очень хорошо. Въ особенности радовало его то, что онъ зналъ теперь, что выдержитъ.

Его удовольствіе отравилось только тѣмъ, что рядъ его былъ нехорошъ. „Буду меньше махать рукой, больше всѣмъ туловищемъ“, думалъ онъ, сравнивая какъ по ниткѣ обрѣзанный рядъ Тита со своимъ раскиданнымъ и неровно лежащимъ рядомъ.

Первый рядъ, какъ замѣтилъ Левинъ, Титъ шелъ особенно быстро, вѣроятно желая попытать барина, и рядъ попался длиненъ. Слѣдующіе ряды были уже легче, но Левинъ все-таки долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не отставать отъ мужиковъ.

Онъ ничего не думалъ, ничего не желалъ, кромѣ того, чтобы не отстать отъ мужиковъ и какъ можно лучше сработать. Онъ слышалъ только лязгъ косъ и видѣлъ передъ собою удалявшуюся прямую фигуру Тита, вытянутый полукругъ прокоса, медленно и волнисто склоняющіяся травы и головки цвѣтовъ около лезвія своей косы и впереди себя конецъ ряда, у котораго наступитъ отдыхъ.

Не понимая, что это и откуда, въ серединѣ работы онъ вдругъ испыталъ пріятное ощущеніе холода по жаркимъ вспотѣвшимъ плечамъ. Онъ взглянулъ на небо во время натачиванія косы. Набѣжала низкая, тяжелая туча, и шелъ крупный дождь. Одни мужики пошли къ кафтанамъ и надѣли ихъ; другіе, точно такъ же, какъ Левинъ, только радостно пожимали плечами подъ пріятнымъ освѣженіемъ.

Прошли еще и еще рядъ. Проходили длинные, короткіе, съ хорошею, съ дурною травой ряды. Левинъ потерялъ всякое сознаніе времени и рѣшительно не зналъ, поздно или рано теперь. Въ его работѣ стала происходить теперь перемѣна, доставлявшая ему огромное наслажденіе. Въ серединѣ его работы на него находили минуты, во время которыхъ онъ забывалъ то, что дѣлалъ, ему становилось легко, и въ эти же самыя минуты рядъ его выходилъ почти такъ же ровенъ и хорошъ, какъ и у Тита. Но только что онъ вспоминалъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, и начиналъ стараться сдѣлать лучше, тотчасъ же онъ испытывалъ всю тяжесть труда, и рядъ выходилъ дуренъ.

Пройдя еще одинъ рядъ, онъ хотѣлъ опять заходить, но Титъ остановился и, подойдя къ старику, что-то тихо сказалъ ему. Они оба поглядѣли на солнце. „О чемъ это они говорятъ и отчего онъ не заходитъ рядъ?“ подумалъ Левинъ, не догадываясь, что мужики

не переставая косили уже не менѣе четырехъ часовъ и имъ пора завтракать.

— Завтракать, баринъ,—сказалъ старикъ.

— Развѣ пора? Ну, завтракать.

Левинъ отдалъ косу Титу и, вмѣстѣ съ мужиками, пошедшими къ кафтанамъ за хлѣбомъ черезъ слегка побрызганные дождемъ ряды длиннаго скошеннаго пространства, пошелъ къ лошади. Тутъ только онъ понялъ, что не угадалъ погоды, и дождь мочилъ его сѣно.

— Испортитъ сѣно,—сказалъ онъ.

— Ничего, баринъ, въ дождь коси, въ погоду греби! — сказалъ старикъ.

Левинъ отвязалъ лошадь и поѣхалъ домой пить кофе...

Послѣ завтрака Левинъ попалъ въ рядъ уже не на прежнее мѣсто, а между шутникомъ-старикомъ, который пригласилъ его въ сосѣди, и молодымъ мужикомъ, съ осени только женатымъ и пошедшимъ косить первое лѣто.

Старикъ, прямо держась, шелъ впереди, ровно и широко передвигая вывернутыя ноги и точнымъ и ровнымъ движеніемъ, не стоившимъ ему, повидимому, болѣе труда, чѣмъ маханье руками на ходьбѣ, какъ бы играя, откладывалъ одинаковый, высокій рядъ. Точно не онъ, а одна острая коса сама вжикала по сочной травѣ.

Сзади Левина шелъ молодой Мишка. Миловидное, молодое лицо его, обвязанное по волосамъ жгутомъ свѣжей травы, все работало отъ усилій; но какъ только взглядывали на него, онъ улыбался. Онъ видимо готовъ былъ умереть скорѣе, чѣмъ признаться, что ему трудно.

Левинъ шелъ между ними. Въ самый жаръ косьба показалась ему не такъ трудна. Обливавшій его потъ прохлаждалъ его, а солнце, жегшее спину, голову и засученную по локоть руку, придавало крѣпость и упорство въ работѣ; и чаще и чаще приходили тѣ минуты безсознательнаго состоянія, когда можно было не думать о томъ, что дѣлаешь. Коса рѣзала сама собой. Это были счастливыя минуты. Еще радостнѣе были минуты, когда, подходя къ рѣкѣ, въ которую утыкались ряды, старикъ обтиралъ мокрою густою травой косу, полоскалъ ея сталь въ свѣжей водѣ рѣки, зачерпывалъ брусницу и угощалъ Левина.

— Ну-ка кваску моего! А, хорошъ?—говорилъ онъ, подмигивая.

И дѣйствительно, Левинъ никогда не пивалъ такого напитка, какъ эта теплая вода съ плавающею зеленью и ржавымъ, отъ жестяной брусницы, вкусомъ. И тотчасъ послѣ этого наступала блажен-

ная, медленная прогулка съ рукой на косѣ, во время которой можно было отереть лившій потъ, вздохнуть полною грудью и оглядѣть всю тянущуюся вереницу косцовъ и то, что дѣлалось вокругъ, въ лѣсу и въ полѣ.

Чѣмъ долѣе Левинъ косилъ, тѣмъ чаще и чаще онъ чувствовалъ минуты забытья, при которомъ уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все, сознающее себя, полное жизни тѣло, и, какъ бы по волшебству, безъ мысли о ней, работа правильная и отчетливая дѣлалась сама собой. Это были самыя блаженныя минуты.

Трудно было только тогда, когда надо было прекращать это, сдѣлавшееся безсознательнымъ, движеніе и думать; когда надо было окашивать кочку или невыполотый щавельникъ. Старикъ дѣлалъ это легко. Приходила кочка, онъ измѣнялъ движеніе и гдѣ пяткой, гдѣ концомъ косы подбивалъ кочку съ обѣихъ сторонъ коротенькими ударами. И, дѣлая это, онъ все разсматривалъ и наблюдалъ, что открывалось передъ нимъ: то онъ срывалъ кочетокъ, съѣдалъ его или угощалъ Левина, то отбрасывалъ носкомъ косы вѣтку, то оглядывалъ гнѣздышко перепелиное, съ котораго, изъ-подъ самой косы, вылетала самка, то ловилъ козюлю, попавшуюся на пути, и, какъ вилкой поднявъ ее косой, показывалъ Левину и отбрасывалъ.

И Левину, и молодому малому сзади его эти перемѣны движеній были трудны. Они оба, наладивъ одно напряженное движеніе, находились въ азартѣ работы и не въ силахъ были измѣнять движеніе и въ то же время наблюдать, что было передъ ними.

Левинъ не замѣчалъ, какъ проходило время. Если бы спросили его, сколько времени онъ косилъ, онъ сказалъ бы, что полчаса, — а ужъ время подошло къ обѣду. Заходя рядъ, старикъ обратилъ вниманіе Левина на дѣвочекъ и мальчиковъ, которые съ разныхъ сторонъ, чуть видные, по высокой травѣ и по дорогѣ шли къ косцамъ, неся оттягивавшіе имъ ручонки узелки съ хлѣбомъ и заткнутые тряпками кувшинчики съ квасомъ.

— Вишь, козявки ползутъ! — сказалъ онъ, указывая на нихъ, и изъ-подъ руки поглядѣлъ на солнце.

Прошли еще два ряда; старикъ остановился.

— Ну, баринъ, обѣдать! — сказалъ онъ рѣшительно. И, дойдя до рѣки, косцы направились черезъ ряды къ кафтанамъ, у которыхъ, дожидаясь ихъ, сидѣли дѣти, принесшія обѣды. Мужики собрались — дальніе подъ телѣги, ближніе — подъ ракитовый кустъ, на который накидали травы.

Левинъ подсѣлъ къ нимъ; ему не хотѣлось уѣзжать.

Всякое стѣсненіе передъ бариномъ уже давно исчезло. Мужики приготавливались обѣдать. Одни мылись, молодые ребята купались въ рѣкѣ, другіе прилаживали мѣсто для отдыха, развязывали мѣшочки съ хлѣбомъ и оттыкали кувшинчики съ квасомъ. Старикъ накрошилъ въ чашку хлѣба, размялъ его стеблемъ ложки, налилъ воды изъ брусницы, еще разрѣзалъ хлѣба и, посыпавъ соль, сталъ на востокъ молиться.

— Ну-ка, баринъ, моей тюрьки, — сказалъ онъ, присаживаясь на колѣни передъ чашкой.

Тюрька была такъ вкусна, что Левинъ раздумалъ ѣхать домой обѣдать. Онъ пообѣдалъ со старикомъ и разговорился съ нимъ о его домашнихъ дѣлахъ, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, и сообщилъ ему всѣ свои дѣла и всѣ обстоятельства, которыя могли интересовать старика. Когда старикъ опять всталъ, помолился и легъ тутъ же подъ кустомъ, положивъ себѣ подъ изголовье травы, Левинъ сдѣлалъ то же и, несмотря на липкихъ, упорныхъ на солнцѣ мухъ и козявокъ, щекотавшихъ его потное лицо и тѣло, заснулъ тотчасъ же и проснулся только, когда солнце зашло на другую сторону куста и стало доставать его. Старикъ давно не спалъ и сидѣлъ, отбивая косы молодыхъ ребятъ.

Левинъ оглянулся вокругъ себя и не узналъ мѣста: такъ все перемѣнилось. Огромное пространство луга было скошено и блестѣло особеннымъ, новымъ блескомъ, со своими уже пахнущими рядами, на вечернихъ косыхъ лучахъ солнца. И окошенные кусты у рѣки, и сама рѣка, прежде не видная, а теперь блестящая сталью въ своихъ извивахъ, и движущійся и поднимающійся народъ, и крутая стѣна травы недокошеннаго мѣста луга, и ястреба, вившіеся надъ оголеннымъ лугомъ,—все это было совершенно ново. Очнувшись, Левинъ сталъ соображать, сколько скошено и сколько еще можно сдѣлать нынче.

Сработано было чрезвычайно много на сорокъ два человѣка. Весь большой лугъ, который при барщинѣ кашивали два дня въ тридцать косъ, былъ уже скошенъ. Нескошенными оставались углы съ короткими рядами. Но Левину хотѣлось какъ можно больше скосить въ этотъ день и досадно было на солнце, которое такъ скоро спускалось. Онъ не чувствовалъ никакой усталости; ему только хотѣлось еще и еще поскорѣе и какъ можно больше сработать.

— А что, еще скосимъ, какъ думаешь, Машкинъ Верхъ? — сказалъ онъ старику.

— Какъ Богъ дастъ, солнце не высоко. Нешто водочки ребятамъ?

Во время полдника, когда опять сѣли и курящіе закурили, старикъ объявилъ ребятамъ, что „Машкинъ Верхъ скосить—водка будетъ".

— Эка, не скосить! Заходи, Титъ! Живо смахнемъ! Наѣшься ночью! Заходи! — послышались голоса и, доѣдая хлѣбъ, косцы пошли заходить.

— Ну, ребята, держись! — сказалъ Титъ и почти рысью пошелъ передомъ.

— Иди, иди!—говорилъ старикъ, спѣя за нимъ и легко догоняя его, — срѣжу! берегись!

И молодые, и старые — какъ бы на перегонку косили. Но, какъ они ни торопились, они не портили травы, и ряды откладывались такъ же чисто и отчетливо. Остававшійся въ углу уголокъ былъ смахнутъ въ пять минутъ. Еще послѣдніе косцы доходили ряды, какъ передніе захватили кафтаны на плечи и пошли черезъ дорогу къ Машкину Верху.

Солнце уже спускалось къ деревьямъ, когда они, побрякивая брусницами, вошли въ лѣсной овражекъ Машкина Верха. Трава была по поясъ въ серединѣ лощины, нѣжная и мягкая, лопушистая, кое-гдѣ по лѣсу пестрѣющая Иваномъ-да-Марьей.

Послѣ короткаго совѣщанія — вдоль ли, поперекъ ли ходить, — Прохоръ Ермилинъ, тоже извѣстный косецъ, огромный, черноватый мужикъ, пошелъ передомъ. Онъ прошелъ рядъ впередъ, повернулся назадъ и отвалилъ, — и всѣ стали выравниваться за нимъ, ходя подъ гору по лощинѣ и на гору подъ самую опушку лѣса. Солнце зашло за лѣсъ. Роса уже пала; косцы только на горкѣ были на солнцѣ, а въ низу, по которому поднимался паръ, и на той сторонѣ шли въ свѣжей, росистой тѣни. Работа кипѣла.

Подрѣзаемая съ сочнымъ звукомъ и пряно пахнущая трава ложилась высокими рядами. Тѣснившіеся по короткимъ рядамъ косцы со всѣхъ сторонъ, побрякивая брусницами и звуча то столкнувшимися косами, то свистомъ бруска по оттачиваемой косѣ, то веселыми криками, подгоняли другъ друга.

Левинъ шелъ все такъ же между молодымъ малымъ и старикомъ. Старикъ, надѣвшій свою овчинную куртку, былъ такъ же веселъ, шутливъ и свободенъ въ движеніяхъ. Въ лѣсу безпрестанно попадались березовые, разбухшіе въ сочной травѣ грибы, которые рѣзались косами. Но старикъ, встрѣчая грибъ, каждый разъ сгибался, подбиралъ и клалъ за пазуху. „Еще старухѣ гостинцу", приговаривалъ онъ.

Какъ ни было легко косить мокрую и слабую траву, но трудно было спускаться и подниматься по крутымъ косогорамъ оврага. Но старика это не стѣсняло. Махая все такъ же косой, онъ маленькимъ,

твердымъ шажкомъ своихъ, обутыхъ въ большіе лапти, ногъ влѣзалъ медленно на кручь и, хоть и трясся всѣмъ тѣломъ и отвисшими ниже рубахи портками, не пропускалъ на пути ни одной травинки, ни одного гриба, и такъ же шутилъ съ мужиками и Левинымъ. Левинъ шелъ за нимъ и часто думалъ, что онъ непремѣнно упадетъ, поднимаясь съ косой на такой крутой бугоръ, куда и безъ косы трудно взлѣзть; но онъ взлѣзалъ и дѣлалъ, что надо. Онъ чувствовалъ, что какая-то внѣшняя сила двигала имъ.

Машкинъ Верхъ скосили, додѣлали послѣдніе ряды, надѣли кафтаны и весело пошли къ дому. Левинъ сѣлъ на лошадь и, съ сожалѣніемъ простившись съ мужиками, поѣхалъ домой. Съ горы онъ оглянулся: ихъ не видно было въ поднимавшемся изъ низу туманѣ; были слышны только веселые грубые голоса, хохотъ и звукъ сталкивающихся косъ.

Запруда — плотина, гребля, гать, насыпь, перегораживающая поперекъ русло, чтобы прекратить потокъ воды; иногда самый прудъ, занятая плотиной вода.

Дядька — 1) мужчина, приставленный для ухода или для надзора за ребенкомъ; 2) къ каждому рекруту въ полку тоже приставляютъ дядьку изъ старыхъ солдатъ. Всѣ красавцы молодые, великаны удалые, всѣ равны, какъ на подборъ; старый дядька Черноморъ съ ними изъ моря выходитъ и попарно ихъ выводитъ, чтобы островъ тотъ хранить и дозоромъ обходить (Пушкинъ. „Сказка о царѣ Салтанѣ“); 3) служитель въ пансіонахъ мужскихъ учебныхъ заведеній.

Гужъ — 1) толстая веревка или толстый кожаный ремень. *Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ*; 2) въ хомутныхъ клещахъ петля изъ толстаго ремня, въ которую утверждаются оглобля и дуга. *Не подъ силу возъ, такъ и гужи пополамъ*. „Ну, трогай, Саврасушка, трогай, натягивай крѣпче гужи“! (Некрасовъ. „Морозъ, красный носъ“.) *Коли гужи плохи — кладь береги.*

Подрядье — края прокоса; гряды, гдѣ трава остается повыше въ началѣ и въ концѣ взмаха.

Лязгъ. — Раздался звучный голосъ, подобный лязгу желѣза (Тургеневъ. „Природа“.)

Вжикать (звукоподражаніе) — производить звукъ ударомъ металла о твердое тѣло; производить лязгъ.

Брусница — продолговатая жестяная коробка, въ которой держится вмѣстѣ съ водою брусокъ для точенія косъ; коробка обыкновенно привѣшивается къ поясу косца торчкомъ.

Козюля (простонар.) — змѣя, гадюка. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все козюли водятся (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Тюря — хлѣбъ, покрошенный въ водѣ съ солью; иногда хлѣбная окрошка на квасу съ лукомъ. **Тюрщикъ** — охотникъ до тюри. *Работникъ одинъ въ семьѣ, а тюрщиковъ много.*

Верхъ (простонар.) — оврагъ.

Барщина (отъ сущ. баринъ) — подневольная работа крѣпостного крестьянина на землевладѣльца; въ старину она называлась также издѣльемъ или боярскимъ дѣломъ. Подобно денежному и хлѣбному оброку, барщина выросла изъ хозяйственной долговой зависимости крестьянина отъ владѣльца обрабатываемой имъ земли. Все осталось по-старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился да барщина стала потяжелѣе (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). *Своя работа — не барщина. Нужда учитъ, а барщина мучитъ. На барщину иду — на солнышко гляжу* (не пора ли домой).

*

72. Нищій.

Стихотвореніе *И. С. Никитина.*

И вечерней и ранней порою
много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ ли сумку неволя,
неохота ли взяться за трудъ,—
тяжела и горька твоя доля,
безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньѣ,
не умрешь ты безъ крова зимой,—
жаль разумное Божье созданье,
человѣка въ грязи и съ сумой!

Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
не пойдетъ онъ просить подъ окномъ;
цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
онъ работаетъ ночью и днемъ.

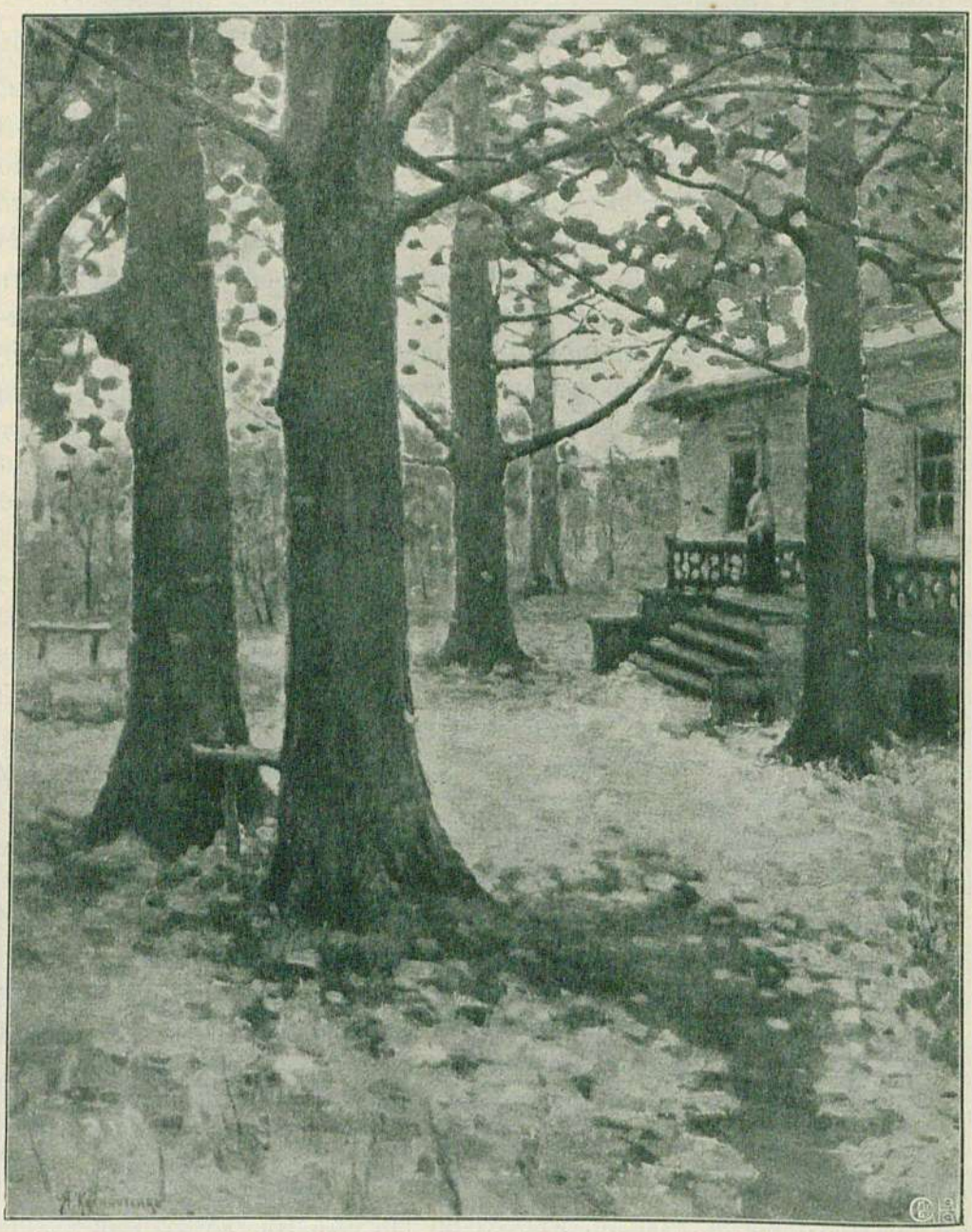
Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
богатырь въ безысходной бѣдѣ,
крѣпче камня въ несносной истомѣ,
крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

По смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
по смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
о немъ облако слезы роняетъ,
про тоску его буря поетъ.

Лачужка — хижина, плохая избенка, убогое жилище. Наша ветхая лачужка и печальна, и темна (Пушкинъ).

Истома отъ гл. **истомлять** — истощать, томить до изнеможенія. Взять городъ истомой, изморомъ, голодомъ. Мальчикъ откинулся на траву, отдаваясь полудремотной истомѣ лѣтняго вечера (Короленко). Я лежу у самаго края оврага... кругомъ цѣлые вороха только что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна (Тургеневъ. „Деревня“). Сердце ея радостно, но слабо шевельнулось: истома счастья лежала и на немъ (Тургеневъ. „Наканунѣ“).

✲



Осень. *Я. Калиниченко.*

73. Хозяинъ и работникъ.

Изъ разсказа гр. *Л. Н. Толстого*

Это было въ 70-хъ годахъ, на другой день послѣ зимняго Николы. Въ приходѣ былъ праздникъ, и деревенскому дворнику, купцу 2-й гильдіи, Василію Андреичу Брехунову, нельзя было отлучиться: надо было быть въ церкви,— онъ былъ церковный староста,— и дома надо было принять и угостить родныхъ и знакомыхъ. Но вотъ послѣдніе гости уѣхали, и Василій Андреичъ сталъ собираться тотчасъ же ѣхать къ сосѣднему помѣщику для покупки у него давно уже приторговываемой рощи. Василій Андреичъ торопился ѣхать, чтобы городскіе купцы не отбили у него эту выгодную покупку. Онъ узналъ, что лѣсоторговцы хотѣли ѣхать торговать Горячкинскую рощу, и рѣшилъ тотчасъ же ѣхать и покончить дѣло съ помѣщикомъ.

Работникъ Никита, одинъ въ этотъ день не пьяный изъ работниковъ Василія Андреича, побѣжалъ запрягать.

Никита былъ пятидесяти-лѣтній мужикъ изъ ближней деревни, не хозяинъ, какъ про него говорили, большую часть своей жизни проживній не дома, а въ людяхъ. Вездѣ его цѣнили за его трудолюбіе, ловкость и силу въ работѣ, главное — за добрый пріятный характеръ; но нигдѣ онъ не уживался, потому что раза два въ годъ, а то и чаще, запивалъ, и тогда, кромѣ того, что пропивалъ все съ себя, становился еще буенъ и придирчивъ. Василій Андреичъ тоже нѣсколько разъ прогонялъ его, но потомъ опять бралъ, дорожа его честностью, любовью къ животнымъ и главное дешевизной.

Теперь, получивъ приказаніе хозяина запрягать, Никита, какъ всегда, весело и охотно, бодрымъ и легкимъ шагомъ своихъ гусемъ шагающихъ ногъ пошелъ въ сарай, снялъ тамъ съ гвоздя тяжелую ременную съ кистью узду и, погромыхивая баранчиками удилъ, пошелъ къ затворенному хлѣву, въ которомъ отдѣльно стояла та лошадь, которую велѣлъ запрягать Василій Андреичъ.

— Что, соскучился, соскучился, дурачокъ? — говорилъ Никита, отвѣчая на слабое привѣтственное ржаніе, съ которымъ встрѣтилъ его средняго роста ладный, нѣсколько вислозадый, караковый мухортый жеребецъ, стоявшій одинъ въ хлѣвушкѣ. — Но, но! поспѣешь, дай прежде напою, — говорилъ онъ съ лошадью совершенно такъ, какъ говорятъ съ понимающими слова существами, и, обмахнувъ полой жирную, съ желобкомъ посединѣ, разъѣденную и засыпанную пылью

спину, онъ надѣлъ на красивую молодую голову жеребца узду, выпросталъ ему уши и челку и, скинувъ оброть, повелъ поить.

Осторожно выбравшись изъ высоко занавоженнаго хлѣва, Мухортый заигралъ и взбрыкнулъ, притворяясь, что хочетъ задней ногой ударить рысью бѣжавшаго съ нимъ къ колодцу Никиту.

— Балуй, балуй, шельмецъ! — приговаривалъ Никита, знавшій ту осторожность, съ которой Мухортый вскидывалъ задней ногой только такъ, чтобы коснуться его засаленнаго полушубка, но не ударить, и особенно любившій эту замашку.

Напившись студеной воды, лошадь вздохнула, пошевеливая мокрыми крѣпкими губами, съ которыхъ капали съ усовъ въ корыто прозрачныя капли, и замерла, какъ будто задумавшись; потомъ вдругъ громко фыркнула.

— Не хочешь — не надо, такъ и знать будемъ; ужъ больше не проси,— сказалъ Никита, совершенно серьезно и обстоятельно разъясняя свое поведеніе Мухортому, и опять побѣжалъ къ сараю, подергивая за поводъ взбрыкивающую, веселую молодую лошадь.

Работниковъ никого не было; былъ только одинъ чужой, пришедшій на праздникъ кухаркинъ мужъ.

— Поди, спроси, душа милая, — сказалъ ему Никита, — какія сани велитъ запрягать: пошевни али махонькія?

Кухаркинъ мужъ пошелъ въ желѣзомъ крытый на высокомъ фундаментѣ домъ и скоро вернулся съ извѣстіемъ, что велѣно впрягать махонькія. Никита въ это время уже надѣлъ хомутъ, подвязалъ сѣделку, обитую гвоздиками, и, въ одной рукѣ неся легкую крашеную дугу, а въ другой ведя лошадь, подходилъ къ двумъ стоявшимъ подъ сараемъ санямъ.

— Въ махонькія, такъ въ махонькія, — сказалъ онъ и ввелъ въ оглобли умную лошадь, все время притворявшуюся, что она хочетъ кусать его, и съ помощью кухаркина мужа сталъ запрягать.

Когда все было почти готово и оставалось только завожжать, Никита послалъ кухаркина мужа въ сарай за соломой и въ амбаръ за веретьемъ.

— Вотъ и ладно. Но, но, не топырься! — говорилъ Никита, уминая въ саняхъ принесенную кухаркинымъ мужемъ свѣже-обмолоченную овсяную солому.— А теперь вотъ давай дерюжку такъ постелемъ, а сверху веретье. Вотъ такъ-то, вотъ такъ-то и хорошо будетъ сидѣть,— говорилъ онъ, дѣлая то, что говорилъ: подтыкая веретье сверхъ соломы со всѣхъ сторонъ вокругъ сидѣнья. — Вотъ, спасибо,

душа милая, — сказалъ Никита кухаркину мужу, — вдвоемъ все споръе.

И разобравъ ременныя съ кольцомъ на соединенномъ концѣ вожжи, Никита присѣлъ на облучокъ и тронулъ просившую хода добрую лошадь по мерзлому навозу двора къ воротамъ.

— Дядя Микитъ, дядюшка, а дядюшка! — закричалъ сзади его тоненькимъ голоскомъ торопливо выбѣжавшій изъ сѣней на дворъ семилѣтній мальчикъ въ черномъ полушубочкѣ, новыхъ бѣлыхъ валенкахъ и теплой шапкѣ.— Меня посади,— просилъ онъ, на ходу застегивая свой полушубочекъ.

— Ну, ну, бѣги, голубокъ,—сказалъ Никита и, остановивъ, посадилъ просіявшаго отъ радости хозяйскаго блѣднаго худенькаго мальчика и выѣхалъ на улицу.

Былъ часъ третій. Было морозно, градусовъ 10, пасмурно и вѣтрено. Половина неба была закрыта низкой темной тучей. Но на дворѣ было тихо. На улицѣ же вѣтеръ былъ замѣтнѣе: съ крыши сосѣдняго сарая мело снѣгъ, и на углу, у бани, крутило. Едва только Никита выѣхалъ въ ворота и завернулъ лошадь къ крыльцу, какъ и Василій Андреичъ, съ папироской во рту, въ крытомъ овчинномъ тулупѣ, туго и низко подпоясанный кушакомъ, вышелъ изъ сѣней на повизгивающее подъ его кожей обшитыми валенками, утоптанное снѣгомъ высокое крыльцо и остановился. Затянувшись остаткомъ папироски, онъ бросилъ ее подъ ноги, наступилъ на нее и, выпуская черезъ усы дымъ и косясь на выѣзжавшую лошадь, сталъ заправлять съ обѣихъ сторонъ своего румянаго, бритаго, кромѣ усовъ, лица углы воротника тулупа мѣхомъ внутрь, такъ, чтобы мѣхъ не потѣлъ отъ дыханья.

Закутанная по головѣ и плечамъ шерстянымъ платкомъ такъ, что только глаза ея были видны, блѣдная и худая жена Василія Андреича, провожая его, стояла за нимъ въ сѣняхъ.

— Право, Никиту бы взялъ, — говорила она, робко выступая изъ-за двери. — Съ деньгами поѣдешь. Да и погода не поднялась бы, право, ей-Богу.

— Такъ что же ѣхать, что ли, Василій Андреичъ? — сказалъ Никита, ожидая.

— Да ужъ видно уважить старуху. Только коли ѣхать, поди одѣнь дипломатъ какой потеплѣе, — выговорилъ Василій Андреичъ, улыбаясь и подмигивая глазомъ на прорванный подъ мышками и въ спинѣ и въ подолѣ бахромой разорванный, засаленный и свалявшійся, всего видавшій полушубокъ Никиты.

— Только не больно охорашивай дипломатъ-то свой, поживѣй! — крикнулъ Василій Андреичъ, зубоскаля на Никиту.

— Однимъ пыхомъ, батюшка, Василій Андреичъ, — проговорилъ Никита и, быстро мелькая носками внутрь своими старыми, подшитыми войлочными подметками, валенками, побѣжалъ во дворъ и въ рабочую избу.

— Ну-ка, Аринушка, халатъ давай мой съ печи — съ хозяиномъ ѣхать! — проговорилъ Никита, вбѣгая въ избу и снимая кушакъ съ гвоздя.

Работница, выспавшаяся послѣ обѣда и теперь ставившая самоваръ для мужа, весело встрѣтила Никиту и, зараженная его поспѣшностью, такъ же, какъ онъ, быстро зашевелилась и достала съ печи сушившійся тамъ плохонькій, проношенный суконный кафтанъ и начала поспѣшно отряхивать и разминать его.

Обводя вокругъ себя узенькій свалявшійся кушачокъ, Никита втянулъ въ себя и такъ тощее брюхо и затянулся по полушубку, что было силы.

— Вотъ такъ-то, — сказалъ онъ послѣ этого, обращаясь уже не къ кухаркѣ, а къ кушаку, засовывая его концы за поясъ, — такъ не выскочишь,—и, приподнявъ и опустивъ плечи, чтобы была развязность въ рукахъ, онъ надѣлъ сверху халатъ, тоже напружилъ спину, чтобы рукамъ вольно было, подбилъ подъ мышками и досталъ съ полки рукавицы. — Ну, вотъ и ладно.

— Ты бы, Степанычъ, ноги-то перебулъ, — сказала кухарка, — а то сапоги худые.

Никита остановился, какъ бы вспомнивъ.

— Надо бы... Ну, да сойдетъ и такъ, недалече!

И онъ побѣжалъ во дворъ.

— Не холодно тебѣ будетъ, Никитушка? — сказала хозяйка, когда онъ подошелъ къ санямъ.

— Чего холодно, тепло вовсе, — отвѣчалъ Никита, оправляя солому въ головашкахъ саней, чтобы закрыть ею ноги, и засовывая ненужный для доброй лошади кнутъ подъ солому.

Василій Андреичъ уже сидѣлъ въ саняхъ, наполняя своей, одѣтою въ двухъ шубахъ, спиной почти весь гнутый задокъ саней, и тотчасъ же, взявъ вожжи, тронулъ лошадь. Никита на ходу примостился спереди съ лѣвой стороны и высунулъ одну ногу.

Добрый жеребецъ съ легкимъ скрипомъ полозьевъ сдвинулъ санки и бойкой ходою тронулся по накатанной въ поселкѣ морозной дорогѣ.

— Ты куда прицѣпился? Дай сюда кнутъ, Микита! — крикнулъ Василій Андреичъ, очевидно радуясь на наслѣдника, который примостился было сзади на полозьяхъ. — Я тебя! Бѣги къ мамашѣ!

Мальчикъ соскочилъ. Мухортый прибавилъ иноходи и, заёкавъ, перешелъ на рысь.

Кресты, въ которыхъ стоялъ домъ Василія Андреича, состояли изъ шести домовъ. Какъ только они выѣхали за послѣднюю кузнецову избу, они тотчасъ же замѣтили, что вѣтеръ гораздо сильнѣе, чѣмъ они думали. Дороги уже почти не видно было. Слѣдъ полозьевъ тотчасъ же заметало, и дорогу можно было отличить только по тому, что она была выше остального мѣста. По всему полю крутило, и не видно было той черты, гдѣ сходится земля съ небомъ. Телятинскій лѣсъ, всегда хорошо видный, только изрѣдка смутно чернѣлъ черезъ снѣжную пыль. Вѣтеръ дулъ съ лѣвой стороны, заворачивая упорно въ одну сторону гриву на крутой наѣденной шеѣ Мухортаго, и сворачивалъ набокъ его простымъ узломъ подвязанный пушистый хвостъ. Длинный воротникъ Никиты, сидѣвшаго со стороны вѣтра, прижимался къ его лицу и носу.

— Бѣгу ей настоящаго нѣтъ, снѣжно,—сказалъ Василій Андреичъ, гордясь своей хорошей лошадью. — Я разъ въ Пашутино ѣздилъ на немъ же, такъ онъ въ полчаса доставилъ.

— Чаго? —спросилъ, не разслышавъ изъ-за воротника, Никита.

— Въ Пашутино, говорю, въ полчаса доѣхалъ, — прокричалъ Василій Андреичъ.

— Что и говорить, лошадь добрая! — сказалъ Никита.

Съ полчаса они ѣхали молча. Вѣтеръ продувалъ Никитѣ бокъ и руку, гдѣ шуба была прорвана. Онъ пожимался и дышалъ въ воротникъ, закрывавшій ему ротъ, и ему всему было не холодно.

— Что, какъ думаешь, на Карамышево поѣдемъ али прямо? — спросилъ Василій Андреичъ.

На Карамышево ѣзда была по болѣе бойкой дорогѣ, установленной хорошими вѣшками въ два ряда, но дальше. Прямо было ближе, но дорога была мало ѣзжена и вѣшекъ не было или были плохонькія, занесенныя.

Никита подумалъ немного.

— На Карамышево хоть и подальше, да ѣздовитѣе, — проговорилъ онъ.

— Да вѣдь прямо только лощинку проѣхать, не сбиться, а тамъ лѣсомъ хорошо, — сказалъ Василій Андреичъ, которому хотѣлось ѣхать прямо.

— Воля ваша, — сказалъ Никита и опять опустилъ воротникъ.

Василій Андреичъ такъ и сдѣлалъ и, отъѣхавъ съ полверсты, у высокой, мотавшейся отъ вѣтра дубовой вѣтки, съ сухими, кое-гдѣ державшимися на ней листьями, свернулъ влѣво.

Вѣтеръ съ поворота сталъ имъ почти встрѣчный. И сверху пошелъ снѣжокъ. Василій Андреичъ правилъ, надувалъ щеки и пускалъ духъ себѣ снизу въ усы. Никита дремалъ.

Они молча проѣхали такъ минутъ десять. Вдругъ Василій Андреичъ заговорилъ что-то.

— Чаго?—спросилъ Никита, открывая глаза.

Василій Андреичъ не отвѣчалъ, а изгибался, оглядываясь назадъ и впередъ предъ лошадью. Лошадь, закурчавившаяся отъ пота въ пахахъ и на шеѣ, шла шагомъ.

— Чаго ты, говорю?—повторилъ Никита.

— Чаго, чаго!—передразнилъ его Василій Андреичъ сердито.— Вѣшекъ не видать! Должно, сбились!

— Такъ стой же, я дорогу погляжу, — сказалъ Никита и, легко соскочивъ съ саней и доставъ кнутъ изъ-подъ соломы, пошелъ влѣво и съ той стороны, съ которой сидѣлъ.

Снѣгъ въ этомъ году былъ неглубокій, такъ что вездѣ была дорога, но все-таки кое-гдѣ онъ былъ по колѣно и засыпался Никитѣ въ сапогъ. Никита ходилъ, щупалъ ногами и кнутомъ, но дороги нигдѣ не было.

— Ну, что? — сказалъ Василій Андреичъ, когда Никита подошелъ къ санямъ.

— Съ этой стороны нѣту дороги. Надо въ ту сторону пойти походить.

— Вонъ, что-то впереди чернѣетъ, ты туда дойди погляди, — сказалъ Василій Андреичъ.

Никита пошелъ и туда, подошелъ къ тому, что чернѣлось — это чернѣлась земля, насыпавшаяся съ оголенныхъ озимей сверхъ снѣга и окрасившая снѣгъ чернымъ. Походивъ и справа, Никита вернулся къ санямъ, обилъ съ себя снѣгъ, вытряхнулъ его изъ сапога и сѣлъ въ сани.

— Вправо ѣхать надо,— сказалъ онъ рѣшительно.— Вѣтеръ мнѣ въ лѣвый бокъ былъ, а теперь прямо въ морду. Пошелъ вправо! — рѣшительно сказалъ онъ.

Василій Андреичъ послушалъ его и взялъ вправо. Но дороги все не было. Они проѣхали такъ нѣсколько времени. Вѣтеръ не уменьшался, и пошелъ снѣжокъ.

— А мы, Василій Андреичъ, видно, вовсе сбились, — вдругъ сказалъ, какъ будто съ удовольствіемъ Никита. — Это что? — сказалъ онъ, указывая на черную картофельную ботву, торчавшую изъ-подъ снѣга.

Василій Андреичъ остановилъ уже вспотѣвшую и тяжело водившую крутыми боками лошадь.

— А что? — спросилъ онъ.

— А то, что мы на Захаровскомъ полѣ. Вонъ куда заѣхали!

— Вре? — откликнулся Василій Андреичъ.

— Не вру я, Василій Андреичъ, а правду говорю, — сказалъ Никита, — и по санямъ слышно — по картофелищу ѣдемъ; а вонъ и кучи, — ботву свозили. Захаровское заводское поле.

— Вишь ты, куда сбились! — сказалъ Василій Андреичъ. — Какъ же быть-то?

— А надо прямо брать, вотъ и все, куда-нибудь да выѣдемъ, — сказалъ Никита. — Не въ Захаровку, такъ на барскій хуторъ выѣдемъ.

Василій Андреичъ послушался и пустилъ лошадь, какъ велѣлъ Никита. Они ѣхали такъ довольно долго. Иногда они выѣзжали на оголенныя зеленя, и сани гремѣли по колчамъ мерзлой земли; иногда выѣзжали на жнивье, то на озимое, то на яровое, по которымъ изъ-подъ снѣга виднѣлись мотавшіяся отъ вѣтра полыни и соломины; иногда въѣзжали въ глубокій и вездѣ одинаково бѣлый ровный снѣгъ, сверху котораго уже ничего не было видно.

Снѣгъ шелъ сверху и иногда поднимался снизу. Лошадь, очевидно, уморилась, вся закурчавилась и заиндивѣла отъ пота и шла шагомъ. Вдругъ она оборвалась и сѣла въ водомоину или въ канаву. Василій Андреичъ хотѣлъ остановить, но Никита закричалъ на него:

— Чего держать! Заѣхали — выѣзжать надо. Но, миленькій! но! но, родной! — закричалъ онъ веселымъ голосомъ на лошадь, выскакивая изъ саней и самъ увязая въ канавѣ.

Лошадь рванулась и тотчасъ же выбралась на мерзлую насыпь. Очевидно, это была копаная канава.

— Гдѣ же это мы? — сказалъ Василій Андреичъ.

— А вотъ узнаемъ! — отвѣчалъ Никита. — Трогай знай, куда-нибудь выѣдемъ.

— А вѣдь это, должно, Горячкинскій лѣсъ? — сказалъ Василій Андреичъ, указывая на что-то черное, показавшееся изъ-за снѣга впереди ихъ.

— Вотъ подъѣдемъ, увидимъ, какой такой лѣсъ,—сказалъ Никита.

Никита видѣлъ, что со стороны чернѣвшагося чего-то неслись сухіе продолговатые листья лозины и потому зналъ, что это не лѣсъ, а жилье, но не хотѣлъ говорить. И дѣйствительно, не проѣхали они еще и десяти саженей послѣ канавы, какъ передъ ними зачернѣлись, очевидно, деревья и послышался какой-то новый унылый звукъ. Никита угадалъ вѣрно: это былъ не лѣсъ, а рядъ высокихъ лозинъ, съ кое-гдѣ трепавшимися еще на нихъ листьями. Лозины, очевидно, были обсажены по канавѣ гумна. Подъѣхавъ къ уныло гудѣвшимъ на вѣтру лозинамъ, лошадь вдругъ поднялась передними ногами выше саней, выбралась и задними на возвышеніе, повернула влѣво и перестала утопать въ снѣгу по колѣни. Это была дорога.

— Вотъ и пріѣхали,— сказалъ Никита,— а незнамо куда.

Лошадь, не сбиваясь, пошла по занесенной дорогѣ, и не проѣхали они по ней сорока саженъ, какъ зачернѣлась прямая полоса плетня риги подъ толсто засыпанной снѣгомъ крышей, съ которой не переставая сыпался снѣгъ. Миновавъ ригу, дорога повернула по вѣтру, и они въѣхали въ сугробъ. Но впереди виднѣлся проулокъ между двумя домами, такъ что, очевидно, сугробъ надуло на дорогѣ и надо было переѣхать его. И дѣйствительно, переѣхавъ сугробъ, они въѣхали въ улицу. У крайняго двора на веревкѣ отчаянно трепалось отъ вѣтра развѣшанное замерзшее бѣлье: рубахи, одна красная, одна бѣлая, портки, онучи и юбка. Бѣлая рубаха особенно отчаянно рвалась, махая своимъ рукавами.

— Вишь, баба лѣнивая, а-либо умираетъ: бѣлье къ празднику не убрала, — сказалъ Никита, глядя на мотавшіяся рубахи.

Въ началѣ улицы еще было вѣтрено, и дорога была заметена, но въ срединѣ деревни стало тихо, тепло и весело. У одного двора лаяла собака, у другого баба, закрывшись съ головой поддевкой, прибѣжала откуда-то и зашла въ дверь избы, остановившись на порогѣ, чтобы поглядѣть на проѣзжающихъ. Изъ средины деревни слышались пѣсни дѣвокъ.

Въ деревнѣ, казалось, и вѣтра, и снѣга, и мороза было меньше.

— А вѣдь это Гришкино,— сказалъ Василій Андреичъ.

— Оно и есть,—отвѣчалъ Никита.

И дѣйствительно, это было Гришкино. Выходило такъ, что они сбились влѣво и проѣхали верстъ восемь не совсѣмъ въ томъ направленіи, которое имъ нужно было, но все-таки подвинулись къ мѣсту своего назначенія. До Горячкина отъ Гришкина было верстъ пять.

Проѣхавъ улицей по накатанной и чернѣвшей кое-гдѣ свѣжимъ навозомъ дорогѣ и миновавъ дворъ съ бѣльемъ, у котораго бѣлая рубаха уже сорвалась и висѣла на одномъ мерзломъ рукавѣ, они опять выѣхали къ страшно гудѣвшимъ лозинамъ и опять очутились въ открытомъ полѣ. Метель не только не стихала, но, казалось, еще усилилась. Дорога вся была заметена, и можно было знать, что не сбился, только по вѣшкамъ. Но и вѣшки впереди трудно было разсматривать, потому что вѣтеръ былъ встрѣчный.

Василій Андреичъ щурился, нагибалъ голову и разглядывалъ вѣшки, но больше пускалъ лошадь, надѣясь на нее. И лошадь, дѣйствительно, не сбивалась и шла, поворачивая то вправо, то влѣво по извилинамъ дороги, которую она чуяла подъ ногами, такъ что, несмотря на то, что снѣгъ сверху усилился и усилился вѣтеръ, вѣшки продолжали быть видны то справа, то слѣва.

Такъ проѣхали они минутъ десять, какъ вдругъ прямо передъ лошадью показалось что-то черное, двигавшееся въ косой сѣткѣ гонимаго вѣтромъ снѣга. Это были попутчики. Мухортый совсѣмъ догналъ ихъ и стукалъ ногами объ кресла впереди ѣдущихъ саней.

— Объѣзжай... а-а-й... передомъ! — кричали изъ саней.

Василій Андреичъ сталъ объѣзжать. Въ саняхъ сидѣли три мужика и баба. Очевидно, это ѣхали гости съ праздника. Одинъ мужикъ хлесталъ засыпанный снѣгомъ задъ лошаденки хворостиной. Двое, махая руками, кричали что-то въ передкѣ. Укутанная баба, вся засыпанная снѣгомъ, не шевелясь сидѣла, нахохлившись, въ задкѣ саней.

Сани стукнулись другъ о друга отводами, чуть не зацѣпились, расцѣпились, и мужицкія сани стали отставать.

Косматая, вся засыпанная снѣгомъ, брюхастая лошаденка, тяжело дыша подъ низкой дугой, очевидно изъ послѣднихъ силъ тщетно стараясь убѣжать отъ ударявшей ее хворостины, ковыляла своими коротенькими ногами по глубокому снѣгу, подкидывая ихъ подъ себя. Морда, очевидно молодая, съ подтянутой, какъ у рыбы, нижней губой, съ расширенными ноздрями и прижатыми отъ страха ушами, подержалась нѣсколько секундъ подлѣ плеча Никиты, потомъ стала отставать.

— Вино-то что дѣлаетъ,— сказалъ Никита.— На отдѣлку замучали лошаденку. Азіаты какъ есть!

Нѣсколько минутъ слышны были сопѣнье ноздрей замученной лошаденки и пьяные крики мужиковъ, потомъ затихло сопѣнье, потомъ замолкли и крики. И кругомъ опять ничего не стало слышно,

Встрѣча. *П. Ковалевскаго.*

кромѣ свистящаго около ушей вѣтра и изрѣдка слабаго скрипа полозьевъ по сдутымъ мѣстамъ дороги.

Встрѣча эта развеселила и ободрила Василія Андреича, и онъ смѣлѣе, не разбирая вѣшекъ, погналъ лошадь, надѣясь на нее.

Никитѣ дѣлать было нечего, и, какъ всегда, когда онъ находился въ такомъ положеніи, онъ дремалъ, наверстывая много недоспаннаго времени. Вдругъ лошадь остановилась, и Никита чуть не упалъ, клюнувъ впередъ носомъ.

— А вѣдь мы опять неладно ѣдемъ,—сказалъ Василій Андреичъ.

— А что?

— Да вѣшекъ не видать. Должно, опять сбились съ дороги.

— А сбились съ дороги, поискать надо, — коротко сказалъ Никита, всталъ и опять, легко шагая своими внутрь вывернутыми ступнями, пошелъ ходить по снѣгу.

Онъ долго ходилъ, скрываясь изъ вида, опять показываясь и опять скрываясь, и, наконецъ, вернулся.

— Нѣтъ тутъ дороги, можетъ впереди гдѣ,—сказалъ онъ, садясь въ сани.

Начинало уже замѣтно смеркаться. Метель не усиливалась, но и не слабѣла.

— Хоть бы тѣхъ мужиковъ услыхать,—сказалъ Василій Андреичъ.

— Да, вишь, не догнали, должно, далеко сбились. А може и они сбились,— сказалъ Никита.

— Куда же ѣхать-то? — сказалъ Василій Андреичъ.

— А пустить лошадь надо,— сказалъ Никита.— Она приведетъ. Давай вожжи!

Василій Андреичъ отдалъ вожжи тѣмъ болѣе охотно, что руки его въ теплыхъ перчаткахъ начинали зябнуть.

Никита взялъ вожжи и только держалъ ихъ, стараясь не шевелить ими, радуясь на умъ своего любимца. Дѣйствительно, умная лошадь, повертывая то въ одну, то въ другую сторону то одно, то другое ухо, стала поворачивать.

— Только не говоритъ, — приговаривалъ Никита. — Вишь, что дѣлаетъ! Иди, иди, знай! Такъ, такъ.

Вѣтеръ сталъ дуть взадъ, стало теплѣе.

— И уменъ же,— продолжалъ радоваться на лошадь Никита,— гляди, что ушами дѣлаетъ. Никакого телеграфа не надо, за версту чуетъ.

И не прошло еще получаса, какъ впереди дѣйствительно зачернѣло что-то—лѣсъ ли, деревня, и съ правой стороны показались опять вѣшки. Очевидно, они опять выѣхали на дорогу.

— А вѣдь это опять Гришкино,— вдругъ проговорилъ Никита.

Дѣйствительно, теперь слѣва у нихъ была та самая рига, съ которой несло снѣгъ, и дальше та же веревка съ замерзшимъ бѣльемъ, рубахами и портками, которые все такъ же отчаянно трепались отъ вѣтра.

Опять они въѣхали въ улицу, опять стало тихо, тепло, весело, опять стала видна навозная дорога, опять послышались голоса, пѣсни, опять залаяла собака. Уже настолько смерклось, что въ нѣкоторыхъ окнахъ засвѣтились огни.

Посрединѣ улицы Василій Андреичъ повернулъ лошадь къ большому, въ двѣ кирпичныя связи, дому и остановилъ ее у крыльца.

Никита подошелъ къ занесенному освѣщенному окну, въ свѣтѣ котораго блестѣли перепархивающія снѣжинки, и постучалъ кнутовищемъ.

— Кто тамъ?— откликнулся голосъ на призывъ Никиты.

— Съ Крестовъ, Брехуновы, милый человѣкъ,— отвѣчалъ Никита.— Выдь-ка на часъ!

Отъ окна отошли, и черезъ минуты двѣ—слышно было— отлипла дверь въ сѣняхъ, потомъ стукнула щеколда въ наружной двери, и, придерживая дверь отъ вѣтра, высунулся высокій старый съ бѣлой бородой мужикъ, въ накинутомъ полушубкѣ сверхъ бѣлой праздничной рубахи и за нимъ малый въ красной рубахѣ и кожаныхъ сапогахъ.

— Ты, что ли, Андреичъ?— сказалъ старикъ.

— Да вотъ заплутали, братъ,— сказалъ Василій Андреичъ: — хотѣли въ Горячкино, да вотъ къ вамъ попали. Отъѣхали, опять заплутали.

— Вишь, какъ сбились,— сказалъ старикъ.— Петрушка, поди отвори ворота!— обратился онъ къ малому въ красной рубахѣ.

— Это можно,—отвѣчалъ малый веселымъ голосомъ и побѣжалъ въ сѣни.

— Да мы, братъ, не ночевать,— сказалъ Василій Андреичъ.

— Куда ѣхать — ночное время, ночуй!

— И радъ бы ночевать, да ѣхать надо. Дѣла, братъ,— нельзя.

— Ну, погрѣйся, по крайности, прямо къ самовару,— сказалъ старикъ.

— Погрѣться—это можно,—сказалъ Василій Андреичъ:—темнѣе не будетъ, а мѣсяцъ взойдетъ, посвѣтлѣетъ. Зайдемъ, что ль, погрѣемся, Микитъ?

— Ну, что жъ, и погрѣться можно, — сказалъ Никита, сильно перезябшій и очень желавшій отогрѣть въ теплѣ свои зазябшіе члены.

Василій Андреичъ пошелъ со старикомъ въ избу, а Никита въѣхалъ въ отворенныя Петрушкой ворота и, по указанію его, вдвинулъ лошадь подъ навѣсъ сарая. Сарай былъ поднавоженный, и высокая дуга зацѣпила за переметъ. Ужъ усѣвшіяся на переметѣ куры съ пѣтухомъ что-то недовольно заквахтали и поцапались лапками по перемету. Встревоженныя овцы, топая копытами по мерзлому навозу, шарахнулись въ сторону. Собака, отчаянно взвизгивая, съ испугомъ и злостью по-щенячьи заливалась-лаяла на чужого.

Никита поговорилъ со всѣми: извинился передъ курами, успокоилъ ихъ, что больше не потревожитъ; упрекнулъ овецъ за то, что онѣ пугаются, сами не зная чего, и, не переставая, усовѣщивалъ собачонку въ то время, какъ привязывалъ лошадь.

— Вотъ такъ-то и ладно будетъ, — сказалъ онъ, охлопывая съ себя снѣгъ.—Вишь, заливается!—прибавилъ онъ на собаку.—Да будетъ тебѣ! Ну, буде, глупая, буде. Только себя безпокоишь,—говорилъ онъ.—Не воры, свои...

Въ то время, какъ Никита входилъ въ избу, старушка-хозяйка, наливъ въ толстаго стекла стаканчикъ водки, подносила его гостю.

— Не обезсудь, Василій Андреичъ, нельзя, проздравить надо,—говорила она.—Выкушай, касатикъ!

Никита снялъ кафтанъ, еще отряхнулъ его, повѣсилъ къ печи и подошелъ къ столу. Ему тоже предложили водки.

— Не пью, благодаримъ покорно,—сказалъ онъ, нахмурившись, и присѣлъ ко второму окну на лавку.

— Ну, такъ чайку,—сказала ласковая старушка.—Я чай, иззябъ, сердечный. Что вы, бабы, съ самоваромъ копаетесь?

— Готовъ,—отвѣчала молодайка и, обмахнувъ занавѣской уходившій прикрытый самоваръ, съ трудомъ донесла его, подняла и стукнула на столъ.

Между тѣмъ, Василій Андреичъ разсказывалъ, какъ они сбились, какъ два раза возвращались въ ту же деревню, какъ плутали, какъ встрѣтили пьяныхъ. Хозяева дивились, объясняли, гдѣ и почему они сбились, и кто были пьяные, которыхъ они встрѣтили, и учили, какъ надо ѣхать.

— Тутъ до Молчановки малый ребенокъ доѣдетъ, только потрафить на поворотѣ съ большака,—кустъ тутъ видать. А вы не доѣхали!—говорилъ сосѣдъ.

— А то ночевали бы. Бабы постелютъ,—уговаривала старушка.

— Утречкомъ поѣхали бы, разлюбезное дѣло,— подтверждалъ старикъ.

— Нельзя, братъ, дѣла!— сказалъ Василій Андреичъ.— Часъ упустишь, годомъ не наверстаешь,— добавилъ онъ, вспоминая о рощѣ и о купцахъ, которые могли перебить у него эту покупку.—Доѣдемъ, вѣдь?—обратился онъ къ Никитѣ.

Никита долго не отвѣчалъ, все какъ будто озабоченный оттаиваніемъ бороды и усовъ.

— Не сбиться бы опять,— сказалъ онъ мрачно.

— Да вѣдь только до поворота бы доѣхать, а тамъ ужъ не собьемся, лѣсомъ до самаго мѣста,— сказалъ Василій Андреичъ.

— Дѣло ваше, Василій Андреичъ; ѣхать—такъ ѣхать,—сказалъ Никита, принимая подаваемый ему стаканъ чаю.

— Напьемся чайку, да и маршъ.

Никита ничего не сказалъ, но только покачалъ головой и, осторожно выливъ чай на блюдечко, сталъ грѣть о паръ свои, съ всегда напухшими отъ работы пальцами, руки.

— Кабы проводилъ кто до поворота,—сказалъ Василій Андреичъ.

— Что же, это можно,— сказалъ старшій сынъ.— Петруха запряжетъ, да и проводитъ до поворота.

— Такъ запрягай, братъ. А уже я поблагодарю.

— И, чего ты, касатикъ! — сказала ласковая старушка.— Мы рады душой.

— Петруха, иди запряги кобылу,— сказалъ старшій братъ.

— Это можно,— сказалъ Петруха улыбаясь и, тотчасъ же сорвавъ съ гвоздя шапку, побѣжалъ запрягать.

Пока закладывали лошадь, разговоръ перешелъ на то, на чемъ онъ остановился въ то время, какъ Василій Андреичъ подъѣхалъ къ окну.

Никита вслушивался, всматривался въ лица и, очевидно, желалъ тоже принять участіе въ разговорѣ, но былъ весь поглощенъ чаемъ и только одобрительно кивалъ головой. Онъ выпивалъ стаканъ за стаканомъ, и ему становилось все теплѣе и теплѣе, и пріятнѣе и пріятнѣе.

Разговоръ этотъ прервалъ Петруха, уже заложившій лошадь и вернувшійся въ избу.

— Готово! — сказалъ онъ, улыбаясь во весь ротъ.

— А готово, такъ поѣдемъ,— сказалъ Василій Андреичъ.

Никита тоже всталъ, положилъ назадъ въ сахарницу свой обкусанный со всѣхъ сторонъ кусочекъ сахару, обтеръ полой мокрое отъ пота лицо и пошелъ надѣвать халатъ.

Одѣвшись, онъ тяжело вздохнулъ и, поблагодаривъ хозяевъ и простившись съ ними, вышелъ изъ теплой, свѣтлой горницы въ темныя, холодныя, гудѣвшія отъ рвавшагося въ нихъ вѣтра и занесенныя снѣгомъ черезъ щели дрожавшихъ дверей, сѣни и оттуда на темный дворъ.

Старикъ, провожая Василія Андреича, вынесъ фонарь въ сѣни и хотѣлъ посвѣтить ему, но фонарь тотчасъ же задуло. И на дворѣ даже замѣтно было, что метель разыгралась еще сильнѣе.

„Ну, ужъ погодка“,—подумалъ Василій Андреичъ,—„пожалуй и не доѣдешь, да нельзя, дѣла! Да и собрался ужъ, и лошадь хозяйская запряжена. Доѣдемъ. Богъ дастъ!“

Хозяинъ-старикъ тоже думалъ, что не слѣдовало ѣхать, но онъ уже уговаривалъ остаться, его не послушали. Больше просить нечего. „Можетъ, я отъ старости такъ робѣю, а они доѣдутъ,— думалъ онъ. Да и по крайности спать ляжемъ во-время. Безъ хлопотъ“.

Василій Андреичъ подошелъ къ санямъ, съ трудомъ разбирая въ темнотѣ, гдѣ онѣ, влѣзъ въ нихъ и взялъ вожжи.

— Пошелъ передомъ!—крикнулъ онъ.

Петруха, стоя на колѣнкахъ въ розвальняхъ, пустилъ свою лошадь. Мухортый, уже давно ржавшій, чуя впереди себя другую лошадь, рванулся за ней, и они выѣхали на улицу. Опять поѣхали слободой и той же дорогой, мимо того же двора съ развѣшаннымъ замерзшимъ бѣльемъ, котораго теперь уже не видно было, мимо того же сарая, который уже былъ занесенъ почти до крыши и съ котораго сыпался безконечный снѣгъ, мимо тѣхъ же мрачно шумящихъ, свистящихъ и гнущихся лозинъ и опять въѣхали въ то снѣжное, сверху и снизу бушевавшее, море. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что когда онъ былъ въ бокъ и сѣдоки парусили противъ него, то онъ накренивалъ на бокъ санки и сбивалъ лошадь въ сторону. Петруха ѣхалъ развалистой рысцой своей доброй кобылы впереди и бодро покрикивалъ. Мухортый рвался за ней.

Проѣхавъ такъ минутъ десять, Петруха обернулся и что-то прокричалъ. Ни Василій Андреичъ, ни Никита не слышали отъ вѣтра, но догадались, что они пріѣхали къ повороту. Дѣйствительно, Петруха

поворотилъ направо, и вѣтеръ, бывшій въ бокъ, опять сталъ навстрѣчу, и справа, сквозь снѣгъ, завиднѣлось что-то черное. Это былъ кустикъ на поворотѣ.

— Ну, съ Богомъ!

— Спасибо Петруха!

Поѣхали дальше.

Никита, укутавшись и вжавъ голову въ плечи, такъ что небольшая борода его облегала ему шею, сидѣлъ молча, стараясь не потерять набранное въ избѣ за чаемъ тепло. Передъ собою онъ видѣлъ прямыя линіи оглобель, безпрестанно обманывавшія его и казавшіяся ему накатанной дорогой, колеблющійся задъ лошади съ заворачиваемымъ въ одну сторону, подвязаннымъ узломъ, хвостомъ и дальше, впереди, высокую дугу и качавшуюся голову и шею лошади съ развѣвающеюся гривой. Изрѣдка ему попадались въ глаза вѣшки, такъ что онъ зналъ, что ѣхали пока по дорогѣ, и ему дѣлать было нечего.

Василій Андреичъ правилъ, предоставляя лошади самой держаться дороги. Но Мухортый, несмотря на то, что вздохнулъ въ деревнѣ, бѣжалъ неохотно и какъ будто сворачивалъ съ дороги, такъ что Василій Андреичъ нѣсколько разъ поправлялъ его.

„Вотъ справа одна вѣшка, вотъ другая, вотъ и третья“,—считалъ Василій Андреичъ: — „а вотъ впереди и лѣсъ“, подумалъ онъ, вглядываясь во что-то чернѣющее впереди его. Но то, что показалось ему лѣсомъ, былъ только кустъ. Кустъ проѣхали, проѣхали еще саженъ двадцать, четвертой вѣшки не было, и лѣса не было. „Долженъ сейчасъ быть лѣсъ“, думалъ Василій Андреичъ и, возбужденный виномъ и чаемъ, не останавливаясь, потрогивалъ вожжами, и покорное, доброе животное слушалось и то иноходью, то небольшою рысцой бѣжало туда, куда его посылали, хотя и знало, что его посылаютъ совсѣмъ не туда, куда надо. Прошло минутъ десять, лѣса все не было.

— А вѣдь мы опять сбились!—сказалъ Василій Андреичъ, останавливая лошадь.

Никита молча вылѣзъ изъ саней и, придерживая свой халатъ, то липнувшій къ нему по вѣтру, то отворачивающійся и слѣзающій съ него, пошелъ лазить по снѣгу; пошелъ въ одну сторону, пошелъ въ другую. Раза три онъ скрывался совсѣмъ изъ вида. Наконецъ, онъ вернулся и взялъ вожжи изъ рукъ Василія Андреича.

— Вправо ѣхать надо,—сказалъ онъ строго и рѣшительно, поворачивая лошадь.

— Ну, вправо, такъ вправо пошелъ,—сказалъ Василій Андреичъ, отдавая вожжи и засовывая озябшія руки въ рукава.

Никита не отвѣчалъ.

— Ну, дружокъ, потрудись,—крикнулъ онъ на лошадь, но лошадь, несмотря на потряхиванье вожжей, шла только шагомъ.

Снѣгъ былъ кое-гдѣ по колѣно, и сани подергивались рывомъ съ каждымъ движеніемъ лошади.

Никита досталъ кнутъ, висѣвшій на передкѣ, и стегнулъ. Добрая, непривычная къ кнуту лошадь рванулась, пошла рысью, но тотчасъ же опять перешла на иноходь и шагъ. Такъ проѣхали минутъ пять. Было такъ темно и такъ курило сверху и снизу, что дуги иногда не было видно. Сани, казалось, иногда стояли на мѣстѣ, и поле бѣжало назадъ. Вдругъ лошадь круто остановилась, очевидно чуя что-то неладное передъ собой. Никита опять легко выскочилъ, бросая вожжи, и пошелъ впередъ лошади, чтобы посмотрѣть, чего она остановилась; но только что онъ хотѣлъ ступить шагъ передъ лошадью, какъ ноги его поскользнулись, и онъ покатился подъ какую-то кручь.

— Тпру, тпру, тпру,—говорилъ онъ себѣ, падая и стараясь остановиться, но не могъ удержаться и остановился только, врѣзавшись ногами въ нанесенный внизу оврага толстый слой снѣга.

Нависшій на края кручи сугробъ, растревоженный паденіемъ Никиты, насыпался на него и засыпалъ ему снѣгу за шиворотъ.

— Эка ты какъ!—укоризненно проговорилъ Никита, обращаясь къ сугробу и оврагу и вытряхивая снѣгъ изъ-за воротника.

— Никитъ, а Никитъ!—кричалъ Василій Андреичъ сверху.

Но Никита не откликался.

Ему некогда было: онъ отряхался, потомъ отыскивалъ кнутъ, который выронилъ, когда скатился подъ кручу. Найдя кнутъ, онъ полѣзъ было прямо назадъ, гдѣ скатился, но влѣзть не было возможности; онъ скатывался назадъ, такъ что долженъ былъ низомъ пойти искать выхода кверху. Сажени на три отъ того мѣста, гдѣ онъ скатился, онъ съ трудомъ вылѣзъ на четверенькахъ на гору и пошелъ по краю оврага къ тому мѣсту, гдѣ должна была быть лошадь. Лошади и саней онъ не видалъ; но такъ какъ онъ шелъ на вѣтеръ, онъ прежде, чѣмъ увидалъ ихъ, услыхалъ крики Василія Андреича и ржанье Мухортаго, звавшихъ его.

— Иду, иду. Чего гогочешь?—проговорилъ онъ.

Только совсѣмъ уже дойдя до саней, онъ увидалъ лошадь и стоявшаго возлѣ нихъ Василія Андреича, казавшагося огромнымъ.

— Куда къ дьяволу запропастился? Назадъ ѣхать надо. Хоть въ Гришкино вернемся,—сердито сталъ выговаривать Никитѣ хозяинъ.

— И радъ бы вернулся, Василій Андреичъ, да куда ѣхать-то? Тутъ овражище такой, что попади туда, и не выберешься. Я туда засвѣтилъ такъ, что насилу выдрался.

— Что же, не стоять же тутъ? Куда-нибудь надо же ѣхать,— сказалъ Василій Андреичъ.

Никита ничего не отвѣчалъ. Онъ сѣлъ на сани задомъ къ вѣтру, разулся и вытряхнулъ снѣгъ, набившійся ему въ сапоги, и, доставъ соломки, старательно заткнулъ ею изнутри дыру въ лѣвомъ сапогѣ.

Василій Андреичъ молчалъ, какъ бы предоставивъ теперь уже все Никитѣ. Переобувшись, Никита убралъ ноги въ сани, надѣлъ опять рукавицы, взялъ вожжи и повернулъ лошадь вдоль оврага. Но не проѣхали они и ста шаговъ, какъ лошадь опять уперлась. Передъ ней опять былъ оврагъ.

Никита опять вылѣзъ и опять пошелъ лазить по снѣгу. Довольно долго онъ ходилъ. Наконецъ появился съ противоположной стороны, съ которой онъ пошелъ.

— Андреичъ, живъ?—крикнулъ онъ.

— Здѣсь!—откликнулся Василій Андреичъ—Ну, что?

— Да не разберешь никакъ. Темно. Овраги какіе-то. Надо опять на вѣтеръ ѣхать.

Опять поѣхали, опять ходилъ Никита, лазая по снѣгу. Опять садился, опять лазилъ и, наконецъ, запыхавшись, остановился у саней.

— Ну, что?—спросилъ Василій Андреичъ.

— Да что, вымотался я весь! Да и лошадь становится.

— Такъ что же дѣлать?

— Да вотъ, постой.

Никита опять ушелъ и скоро вернулся.

— Держи за мной,—сказалъ онъ, заходя передъ лошадью.

Василій Андреичъ уже не приказывалъ ничего, а покорно дѣлалъ то, что говорилъ ему Никита.

— Сюда, за мной!—закричалъ Никита, отходя быстро вправо и хватая за вожжу Мухортаго и направляя его куда-то книзу въ сугробъ.

Лошадь сначала уперлась, но потомъ рванулась, надѣясь проскочить сугробъ, но не осилила и сѣла въ него по хомутъ.

— Вылѣзай!—закричалъ Никита на Василія Андреича, продолжавшаго сидѣть въ саняхъ, и, подхвативъ подъ одну оглоблю, сталъ надвигать сани на лошадь.—Трудненько, братъ,—обратился онъ къ Мухортому,—да что же дѣлать, понатужься! Но, но, немного!—крикнулъ онъ.

Лошадь рванулась разъ, другой, но все-таки не выбралась и опять сѣла, какъ будто что-то обдумывала.

— Что же, братъ, такъ неладно — усовѣщевалъ Никита Мухортаго.—Ну, еще!

Опять Никита потащилъ за оглоблю съ своей стороны; Василій Андреичъ дѣлалъ то же съ другой. Лошадь пошевелила головой, потомъ вдругъ рванулась.

— Ну! Но! Не потонешь, небось!—кричалъ Никита.

Прыжокъ, другой, третій, и наконецъ лошадь выбралась изъ сугроба и остановилась, тяжело дыша и отряхиваясь. Никита хотѣлъ вести дальше, но Василій Андреичъ такъ запыхался въ своихъ двухъ шубахъ, что не могъ идти, и повалился въ сани.

— Дай вздохнуть,—сказалъ онъ, распуская платокъ, которымъ онъ повязалъ въ деревнѣ воротникъ шубы.

— Тутъ ничего, ты лежи,—сказалъ Никита,—я проведу,—и съ Василіемъ Андреичемъ въ саняхъ провелъ лошадь подъ уздцы внизъ шаговъ десять и потомъ немного вверхъ и остановился.

Мѣсто, на которомъ остановился Никита, было не въ лощинѣ, гдѣ бы снѣгъ, сметаемый съ бугровъ и оставаясь, могъ совсѣмъ засыпать ихъ, но оно все-таки отчасти было защищено краемъ оврага отъ вѣтра. Были минуты, когда вѣтеръ какъ будто немного стихалъ, но это продолжалось недолго, и какъ будто для того, чтобы наверстать этотъ отдыхъ, буря налетала послѣ этого съ удесятеренной силой, еще злѣе рвала и крутила. Такой порывъ вѣтра ударилъ въ ту минуту, какъ Василій Андреичъ, отдышавшись, вылѣзъ изъ саней и подошелъ къ Никитѣ, чтобы поговорить о томъ, что дѣлать. Оба невольно пригнулись и подождали говорить, пока пройдетъ ярость порыва. Мухортый тоже недовольно прижималъ уши и трясъ головой. Какъ только немного прошелъ порывъ вѣтра, Никита, снявъ рукавицы и заткнувъ ихъ за кушакъ, подышавъ въ руки, сталъ отвязывать съ дуги поводокъ.

— Ты что жъ это дѣлаешь?—спросилъ Василій Андреичъ.

— Отпрягаю, что жъ еще дѣлать? Мочи моей нѣтъ,— какъ бы извиняясь, отвѣчалъ Никита.

— А развѣ не выѣдемъ куда?

— Не выѣдемъ, только лошадь замучаемъ. Вѣдь онъ, сердечный, не въ себѣ сталъ, — сказалъ Никита, указывая на покорно стоящую, на все готовую и тяжело носившую крутыми и мокрыми боками лошадь.—Ночевать надо,—повторилъ онъ, точно какъ будто собирался ночевать на постояломъ дворѣ.

— А не замерзнемъ мы? — сказалъ Василій Андреичъ.

— Что же? И замерзнешь — не откажешься,— сказалъ Никита.

Василію Андреичу въ своихъ двухъ шубахъ было совсѣмъ тепло, особенно послѣ того, какъ онъ повозился въ сугробѣ; но морозъ пробѣжалъ у него по спинѣ, когда онъ понялъ, что дѣйствительно надо ночевать здѣсь. Чтобы успокоиться, онъ сѣлъ въ сани и сталъ доставать папиросы и спички.

Никита между тѣмъ распрягалъ лошадь. Онъ развязалъ подбрюшникъ, чрезсѣдельникъ, развожжалъ, снялъ гужъ, вывернулъ дугу и, не переставая разговаривать съ лошадью, ободрялъ ее.

— Ну, выходи, выходи,—говорилъ онъ, выводя ее изъ оглобель.— Да вотъ привяжемъ тебя тутъ. Соломки подложу да разнуздаю, — говорилъ онъ, дѣлая то, что говорилъ.— Закусишь, тебѣ все веселѣе будетъ.

Но Мухортый, очевидно, не успокоивался рѣчами Никиты и былъ тревоженъ; онъ переступалъ съ ноги на ногу, жался къ санямъ, становясь задомъ къ вѣтру, и терся головой о рукавъ Никиты.

Какъ будто только для того, чтобы не отказать Никитѣ въ его угощеніи соломой, которую Никита подсунулъ ему подъ храпъ, Мухортый разъ порывисто схватилъ пукъ соломы изъ саней, но тотчасъ же рѣшилъ, что теперь дѣло не до соломы, бросилъ ее, и вѣтеръ мгновенно растрепалъ солому, унесъ ее и засыпалъ снѣгомъ.

— Теперь примѣту сдѣлаемъ,— сказалъ Никита, повернувъ сани лицомъ къ вѣтру, и, связавъ оглобли чрезсѣдельникомъ, онъ поднялъ ихъ вверхъ и притянулъ къ передку. — Вотъ, какъ занесетъ насъ, добрые люди по оглоблямъ увидятъ, откопаютъ, — сказалъ Никита, похлопывая рукавицами и надѣвая ихъ. — Такъ-то старики учили.

Василій Андреичъ между тѣмъ жадно потянулъ, проглотилъ, выпустилъ сквозь усы дымъ, хотѣлъ еще затянуться, но табакъ съ огнемъ сорвало и унесло туда же, куда и солому. Но и эти нѣсколько глотковъ табачнаго дыма развеселили его.

— Теплѣе бы вмѣстѣ, да вдвоемъ не усядемся,— сказалъ Василій Андреичъ, опускаясь въ сани.

— Я мѣсто найду, — отвѣчалъ Никита, — только лошадь укрыть надо, а то взопрѣлъ, сердечный. Пусти-ка, — прибавилъ онъ и, подойдя къ санямъ, потянулъ изъ-подъ Василія Андреича веретье.

И, доставъ веретье, онъ сложилъ его вдвое и, скинувъ прежде шлею и снявъ сѣделку, покрылъ имъ Мухортаго.

— Все теплѣе тебѣ будетъ, дурачокъ, — говорилъ онъ, надѣвая опять на лошадь сверхъ веретья сѣделку и шлею. — А не нужна вамъ дерюжка будетъ? Да соломки мнѣ дайте, — сказалъ Никита, окончивъ это дѣло и опять подойдя къ санямъ.

И, забравъ и то и другое изъ-подъ Василія Андреича, Никита зашелъ за спинку саней, выкопалъ себѣ тамъ въ снѣгу ямку, положилъ въ нее соломы и, нахлобучивъ шапку и закутавшись кафтаномъ и сверху покрывшись дерюжкой, сѣлъ на постланную солому, прислонясь къ лубочному задку саней, защищавшему его отъ вѣтра и снѣга.

Василій Андреичъ неодобрительно покачалъ головой на то, что дѣлалъ Никита, какъ онъ вообще не одобрялъ необразованность и глупость мужицкую, и сталъ устраиваться на ночь.

Онъ разровнялъ оставшуюся солому по санкамъ, подложилъ погуще себѣ подъ бокъ и, засунувъ руки въ рукава, приладился головой въ уголъ саней, къ передку, защищавшему его отъ вѣтра.

Спать ему не хотѣлось. Онъ лежалъ и думалъ: думалъ все о томъ же одномъ, что составляло единственную цѣль, смыслъ, радость и гордость его жизни, — о томъ, сколько онъ нажилъ и можетъ еще нажить денегъ; сколько другіе, ему извѣстные люди, нажили и имѣютъ денегъ, и какъ эти другіе наживали и наживаютъ деньги, и какъ онъ такъ же, какъ и они, можетъ нажить еще очень много денегъ. Покупка Горячкинскаго лѣса составляла для него дѣло огромной важности. Онъ надѣялся на этомъ лѣсѣ поживиться сразу, можетъ быть, десяткомъ тысячъ.

„И какъ сбились съ поворота, Богъ ее знаетъ! Долженъ бы тутъ быть лѣсъ и сторожка. Собакъ бы слышно“.

Онъ отстранилъ воротникъ отъ уха и сталъ прислушиваться: слышенъ былъ все тотъ же свистъ вѣтра и стеганье по лубку саней падающаго снѣга. Онъ закрылся опять. „Кабы знать, ночевать бы остаться. Ну, да все одно, доѣдемъ и завтра. Только день лишній. Въ такую погоду и тѣ не поѣдутъ“. И онъ вспомнилъ, что къ 9-му надо получить съ мясника деньги. „Хотѣлъ самъ пріѣхать; не застанетъ меня — жена не сумѣетъ деньги взять. Очень ужъ необразована. Обхожденія настоящаго не знаетъ. Извѣстно — женщина! Гдѣ она

что видала? При родителяхъ какой нашъ домъ былъ? Такъ себѣ, деревенскій мужикъ богатый. А я что въ 15 лѣтъ сдѣлалъ? Лавка, два кабака, мельница, ссыпка, два имѣнья въ арендѣ, домъ съ амбаромъ, подъ желѣзной крышей", вспоминалъ онъ съ гордостью. „Не то что при родителѣ! Нынче кто въ округѣ гремитъ? Брехуновъ".

„А почему такъ? Потому — дѣло помню, стараюсь, не такъ, какъ другіе — лежни, али глупостями занимаются. А я ночи не сплю. Метель, не метель — ѣду. Ну, и дѣло дѣлается. Они думаютъ такъ, шутя денежки наживаютъ. Нѣтъ, ты потрудись да голову поломай. Вотъ такъ-то заночуй въ полѣ да ночи не спи. Какъ подушка отъ думы въ головахъ ворочается", размышлялъ онъ съ гордостью. „Думаютъ, что въ люди выходятъ по счастью. Вонъ, Мироновы въ милліонахъ теперь. А почему? Трудись. Богъ и дастъ. Только бы далъ Богъ здоровья".

И мысль о томъ, что и онъ можетъ быть такимъ же милліонщикомъ, какъ Мироновъ, который взялся съ ничего, такъ взволновала Василія Андреича, что онъ почувствовалъ потребность поговорить съ кѣмъ-нибудь. Но говорить не съ кѣмъ было... Кабы доѣхать до Горячкина, онъ бы поговорилъ съ помѣщикомъ, вставилъ бы ему очки.

„Ишь ты, дуетъ какъ! Занесетъ такъ, что и не выберемся утромъ!" подумалъ онъ, прислушиваясь къ порыву вѣтра, который дулъ въ передокъ, нагибая его, и сѣкъ его лубокъ снѣгомъ. Онъ приподнялся и оглянулся: въ бѣлой колеблющейся темнотѣ видна была только чернѣющая голова Мухортаго и его спина, покрытая развѣвающимся веретьемъ, и густой завязанный хвостъ; кругомъ же со всѣхъ сторонъ, спереди, сзади, была вездѣ одна и та же однообразная бѣлая колеблющаяся тьма, иногда какъ будто чуть-чуть просвѣтляющаяся, иногда еще больше сгущающаяся.

„И напрасно послушался я Никиту", думалъ онъ. „Ѣхать бы надо, все бы выѣхали куда-нибудь. Хоть назадъ бы доѣхали въ Гришкино, ночевали бы у Тараса. А то вотъ сиди ночь цѣлую".

Онъ опять привалился къ задку, укутался и опять началъ вспоминать, мечтать и совершенно неожиданно вдругъ потерялъ сознаніе и задремалъ.

Но вдругъ точно что-то толкнуло и разбудило его. Мухортый ли это дернулъ изъ-подъ него солому, или это внутри его что-то всколыхнуло его, — только онъ проснулся, и сердце у него стало стучать такъ быстро и такъ сильно, что ему показалось, что сани трясутся подъ нимъ. Онъ открылъ глаза. Вокругъ него было все то же, но

только казалось свѣтлѣе. „Свѣтаетъ“,—подумалъ онъ,—„должно, и до утра недолго“. Но тотчасъ же онъ вспомнилъ, что свѣтлѣе стало только отъ того, что мѣсяцъ взошелъ. Онъ приподнялся, оглядѣлъ сначала лошадь. Мухортый стоялъ все задомъ къ вѣтру и весь трясся. Засыпанное снѣгомъ веретье заворотилось одной стороной, шлея съѣхала на бокъ, и засыпанная снѣгомъ голова съ развѣвающимися челкой и гривой были теперь виднѣе. Василій Андреичъ перегнулся къ задку и заглянулъ за него. Никита сидѣлъ все въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ сѣлъ. Дерюжка, которою онъ прикрывался, и ноги его были густо засыпаны снѣгомъ. „Не замерзъ бы мужикъ; плоха одеженка на немъ. Еще отвѣтишь за него. То-то народъ безтолковый. Истинно необразованность“, подумалъ Василій Андреичъ и хотѣлъ было снять съ лошади веретье и накрыть Никиту, но холодно было вставать и ворочаться, и лошадь, боялся, какъ бы не застыла.

Онъ опять перевалился на свое прежнее мѣсто къ передку саней. „Остался бы въ Гришкиномъ ночевать ничего бы не было“. И, старательно запахнувшись, такъ чтобы тепло мѣха нигдѣ не пропадало даромъ, а вездѣ — и въ шеѣ, и въ колѣняхъ, и въ ступняхъ — грѣло его, онъ закрылъ глаза, стараясь опять заснуть. Но сколько онъ ни старался теперь, онъ не могъ уже забыться, а, напротивъ, чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и оживленнымъ. Опять онъ началъ считать барыши, долги за людьми, опять сталъ хвастаться самъ передъ собой и радоваться на себя и на свое положеніе, но все теперь постоянно прерывалось подкрадывающимся страхомъ и досадной мыслью о томъ, зачѣмъ онъ не остался ночевать въ Гришкиномъ. „То ли дѣло: лежалъ бы на лавкѣ, тепло“. Онъ нѣсколько разъ переворачивался, укладывался, стараясь найти болѣе ловкое и защищенное отъ вѣтра положеніе, но все ему казалось неловко; онъ опять приподнимался, перемѣнялъ положеніе, укутывалъ ноги, закрывалъ глаза и затихалъ. Но или скрюченныя ноги въ крѣпкихъ валеныхъ сапогахъ начинали ныть, или продувало гдѣ-нибудь, и онъ, полежавъ недолго, опять съ досадой на себя вспоминалъ о томъ, какъ бы онъ теперь могъ спокойно лежать въ теплой избѣ въ Гришкиномъ, и опять поднимался, ворочался, кутался и опять укладывался.

Разъ Василію Андреичу почудилось, что онъ слышитъ дальній крикъ пѣтуховъ. Онъ обрадовался, отворотилъ шубу и сталъ напряженно слушать, но, сколько онъ ни напрягалъ слухъ, ничего не слышно было, кромѣ звука вѣтра, свистѣвшаго въ оглобляхъ, и снѣга, стегавшаго о лубокъ саней.

Никита какъ сѣлъ съ вечера, такъ и сидѣлъ все время, не шевелясь и даже не отвѣчая на обращенія Василія Андреича, который раза два окликалъ его. „Ему и горюшка мало, спитъ должно“, съ досадой думалъ Василій Андреичъ, заглядывая черезъ задокъ саней на густо засыпаннаго снѣгомъ Никиту.

Василій Андреичъ вставалъ и ложился разъ двадцать. Ему казалось, что конца не будетъ этой ночи. „Теперь уже, должно быть, близко къ утру“, подумалъ онъ разъ, поднимаясь и оглядываясь. „Дай посмотрю на часы. Озябнешь раскрываться. Ну, да коли узнаю, что къ утру дѣло, все веселѣе будетъ. Запрягать станемъ“. Василій Андреичъ въ глубинѣ души зналъ, что не можетъ быть еще утро, но онъ все сильнѣе и сильнѣе начиналъ робѣть и хотѣлъ въ одно и то же время и провѣрить и обмануть себя. Онъ осторожно распустилъ крючки полушубка и, засунувъ руки за пазуху, долго копался, пока досталъ до жилетки. Насилу-насилу вытащилъ онъ свои серебряные съ эмалевыми цвѣтками часы и сталъ смотрѣть. Безъ огня ничего не видно было. Онъ опять легъ ничкомъ на локти и на колѣнки, такъ же, какъ когда закуривалъ, досталъ спички и сталъ зажигать. Подсунувъ циферблатъ подъ свѣтъ, онъ взглянулъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ... Было всего десять минутъ перваго. Еще вся ночь была впереди.

„Охъ, длинна ночь!“ подумалъ Василій Андреичъ, чувствуя, какъ морозъ пробѣжалъ ему по спинѣ, и, застегнувшись опять и укрывшись, онъ прижался къ углу саней, собираясь терпѣливо ждать. Вдругъ изъ-за однообразнаго шума вѣтра онъ явственно услышалъ какой-то новый, живой звукъ. Звукъ равномѣрно усиливался и, дойдя до совершенной явственности, такъ же равномѣрно сталъ ослабѣвать. Не было никакого сомнѣнія, что это былъ волкъ. И волкъ этотъ былъ такъ недалеко, что по вѣтру ясно было слышно, какъ онъ, ворочая челюстями, измѣнялъ звуки своего голоса. Василій Андреичъ откинулъ воротникъ и внимательно слушалъ. Мухортый также напряженно слушалъ, поводя ушами, и, когда волкъ кончилъ свое колѣно, переставилъ ноги и предостерегающе фыркнулъ. Послѣ этого Василій Андреичъ уже никакъ не могъ не только заснуть, но и успокоиться. Сколько онъ ни старался думать о своихъ расчетахъ, дѣлахъ и о своей славѣ и своемъ достоинствѣ и богатствѣ, страхъ все больше и больше завладѣвалъ имъ, и надъ всѣми мыслями преобладала и ко всѣмъ мыслямъ примѣшивалась мысль о томъ, зачѣмъ онъ не остался ночевать въ Гришкиномъ.

„Богъ съ нимъ, съ лѣсомъ, безъ него дѣлъ слава Богу. Эхъ, ночевать бы!“ говорилъ онъ себѣ. „Говорятъ, пьяные-то замерзаютъ“, подумалъ онъ. „А я выпилъ“. И, прислушиваясь къ своему ощущенію, онъ чувствовалъ, что начиналъ дрожать, самъ не зная, отъ чего онъ дрожитъ—отъ холода или отъ страха. Онъ пробовалъ закрыться и лежать, какъ прежде, но уже не могъ этого сдѣлать. Онъ не могъ оставаться на мѣстѣ, ему хотѣлось встать, предпринять что-нибудь съ тѣмъ, чтобы заглушить поднимающійся въ немъ страхъ, противъ котораго онъ чувствовалъ себя безсильнымъ. На него нашло такое безпокойство, что онъ не могъ больше оставаться на мѣстѣ. Онъ вылѣзъ изъ саней и, ставъ задомъ къ вѣтру, началъ туго и низко вновь перепоясываться.

„Что лежать-то, смерти дожидаться? Сѣсть верхомъ да и маршъ“, вдругъ пришло ему въ голову. „Верхомъ лошадь не станетъ. Ему, — подумалъ онъ на Никиту, — все равно умирать. Какая его жизнь! Ему и жизни не жалко, а мнѣ, слава Богу, есть чѣмъ пожить...“

И онъ, отвязавъ лошадь, перекинулъ ей поводья на шею и хотѣлъ вскочить на нее, но шубы и сапоги были такъ тяжелы, что онъ сорвался. Тогда онъ всталъ на сани и хотѣлъ съ саней сѣсть. Но сани покачнулись подъ его тяжестью, и онъ опять оборвался. Наконецъ, въ третій разъ онъ подвинулъ лошадь къ санямъ и, осторожно ставъ на край ихъ, добился-таки того, что легъ брюхомъ поперекъ лошади. Полежавъ такъ, онъ посунулся впередъ разъ, два и наконецъ перекинулъ ногу черезъ спину лошади и усѣлся, упираясь ступнями ногъ на ремень шлеи. Толчокъ пошатнувшихся саней разбудилъ Никиту, и онъ приподнялся, и Василію Андреичу показалось, что онъ говоритъ что-то.

— Слушай васъ, дураковъ! Что жъ, пропадать такъ, ни за что?— крикнулъ Василій Андреичъ и, подправляя подъ колѣна развѣвающіяся полы шубы, повернулъ лошадь и погналъ ее прочь отъ саней по тому направленію, въ которомъ предполагалъ, что долженъ быть лѣсъ и сторожка.

Никита, съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ, покрывшись дерюжкой, за задкомъ саней, сидѣлъ неподвижно. Онъ, какъ и всѣ люди, живущіе съ природой и знающіе нужду, былъ терпѣливъ и могъ спокойно ждать часы, дни, даже не испытывая ни безпокойства, ни раздраженія. Онъ слышалъ, какъ хозяинъ звалъ его, но не откликался, потому что не хотѣлъ шевелиться и откликаться. Хотя ему еще было тепло отъ выпитаго чая и отъ того, что онъ много двигался, лазая по сугробамъ,

онъ зналъ, что тепла этого хватитъ не надолго, а что согрѣваться движеніемъ онъ ужъ будетъ не въ силахъ, потому что чувствовалъ себя такъ же усталымъ, какъ чувствуетъ себя лошадь, когда она становится, не можетъ, несмотря ни на какой кнутъ, идти дальше, и хозяинъ видитъ, что надо кормить, чтобы она вновь могла работать. Одна нога его въ прорванномъ сапогѣ остыла, и онъ уже не чуялъ на ней большого пальца. И, кромѣ того, всему тѣлу его становилось все холоднѣе и холоднѣе. Мысль о томъ, что онъ можетъ и даже по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ умереть въ эту ночь, пришла ему, но мысль эта показалась ему ни особенно непріятной, ни особенно страшной.

Онъ отдался воспоминаніямъ, которыя сами собой приходили ему въ голову. То онъ вспоминалъ пьянство рабочихъ и свои отказы отъ вина, то теперешнюю поѣздку и Тарасову избу; то о хозяинѣ, который скрипитъ теперь санями, ворочаясь въ нихъ. „Тоже, я чай, сердечный, самъ не радъ, что поѣхалъ“, думалъ онъ. „Отъ такого житья помирать не хочется. Не то, что нашъ братъ“. И всѣ эти воспоминанія стали переплетаться, мѣшаться въ его головѣ, и онъ заснулъ.

Когда же Василій Андреичъ, садясь на лошадь, покачнулъ сани, и задокъ, на который Никита упирался спиной, совсѣмъ отдернулся, и его полозомъ ударило въ спину, онъ проснулся и волей-неволей принужденъ былъ измѣнить свое положеніе. Съ трудомъ выпрямляя ноги и осыпая съ нихъ снѣгъ, онъ поднялся, и тотчасъ же мучительный холодъ пронизалъ все его тѣло. Понявъ, въ чемъ дѣло, онъ хотѣлъ, чтобы Василій Андреичъ оставилъ ему ненужное теперь для лошади веретье, чтобы укрыться имъ, и закричалъ ему объ этомъ.

Но Василій Андреичъ не остановился и скрылся въ снѣжной пыли.

Оставшись одинъ, Никита задумался на минуту, что ему дѣлать. Идти искать жилья онъ чувствовалъ себя не въ силахъ. Сѣсть на старое мѣсто уже нельзя было, — оно все было засыпано снѣгомъ. И въ саняхъ, онъ чувствовалъ, что не согрѣется, потому что ему нечѣмъ было покрыться, его же кафтанъ и шуба теперь совсѣмъ не грѣли его. Ему было такъ холодно, какъ будто онъ былъ въ одной рубахѣ.

Ему стало жутко.

Онъ глубоко вздохнулъ и, не снимая съ головы дерюжки, влѣзъ въ санки и легъ въ нихъ на мѣсто хозяина.

Но и въ саняхъ онъ никакъ не могъ согрѣться. Сначала онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, потомъ дрожь прошла и онъ понемногу сталъ

терять сознаніе. Умиралъ онъ или засыпалъ,—онъ не зналъ, но чувствовалъ себя одинаково готовымъ на то и на другое.

Между тѣмъ Василій Андреичъ и ногами и концами повода гналъ лошадь туда, гдѣ онъ почему-то предположилъ лѣсъ и сторожку. Снѣгъ слѣпилъ ему глаза, а вѣтеръ, казалось, хотѣлъ остановить его, но онъ, нагнувшись впередъ и безпрестанно запахивая шубу и подвертывая ее между собой и мѣшавшей ему сидѣть холодной сѣделкой, не переставая гналъ лошадь. Лошадь, хотя съ трудомъ, но покорно шла иноходью туда, куда онъ посылалъ ее.

Минутъ пять онъ ѣхалъ, какъ ему казалось, все прямо, ничего не видя, кромѣ головы лошади и бѣлой пустыни, и ничего не слыша, кромѣ свиста вѣтра около ушей лошади и воротника своей шубы.

Вдругъ передъ нимъ зачернѣлось что-то. Сердце радостно забилось въ немъ, и онъ поѣхалъ на это черное, уже видя въ немъ стѣны домовъ деревни. Но черное это было не неподвижно, а все шевелилось, и было не деревня, а выросшій на межѣ высокій чернобыльникъ, торчавшій изъ-подъ снѣга и отчаянно мотавшійся подъ напоромъ гнувшаго его все въ одну сторону и свистѣвшаго въ немъ вѣтра. И почему-то видъ этого чернобыльника, мучимаго немилосернымъ вѣтромъ, заставилъ содрогнуться Василія Андреича, и онъ поспѣшно сталъ погонять лошадь, не замѣчая того, что, подъѣзжая къ чернобыльнику, онъ совершенно измѣнилъ прежнее направленіе и теперь гналъ лошадь совсѣмъ уже въ другую сторону, все-таки воображая, что онъ ѣдетъ въ ту сторону, гдѣ должна была быть сторожка. Но лошадь все воротила вправо, и потому онъ все время сворачивалъ ее влѣво.

Опять впереди его зачернѣлось что-то. Онъ обрадовался, увѣренный, что теперь это уже навѣрное деревня. Но это была опять межа, поросшая чернобыльникомъ. Опять такъ же отчаянно трепался сухой бурьянъ, наводя почему-то страхъ на Василія Андреича. Но мало того, что это былъ такой же бурьянъ, — подлѣ него шелъ конный, заносимый вѣтромъ, слѣдъ. Василій Андреичъ остановился, нагнулся, приглядѣлся: это былъ лошадиный, слегка занесенный, слѣдъ и не могъ быть не чей иной, какъ его собственный. Онъ, очевидно, кружился и на небольшомъ пространствѣ. „Пропаду я такъ!“ подумалъ онъ, но, чтобы не поддаваться страху, онъ еще усиленнѣе сталъ погонять лошадь, вглядываясь въ бѣлую снѣжную мглу, въ которой ему показывались какъ будто свѣтящіяся точки, тотчасъ же исчезавшія, какъ только онъ вглядывался въ нихъ. Разъ ему показалось, что онъ

слышитъ лай собакъ или вой волковъ, но звуки эти были такъ слабы и неопредѣленны, что онъ не зналъ, слышитъ ли онъ что или это только чудится ему, и онъ, остановившись, сталъ напряженно прислушиваться.

Вдругъ какой-то страшный, оглушающій крикъ раздался около его ушей, и все задрожало и затрепетало подъ нимъ. Василій Андреичъ схватился за шею лошади, но и шея лошади все тряслась, и страшный крикъ сталъ еще ужаснѣе. Нѣсколько секундъ Василій Андреичъ не могъ опомниться и понять, что случилось. А случилось только то, что Мухортый, ободряя ли себя или призывая кого на помощь, заржалъ своимъ громкимъ, заливистымъ голосомъ. „Тьфу ты, пропасть! напугалъ какъ, проклятый!“ сказалъ себѣ Василій Андреичъ. Но и понявъ истинную причину страха, онъ не могъ уже разогнать его. „Надо одуматься, остепениться“, говорилъ онъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ удержаться и все гналъ лошадь, не замѣчая того, что онъ ѣхалъ теперь уже по вѣтру, а не противъ него. Тѣло его зябло и болѣло, руки и ноги его дрожали, и дыханіе было прерываемо. Онъ видитъ, что пропадаетъ среди этой ужасной снѣжной пустыни, и не видитъ никакого средства спасенія.

Вдругъ лошадь куда-то ухнула подъ нимъ и, завязши въ сугробѣ, стала биться и падать на бокъ. Василій Андреичъ соскочилъ съ нея, при соскакиваніи сдернувъ на бокъ шлею, на которую опиралась его нога, и свернувъ сѣделку, за которую держался соскакивая. Какъ только Василій Андреичъ соскочилъ съ нея, лошадь справилась, рванулась впередъ, сдѣлала прыжокъ, другой и, опять заржавши и таща за собой волочившееся веретье и шлею, скрылась изъ вида, оставивъ Василія Андреича одного въ сугробѣ. Василій Андреичъ бросился за нею, но снѣгъ былъ такъ глубокъ и шубы на немъ такъ тяжелы, что, увязая каждой ногой выше колѣна, онъ, сдѣлавъ не болѣе двадцати шаговъ, запыхался и остановился. „Роща, аренда, лавка, кабаки, желѣзомъ крытый домъ и амбаръ,—подумалъ онъ,—какъ же это все останется? Что же это такое? Не можетъ быть!“ мелькнуло у него въ головѣ. И почему-то ему вспомнился мотавшійся отъ вѣтра чернобыльникъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ два раза, и на него нашелъ такой ужасъ, что онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность того, что съ нимъ было. Онъ подумалъ: „не во снѣ ли все это?“ и хотѣлъ проснуться, но просыпаться некуда было. Это былъ дѣйствительный снѣгъ, который хлесталъ ему лицо и засыпалъ его и холодилъ его правую руку, съ которой онъ потерялъ перчатку, и это была дѣйстви-

тельная пустыня, та, въ которой онъ теперь оставался одинъ, какъ тотъ чернобыльникъ, ожидая неминуемой, скорой и безсмысленной смерти.

„Надо не унывать“, подумалъ онъ. „Надо идти по слѣдамъ лошади, а то и тѣ занесетъ“, пришло ему въ голову. „Только не торопиться, а то зарьяешь и хуже пропадешь“. Но, несмотря на намѣреніе идти тихо, онъ бросился впередъ и бѣжалъ, безпрестанно падая, поднимаясь и опять падая. Слѣдъ лошади уже становился чуть замѣтенъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ былъ неглубокъ. „Пропалъ я“, подумалъ Василій Андреичъ, „потеряю и слѣдъ и лошади не догоню“ Но въ ту же минуту, взглянувъ впередъ, онъ увидѣлъ что-то черное. Это былъ Мухортый, и не только одинъ Мухортый, но и сани. Мухортый со сбитой на бокъ шлеей и веретьемъ стоялъ теперь не на прежнемъ мѣстѣ, а ближе къ оглоблямъ, и моталъ головой, которую заступленный поводъ притягивалъ ему книзу. Оказалось, что завязъ Василій Андреичъ въ той самой лощинѣ, въ которой они завязли еще съ Никитой, что лошадь везла его назадъ къ санямъ и что соскочилъ онъ съ нея не больше пятидесяти шаговъ отъ того мѣста, гдѣ были сани.

Доваливши до саней, Василій Андреичъ схватился за нихъ и долго стоялъ такъ неподвижно, стараясь успокоиться и отдышаться. На прежнемъ мѣстѣ Никиты не было, но въ саняхъ лежало что-то, занесенное уже снѣгомъ, и Василій Андреичъ догадался, что это былъ Никита. Страхъ Василія Андреича теперь совершенно прошелъ, и если онъ боялся чего, то только того ужаснаго состоянія страха, который онъ испыталъ на лошади и въ особенности тогда, когда одинъ остался въ сугробѣ. Надо было во что бы то ни стало не допустить до себя этого страха, а чтобы не допустить его, надо было дѣлать что-нибудь, чѣмъ-нибудь заняться. И потому первое, что онъ сдѣлалъ, было то, что онъ, ставъ задомъ къ вѣтру, распустилъ шубу. Потомъ, какъ только онъ немного отдышался, онъ вытряхнулъ снѣгъ изъ сапогъ, изъ лѣвой перчатки, правая была безнадежно потеряна, и, должно быть, ужъ гдѣ-нибудь на двѣ четверти подъ снѣгомъ; потомъ онъ вновь туго и низко затянулся кушакомъ и приготовился къ дѣятельности. Первое дѣло, которое представилось ему, было то, чтобы выпростать ногу лошади. Василій Андреичъ и сдѣлалъ это и, освободивъ поводъ, привязалъ Мухортаго опять къ желѣзной скобѣ у передка къ старому мѣсту и сталъ заходить сзади лошади, чтобы оправить на ней шлею, сѣделку и веретье, но въ это время онъ увидалъ, что въ саняхъ зашевелилось что-то, и изъ-подъ снѣга, кото-

рымъ она была засыпана, поднялась голова Никиты. Очевидно, съ большимъ усиліемъ, замерзавшій уже Никита приподнялся и сѣлъ и какъ-то странно, точно отгоняя мухъ, махалъ передъ носомъ рукой. Онъ махалъ рукой и говорилъ что-то, какъ показалось Василію Андреичу, призывая его. Василій Андреичъ оставилъ веретье, не поправивъ его, и подошелъ къ санямъ.

— Чего ты?—спросилъ онъ.—Чего говоришь?

— Поми-ми-мираю я, вотъ что,—съ трудомъ, прерывистымъ голосомъ выговорилъ Никита.—Зажитое малому отдай али бабѣ, все равно.

Василій Андреичъ съ полминуты простоялъ молча и неподвижно, потомъ вдругъ съ той же рѣшительностью, съ которой онъ ударялъ по рукамъ при выгодной покупкѣ, онъ отступилъ шагъ назадъ, засучивъ рукава шубы и обѣими руками принялся выгребать снѣгъ съ Никиты и изъ саней. Выгребши снѣгъ, Василій Андреичъ поспѣшно распоясался, расправилъ шубу и, толкнувъ Никиту, легъ на него, покрывая его не только своей шубой, но и всѣмъ своимъ теплымъ, разгоряченнымъ тѣломъ. Заправивъ руками полы шубы между лубкомъ саней и Никитой и колѣнками ногъ прихвативъ ея подолъ, Василій Андреичъ лежалъ такъ ничкомъ, упершись головой въ лубокъ передка, и теперь уже не слышалъ ни движеній лошади, ни свиста бури, а только прислушивался къ дыханію Никиты. Никита сначала долго лежалъ неподвижно, потомъ громко вздохнулъ и пошевелился.

— А вотъ то-то, а ты говоришь—помираешь. Лежи, грѣйся, мы вотъ какъ...—началъ было Василій Андреичъ.

Но дальше онъ, къ своему великому удивленію, не могъ говорить, потому что слезы ему выступили на глаза и нижняя челюсть быстро запрыгала. Онъ пересталъ говорить и только глоталъ то, что подступало ему къ горлу. „Настращался я, видно, ослабъ вовсе“,—подумалъ онъ на себя. Но слабость эта его не только не была ему непріятна, но доставляла ему какую-то особенную, неиспытанную еще никогда радость.

„Мы вотъ какъ“, говорилъ онъ себѣ, испытывая какое-то особенное торжественное умиленіе. Довольно долго онъ лежалъ такъ молча, вытирая глаза о мѣхъ шубы и подбирая подъ колѣна все заворачиваемую вѣтромъ правую полу шубы.

Но ему такъ страстно захотѣлось сказать кому-нибудь про свое радостное состояніе.

— Микита!—сказалъ онъ.

— Хорошо, тепло,—откликнулось ему снизу.

— Такъ-то, братъ, пропалъ было я. И ты бы замерзъ, и я бы...

Но тутъ опять у него задрожали скулы, и глаза его опять наполнились слезами, и онъ не могъ дальше говорить.

„Ну, ничего“, подумалъ онъ. „Я самъ про себя знаю, что знаю“. И онъ замолкъ. Такъ онъ лежалъ долго.

Ему было тепло снизу отъ Никиты, тепло и сверху отъ шубы; только руки, которыми онъ придерживалъ полы шубы по бокамъ Никиты, и ноги, съ которыхъ вѣтеръ безпрестанно сворачивалъ шубу, начинали зябнуть. Особенно зябла правая рука безъ перчатки. Но онъ не думалъ ни о своихъ ногахъ, ни о рукахъ, а думалъ только о томъ, какъ бы отогрѣть лежащаго подъ собой мужика.

Нѣсколько разъ онъ взглядывалъ на лошадь и видѣлъ, что спина ея раскрыта, и веретье съ шлеею лежатъ на снѣгу, что надо бы встать и покрыть лошадь, но онъ не могъ рѣшиться ни на минуту оставить Никиту и нарушить то радостное состояніе, въ которомъ онъ находился. Страха онъ теперь не испытывалъ никакого.

Такъ пролежалъ Василій Андреичъ часъ и другой и третій, но онъ не видалъ, какъ проходило время. Сначала въ воображеніи его носились впечатлѣнія метели, оглобель и лошади подъ дугою, трясущихся передъ глазами, и вспоминалось о Никитѣ, лежащемъ подъ нимъ; потомъ стали примѣшиваться воспоминанія о праздникѣ, женѣ, становомъ и опять о Никитѣ; потомъ стали представляться мужики, продающіе и покупающіе, и бѣлыя стѣны и дома, крытые желѣзомъ, подъ которыми лежалъ Никита; потомъ все это смѣшалось; одно вошло въ другое и, какъ цвѣта радуги, соединяющіеся въ одинъ бѣлый свѣтъ, всѣ разныя впечатлѣнія сошлись въ одно ничто, и онъ заснулъ. Онъ спалъ долго, безъ сновъ, но передъ разсвѣтомъ опять появились сновидѣнія. Представилось ему, что стоитъ онъ будто у свѣчного ящика, и Тихонова баба требуетъ у него пятикопѣечную свѣчку къ празднику, и онъ хочетъ взять свѣчу и дать ей, но руки не поднимаются, а зажаты въ карманахъ. Хочетъ онъ обойти ящикъ, и ноги не движутся, а калоши новыя, чищенныя, приросли къ каменному полу, и ихъ не поднимешь и изъ нихъ не вынешь. И вдругъ свѣчной ящикъ становится не свѣчнымъ ящикомъ, а постелью, и Василій Андреичъ видитъ себя лежащимъ на брюхѣ на свѣчномъ ящикѣ, т.-е. на своей постели, въ своемъ домѣ. Онъ хочетъ встать и не можетъ; хочетъ двинуть рукой — не можетъ, ногой — тоже не можетъ. Хочетъ повернуть головой — и того не можетъ. И онъ удивляется, но нисколько не огорчается этимъ. И онъ вспоминаетъ,

что Никита лежитъ подъ нимъ, что онъ угрѣлся и живъ, ему кажется, что онъ — Никита, а Никита — онъ, и что жизнь его не въ немъ самомъ, а въ Никитѣ. Онъ напрягаетъ слухъ и слышитъ дыханье, даже слабый храпъ Никиты. „Живъ Никита, значитъ живъ и я“, съ торжествомъ говоритъ онъ себѣ. И онъ вспоминаетъ про деньги, про лавку, домъ, покупки, продажи и милліоны Мироновыхъ; ему трудно понять, зачѣмъ этотъ человѣкъ, котораго звали Василіемъ Брехуновымъ, занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ занимался. „Что жъ, вѣдь онъ не зналъ, въ чемъ дѣло“, думаетъ онъ про Василія Брехунова. „Не зналъ, такъ теперь знаю. Теперь ужъ безъ ошибки. Теперь знаю“.

И слышитъ онъ зовъ того, кто велѣлъ ему лечь на Никиту. „Иду, иду!“ радостно, умиленно говоритъ все существо его. И онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ и ничто ужъ больше не держитъ его. И больше уже ничего не видѣлъ и не слышалъ и не чувствовалъ въ этомъ мірѣ Василій Андреичъ.

Кругомъ все такъ же курило. Тѣ же вихри снѣга крутились, засыпали шубу мертваго Василія Андреича и всего трясущагося Мухортаго, и чуть видныя уже сани, и въ глубинѣ ихъ лежащаго подъ мертвымъ уже хозяиномъ угрѣвшагося Никиту.

Передъ утромъ проснулся Никита. Разбудилъ его опять начавшій пробирать его спину холодъ. Приснилось ему, что онъ ѣдетъ съ мельницы съ возомъ хозяйской муки и, переѣзжая ручей, взялъ мимо моста и завязилъ возъ. И видитъ онъ, что онъ подлѣзъ подъ возъ и поднимаетъ его, расправляя спину. Но удивительное дѣло! Возъ не двигается и прилипъ ему къ спинѣ, и онъ не можетъ ни поднять воза, ни уйти изъ-подъ него. Всю поясницу раздавило. Да и холодный же! Видно, вылѣзать надо. „Да будетъ“, говоритъ онъ кому-то тому, кто давитъ ему возомъ спину. „Вынимай мѣшки!“ Но возъ все холоднѣе и холоднѣе, давитъ его, и вдругъ стукаетъ что-то особенное, и онъ просыпается совсѣмъ и вспоминаетъ все. Холодный возъ — это мертвый замерзшій хозяинъ, лежащій на немъ. А стукнулъ — это Мухортый, ударившій два раза копытомъ о сани.

— Андреичъ, а Андреичъ! — осторожно, уже предчувствуя истину, окликаетъ Никита хозяина, напруживая спину.

Но Андреичъ не отзывается, и брюхо его и ноги — крѣпкія и холодныя и тяжелыя, какъ гири.

„Кончился, должно. Царство небесное!“ думаетъ Никита.

Онъ повертываетъ голову, прокапываетъ передъ собою снѣгъ рукою и открываетъ глаза. Свѣтло; такъ же свиститъ вѣтеръ въ огло-

бляхъ, и такъ же сыплется снѣгъ, съ тою только разницею, что уже не стегаетъ о лубокъ саней, а беззвучно засыпаетъ сани и лошадь все выше и выше, и ни движенія, ни дыханія лошади не слышно больше. „Замерзъ, должно, и онъ“, думаетъ Никита про Мухортаго. И дѣйствительно, тѣ удары копытъ о сани, которые разбудили Никиту, были предсмертныя усилія удержаться на ногахъ уже совсѣмъ застывшаго Мухортаго.

„Господи, Батюшка, видно и меня зовешь“, говоритъ себѣ Никита. „Твоя святая воля. А жутко. Ну, да двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Только поскорѣй бы...“ И онъ опять прячетъ руку, закрывая глаза, и забывается, вполнѣ увѣренный, что теперь онъ уже навѣрное и совсѣмъ умираетъ.

Уже въ обѣдъ на другой день мужики откопали лопатами Василія Андреича и Никиту въ тридцати саженяхъ отъ дороги и въ полуверстѣ отъ деревни.

Снѣгу нанесло выше саней, но оглобли были еще видны. Никита еще былъ живъ, хотя и весь обмороженный. Когда Никиту разбудили, онъ былъ увѣренъ, что теперь онъ уже умеръ и что то, что съ нимъ теперь дѣлается, происходитъ уже не на этомъ, а на томъ свѣтѣ.

Дворникъ — см. стр. 11.

Мухортый — гнѣдой съ желтыми подпалинами (конская масть).

Желобокъ, уменьш. отъ **желобъ** — 1) полукруглое въ разрѣзѣ, длинное углубленіе въ деревѣ, желѣзѣ; бревно, выдолбленное вдоль и служащее для стока воды; 2) длинная узкая впадина на тѣлѣ животнаго.

Оброть — недоуздокъ, третій поводъ уздечки, служащій для привязи. *Былъ бы конь, а по оброти не тужи.*

Пошевни — розвальни, широкія сани.

Сѣделка — часть упряжи, небольшое сѣдельце.

Веретье — мѣшокъ, одежда изъ грубаго холста; рядно, толстый холстъ для подстилки.

Дерюга — толстая грубая ткань.

Спорый, сущ. **спорость**. — Отъ всего вѣяло утромъ, тишиной и споростью утренней работы (Тургеневъ. „Новь“).

Дипломатъ — 1) верхняя длиннополая одежда; 2) служащій по дипломатической части (**дипломатія**—знаніе международныхъ отношеній); 3) ловкій, изворотливый человѣкъ.

Бахрома — тесьма съ мохрами по одному краю. Бахромой, кисеей принаряжена (Кольцовъ. „Крестьянская пирушка“). Съ краевъ ряды травы густой висятъ зеленой бахромой (Лермонтовъ. „Измаилъ-бей“). Серебристой бахромой вершины цѣпи снѣговой вдали сверкали предо мной (Лермонтовъ. „Мцыри“).

Пыхомъ отъ гл. **пыхать** — сильно, глубоко и скоро дышать. Однимъ пыхомъ, мигомъ. Отсюда: **запыхаться**.

Напружать — напрягать, вздувать. Кровь напружила жилы. Напруживать мышцы. Вѣтеръ напружилъ паруса.

Головашка — верхняя, головная часть вещи; передокъ саней.

Колча — кочка.

Водомоина — водомойня, рытвина, канава отъ дождя. Но Малекъ-Адель круто уперся, вильнулъ налѣво и поскакалъ вдоль обрыва... къ водомоинѣ (Тургеневъ. „Записки охотника“).

Рига — молотильный сарай.

Кресла — кузовъ телѣжный или санный.

Отводъ — приспособленіе для защиты отъ удара, порчи. Отводы на мостахъ, въ воротахъ, у саней.

Наверстать — ровнять, уравнивать, вознаграждать себя. Наверстать потерянное. *Потеряешь, не наверстаешь.*

Связь — изба съ надворнымъ строеніемъ подъ одну крышу. Домъ и два пристроя въ одной связи, подъ одной крышей.

Щеколда — задвижка съ рычажкомъ для подъема и спуска ея; затычка, засовочка. Дверная, оконная щеколда.

Переметъ — 1) перекладина надъ дверью, воротами; жердь, хворостина на скирдахъ и соломенныхъ кровляхъ для прижимки соломы; спинка стула, скамьи; 2) рыболовная сѣть на кольяхъ поперекъ рѣки.

Обезсудить – обвинить безъ суда; осудить, особенно заглазно. Не обезсудьте на угощеніи, на словѣ, не осудите, извините.

Большакъ—1) шляхъ, большая почтовая дорога. На шестой верстѣ отъ города — вижу: шагаетъ онъ по большаку (Тургеневъ. „Разсказъ о. Алексѣя“); 2) глава семьи, отецъ или, по смерти отца, старшій братъ.

Горница отъ прил. **горній**, верхній—1) покой, первоначально въ верхнемъ жильѣ; вообще комната; 2) чистая половина крестьянской избы, большей частью безъ печи; 3) кровля. По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ. Отсюда: **горничная**.

Слобода — 1) (старин.) селеніе свободныхъ людей; 2) пригородное селеніе, посадъ; 3) большое село съ нѣсколькими церквами, торгомъ и ярмаркой.

Рывъ отъ гл. **рвать, рывомъ** — толчками.

Кручь. — Надъ самой кручью широкаго оврага находился небольшой березовый „заказъ“ (Тургеневъ. „Затишье“).

Куритъ отъ гл. **курить** (безл.) — употребляется въ смыслѣ вьюжитъ, мететъ. Гляди, какъ куритъ на дворѣ: зги не видать.

Мочь — мощь, тѣлесная и духовная сила, здоровье, крѣпость, власть. Эй, пошелъ, ямщикъ!.. нѣтъ мочи: конямъ, баринъ, тяжело (Пушкинъ. „Бѣсы“). Мнѣ скучно... мнѣ просто мочи нѣтъ, какъ скучно (Тургеневъ. „Переписка“).

Черезсѣдельникъ — ремень, идущій отъ сѣделки къ оглоблямъ.

Очки вставлять, втирать — вводить въ заблужденіе.

Пронизать отъ гл. **низать**.—Все то онъ знаетъ, такъ тебя глазами и нижетъ (Тургеневъ. „Новь“). Нѣтъ... жемчугъ я оставила низать (Лермонтовъ „Испанцы“). На мысли, дышащія силой, какъ жемчугъ нижутся слова (Лермонтовъ).

Колѣно — 1) переходъ голоса, пѣнія, воя. Какая-то неизвѣстная мнѣ птица пѣла на разные голоса, нѣсколько разъ сряду повторяя одно и то же колѣно (Тургеневъ. „Фаустъ“). Горлинки немолчно ворковали, изрѣдка свистала иволга, зябликъ выдѣлывалъ свое милое колѣнце, дрозды сердились и трещали (Тургеневъ. „Фаустъ“). „Лѣшевой дудкой“ и „кукушкинымъ перелетомъ“ обозначаются лучшія колѣна въ соловьиномъ пѣніи (Тургеневъ. „Записки охотника“); 2) сгибъ ноги. *Пьяному море по колѣно, а лужа по уши. Черезъ колѣно не переломишь* (не осилишь); 3) поворотъ, заворотъ, переломъ. Колѣно рѣки. Колѣно камыша; 4) родъ, отродье, поколѣніе, племя. Князья колѣна Рюрикова.

Чернобыльникъ — сорная трава.

Зарьять — задыхаться отъ усталости. Зярьявшая собака, тяжело дыша, бросилась въ холодную воду канавы, стала лакать ее (Толстой. „Казаки“).

Завязить — глубоко воткнуть. Если онъ (медвѣдь) въ колоду лапу завязитъ такъ не вытащитъ (Лѣсковъ. „На ножахъ“).

*

74. Три пальмы.

Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова.*

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной
журча пробивался волною холодной,
хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
пылающей грудью ко влагѣ студеной
еще не склонялся подъ кущей зеленой,
и стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
ничей благосклонный не радуя взоръ...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!..“

И только замолкли—въ дали голубой
столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
звонковъ раздавались нестройные звуки,
пестрѣли коврами покрытые вьюки,
и шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь висѣли межъ твердыхъ горбовъ
узорныя полы походныхъ шатровъ;
ихъ смуглыя ручки порой подымали,
и черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
и прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
и бѣлой одежды красивыя складки

M4·6
1908

по плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
и, съ крикомъ и съ свистомъ несясь по песку,
бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ шумя караванъ;
въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ,
кувшины звуча налилися водою,
и, гордо кивая махровой главою,
привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
и щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только что сумракъ на землю упалъ,
по корнямъ упругимъ топоръ застучалъ—
и пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
изрублены были тѣла ихъ потомъ,
и медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
урочный свой путь совершалъ караванъ;
и слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный,
и солнце остатки сухіе дожгло,
а вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло

И нынѣ все дико и пусто кругомъ:
не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ;
напрасно Пророка о тѣни онъ проситъ—
его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Куща — сѣнь, навѣсъ, бесѣдка; шалашъ, палатка. Кущи розъ, гдѣ соловьи поютъ красавицъ (Лермонтовъ. „Демонъ“.)

На дыбы. — И конь ретивый всталъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой (Лермонтовъ. „Измаилъ-бей“). **Дыба** — 1) козлы, лѣса для подъема тяжестей; 2) орудіе пытки. На дыбѣ корчась въ истязаньяхъ, ты проклянешь и день и часъ (Пушкинъ. „Полтава“). *На дыбѣ правъ, на дыбѣ виноватъ.*

Фарисъ (арабск.) — такъ назывались у бедуиновъ пустыни рыцари-разбойники. Фарисомъ былъ знаменитый древнеарабскій поэтъ Антаръ: рабъ по происхожденію, онъ геройскими подвигами заслужилъ себѣ свободу.

Караванъ (арабск.) — толпа, сборище путниковъ на ходу. Торговый, вьючный караванъ. Гусей крикливыхъ караванъ тянулся къ югу (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“).

Пророкъ. — И о душѣ моей Пророку ты помолись, пускаясь въ путь (Лермонтовъ „Хаджи-Абрекъ“).

*

* * * **75**

Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова.*

Когда волнуется желтѣющая нива,
и свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
и прячется въ саду малиновая слива
подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
когда росой обрызганный душистой,
румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
привѣтливо киваетъ головой;
когда студеный ключъ, играя по оврагу
и погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
лепечетъ мнѣ таинственную сагу
про мирный край, откуда мчится онъ,—
тогда смиряется души моей тревога,
тогда расходятся морщины на челѣ,
и счастье я могу постигнуть на землѣ,
и въ небесахъ я вижу Бога...

Сага — скандинавское народное сказаніе; дума, былина.

Постигать — 1) уразумѣть, обнять умомъ, проникнуть разумомъ. Надо понимать видите ли, что онъ когда-то, во времена оны, всей душою былъ преданъ цивилизаціи, служилъ ей, постигъ ее насквозь, но она утомила, разочаровала, обманула его (Чеховъ. „Дуэль"); 2) захватывать, заставать; приключаться, случаться. Несчастье постигло. Смерть постигла.

*

76. Святою ночью.

Разсказъ *А. П. Чехова.*

Я стоялъ на берегу Голтвы и ждалъ съ того берега парома. Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣчонку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предо мной разстилалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащіе тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы.

Погода казалась мнѣ великолѣпной. Было темно, но я все-таки видѣлъ и деревья, и воду, и людей... Міръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Буквально, некуда было пальцемъ ткнуть. Тутъ были крупныя, какъ гусиное яйцо, и мелкія, съ конопляное зерно... Ради праздничнаго парада вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ; звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо... Далеко, на томъ берегу, въ непроглядной тьмѣ, горѣло вразсыпную нѣсколько ярко-красныхъ огней...

Въ двухъ шагахъ отъ меня темнѣлъ силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ и съ толстой суковатой палкой.

— Какъ, однако, долго нѣтъ парома! — сказалъ я.

— А пора ему быть,— отвѣтилъ мнѣ силуэтъ.

— Ты тоже дожидаешься парома?

— Нѣтъ, я такъ...— зѣвнулъ мужикъ,— люминаціи дожидаюсь. Поѣхалъ бы, да, признаться, пятачка на паромъ нѣтъ.

— Я тебѣ дамъ пятачокъ.

— Нѣтъ, благодаримъ покорно... Ужо на этотъ пятачокъ ты за меня тамъ въ монастырѣ свѣчку поставь... Этакъ любопытнѣй будетъ, а я и тутъ постою. Скажи на милость, нѣтъ парома! Словно въ воду канулъ!

Мужикъ подошелъ къ самой водѣ, взялся рукой за канатъ и закричалъ:

— Іеронимъ! Іерони-и-имъ!

Точно въ отвѣтъ на его крикъ, съ того берега донесся протяжный звонъ большого колокола. Звонъ былъ густой, низкій, какъ отъ самой толстой струны контрабаса: казалось, прохрипѣли сами потемки. Тотчасъ же послышался выстрѣлъ изъ пушки. Онъ прокатился въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Мужикъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Христосъ воскресе! — сказалъ онъ.

Не успѣли застыть въ воздухѣ волны отъ перваго удара колокола, какъ послышался другой, за нимъ тотчасъ же третій, и потемки наполнились непрерывнымъ, дрожащимъ гуломъ. Около красныхъ огней загорѣлись новые огни и всѣ вмѣстѣ задвигались, безпокойно замелькали.

— Іерони-и-имъ! — послышался глухой протяжный крикъ.

— Съ того берега кричатъ,— сказалъ мужикъ.— Значитъ, и тамъ нѣтъ парома. Заснулъ нашъ Іеронимъ.

Огни и бархатный звонъ колокола манили къ себѣ... Я ужъ началъ терять терпѣніе и волноваться, но вотъ наконецъ, вглядываясь въ темную даль, я увидѣлъ силуэтъ чего-то, очень похожаго на висѣлицу. Это былъ давно жданный паромъ. Онъ подвигался съ такою медленностью, что если бъ не постепенная обрисовка его контуровъ, то можно было бы подумать, что онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ или же идетъ къ тому берегу.

— Скорѣй! Іеронимъ! — крикнулъ мой мужикъ.— Баринъ дожидается!

Паромъ подползъ къ берегу, покачнулся и со скрипомъ остановился. На немъ, держась за канатъ, стоялъ высокій человѣкъ въ монашеской рясѣ и въ конической шапочкѣ.

— Отчего такъ долго?— спросилъ я, вскакивая на паромъ.

— Простите Христа ради,— отвѣчалъ тихо Іеронимъ.— Больше никого нѣтъ?

— Никого...

Іеронимъ взялся обѣими руками за канатъ, изогнулся въ вопросительный знакъ и крякнулъ. Паромъ скрипнулъ и покачнулся. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ сталъ медленно удаляться отъ меня,— значитъ, паромъ поплылъ. Іеронимъ скоро выпрямился и сталъ работать одной рукой. Мы молчали и глядѣли на берегъ, къ которому плыли. Тамъ уже началась „люминація“, которой дожидался мужикъ. У самой воды, громадными кострами пылали смоляныя бочки. Отраженія ихъ, багровыя, какъ восходящая луна, длинными, широкими полосами ползли къ намъ навстрѣчу. Горящія бочки освѣщали свой собственный дымъ и длинныя человѣческія тѣни, мелькавшія около огня; но далѣе въ стороны и позади нихъ, откуда неслся бархатный звонъ, была все та же безпросвѣтная, черная мгла. Вдругъ, разсѣкая потемки, золотой лентой взвилась къ небу ракета; она описала дугу и, точно разбившись о небо, съ трескомъ разсыпалась въ искры. Съ берега послышался гулъ, похожій на отдаленное ура.

— Какъ красиво!—сказалъ я.

— И сказать нельзя, какъ красиво! — вздохнулъ Іеронимъ.— Ночь такая, господинъ! Въ другое время и вниманія не обратишь на ракеты, а нынче всякой суетѣ радуешься. Вы сами откуда будете?

Я сказалъ, откуда я.

— Такъ-съ... радостный день нынче... — продолжалъ Іеронимъ слабымъ, вздыхающимъ теноркомъ, какимъ говорятъ выздоравливающіе больные.—Радуется и небо, и земля, и преисподняя. Празднуетъ вся тварь. Только скажите мнѣ, господинъ хорошій, отчего это даже и при великой радости человѣкъ не можетъ скорбей своихъ забыть?

Мнѣ показалось, что этотъ неожиданный вопросъ вызывалъ меня на одинъ изъ тѣхъ „продлинновенныхъ“, душеспасительныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ праздные и скучающіе монахи. Я не былъ расположенъ много говорить, а потому только спросилъ:

— А какія, батюшка, у васъ скорби?

— Обыкновенно, какъ и у всѣхъ людей, ваше благородіе, господинъ хорошій, но въ нынѣшній день случилась въ монастырѣ особая скорбь; въ самую обѣдню, во время паремій, умеръ іеродіаконъ Николай...

— Что жъ, это Божья воля! — сказалъ я, поддѣлываясь подъ монашескій тонъ.—Всѣмъ умирать нужно. По-моему, вы должны еще радоваться... Говорятъ, что кто умираетъ подъ Пасху или на Пасху, тотъ непремѣнно попадетъ въ царство небесное.

— Это вѣрно.

Мы замолчали. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ слился съ очертаніями берега. Смоляныя бочки разгорались все болѣе и болѣе.

— И писаніе ясно указываетъ на суету скорби и размышленія,— прервалъ молчаніе Іеронимъ, — но отчего же душа скорбитъ и не хочетъ слушать разума? Отчего горько плакать хочется?

Іеронимъ пожалъ плечами, повернулся ко мнѣ и заговорилъ быстро:

— Умри я или кто другой, оно бы, можетъ, и не замѣтно было, но вѣдь Николай умеръ! Не кто другой, а Николай! Даже повѣрить трудно, что его уже нѣтъ на свѣтѣ! Стою я тутъ на паромѣ и все мнѣ кажется, что сейчасъ онъ съ берега голосъ свой подастъ. Чтобы мнѣ на паромѣ страшно не казалось, онъ всегда приходилъ на берегъ и окликалъ меня. Нарочито для этого ночью съ постели вставалъ. Добрая душа! Боже, какая добрая и милостивая! У иного человѣка и матери такой нѣтъ, какимъ у меня былъ этотъ Николай! Спаси, Господи, его душу!

Іеронимъ взялся за канатъ, но тотчасъ же опять повернулся ко мнѣ.

— Ваше благородіе, а умъ какой свѣтлый! — сказалъ онъ пѣвучимъ голосомъ. — Какой языкъ благозвучный и сладкій! Именно, какъ вотъ сейчасъ будутъ пѣть къ заутрени: „о, любезнаго! о, сладчай-

шаго твоего гласа!“ Кромѣ всѣхъ прочихъ человѣческихъ качествъ, въ немъ былъ еще и даръ необычайный!

— Какой даръ? — спросилъ я.

Монахъ оглядѣлъ меня и, точно убѣдившись, что мнѣ можно ввѣрять тайны, весело засмѣялся.

— У него былъ даръ акаѳисты писать... — сказалъ онъ. — Чудо, господинъ, да и только! Вы изумитесь, ежели я вамъ объясню! Отецъ архимандритъ у насъ изъ московскихъ, отецъ намѣстникъ въ казанской академіи кончилъ, есть у насъ и іеромонахи разумные, и старцы, но вѣдь, скажи пожалуйста, ни одного такого нѣтъ, чтобы писать умѣлъ, а Николай, простой монахъ, іеродіаконъ, нигдѣ не обучался и даже видимости наружной не имѣлъ, а писалъ! Чудо, истинно чудо!

Іеронимъ всплеснулъ руками и, совсѣмъ забывъ про канатъ, продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Отецъ намѣстникъ затрудняется проповѣди составлять; когда исторію монастыря писалъ, то всю братію загонялъ и разъ десять въ городъ ѣздилъ, а Николай акаѳисты писалъ! Акаѳисты! Это не то что проповѣдь или исторія!

— А развѣ акаѳисты трудно писать? — спросилъ я.

— Большая трудность...— покрутилъ головой Іеронимъ. — Тутъ и мудростью, и святостью ничего не подѣлаешь, ежели Богъ дара не далъ. Монахи, которые не понимающіе, разсуждаютъ, что для этого нужно только знать житіе святого, которому пишешь, да съ прочими акаѳистами соображаться. Но это, господинъ, неправильно. Оно, конечно, кто пишетъ акаѳистъ, тотъ долженъ знать житіе до чрезвычайности, до послѣдней самомалѣйшей точки. Ну, и соображаться съ прочими акаѳистами нужно, какъ гдѣ начать и о чемъ писать. Къ примѣру сказать вамъ, первый кондакъ вездѣ начинается съ „возбранный“ или „избранный“... Первый икосъ завсегда надо начинать съ „ангела“. Въ акаѳистѣ къ Іисусу сладчайшему, ежели интересуетесь, онъ начинается такъ: „Ангеловъ творче и Господи силъ“, въ акаѳистѣ къ Пресвятой Богородицѣ: „Ангелъ предстатель съ небесе посланъ бысть“, къ Николаю Чудотворцу: „Ангела образомъ, земнаго суща естествомъ“, и прочее. Вездѣ съ „ангела“ начинается. Конечно, безъ того нельзя, чтобы не соображаться, но, главное, вѣдь не въ житіи, не въ соотвѣтствіи съ прочимъ, а въ красотѣ и сладости. Нужно, чтобы все было стройно, кратко и обстоятельно. Надо, чтобъ въ каждой строчечкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобъ ни одного слова не было грубаго, жесткаго и несоотвѣтствующаго. Такъ надо

писать, чтобъ молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепетъ приходилъ. Въ Богородичномъ акаѳистѣ есть слова: „Радуйся, высото неудобовосходимая человѣческими помыслы; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскими очима!“ Въ другомъ мѣстѣ того же акаѳиста сказано: „Радуйся, древо свѣтлоплодовитое, отъ него же питаются вѣрніи, радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же радуются мнози!“

Іеронимъ, словно испугавшись чего-то или застыдившись, закрылъ ладонями лицо и покачалъ головой.

— Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное...—пробормоталъ онъ.— Найдетъ же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ одно слово и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! „Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ...“ сказано въ акаѳистѣ къ Іисусу сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова такого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашелъ въ умѣ своемъ! Кромѣ плавности и велерѣчія, сударь, нужно еще, чтобъ каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобъ тутъ и цвѣты были, и молнія, и вѣтеръ, и солнце, и всѣ предметы міра видимаго. И всякое восклицаніе надо такъ составить, чтобъ оно было гладенько и для уха вольготнѣй. „Радуйся, крине райскаго прозябенія!“ сказано въ акаѳистѣ Николаю Чудотворцу. Не сказано просто „крине райскій“, а „крине райскаго прозябенія!“ Такъ глаже и для уха сладко. Такъ именно и Николай писалъ! Точь въ точь такъ! И выразить вамъ не могу, какъ онъ писалъ!

— Да, въ такомъ случаѣ жаль, что онъ умеръ,— сказалъ я.— Однако, батюшка, давайте плыть, а то опоздаемъ...

Іеронимъ спохватился и побѣжалъ къ канату. На берегу начали перезванивать во всѣ колокола. Вѣроятно, около монастыря происходилъ уже крестный ходъ, потому что все темное пространство за смоляными бочками было теперь усыпано двигающимися огнями.

— Николай печаталъ свои акаѳисты?— спросилъ я Іеронима.

— Гдѣ жъ печатать?— вздохнулъ онъ.—Да и странно было бы печатать. Къ чему? Въ монастырѣ у насъ этимъ никто не интересуется. Не любятъ. Знали, что Николай пишетъ, но оставляли безъ вниманія. Нынче, сударь, новыя писанія никто не уважаетъ!

— Съ предубѣжденіемъ къ нимъ относятся?

— Точно такъ. Будь Николай старцемъ, то, пожалуй, можетъ, братія и полюбопытствовала бы, а то вѣдь ему еще и сорока лѣтъ

Украинская ночь. *А. Куинджи.*

не было. Были которые смѣялись и даже за грѣхъ почитали его писанія.

— Для чего же онъ писалъ?

— Такъ, больше для своего утѣшенія. Изъ всей братіи только я одинъ и читалъ его акаѳисты. Приду къ нему потихоньку, чтобъ прочіе не видѣли, а онъ и радъ, что я интересуюсь. Обниметъ меня, по головѣ гладитъ, ласковыми словами обзываетъ, какъ дитя маленькое. Затворитъ келью, посадитъ меня рядомъ съ собой и давай читать...

Іеронимъ оставилъ канатъ и подошелъ ко мнѣ.

— Мы въ родѣ какъ бы друзья съ нимъ были, — зашепталъ онъ, глядя на меня блестящими глазами. — Куда онъ, туда и я. Меня нѣтъ, онъ тоскуетъ. И любилъ онъ меня больше всѣхъ, а все за то, что я отъ его акаѳистовъ плакалъ. Вспоминать трогательно! Теперь я все равно, какъ сирота или вдовица. Знаете, у насъ въ монастырѣ народъ все хорошій, добрый, благочестивый, но... ни въ комъ нѣтъ мягкости и деликатности, все равно, какъ люди простого званія. Говорятъ всѣ громко, когда ходятъ, ногами стучатъ, шумятъ, кашляютъ, а Николай говорилъ завсегда тихо, ласково, а ежели замѣтитъ, что кто спитъ или молится, то пройдетъ мимо, какъ мушка или комарикъ. Лицо у него было нѣжное, жалостное...

Іеронимъ глубоко вздохнулъ и взялся за канатъ. Мы уже приближались къ берегу. Прямо изъ потемокъ и рѣчной тишины мы постепенно вплывали въ заколдованное царство, полное удушливаго дыма, трещащаго свѣта и гама. Около смоляныхъ бочекъ, уже ясно былъ видно, двигались люди. Мельканье огня придавало ихъ краснымъ лицамъ и фигурамъ странное, почти фантастическое выраженіе. Изрѣдка среди головъ и лицъ мелькали лошадиныя морды, неподвижныя, точно вылитыя изъ красной мѣди.

— Сейчасъ запоютъ пасхальный канонъ...—сказалъ Іеронимъ,— а Николая нѣтъ, некому вникать... Для него слаже и писанія не было, какъ этотъ канонъ. Въ каждое слово, бывало, вникалъ! Вы вотъ будете тамъ, господинъ, и вникните, что поется: духъ захватываетъ!

— А вы развѣ не будете въ церкви?

— Мнѣ нельзя-съ... Перевозить нужно...

— Но развѣ васъ не смѣнятъ?

— Не знаю... Меня еще въ девятомъ часу нужно было смѣнить, да вотъ, видите, не смѣняютъ!.. А, признаться, хотѣлось бы въ церковь...

— Вы монахъ?

— Да-съ... то-есть я послушникъ.

Паромъ врѣзался въ берегъ и остановился. Я сунулъ Іерониму пятачокъ за провозъ и прыгнулъ на сушу. Тотчасъ же телѣга съ мальчикомъ и со спящей бабой со скрипомъ въѣхала на паромъ. Іеронимъ, слабо окрашиваемый огнями, налегъ на канатъ, изогнулся и сдвинулъ съ мѣста паромъ...

Нѣсколько шаговъ я сдѣлалъ по грязи, но далѣе пришлось идти по мягкой, свѣже-протоптанной тропинкѣ. Эта тропинка вела къ темнымъ, похожимъ на впадину, монастырскимъ воротамъ сквозь облака дыма, сквозь безпорядочную толпу людей, распряженныхъ лошадей, телѣгъ, бричекъ. Все это скрипѣло, фыркало, смѣялось, и по всему мелькали багровый свѣтъ и волнистыя тѣни отъ дыма...

Сущій хаосъ! И въ этой толкотнѣ находили еще мѣсто заряжать маленькую пушку и продавать пряники!

По ту сторону стѣны, въ оградѣ, происходила не меньшая суетня, но благочинія и порядка наблюдалось больше. Тутъ пахло можжевельникомъ и роснымъ ладаномъ. Говорили громко, но смѣха и фырканья не слышалось. Около могильныхъ памятниковъ и крестовъ жались другъ къ другъ люди съ куличами и узлами. Повидимому, многіе изъ нихъ пріѣхали святить куличи издалека и были теперь утомлены. По чугуннымъ плитамъ, которыя лежали полосой отъ воротъ до церковной двери, суетливо, звонко стуча сапогами, бѣгали молодые послушники. На колокольнѣ тоже возились и кричали.

„Какая безпокойная ночь!“ думалъ я. „Какъ хорошо!“

Безпокойство и безсонницу хотѣлось видѣть во всей природѣ, начиная съ ночной тьмы и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, подъ которыми суетились люди. Но нигдѣ возбужденіе и безпокойство не сказывались такъ сильно, какъ въ церкви. У входа происходила неугомонная борьба прилива съ отливомъ. Одни входили, другіе выходили и скоро опять возвращались, чтобы постоять немного и вновь задвигаться. Люди снуютъ съ мѣста на мѣсто, слоняются и какъ будто чего-то ищутъ. Волна идетъ отъ входа и бѣжитъ по всей церкви, тревожа даже передніе ряды, гдѣ стоятъ люди солидные и тяжелые. О сосредоточенной молитвѣ не можетъ быть и рѣчи. Молитвъ вовсе нѣтъ, а есть какая-то сплошная, дѣтски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться въ какомъ-нибудь движеніи, хотя бы въ безпардонномъ шатаніи и толкотнѣ.

Та же необычайная подвижность бросается въ глаза и въ самомъ пасхальномъ служеніи. Царскія врата во всѣхъ придѣлахъ открыты настежь, въ воздухѣ около паникадила плаваютъ густыя облака ладаннаго дыма; куда ни взглянешь, всюду огни, блескъ, трескъ свѣчей... Чтеній не полагается никакихъ; пѣніе суетливое и веселое не прерывается до самаго конца; послѣ каждой пѣсни въ канонѣ духовенство мѣняетъ ризы и выходитъ кадить, что повторяется почти каждыя десять минутъ.

Не успѣлъ я занять мѣсто, какъ спереди хлынула волна и откинула меня назадъ. Передо мной прошелъ высокій, плотный дьяконъ съ длинной, красной свѣчой; за нимъ спѣшилъ съ кадиломъ сѣдой архимандритъ въ золотой митрѣ. Когда они скрылись изъ виду, толпа оттиснула меня опять на прежнее мѣсто. Но не прошло и десяти минутъ, какъ новая волна, и опять показался дьяконъ. На этотъ разъ за нимъ шелъ отецъ-намѣстникъ, тотъ самый, который, по словамъ Іеронима, писалъ исторію монастыря.

Мнѣ, слившемуся съ толпой и заразившемуся всеобщимъ радостнымъ возбужденіемъ, было невыносимо больно за Іеронима. Отчего его не смѣнятъ? Почему бы не пойти на паромъ кому-нибудь менѣе чувствующему и менѣе впечатлительному?

„Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь“... пѣли на клиросѣ:— „се бо пріидоша къ тебѣ, яко благосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера, и моря, и востока чада твоя“...

Я поглядѣлъ на лица. На всѣхъ было живое выраженіе торжества; но ни одинъ человѣкъ не вслушивался и не вникалъ въ то, что пѣлось, и ни у кого не „захватывало духа“.

Отчего не смѣнятъ Іеронима! Я могъ себѣ представить этого Іеронима, смиренно стоящаго гдѣ-нибудь у стѣны, согнувшагося и жадно ловящаго красоту святой фразы.

Все, что теперь проскальзывало мимо слуха стоящихъ около меня людей, онъ жадно пилъ бы своей чуткой душой, упился бы восторговъ до захватыванія духа, и не было бы во всемъ храмѣ человѣка счастливѣе его. Теперь же онъ плавалъ взадъ и впередъ по темной рѣкѣ и тосковалъ по своемъ умершемъ братѣ и другѣ.

Сзади хлынула волна. Полный, улыбающійся монахъ, играя четками и оглядываясь назадъ, бокомъ протискался около меня, пролагая путь какой-то дамѣ въ шляпкѣ и бархатной шубкѣ. Вслѣдъ за дамой, неся надъ нашими головами стулъ, торопился монастырскій служка.

Я вышелъ изъ церкви. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть мертваго Николая, безвѣстнаго сочинителя акаѳистовъ. Я прошелся около ограды, гдѣ вдоль стѣны тянулся рядъ монашескихъ келій, заглянулъ въ нѣсколько оконъ и, ничего не увидѣвъ, вернулся назадъ. Теперь я не сожалѣю, что не видѣлъ Николая; Богъ знаетъ, быть можетъ, увидѣвъ его, я утратилъ бы образъ, который рисуетъ теперь мнѣ мое воображеніе. Этого симпатичнаго поэтическаго человѣка, выходившаго по ночамъ перекликаться съ Іеронимомъ и пересыпавшаго свои акаѳисты цвѣтами, звѣздами и лучами солнца, непонятаго и одинокаго, я представляю себѣ робкимъ, блѣднымъ, съ мягкими, кроткими и грустными чертами лица. Въ его глазахъ, рядомъ съ умомъ, должна свѣтиться ласка и та едва сдерживаемая, дѣтская восторженность, какая слышалась мнѣ въ голосѣ Іеронима, когда тотъ приводилъ мнѣ цитаты изъ акаѳистовъ.

Когда послѣ обѣдни мы вышли изъ церкви, то ночи уже не было. Начиналось утро. Звѣзды погасли, и небо представлялось сѣро-голубымъ, хмурымъ. Чугунныя плиты, памятники и почки на деревьяхъ были подернуты росой. Въ воздухѣ рѣзко чувствовалась свѣжесть. За оградой уже не было того оживленія, какое я видѣлъ ночью. Лошади и люди казались утомленными, сонными, едва двигались, а отъ смоляныхъ бочекъ оставались однѣ только кучки чернаго пепла. Когда человѣкъ утомленъ и хочетъ спать, то ему кажется, что то же самое состояніе переживаетъ и природа. Мнѣ казалось, что деревья и молодая трава спали. Казалось, что даже колокола звонили не такъ громко и весело, какъ ночью. Безпокойство кончилось и отъ возбужденія осталась одна только пріятная истома, жажда сна и тепла.

Теперь я могъ видѣть рѣку съ обоими берегами. Надъ ней холмами то тамъ, то сямъ носился легкій туманъ. Отъ воды вѣяло холодомъ и суровостью. Когда я прыгнулъ на паромъ, на немъ уже стояла чья-то бричка и десятка два мужчинъ и женщинъ. Канатъ, влажный и, какъ казалось мнѣ, сонный, далеко тянулся черезъ широкую рѣку и мѣстами исчезалъ въ бѣломъ туманѣ.

— Христосъ воскресе! Больше никого нѣтъ?—спросилъ тихій голосъ.

Я узналъ голосъ Іеронима. Теперь ночныя потемки ужъ не мѣшали мнѣ разглядѣть монаха. Это былъ высокій, узкоплечій человѣкъ, лѣтъ тридцати-пяти, съ крупными округлыми чертами лица, съ полузакрытыми, лѣниво глядящими глазами и съ нечесаной клиновидной бородкой. Видъ у него былъ необыкновенно грустный и утомленный.

— Васъ еще не смѣнили?—удивился я.

— Меня-съ?—переспросилъ онъ, поворачивая ко мнѣ свое озябшее, покрытое росой лицо и улыбаясь.—Теперь ужъ некому смѣнять до самаго утра. Всѣ къ отцу архимандриту сейчасъ разговляться пойдутъ-съ.

Онъ, да еще какой-то мужичокъ въ шапкѣ изъ рыжаго мѣха, похожей на липовки, въ которыхъ продаютъ медъ, поналегли на канатъ, дружно крякнули, и паромъ тронулся съ мѣста.

Мы поплыли, безпокоя на пути лѣниво подымавшійся туманъ. Всѣ молчали. Іеронимъ машинально работалъ одной рукой. Онъ долго водилъ на насъ своими кроткими, тусклыми глазами, потомъ остановилъ свой взглядъ на розовомъ, чернобровомъ лицѣ молоденькой купчихи, которая стояла на паромѣ рядомъ со мной и молча пожималась отъ обнимавшаго ее тумана. Отъ ея лица не отрывалъ онъ глазъ въ продолженіе всего пути.

Въ этомъ продолжительномъ взглядѣ было мало мужского. Мнѣ кажется, что на лицѣ женщины Іеронимъ искалъ мягкихъ и нѣжныхъ чертъ своего усопшаго друга.

Паромъ—движущійся по канату рѣчной плотъ для перевоза повозокъ, кладей и пр. Паромъ присталъ къ крутому мѣсту: надо было втаскивать экипажи на рукахъ (Тургеневъ. „Рудинъ“).

Затоплять — 1) заливать. Но силой вѣтра отъ залива перегражденная Нева обратно шла гнѣвна, бурлива, и затопляла острова (Пушкинъ. „Мѣдный всадникъ“); 2) въ избыткѣ наполнять. Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильнымъ, хотя и не яркимъ свѣтомъ (Тургеневъ. „Затишье“). Непроницаемый мракъ затоплялъ корабль (Григоровичъ).

Вразсыпную — вразбродъ, порознь, одиночкой, врозь. Избы выстроены вразсыпную, а не заключены въ правильныя улицы (Гоголь. „Мертвыя души“). Гнать лѣсъ врозсыпь (не связывая плотами). Войско бѣжитъ вразсыпную.

Силуэтъ — очеркъ лица, дѣлаемый по тѣни въ профиль. Есть у меня твой силуэтъ. На память я его чертилъ (Лермонтовъ. „Силуэтъ“).

Кануть — 1) капать, падать каплями. *Въ дождь крыши не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ. Не всякая капля въ ротъ канетъ.* „Все легче, не каждая капля канетъ“, сказалъ мужикъ, укрывшись отъ дождя бороной; 2) пасть, пропасть, исчезнуть. Кануть въ Лету (рѣку забвенія). То дѣло прошедшее, въ воду кануло (Тургеневъ. „Дымъ“).

Контуръ (франц.) — внѣшнее очертаніе предмета. Особенно замѣчателенъ своими округлыми контурами былъ распростертый на первомъ планѣ смуглый воинъ въ шишакѣ (Тургеневъ. „Отцы и дѣти“). Это было теперь не болѣе, какъ широкое пылающее пятно, недвижимое на морѣ, изборожденное черными контурами трубъ и мачтъ (Тургеневъ. „Пожаръ на морѣ“).

Пареміи (греч.) — избранныя мѣста изъ св. писанія, притчи.

Притча—1) иносказаніе, поученіе въ примѣрѣ, басня, мудрое слово. Евангельскія притчи. Притчи Соломона. Натко медку! съ караваемъ покушай, притчу про пчелокъ послушай (Некрасовъ. „Пчелы“); 2) несчастный, непредвидѣнный случай; нелегкая; сглазъ; несообразность. Экъ тебя притча принесла. „Вишь какая притча,

разсуждалъ мужикъ, видно, я не впору развязалъ языкъ“ (Никитинъ. „Жена ямщика“). Я опять остановился. „Что за притча?.. Да гдѣ же я?“ (Тургеневъ. „Записки охотника“). Этакая притча, подумаешь! Бьетъ онъ насъ по всѣмъ пунктамъ, этотъ западъ — а гнилъ (Тургеневъ. „Дымъ“). Неужто жъ я такъ и умру и новыхъ порядковъ не увижу? Что за притча? — старое вымерло, а новое не рождается (Тургеневъ. „Записки охотника“). Отсюда: **попритчиться**, приключиться.

Нарочито — весьма, очень, значительно; иногда употребляется въ смыслѣ нарочно.

Акаѳистъ (греч.)—пространная хвалебная пѣснь Спасителю, Богоматери, угодникамъ. За всенощной слѣдуетъ молебенъ съ водосвятіемъ и двумя-тремя акаѳистами, тоже продолжительный (Салтыковъ. „Пошехонская старина“).

Кондакъ (греч.) — краткая хвалебная пѣснь Спасителю, Богоматери, угодникамъ.

Икосъ (греч.) — протяжная пѣснь въ канонѣ, послѣ кондака.

Велерѣчіе — цвѣтистый, высокопарный слогъ. Отсюда: **велерѣчивый**—выражающійся красно, высокопарно; многорѣчивый. И вашъ сосѣдъ велерѣчивый привезъ торжественно отвѣтъ (Пушкинъ. „Евгеній Онѣгинъ“).

Вольготный (во льготу) — свободный, легкій, привольный, покойный. Вольготное житье. И было бъ намъ спокойно и вольготно, какъ соловью въ тѣни густыхъ вѣтвей (Языковъ).

Келія — *У старца въ келіи чтмъ Богъ послалъ.*

Хаосъ (греч.) — у древнихъ грековъ понятіе „зіяющаго“ пространства, существовавшаго раньше мірозданія; его содержаніемъ были туманъ и мракъ; также бездна и туманно-воздушное пространство между небомъ и землей; вообще, безпорядокъ, неурядица, смута. То не вѣтеръ воетъ, то не дождикъ струится ручьями: то жалуется и стонетъ Хаосъ; то плачутъ его слѣпыя очи (Тургеневъ. „Довольно“). Это было странное, лихорадочное время, хаосъ какой-то, въ которомъ самыя противоположныя чувства, мысли, подозрѣнія, надежды, радости и страданья кружились вихремъ (Тургеневъ. „Первая любовь“). Эта путаница мучила, раздражала его, онъ терялся въ этомъ хаосѣ (Тургеневъ. „Дымъ“). Несмотря на неоднократно выраженное... намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ,—все осталось по-старому (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). Помню до сихъ поръ какой хаосъ носилъ я тогда въ головѣ: просто все кружилось и представлялось, какъ въ камеръ-обскурѣ (Тургеневъ. „Рудинъ“).

Кадило, кадильница — курильница на цѣпочкахъ съ небольшой подвѣсной жаровней, на которую кладется ладанъ (душистая смола). Изъ кадила синій дымъ не мнѣ струитъ благоуханье (А. Толстой. „Іоаннъ Дамаскинъ“). Не курится уже подъ нимъ кадильницъ благовонный дымъ (Лермонтовъ. „Мцыри“). Отсюда: **кадить** — 1) курить, жечь благовонія, раскачивая кадило; 2) льстить, угождать. *Кому кадятъ, тотъ и кланяйся.*

Паникадило (греч.) — церковный подвѣсный свѣтильникъ о многихъ свѣчахъ.

Канонъ (греч.) — 1) церковная пѣснь въ похвалу святого или праздника. Читать каноны. Канонъ угодника святого спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать (Лермонтовъ. „Демонъ“); 2) установленіе апостоловъ и соборовъ. Отсюда: **каноническій** — установленный церковью.

Кринъ – цвѣтокъ, лилія.

Росный — обильный росой. Росное лѣто. Росный (смолистый) **ладанъ** — пахучее куреніе. А въ церкви дымъ висѣлъ густой отъ ладана (Аксаковъ. „Всенощная“). Сильно потрясая тусклый отъ ладана воздухъ... тяжелой волной прокатились звуки органа (Тургеневъ. „Довольно“).

Митра (греч.) — архіерейская шапка, которая надѣвается при полномъ облаченіи.

Клиросъ (греч.) — мѣсто въ церкви для пѣвчихъ. Иванъ Ивановичъ обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ (Гоголь). Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было въ церкви; дьячокъ на клиросѣ читалъ часы (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). Дьячки и пономари на кли-

росахъ пѣли удивительно старательно (Тургеневъ. „Новь“). Перебираясь съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини—и не взглянула на него (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“). **Клиръ** — хоръ пѣвчихъ; причтъ церковный. Наполняя всю церковь отъ оконъ до сводовъ, стройно и широко поднялся, усилился, остановился на мгновеніе и тихо замеръ полный аккордъ невидимаго клира (Толстой. „Анна Каренина“). И стройно клирное несется пѣніе (Аксаковъ. „Всенощная“).

Четки — нитка бусъ, раковинокъ; ремень съ узлами для счета молитвъ и поклоновъ. Онъ себѣ на шею четки вмѣсто шарфа повязалъ (Пушкинъ). Только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые четками, еще крѣпче прижались другъ къ другу (Тургеневъ. „Дворянское гнѣздо“).

Служка — монастырскій прислужникъ, послушникъ.

Липовка — липовая дуплянка, кадка.

Усопшій — умершій, покойникъ. Уснуть вѣчнымъ сномъ. **Успеніе** — кончина, смерть, преставленіе. Успеніе Богородицы.

⁂

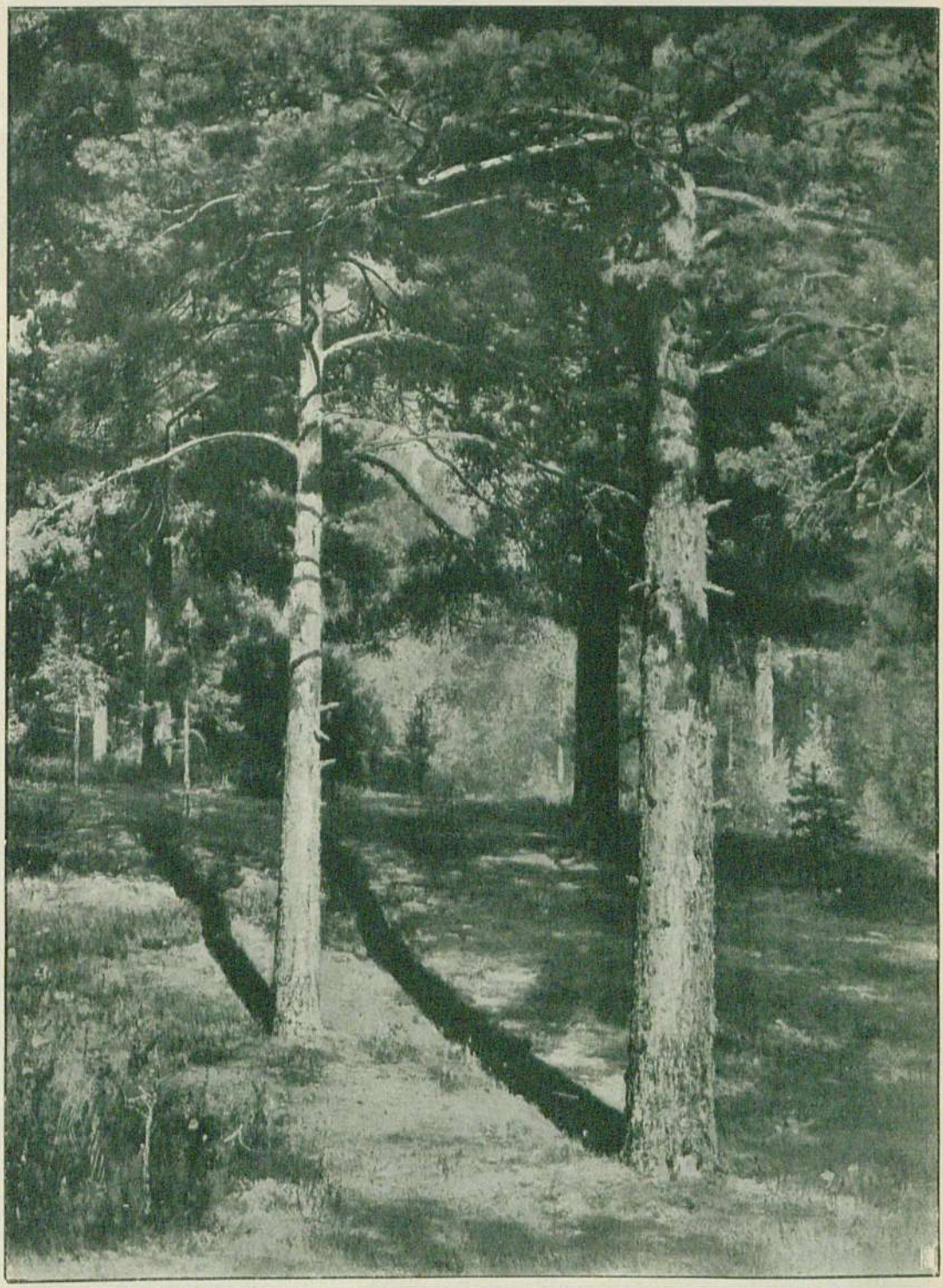
77.

Изъ поэмы гр. *А. К. Толстого* „Іоаннъ Дамаскинъ“.

Благословляю васъ, лѣса,
долины, нивы, горы, воды,
благословляю я свободу
и голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
и эту бѣдную суму,
и степь отъ краю и до краю,
и солнца свѣтъ, и ночи тьму,
и одинокую тропинку,
по коей, нищій, я иду,
и въ полѣ каждую былинку,
и въ небѣ каждую звѣзду!
О, если бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
всю душу вмѣстѣ съ вами слить,
о, если бъ могъ въ мои объятья
я васъ, враги, друзья и братья,
и всю природу заключить!

Посохъ — *Лѣсъ по посоху не плачетъ. Припаси посохъ на путь, а слово на отвѣтъ. По-суху съ посохомъ, по-морю поплывомъ.* Посохъ да сума,—нищенство. *Посохъ легче цѣпа.*

⁂



Солнце въ лѣсу. *И. И. Шишкина.*

78. Сосна.

Изъ Гейне. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова.*

На сѣверѣ дикомъ
стоитъ одиноко
на голой вершинѣ сосна,
и дремлетъ, качаясь,
и снѣгомъ сыпучимъ
одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что
въ пустынѣ далекой,
въ томъ краѣ, гдѣ солнца
восходъ,
одна и грустна на утесѣ
горючемъ
прекрасная пальма растетъ.

Риза.—Стоялъ всѣхъ выше голо вой Казбекъ, Кавказа царь могучій, въ чалмѣ и ризѣ парчевой (Лермонтовъ. „Демонъ“).

Горючій—1) горячій, жаркій, раскаленный. Горючія слезы—горькія слезы (Народная пѣсня). Горючи слезы льетъ рѣкой (Пушкинъ. „Бахчисарайскій фонтанъ“); 2) способный къ горѣнію. Горючій матеріалъ; 3) легко воспламеняющійся. Порохъ, сѣра, масло—вещества горючія.

*

79. Русскій языкъ.

Стихотвореніе въ прозѣ *И. С. Тургенева.*

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

*

Гроза. *И. Шишкина.*

Алфавитный указатель словъ и выраженій, къ которымъ даны объясненія.

Авантажный 324
автоматическій 358
агонія 97
ажно 190
аиръ 196
акаѳистъ 423
аккордъ 20
аллебарда 121
алеутъ 300
алкать 229
англезъ 244
антоновъ-огонь 67
анчаръ 70
аплике 121
арапникъ 269
аспидъ 156
ассигнація 324
атукать 270
архивъ 300.

Баба 58
бадья 11
баклуша 299
бакча, бакша 156
барщина 85, 371
басурманскій 209
басурманъ 209
батракъ 31
бахрома 406
баять 17, 300
безвременье 33
безродный 124
безталанный 209
берейторъ 269
берёста 11
берёстовый 11
бить баклуши 299
биться 303
бишь 300
блаженный 129
блажить 299
блажный 299
блесна 58
блеснить 58
болиголовъ 58
большакъ 407
борзятникъ 269
бостонный 244
бостонъ 244
брань 212
брать лбомъ 299
брести 324
брехать 155
бричка 11
броня 164
брусница 371
бубенъ 203
бубны 203
буда 121
будка 121
будовать 121
будочникъ 121
булатный 178
булатъ 178
бурдастый 270
бурды 270
бурлакъ 363
быть въ случаѣ 243
бѣлъ-горючъ-камень 189
бѣлякъ 41
бюро 342.

Вага 11
важа, важъ 17
валежникъ 59
валекъ 11
вальяжный 190
вандалъ 300
ванька 121
варіація 244
ввечеру 129
велерѣчіе 423
велерѣчивый 423
величавый 363
вензель 243
веретено 243
веретье 406
верховой вѣтеръ 135
ветла 58
ветошь 121
вжикать 371
взманивать 300
взморье 42
видѣніе 342
вихать 271
владыка 70, 219
властелинъ 219
власяница 229
водевиль 300
водится 343
водомоина 407
водружать 324
воевода 203
воззриться 271
вольжаный 190
вольготный 423
ворожба 300
ворожить 300
вохра 85
вперять 324
вразсыпную 422
всполохъ, всполохи 58
всполошиться 58
вспрыскивать 121
вступаться 303
втихомолку 242
второчить 271
выводить 324
выводокъ 269
выгонъ 49
выжлецъ 269
выжликъ 269
выжлятникъ 269
выкатить 271
вымахиваться 271
выряжать 189
вѣдать 228
вѣсть 83
вѣче 228
вѣщій 164
вѣять 355.

Гарнизонъ 76
гинуть 190
глодать 85
глохнуть 41
глухой 49, 99
глядѣлки 156
гля-ради 172
гоголь 190
голова 129
головашка 406
головоногъ 358
гонъ 270
горемыка 31
горній 407
горница 407
горничная 407
горючій 426
гость 189
гроздь 3
грядка 11
гудѣть 135, 219
гужъ 371
гуртовщикъ 57
гуртомъ 57
гуртъ 57
гурьба 363
гуселькн 189
гусли 189
гусляръ 189.

Дань 189
дворецкій 243
дворникъ 11
дворовый 156, 244
де 203
державный 212
дерзновенный 219
дерюга 406
дескать 203
диво 343
дивоваться 343
дикій 11

дипломатъ 406
дистанція 300
днесь 228
добиться 97
доводиться 129, 299
доля 198
домовой 78
дородный 219
досаждать 300
досягать 324
доѣзжачій 269
дребезги 243
дребезжать 243
древле 220
дремота 355
дремотный 355
дружина 164, 189
дроздъ 67
дрыхнуть 97
дрыхня 97
дряблый 31
дубрава 157
дыба 410
дьякъ 220
дымка 300
дядька 371.

Ересь 220

Жаба 270
жаръ-птица 131
жезлъ 212
желобъ 406
желобокъ 406
желчевика 219
желчь 219
жердь 156
жеребей, жеребій 121
жерновъ 67
животъ 358
живчикъ 165
жнивà 268
жниво 268
жнивье 134, 268
жребій 121
журить 300.

Завалинка 156
завгодно 324
завиральный 299
завираться 299
завихриться 156
заводить 270
завѣтный 354
завѣтъ 164
завѣщать 228
завязить 407
загородить 242
задавать дрожака 129
задача 300
задѣвать 352
загадочный 355
завдравный 196
зазимки, зазимокъ 268
зазноба 219
закабалить 358
заказывать 209
заказъ 269
закипать 156
закладъ 155
заливной 24, 243
заливъ 270
залихватскій 156
заложить 189
заложиться 271
замереть 97
замираніе 17
замирать 97
замолаживать 269
замѣшкаться 323
зане 229
заниматься 219
занимать 243
запеканка 270
заплечный мастеръ 220
запруда 371
запускать пыль 121
запыхаться 406
зарей 198
заря 196
зарьять 407
зарядить 323
застѣнокъ 220
засучиваться 243
засѣдатель 324
засѣка 31, 270
затоплять 422
затуманить 121
заунывный 209
захватывать 17
захлестывать 17
заѣздъ 269
зги не видать 324
зеленый шумъ 135
зеленя, зелени 49
зіять 155
зной 363
зоря 196
зрѣть 228
зубоскалить 352.
зубоскалъ 352

Иго 358
игреневый 269
игреній 269
изморозь 41
икосъ 423
искони 299
исконный 299
исконъ 299
истома 372
истомлять 372
истый 49.

Кабала 358
кадило 423
кадильница 423
кадить 423
казюля 371
каламбуръ 300
камера 300
канонический 423
канонъ 423
кануть 422
капидонъ 352
кантуръ 59
караванъ 410
караулъ 121
карбонарій 299
картечь 76
каряга 342
карячиться 342
каурый 323
квартальный 243
кварталъ 243
келія 228, 423
кибитка 137
кирченый 342
клиросъ 423
клиръ 424
клобукъ 229
ключъ 131
кляуза 352
кобчикъ 67
ковыль 164, 198
кожухъ 32
козюля 371
коллекція 242
колода 342
колодки 342
колодникъ 342
колча 406
колчанъ 198
кольчуга 203
колѣно 407
комендантъ 76
кондакъ 423
контрактъ 343
контрбасъ 324
контуръ 422
конфорка 58
копна 58
корамора 342
кормяга 11
корысть 203
коряга 342
корячиться 342
косица 178
коснѣть 67
кравчій 212
крашенина 324
кремень 42
кремнистый 42
кресла 407
кринъ 423
кронить 212
кромѣшникъ 220
кромѣшный 220
кручь 407
крѣпость 324
кряжъ 190
кудесить 164
кудесникъ 164
кудъ 164
куритъ 407
куртагъ 299
курьеръ 243
купавка 196
купавый 196
купидонъ 352
купырь 196.
куща 410

Ладанъ 423
ладить 246
ладъ 246
лазурь 17, 158
лазъ 269
лампада 228
лачужка 372
лебеда 49
лепетать 135
линять 124
липовка 424
лихой 220
лобное мѣсто 209
ловчій 246
лотошить 156
лубокъ 155
лубочный 155
лубъ 155
лука 270
лукавый 248
лукъ 178
лыко 70
люкъ 274
лѣтникъ 59
лѣтопись 228
лѣшій 33
лязгать 41
лязгъ 41, 371
лямка 363
ляскать 270.

Магнатъ 203
манифестъ 243
масонъ 342
машкера 212
маять 33
маяться 33
матерія 300
матерый 269
матерѣть 171
мга 269
мгла 269
медвѣдка 58
мезонинъ 24, 342
мерещиться 131
меркнуть 220
мертвая хватка 270
митра 423
миѳологическій 24
миѳъ 24
млѣніе 196
млѣть 20, 196
мнительный 220
миниться 220
могота 83
молвить 203
молодечество 189
молъ 203
мохры 358
мочь 407
мурастый 270
муругій 270
мурый 270
мухортый 406
мыкать 31
мышастый 271
мѣшканье 323
мѣшкать 323.

Набатъ 229
набирать 192
наборъ 192
наверстать 407
навожденіе 352
навѣвать 22
наддавать 270
на долгихъ 11
на дыбы 410
надутый 299
наивный 242
наладить 134
на почтовыхъ 11
напружать 406
нараспашку 202
нерекать 229
наречь 229
нарочито 423
настоятель 189
настъ 134
натекать 270
небытіе 220
небытный 220
невидаль 352
невмоготу 83
невѣсть 83
нелегкая 243
ненарокомъ 358
не ровенъ часъ 343
нетлѣнный 70
низать 407
низина 134
низъ 134
ничкомъ 244
норовить 129
ночлегъ 129.

Обалдуй 129, 155
обалдѣть 129
обаятельный 17
обаять 17
обезсудить 407
обжа 172
обитель 229
обносить 243
обомлѣть 196
обратный 11
обрекать 164
оброкъ 85
оброть 406
обрывать 271
обрыскать 299
обрыскаться 299
обшарпать 57
обѣтъ 229
овинъ 67
оглушить 363
огрѣхъ 358
однодворецъ 156
озими 268
озимый 17, 268
околенки 178
околица 32
окольничій 220
окольный 220
олифа 24
омѣшекъ 172
онуча 11, 121
опала 219
опальный 219
опаляться 219
орало 172
опадать 31
опричникъ 209
опричнина 209
опричня 209
оратай 172
орать 172
остатній 190
островъ 269
осѣкаться 271
отбить 270
отвершекъ 270
отверхъ 270
отводъ 407
отечество 189
откупщикъ 303
откупъ 303
отливъ 155
отороченный 271
оторочивать 155, 271
оторочка 155
отпазанчить 271
отписывать 190
отпускная 121
отсѣдать 271
оттопать 270
отъемный 269
отъѣзжее полѣ 41
отходить 97
отходная 67, 97
охотницкій 209
очеретъ 196
очеретянка 196
ошарпать 57
ошарпанный 57
очки вставлять 407
очки втирать 407
още 189
ощетиниться 246

Пабѣдье 172
пазанка 271
пазуха 244
пазъ 271
пакля 324
паникадило 423
парадно 243
паремія 422
паритъ 155
паромъ 422
педантъ 342
пекучись 190
пенять 67
переводить 300
переводиться 300
переводъ 300
перекати-поле 58
переметная сума 165
переметъ 407
перемычка 270
перепасаться 189
переполохъ 58
переполошиться 58
перина 244

пестрединный 324
пестредь 324
пестрецъ 196
пестъ 67
пестрядевый 324
поблекнуть 58
побратима 324
повѣмъ 83
погонь 299
погремокъ 196
подбиться 269
подернуть 131
подзирать 271
подзорная труба 271
подлыгать 178
подлыгаться 178
подозрѣть 271
подрядить 189
подрядчикъ 67, 189
подрядъ 67
подрядье 371
подсѣдъ 17, 270
подтачивать 121
подъ куражемъ 121
подъячій 156
поза 244
позвонокъ 203
поискать 299
поклепый 178
покляпый 178
покровъ 269
помыкать 270
поникать 121
поникнуть 33
попирать 220
попрекать 129
порсканье 269
порскать 269
порѣшить 85
посконный 352
посконь 352
посконье 352
посоловѣть 58
посохъ 424
поставъ 32
постигать 411
пострѣлъ 32
посулить 324
посулъ 324
потакать 352
почестной 189
починъ 83
почитай 129
почта 11
пошевни 406
поярковый 11
поярокъ 11
пращъ 164
превратный 274
преданіе 354
прелюдія 300
претендовать 342
претензія 342
приказалъ долго жить 83
приказный 352
приказъ 228
прикорнуть 24
припекъ 358
присно 228
присный 228
приспѣвать 300
притча 422
притынный 155
причитать 97
провихнуться 271
прогалина 41
прогалить 41
прозакладывать 300
промышлять 124
пронизать 407
прорѣха 97
проселокъ 32
просторъ 155
простота 155
протравить 270
прыткій 300
прыть 300
прягла 324
прядать 220
пряженецъ 324
пряжить 324
прясть ушами 324
псовая собака 271
пульсъ 97
пустельга 67
пуще 97
пыхать 406
пыхомъ 406
пѣвникъ 196
пѣстовать 196
пѣстунья 196

Развѣять 355
раздолье 171
раздуматься 189
ракша 58
раскаряка 342
распахивать 202
распекать 121
распушить 155, 270
расходиться 244
расчесться 246
ратай 172
ратовать 33
рвать 407
ревизія 121, 342
ревизовать 121
ревизскій 342
регалія 270
рекъ 212
речить 212
рига 407
ридикюль 243
риза 22, 426
рожонъ 212
роковой 121
росный 423
русакъ 268
рухлядь 137
рыдванъ 303
рывъ 407
рыхлый 137
рыхлѣть 137
рѣзка 358
рѣять 17
рябить 43
рябь 43
рябчикъ 43
рядчикъ 155.

Саадакъ 76
саванъ 358
сага 411
сажалка 20
сайдакъ 76
сбитенщикъ 341
сбитень 156, 341
свалка 270
сваляться 270
сверелъ 342
сверло 342
свита 155, 203
свитка 203
свой 299
свора 269
сворыхаться 165
свѣтскій 244
связь 407
сговоръ 352
сизый 203
сила 178
силокъ 196
силушка 178
силуэтъ 422
симметрія 342
скидываться 4
скирда 41
складка 300
скородумка 324
скриня 192
скрипачъ 58
скрыня 192
скрянуть 165
слобода 407
службы 24
служка 424
случай 243
смекалка 323
смекать 323
смирная одежда 219
смутиться 190
смычокъ 271
сноситься 121
снетокъ, снѣтокъ 324
соловый 58
сороковка 189
сострунивать 270
софа 299
спесь 243
сподобить 229
сполохи 58
спорость 406
спорый 406
спрядывать 220
спрянуть 220
спѣть 270
срубъ 155
ссѣчка 67, 269
станица 137
станичникъ 137
станъ 198
старички 58
старожилъ 129
статный 67

стать 67
стихія 358
стойка 155
столбовая дорога 323
столованье 190
страсть 190
стремянный 219
стрепетъ 58
стрижъ 196
строптивый 212
стрыганиха 155
стрыгъ 155
студеный 198
ступа 67
суевѣріе 352
суета 228
схватиться 300
схима 229
схимникъ 229
считаться 299
сѣделка 406
сѣкира 164
сѣча 164
сыть 178
сюжетъ 24.

Таить 219
таланъ 209
таранта 352
тарантить 352
тароватый 209
тачать 248
тафья 229
теремъ 219
терраса 12
тертый калачъ 156
тетива 178
тіунъ 212
тлетворный 70
тлѣнный 70
тля 70
толочить 49
томленіе 156
тоня 189
торока 271
торочить 271
тощать 189
травить 270
трапеза 228
тризна 164
труба 270
тужить 243
тупей 299
турій 203
туръ 203
тусклый 97
тюрщикъ 371
тюря 371.

Убытокъ 124
угонка 270
угорокъ 271
угоръ, угорь 271
угорье 271
угрязать 165
ужимка 300
уйма 270
уймище 270.
уключиться 268
улика 220
уличать 220
улюлюкать 270
умастить 121
умолотъ 271
упаивать 121
упоеніе 121
упоенный 121
упаточиться 352
упругій 41
урочить 358
урочный 358
урядникъ 76
урядъ 76
усопшій 424
успеніе 424
усугублять 20
уськать 270
утесъ 158
утроба 85, 352
уютный 59
уютъ 59.

Фальцетъ 156
фарисъ 410
фармазонъ 342
фарсъ 300
флюгарка 274
флюгеръ 274
форейторъ 11
фризовый 17
фризъ 17
фронтонъ 342.

Хаосъ 424
хартія 228
хватъ 299
хлопъ 203
хмара 358.
хоры 243

Цимбалы 203
цугъ 299
цыркать 155
цѣликъ 59
цѣпенѣть 358.

Чаять 234
чванство 300
чека 244
чекать 244
чембуръ 271
червеница 189
червецъ 189
черви 189
червленый 189
червленѣть 189
червонный 189
черезсѣдельникъ 407
черная изба 49
чернобыльникъ 407
чертогъ 229
чета 196
четки 424
чибезъ 58
чибисъ 58
чинара 275
чинъ 299
чирокъ 24
чокать 244
чокаться 244
чокъ 244
чубарый 192
чудиться 131
чуйка 155
чумбуръ 271
чуткій 164
чутье 164
чуять 164.

Шалыга 172
шелохнуть 12
шеренга 300
шильникъ 196
шильничать 196
шляхта 203
шлюзъ 32
шмыгать 57
шнырять 303
шпенекъ 190
штофъ 155.

Щеколода 407.

Экосезъ 244.

Юла 156, 303
юлить 156, 303.

Ядреный 342
ярмарка 32
ярмо, яремъ 155
яровой 268
яровчатый 189
ярый 156
яръ 156, 268
я чай 243
яхонта 243.

Алфавитный указатель авторовъ.

Анухтинъ, А. Н.—О Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта. 19.

Бальмонтъ, К. Д.—Чайка. 43.
Бунинъ, И. А.—Ковыль. 354.—Ни души. 43.—Сосны. 130.
Былины.—Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ. 172.—Микула Селяниновичъ и Вольга Святославговичъ. 166.—Садко, богатый гость. 179.—Святогоръ. 165.

Гоголь, Н. В.—Изъ поэмы „Мертвыя души" (Коробочка). 303.— Изъ поэмы „Мертвыя души" (Собакевичъ). 325.—Шинель. 99.
Горькій, М.—Море смѣялось. 42.
Грибоѣдовъ, А. С.—Горе отъ ума. 276.
Григоровичъ, Д. В.—Антонъ-Горемыка. 25.

Достоевскій, Ѳ. М.—Смерть Мармеладова. 86.

Козловъ, И. И.—Плачъ Ярославны. 197.
Кольцовъ, А. В.—Лѣсъ. 32.
Крыловъ, И. А.—Волкъ на псарнѣ. 244.—Добрая лисица. 122.—Муха и дорожные. 301.—Щука и Котъ. 246.

Лермонтовъ, М. Ю.—Воздушный корабль. 272.—Дубовый листокъ. 275.—Горныя вершины. 49.—Когда волнуется желтѣющая нива. 411.—Отчизна. 353.—Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ. 203.—Сосна. 426.—Три пальмы. 408.— Утесъ. 158.

Мей, Л. А.—Псковитянка. 58.
Мокринскій, Г.—Дѣтство. 12.

Надсонъ, С. Я.—Снова лунная ночь. 42.
Некрасовъ, Н. А.—Бурлаки. 359.—Зеленый шумъ. 134.
Никитинъ, И. С.—Дубъ. 343.—Нищій. 372.

Островскій, А. Н.—Свои люди сочтемся. 345.

Плещеевъ, А. Н.—Ночь. 22.
Полонскій, Я. П.—Зимній путь. 130.—Казимиръ Великій. 199.
Пушкинъ, А. С.—Анчаръ. 69. — Борисъ Годуновъ. 221 — Бѣсы. 77. — Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. 160.—Приступъ. 70.—Туча. 158.—Узникъ. 193.

Салтыковъ, М. Е.—Коняга. 355.

Толстой, гр., А. К.—Алеша Поповичъ. 193.—Василій Шибановъ. 213. — Благословляю васъ, лѣса. 424.—Илья Муромецъ. 190.—Князь Репнинъ. 210.
Толстой, гр., Л. Н.—Гроза. 13.—Весна. 132.—Изъ романа „Анна Каренина". 364.—Изъ романа „Война и миръ" (Именины). 230.—Изъ романа „Война и миръ" (Охота). 249.—Поѣздка на долгихъ. 5.—Хозяинъ и работникъ. 374.
Тургеневъ, И. С.—Весна, здравствуй весна! 135.—Лѣсъ и степь. 35.—Маша. 83.—Ночь. 19.—Подъ липой было прохладно. 3.—Пѣвцы. 137.—Русскій языкъ. 426.—Смерть. 61.—Усадьба. 22.
Тютчевъ, Ѳ. И.—Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь. 157.—Море. 41.—Слёзы людскія. 99.

Фетъ, А. А.—Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою. 3.

Чеховъ, А. П.—Морозъ. 125.—Степь. 49.—Святою ночью. 411.—Тоска. 78.

Алфавитный указатель статей.

Алеша Поповичъ, гр. А. К. Толстого 193
Анна Каренина, гр. Л. Н. Толстого (косьба) 364
Антонъ-горемыка, Д. В. Григоровича 25
Анчаръ, А. С. Пушкина 69.
Благословляю васъ, гр. А. К. Толстого 424
Борисъ Годуновъ, А. С. Пушкина 221
Бурлаки, Н. А. Некрасова 359
Бѣсы, А. С. Пушкина 77.
Василій Шибановъ, гр. А. К. Толстого 213
Весна, гр. Л. Н. Толстого 132
Весна! здравствуй, весна!
И. С. Тургенева 135
Воздушный корабль, М. Ю. Лермонтова 272
Война и миръ, гр. Л. Н. Толстого (именины) 230
Война и миръ, гр. Л. Н. Толстого (охота) 249
Волкъ на псарнѣ, И. А. Крылова 244.
Горе отъ ума, А. С. Грибоѣдова 276
Горныя вершины, М. Ю. Лермонтова 49
Гроза, гр. Л. Н. Толстого 13.
Добрая лисица, И. А. Крылова 122
Дубовый листокъ, М. Ю. Лермонтова 275
Дубъ, И. С. Никитина. 343
Дѣтство, Г. Мокринскаго 12.
Зеленый шумъ, Н. А. Некрасова 134
Зимній путь, Я. П. Полонскаго 130.
Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ, былина 172
Илья Муромецъ, гр. А. К. Толстого 190.
Казимиръ Великій, Я. П. Полонскаго 199
Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
Ѳ. И. Тютчева 157
Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою,
А. А. Фета 3
Князь Репнинъ, гр. А. К. Толстого 210
Ковыль, И. А. Бунина 354
Когда волнуется желтѣющая нива,
М. Ю. Лермонтова 411
Коняга, М. Е. Салтыкова 355.
Лѣсъ, А. В. Кольцова 32
Лѣсъ и степь, И. С. Тургенева 35.
Маша, И. С. Тургенева 83
Мертвыя души (Коробочка), Н. В. Гоголя 303
Мертвыя души (Собакевичъ), Н. В. Гоголя 325
Микула Селяниновичъ и Вольга Святославговичъ, былина 166
Море, Ѳ. И. Тютчева 41
Море, М. Горькаго 42
Морозъ, А. П. Чехова 125
Муха и дорожные, И. А. Крылова 301.
Ни души, И. А. Бунина 43
Нищій, И. С. Никитина 372
Ночь, А. Н. Плещеева 22
Ночь, И. С. Тургенева 19.
О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта, А. Н. Апухтина 19
Отчизна, М. Ю. Лермонтова 353.
Плачъ Ярославны, И. И. Козлова 197
Подъ липой было прохладно,
И. С. Тургенева 3
Поѣздка на долгихъ, гр. Л. Н. Толстого 5
Приступъ, А. С. Пушкина 70
Пѣвцы, И. С. Тургенева 137
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, А. С. Пушкина 160
Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ,
М. Ю. Лермонтова 203
Псковитянка, Л. А. Мея 58.
Русскій языкъ, И. С. Тургенева 426.
Садко, богатый гость, былина 179
Свои люди сочтемся, А. Н. Островскаго 345
Святогоръ, былина 165
Святою ночью, А. П. Чехова 411
Слезы, Ѳ. И. Тютчева 99
Смерть, И. С. Тургенева 61
Смерть Мармеладова, Ѳ. М. Достоевскаго 86
Снова лунная ночь, С. Я. Надсона 42
Сосна, М. Ю. Лермонтова 426
Сосны, И. А. Бунина 130
Степь, А. П. Чеховъ 49
Тоска, А. П. Чехова 78
Три пальмы, М. Ю. Лермонтова 408
Туча, А. С. Пушкина 158.
Узникъ, А. С. Пушкина 193
Усадьба, И. С. Тургенева 22
Утесъ, М. Ю. Лермонтова 158.
Хозяинъ и работникъ, гр. Л. Н. Толстого 374.
Чайка, К. Д. Бальмонта 43.
Шинель, Н. В. Гоголя 99.
Щука и котъ, И. А. Крылова 246.

Снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.

Берггольцъ, А.—Заставка. 132.
Бялыницкій-Бируля, В. К. — Осени поздней цвѣты запоздалые. 235.
Васнецовъ, А. Всесвятскій мостъ. 207.
Старая Москва. 217.
Васнецовъ, В. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. 161 и 163.
Богатыри. 175.
Витязь на распутьѣ. 191.
Пименъ. 224.
Вроблевскій, К.—Усадьба. 23.
Дубовской, Н.—Ноябрьскій вечеръ. 84.
Дубы. 344.
Жуковскій, С.—Весенній вечеръ. 133.
Загорскій, Н.—Наболѣвшее сердце. 98.
Кабановъ, И.—Учительница. 68.
Казанцевъ, В.—Зимній пейзажъ. 127.
Калиниченко, Я.—Осень. 373.
Киселевъ, А.—Утесъ. 159.
Клодтъ, М.—Лѣтній вечеръ. 48.
Деревня. 55.
Ковалевскій, П.—Встрѣча. 383.
Коровинъ, И.—Заставка. 59.
Куинджи, А.—Украинская ночь. 417.
Максимовъ, В.—Все въ прошломъ. 91.
Перовъ, В.—Судъ Пугачева. 74.
Поленовъ, В.—Бабушкинъ садъ. 2.
Прянишниковъ, И.—Охота. 263.
Рѣпинъ, И.—Бурлаки. 360.
Шишкинъ, И.—Лѣсъ. 34.
Лѣсная глушь. 39.
Сосновый боръ. 60.
Рубка лѣса. 63.
Берегъ рѣки. 136.
Солнце въ лѣсу. 425.
Гроза. 427.
Эдельфельдъ, А.—Печаль. 46.

Перечень оригинальныхъ рисунковъ.

Аргамакова, А.—Къ „Мертвыя души". 326 и 331.
Билибинъ, И.—Къ „Микула Селяниновичъ и Вольга Святославговичъ". 167.
Заставка къ „Садко". 184.
Къ „Василій Шибановъ". 214.
Заставка къ „Воздушный корабль". 272.
Вестфаленъ, А.—Къ „Мертвыя души". 309 и 321.
Замирайло, В.—Къ „Антонъ-горемыка". 27.
Кардовскій, Д.—Къ „Поѣздка на долгихъ". 8.
Къ „Ночь". 21.
Къ „Война и миръ". 235.
Къ „Волкъ на псарнѣ". 245.
Кустодіевъ, Б.—Къ „Тоска". 80.
Къ „Шинель". 111.
Къ „Пѣвцы". 151.
Нарбутъ, Г.—Къ „Добрая лисица". 123.
Заставки къ „Микула Селяниновичъ и Вольга Святославговичъ". 166, 169, 171.
Къ „Князь Репнинъ". 211.
Къ „Муха и дорожные". 302.
Къ „Щука и котъ". 247.
О'Коннель, Р.—Къ „Сосна". 426.
Филатовъ, П.—Къ „Гроза". 14.
Чемберсъ-Билибина, М.—Къ „Свои люди сочтемся". 347.
Къ „Три пальмы". 409.
Чемберсъ, В.—Заставка къ „Казимиръ Великій". 199.
Къ „Горе отъ ума". 294.
Чехонинъ, С.—Заставка къ „Бѣсы". 77.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою. Стихотвореніе *А. А. Фета.* 3
2. Подъ липой было прохладно. Изъ романа *И. С Тургенева.* 3
3. Поѣздка на долгихъ. Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* 5
4. Дѣтство. Стихотвореніе *Г. Мокринскаго.* 12
5. Гроза. Изъ повѣсти *гр. Л. Н. Толстого* 13
6. О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта. Стихотвореніе *А. Н. Апухтина.* 19
7. Ночь. Изъ повѣсти *И. С. Тургенева.* 19
8. Ночь. Стихотвореніе *А. Н. Плещеева* 22
9. Усадьба. Изъ повѣсти *И. С. Тургенева* 22
10. Антонъ-горемыка. Изъ повѣсти *Д. В. Григоровича.* 25
11. Лѣсъ. Стихотвореніе *А. В. Кольцова* 32
12. Лѣсъ и степь. Изъ „Записокъ охотника“ *И. С. Тургенева* 35
13. Море. Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.* 41
14. Снова лунная ночь. Стихотвореніе *С. Я. Надсона* 42
15. Море. Изъ разсказа *М. Горькаго* 42
16. Чайка. Стихотвореніе *К. Д. Бальмонта* 43
17. Ни души. Изъ разсказа *И. А. Бунина* 43
18. Горныя вершины. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова* 49
19. Степь. Изъ разсказа *А. П. Чехова* 49
20. Псковитянка. Изъ драмы *Л. А. Мея* 58
21. Смерть. Изъ „Записокъ охотника“ *И. С. Тургенева* 61
22. Анчаръ. Стихотвореніе *А. С. Пушкина* 69
23. Приступъ. Изъ повѣсти *А. С. Пушкина.* 70
24. Бѣсы. Стихотвореніе *А. С. Пушкина.* 77
25. Тоска. Разсказъ *А. П. Чехова.* 78
26. Маша. Стихотвореніе въ прозѣ *И. С. Тургенева.* 83
27. Смерть Мармеладова. Изъ романа *Ѳ. М. Достоевскаго.* 86
28. Слезы. Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.* 99
29. Шинель. Изъ повѣсти *Н. В. Гоголя.* 99
30. Добрая Лисица. Басня *И. А. Крылова* 122
31. Морозъ. Разсказъ *А. П. Чехова* 125
32. Сосны. Изъ разсказа *И. А. Бунина* 130
33. Зимній путь. Стихотвореніе *Я. П. Полонскаго* 130
34. Весна. Изъ романа *гр. Л. Н. Толстого.* 132
35. Зеленый шумъ. Стихотвореніе *Н. А. Некрасова.* 134
36. Весна! здравствуй, весна! Изъ повѣсти *И. С. Тургенева.* 135
37. Пѣвцы. Изъ „Записокъ охотника“ *И. С. Тургенева.* 137
38. Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь. Стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева.* 157
39. Туча. Стихотвореніе *А. С. Пушкина* 158
40. Утесъ. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова* 158
41. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. *А. С. Пушкина* 160
42. Святогоръ. Былина 165

Ж – 17027.

стр.

43. Микула Селяниновичъ и Вольга Святославговичъ. Былина . . . 166
44. Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ. Былина 172
45. Садко, богатый гость. Былина 179
46. Илья Муромецъ *гр. А. К. Толстого*. 190
47. Узникъ. Стихотвореніе *А. С. Пушкина* 193
48. Алеша Поповичъ *гр. А. К. Толстого* 193
49. Плачъ Ярославны. Стихотвореніе *И. И. Козлова* 197
50. Казимиръ Великій. Стихотвореніе *Я. П. Полонскаго* 199
51. Изъ „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ *М. Ю. Лермонтова* 203
52. Князь Репнинъ *гр. А. К. Толстого* 210
53. Василій Шибановъ *гр. А. К. Толстого* 213
54. Изъ трагедіи „Борисъ Годуновъ“ *А. С. Пушкина* 221
55. Изъ романа „Война и миръ“ *гр. Л. Н. Толстого* 230
56. Волкъ на псарнѣ. Басня *И. А. Крылова* 244
57. Щука и котъ. Басня *И. А. Крылова* 246
58. Изъ романа „Война и миръ“ *гр. Л. Н. Толстого* 249
59. Воздушный корабль. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова* 272
60. Дубовый листокъ. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова* 275
61. Изъ комедіи „Горе отъ ума“ *А. С. Грибоѣдова* 276
62. Муха и дорожные. Басня *И. А. Крылова* 301
63. Изъ поэмы „Мертвыя души“ *Н. В. Гоголя* 303
64. Изъ поэмы „Мертвыя души“ *Н. В. Гоголя* 325
65. Дубъ. Стихотвореніе *И. С. Никитина* 343
66. Изъ комедіи „Свои люди сочтемся“ *А. Н. Островскаго* 345
67. Отчизна. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова* 353
68. Ковыль. Стихотвореніе *И. А. Бунина* 354
69. Коняга. Изъ „Сказки“ *М. Е. Салтыкова* 355
70. Бурлаки. Изъ поэмы „На Волгѣ“, *Н. А. Некрасова* 359
71. Изъ романа „Анна Каренина“ *гр. Л. Н. Толстого* 364
72. Нищій. Стихотвореніе *И. С. Никитина* 372
73. Хозяинъ и работникъ. Изъ разсказа *гр. Л Н. Толстого* 374
74. Три пальмы. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова* 408
75. Когда волнуется желтѣющая нива. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова*. 411
76. Святою ночью. Разсказъ *А. П. Чехова* 411
77. Благословляю васъ, лѣса. Изъ поэмы „Іоаннъ Дамаскинъ“ *гр. А К. Толстого* 424
78. Сосна. Стихотвореніе *М. Ю. Лермонтова* 426
79. Русскій языкъ. Стихотвореніе въ прозѣ *И. С. Тургенева* 426

Алфавитный указатель словъ и выраженій, къ которымъ даны объясненія 428
Алфавитный указатель авторовъ 433
Алфавитный указатель статей. 434
Снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. 435
Перечень оригинальныхъ рисунковъ 436
Содержаніе. 437

2015147605